



ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2022. Том 10, № 1

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2022, vol. 10, no. 1

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2022

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки), 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	ООО «КазПринт»
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“**Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review**” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 5.6.1. – Domestic history (historical studies), 5.6.5. – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka.

The journal is a participant of partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media No. PI FS77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	LLC “KazPrint”
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index II7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Хакимов Рафаиль Сибгатович, д.и.н., научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Трепавлов Вадим Винцерович, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (Москва, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Дариуш Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Мари Фаверо-Думенжу, Ph.D. (история), научный сотрудник исторического факультета Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумоллы (Уфа, Российская Федерация)

Муминов Аширбек Курбанович, д.и.н., профессор, Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Почекаев Роман Юлианович, д.и.н., доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), заслуженный профессор кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редактор английских текстов: **Стивен Поу**, Ph.D. (история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Сайфетдиновна Эльмира Гадельяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Байбулатова Лилия Фаритовна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Rafail' S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Academic Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Vadim V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Nicola Di Cosmo, Ph.D., Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Dariusz Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D., Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

Marie Favereau Doumenjou, Ph.D. (History), Research Associate, Faculty of History, Oxford University (Oxford, England)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Ashirbek Muminov, Dr. Sci. (History), Professor, L.N.Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Associate professor, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D., Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editor: Stephen Pow, Ph.D. (History), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: Elmira G. Sayfedinova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: Liliya F. Baybulatova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: Lyutsiya S. Giniyatullina, Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

Росчекаев Р.Ю. The Law of the Mongols as Seen by John of Plano Carpini: Historical Legal Verification	8
Березин Я.Б., Нарожный Е.И. Новое «захоронение» половецкого каменного изваяния на Ставрополье (вторая пол. XIII–XIV вв.)	32
Ускенбай К.З. Улус Барак-хана: некоторые вопросы локализации кочевий в свете письменных источников	47
Салихов Р.Р. О шеджере «хана» Мамая	66
Миргалеев И.М., Адыгамов Р.К., Абдурахман Х.Х. Личность Тамерлана в трудах богословов Средневековья	77
Ляпин Д.А. Образ Тамерлана в «Повести о Темир-Аксаке»	89
Муртазина Л.Р. История Золотой Орды в публикациях татарских интеллектуалов начала XX века (по материалам журнала «Шура»)	102
Иванич М. Дипломатическая активность Крымского ханства и ее экономические следствия в Восточно-Центральной Европе в XVI–XVIII веках	118
Акчурин М.М., Владимиров О.О. О месте татарской аристократии в структуре управления Горной стороны (Свияжского уезда). Вторая половина XVI – начало XVII вв.	154
Беляков А.В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры)	184
Мухаметзянова Л.Х. Чура Нарыков – политический деятель Казанского ханства	212
Akchurina-Muftieva N.M. Anthropomorphism and Zoomorphism in the Ornamental Art of the Crimean Tatars	229
Селезнев Ю.В. Обзор деятельности Воронежского клуба международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды»	241

CONTENTS

Original papers

Pochekaev R.Yu. The Law of the Mongols as Seen by John of Plano Carpini: Historical Legal Verification	8
Berezin Ya.B., Narozhny E.I. A New Burial Find of a Polovtsian Stone Statue in the Stavropol Region (from the second half of thirteenth to fourteenth century)	32
Uskenbay K.Z. Baraq Khan’s Ulus: Some Issues of Localization of his Pastures in Light of Written Sources	47
Salikhov R.R. About the Shajara of Mamai “Khan”	66
Mirgaleev I.M., Adygamov R.K., Abdurrahman H.H. The Personality of Tamerlane in the Works of Medieval Theologians	77
Lyapin D.A. Image of Tamerlane in the Tale of Temir Aksak	89
Murtazina L.R. The History of the Golden Horde in the Publications of Tatar Intellectuals of the early twentieth century (based on the materials of the “Shura” journal)	102
Ivanics M. The Diplomatic Activity of the Crimean Khanate and Its Economic Consequences in East-Central Europe in the 16 th –18 th centuries	118
Akchurin M.M., Vladimirov O.O. About the Place of the Tatar Aristocracy in the Structure of Government of the Mountain Side (Sviyazhsk Uyezd) from the second half of the sixteenth to the early seventeenth century	154
Belyakov A.V. Diplomas with the Golden Bulla, History and Area of Distribution: The Horde’s Continuity in the Matter of Investiture	184
Mukhametzianova L.Kh. Chura Narykov is a Politician of the Kazan Khanate	212
Akchurina-Muftieva N.M. Anthropomorphism and Zoomorphism in the Ornamental Art of the Crimean Tatars	229
Seleznev Yu.V. Overview of the activities of the Voronezh club of the International Public Organization “Association of researchers of the Golden Horde”	241

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.8-31

**THE LAW OF THE MONGOLS AS SEEN BY
JOHN OF PLANO CARPINI: HISTORICAL LEGAL VERIFICATION*****R. Yu. Pochekaev***

*National Research University Higher School of Economics
“The Great Altai” Scientific Educational Center of altaistics and turkology
St. Petersburg, Russian Federation
rpochekaev@hse.ru*

Abstract: *Research objectives:* The goal of the article is a comparative analysis of information recorded by John of Plano Carpini on Mongolian and Mongol Empire law, along with other sources on the Mongolian law and legal traditions aimed at determining the objectivity of diplomat’s materials and observing the evolution of traditional law of the Mongols.

Research materials: Verification is carried out on the basis of the work “The Story of the Mongols Whom We Call the Tartars” by John of Plano Carpini, making comparisons with the corpus of other historical sources, including travelers’ notes and historical chronicles by authors of the medieval and modern eras, as well as materials of ethnographic research on the legal traditions of nomadic peoples of Eurasia.

The novelty of the study: The presented article is the first attempt to compare the information of John of Plano Carpini on the customary and imperial law of the Mongols with other sources on Mongolian law to observe certain legal traditions of the Mongols and the evolution of law among the Eurasian nomads.

Research results: The author has found that the majority of information from John of Plano Carpini on Mongolian law in the middle of thirteenth century can be characterized as objective as it is confirmed by the data from independent sources dating from the thirteenth to nineteenth centuries. These include testimonies of other foreign travelers who visited Mongolia in different epochs, medieval historical chronicles, studies resulting from ethnographic research, etc. Besides that, the value of the information of the diplomat is emphasized within the context of comparative legal research on the history of the state and law of the Mongol Empire and Chinggisid states.

Keywords: Mongol Empire, Chinggisid states, Jochi Ulus, Chaghatay Ulus, Iran under the Safavids, Great Moghuls, Mongol imperial law, Islamic law, privileges and immunities

For citation: Pochekaev R.Yu. The Law of the Mongols as Seen by John of Plano Carpini: Historical Legal Verification. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 8–31. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.8-31

Introduction

The work “The story of the Mongols whom we call the Tartars” by John of Plano Carpini is one of the most famous sources on the history of the Mongol Empire of the 1240s as well as it the early Golden Horde. These notes contain valuable information on different aspects of the Chinggisid empire, including a description of Mongol law. The author of this article already attempted to analyze the kinds of sources of law of the Mongol Empire reflected in the work of friar John [47, p. 17–28] and now he sets an aim to “verify” the content of the Mongol legal rules mentioned by the Minorite, i.e. examine the objectivity of his information by comparison it with other sources on similar Mongol legal rules. To our mind, such analysis allows, firstly, to confirm or disprove the information of John of Plano Carpini and, secondly, to observe the evolution of specific Mongol legal rules during the ages. The second task could be accomplished by using the wide scope of sources of the Medieval and Modern ages. So we intend to analyze the contemporary evidence (notes of foreign travelers in Mongolia of 13th–19th cc.), historical works of medieval authors, results of ethnographic studies, etc. Such a series of historical sources provide objective research on the trustworthiness and value of the work of John of Plano Carpini.

Our verification is based on three passages of “The story of Mongols” devoted to everyday bans, rules on crimes and punishments and, at last, on statutes of Chinggis Khan.

We should note that some personal names and terms could have different spelling in the author’s text and citations of sources.

Everyday bans (ch. 3)

“Even though the Tartars have no law to do justice or prevent sin, all the same they do claim certain actions are sins which they or their ancestors have established. One of these is to thrust a knife into a fire or to touch fire in any way with a knife, or to pull meat from the flames with a knife, or to cut wood with a hatchet next to a fire. They actually believe that the head of the fire would be cut off in this way. Also, one must not lean on the whip with which one strikes a horse (they do not use spurs), or touch an arrow with a whip, or kill or catch young birds, or strike a horse with a bridle, or strike one bone with another, or toss milk or other drink or food on the ground. Also one must not urinate inside a tent. If a person does this intentionally he is killed; if done otherwise he must pay a heavy fine to a sorcerer who purifies him and he must have the tent and all that is in it pass between two fires, but before it is purified this way no one dares enter or take anything from it. Also, if a piece of food is given to anyone and he cannot eat it and he spits it out of his mouth, a hole is made beneath the tent and he is drawn out through the hole and killed without mercy, and if anyone treads on the threshold of the tent of any prince he is killed this way. And they have many similar customs that are too numerous to recount. However, to kill men, invade others’ lands, acquire others’ goods by unjust methods, to fornicate, to do injury to other men, to act against the commands received from God is not a sin among them” [21, p. 44–45].

This passage contains an information on rules which baned some activities in the everyday life which are defined by the Minorite as “sins”. The fact, that friar John considers these bans as a certain alternative to lacking “law to prevent sin”, gives some authors a reason to consider these bans as officially fixed legal rules,

supposedly even included into the Great Yasa of Chinggis Khan [63]. But such opinions seems to be mistaken as only some of such activities caused a capital punishment, while others are described only as prohibited ones. Besides that, there was more than one exception mentioned in the sources (as we will demonstrate below) which helped to avoid death penalty in case when activities were unintentional or nonpublic.

Thus, most of “sins” mentioned in the passage (with several exceptions) were, in fact, everyday bans, and their ascription to official Mongol law seems to be mistaken [1, p. 42]. The fact that these activities would cause punishments, most likely, could be explained by fear of anger of the Heaven on the place of offence or tent if offender acted intentionally or wanted to insult the owner of the tent. Therefore, these bans were related not to official legislation of the Mongol Empire (Yasa of Chinggis Khan and *jarligs* of his successors), but to customary law (*yusun*) which were observed by Mongol rulers as well as by their subjects.

John of Plano Carpini mentioned a series of “sins” without the explanation of their nature. But other sources help us understand a meaning of such bans which could have sacral as well as rational explanation¹.

“... *the Tartars have no law to do justice or prevent sin...*” Indeed, there was not an official legislation on the organization of court and justice in the Mongol Empire during the epoch of John of Lano Carpini, but the judiciary system already was institutionalized. Chinggis Khan appointed Shikhi Khutuug, the adopted son of his mother, a supreme judge of the Empire and ordered him to judge and write decisions into special “Koko Defer Bichig” (“blue-script register”) [49, p. 135]. Later, in the Empire and Chinggisid states the appointment of judges (imperial *jarguchis*, as well as Islamic *qadies*) and designation of their credentials was regulated by personal khans’ *jarligs* [22, p. 103–104, 109–110; 56, p. 676–677].

“...*they do claim certain actions are sins which they or their ancestors have established.*” In the Latin original text of friar John was used term *traditiones*, so he distinguished these “claims” from the official legislation and even opposed to a certain extent them to official *leges*. This characteristic is accordant to the information to Andre of Longjumeau: “They believe that the one god is, and have rites which they observe under threatening punishment” [37, p. 161].

“... *one must not lean on the whip with which one strikes a horse (they do not use spurs)...*” Benedict, the Pole, companion of friar John in his mission to Mongols, this “sin” is described as follows: “It’s prohibited to set on the horse lash (as they do not use spurs)” [10, p. 117]. The ban to lean or seat on the whip or lash is explained by the magical characteristics of these things in different cultural traditions: they could be used not only for purposes but also as a weapon or for protection. Whip was used as weapon toward against enemies who did not deserve “honorable” stab of saber, etc. and also could be used to punish juniors [33, p. 81]. Whip (lash) is mentioned as a magical thing in the epic and folklore tales of Turkic-Mongol and Slav peoples: it was used against magical enemies, helped to conjure away, etc. [26, p. 232; 34, p. 186]. At the same time, the remark, that Mongols “do not use spurs”, allows to suppose also a rational explanation of this ban: if whip or lash would be broken, there will be nothing to urge the horse.

¹ We do not comment the bans connected with fire as they already were analyzed more than once.

“...touch an arrow with a whip...” This “sin” is literary mentioned also by Benedict the Pole [10, p. 117]. Like whip, arrow had sacral meaning. Bow and arrows in the nomadic cultures were sacred weapon to withstand against evil spirits [53, p. 278–279]. Thus, they used not only as weapon, but also as defensive amulets. In traditions of Turks, Slavs (up to the Moscow Kingdom) and Tibetans they used in wedding rites: arrows were stuck around house or bride-bed [60, p. 273, 281, 282]. Arrow also became a political symbol of Turkic peoples in different epochs: it was one of symbols of khan’s power and sometimes had personal name [7, p. 77–78; 59, p. 275]. It is possible that ban to touch arrows with the whip has an explanation that the contact of two sacral items could cause vanishing of their magical characteristics.

“...kill or catch young birds...” Benedict the Pole mentioned this ban more clearly: “to take baby birds from the nest” [10, p. 117]. Attempts to find the sacral meaning of this activity (for instance, to consider birds as ancestral spirits, *ongons*, of Mongols [63, p. 182]) seem to be strained. No doubts, it has rational origination and is connected with relations of human and nature: killing young birds will cause the danger for reproduction of this kind and, consequently, decreasing of quantity of hunting prey in future. Such ban was extended not only for birds, but also on other kinds of animals. In particular, there was a custom to liberate a part of animals after the battue [12, p. 443–444]. It seems, this principle later became a legal rule – there is a *jarlig* of Chinggis Khan in the “Secret history of the Mongols”: “There will be many wild animals on your way; when you go, thinking ahead, do not allow your soldiers to gallop after and hunt down wild animals, nor let them make circular battues without limits. If you make a battue in order to give additional provisions to your troops, hunt with moderation” [49, p. 127]. It is possible that John of Plano Carpini refers this everyday ban to “sins” because of explanations of his Mongol informers: they could substantiate it within their traditional contexts of maintenance of balance between the word of people and world of animals – the imbalance could cause the punishment of Heaven [1, p. 54–55].

“...strike a horse with a bridle...” This “sin” is mentioned literary by Benedict the Pole [10, p. 117]. “Notes on the Black Tatars” by Peng Da-ya and Sui Tin contain the following “state ban”: “who beats horses constantly... will be put to death himself” [24, p. 55]. The ban to exhaust horses also was mentioned in the *jarlig* of Chinggis Khan to Subedei: “Except on limited battues, do not allow the soldiers to fix the crupper to the saddle and put on bridle, but let the horses go with their mouth free” [49, p. 127]. Thus, friar John could interpret this rule falsely. At the same time we could suppose that this ban continues one connected with the role of whip or lash: it was obligatory to urge horses only with these items. Taking into consideration a sacral role of whip, John of Plano Carpini had reason to refer this rule to “sins”.

“...strike one bone with another...” “Sin” of this activity could be explained in two ways because of role and meaning of bones in the Mongolian culture. Firstly, the bone (human or animal) embodied the continuity of the family line, connection of ancestors and descendants. According to beliefs, using preserved skeleton allowed to resurrect a human or an animal; even modern Mongol herdsmen, while killing animals, preserve their skeleton intact. On the contrary, if there was a necessity to get rid of enemy once and for all, his bones were broken, burned and ground into dust [32, p. 100]. Everyday ban to break bones, mentioned by friar John,

provided the saving of succession between eaten animal and its possible descendants. Thus, it is a continuation (though at the sacral level) of a ban “to kill or catch young birds”.

Secondly, John of Plano Carpini could mean a “sin” related to special animals or bones. For instance, Benedict the Pole in his description of veneration the spirit of Chinggis Khan mentioned: “Also animals, which killed by them to be eaten, they firstly offer him, i.e. idol, and do not break bones of animal” [10 p. 116]. Chao Hung, ambassador of Sung dynasty to Mongols in “Mengda Beilu” describes the Mongolian ceremony of divination: “Telling fortunes or misfortunes, advance or retreat, massacre and march, each time they take lamb shoulder, break it in fire by the iron hammer and look at its cracks to solve this problem” [40, p. 79]. Foreign travelers mentioned that divination was performed by monarchs themselves: Chinggis Khan, Ögedei, Möngke [24, p. 44; 40, p. 71; 50, p. 193, 198]. Thus, breaking bones in other circumstances and by other people could be considered as infringement of divination prerogative of monarchs and cause a punishment for lese-majesty.

“... *toss milk or other drink or food on the ground.*” This ban could have sacral as well as rational explanation. It was connected with tradition to drink a cup, given by host, to the last drop. Some foreign travelers confirm such rule, at that they not always mention punishment for its non-observance. Chao Hung says: “According to Tatar custom, a host of the feast holds dish and cup and persuades the guest [eat and drink]. If the guest, who drinks, keeps a drop at least, the host does not take a cup back. If the see that guest drinks fully, they are glad” [41, p. 82]. Peng Da-ya and Sui Tin as well as Armenian chronicler Kirakos Gandzaketsi mentions a custom of exchange by cups between host and guest, pointing that it was done before “to avoid a poison” [24, p. 37; 25, p. 172]. Thus, we can see how originally rational meaning of this custom later was transformed in to ban which not needed in explanation.

Another possible reason of this ban could have everyday origination: its goal was keeping cleanness in the tent, i.e. hygienic rule. As is well known, the earth-floor of the tent was covered with skins to protect from the dirt. Naturally, nomads should take measures to save skins clear as much as possible [42, p. 260]. Perhaps, this custom was described by William of Rubruck: “They never wash their dishes either, but instead, when the meat is cooked, rinse the bowl in which they are to put it with boiling broth from the cauldron and then pour it back into the cauldron” [50, p. 90–91]. Similarly, producers of koumiss do the same way nowadays.

At the same time we should not except the sacral aspect of this ban because of it ascription to “sins” by friar John. William of Rubruck more than once mentions special concern of Mongols to *koumiss*: “we were given ... just a little *comos*, since they prize it highly”, “they make much of it when someone drinks *comos* with him in his own dwelling” [50, p. 104, 133]. The only reason to sprinkle *koumiss* on the ground was a special festal rite “on the ninth day of the month of May [50, p. 241–242]. Such care for milk products was saved in Mongolia for ages. Russian scientist and traveler Grigoriy Potanin, who visited Mongolia at the last quarter of the 19th c., wrote: “It is a sin to spill on the ground *tchigen* (*koumiss*) and *tsagan iden*, “white food” in general. Spilling, they wet in a puddle fingers and dry them on the right shoulder and right knee. If they spill before wandering, they gather wet dirt, take with them and throw at the next stand” [48, p. 131].

Finally, according to several sources, spill of koumiss was “sin” not because of anger of Heaven for host of the tent, but for offender himself. Peng Da-ya and Sui Tin notice: “who lets fall a pitcher while pours milk or *koumiss*, he is reputed doomed to loose descendants” [24, p. 55].

“*Also one must not urinate inside a tent. If a person does this intentionally he is killed...*” This “sin” is also mentioned by Benedict the Pole [10, p. 117]. The rational origination of the ban is obvious: its goal is saving cleanness in the tent. It is confirmed by the presence of capital punishment only for intentional offence as insult of dwelling and its owner. Special “*corpus delicti*” is mentioned by the Arabian author of the 15th c. al-Makrizi: Who urinates into water of on ashes, also is sentenced to death [5, p. 28]. Perhaps, in this case the “sin” could have a sacral nature as it was connected with bans to contact with water (similarly to washing oneself or clothes) and special care for fire also mentioned by John of Plano Carpini in the analyzed passage.

“*Also, if a piece of food is given to anyone and he cannot eat it and he spits it out of his mouth, a hole is made beneath the tent and he is drawn out through the hole and killed without mercy...*” The “sin” is described by Benedict the Pole in the same way [10, p. 118]. The ban is connected with participation in feasts or sacrifices when the host or head of ceremony distributes (or even put into the mouth of each participant) pieces of ritual food in accordance with status of the guest or host’s attitude to him. This rite is described by William of Rubruck in details: “With the meat of a single sheep they feed fifty or a hundred men: they cut it up into tiny pieces on a dish along with salt and water (since they make no other sauce); and then on the end of a knife or a fork made specially for the purpose – the sort with which we usually eat pears and apples baked in wine – they offer each of the bystanders one or two mouthfuls, depending on the numbers at the meal. Before the mutton is served, the master himself first takes what he pleases, and if, furthermore, he gives anyone a special portion, the man who takes it is required to eat it all himself and may not pass it to anyone else. Should he be unable to eat it all, he may take it away with him or give it to his servant [*garcio*], if he is at hand, to keep for him” [50, p. 79–80].

Thus, imperative rule of festal or sacrifice meal was demand to eat all given by the host personally [32, p. 97]. So, this custom is connected with above mentioned ban to spill milk-drinks. At the same time, the passage of Rubruck allows to state that this “sin” was not non-eating given meal here and now, but only non-eating meal put in the mouth. Severe punishment for the person who spits out the meal (according to friar John’s notice) is explained by Peng Da-ya and Sui Tin: “if [anybody] chokes or his nose is bleeding during the meal, he is to be blamed that his heat is dishonest” [24, p. 55]. Thus, the real reason of punishment in this case was not the fact of spit of food, but participation of offender in the meal with hostile intentions.

It is interesting to notice that the way of execution, described by John of Plano Carpini, is not found in other sources.

“... *if anyone treads on the threshold of the tent of any prince he is killed this way.*” Perhaps, this Mongol custom is one of the most known and described by foreign contemporaries. It is mentioned by Benedict the Pole [10, p. 118] as well as other European and oriental eye-witnesses. Julian, the Hungarian Dominican, says: “Foreign ambassadors who pass through the doors afoot or astride [*sic!* – *R.P.*], if

touch by foot a threshold of the door, are immediately stroke by the sword” [19, p. 386]. Peng Da-ya and Sui Tin also mention “those who touch the threshold by shoes” among offenders who “is to be executed themselves” [24, p. 55]. The “Book of Marco Polo” contains information on special officers of khan Kublai: “At all the doors of the hall, or of any place where the lord may be, stand two great men like giants, one on one side and the other on the other, with a rod in hand; and this because no one is allowed to touch the threshold of the door, but he must stretch his foot beyond. And if by accident he touches it the said guards take away his clothes, and to have them again he must redeem them; and if they do not take his clothes they give him as many blows as are appointed him. And this is done because if the threshold is touched it is held as a bad omen” [36, p. 219].

The fact that Mongols emphasized this ban is accentuated by European travelers who more than once mentioned that khans’ courtiers especially warned them not to step on threshold. William of Rubruck wrote: “we were warned not to touch the tent-ropes, which for them represent the threshold of the dwelling” [50, p. 132]. According to Marco Polo, “there are some barons deputed who have to arrange in their proper and suitable places the foreigners who come over, who do not know the customs of the court” [36, p. 219].

At that, in case of offence (just as well as in case of urination in the tent) there was taken into account, was it intentional or not. Rubruck tell about one of his companions who after finishing the reception of Möngke “turned to face the Chan and bowed to him; and then, in his haste to follow us, stumbled over the threshold of the residence”. He was arrested immediately, but when Bulgai, khan’s dignitary, found that he offended unintentionally, “he pardoned him” and only prohibited to attend khan’s receptions later [50, p. 194, 196]. It is possible, that indulgence toward this offence was explained by the fact that it was done on coming out – Marco Polo says: “But in coming out of the hall, because some arc overcome with drink nor could by any means control themselves, no such ban is required” [36, p. 219].

“*And they have many similar customs that are too numerous to recount.*” John of Plano Carpini did not include in his passage a series of bans known from works of Moslem and Chinese authors: washing of oneself or clothes, special rules on killing animals for the meal, order to approach to oncoming horseman, acceptance of given food or drink, etc. [5, p. 28; 9, p. 205–207; 24, p. 55; 40, p. 122; 56, p. 331].

“*However, to kill men, invade others’ lands, acquire others’ goods by unjust methods, to fornicate, to do injury to other men, to act against the commands received from God is not a sin among them.*” This passage of friar John is seems to be strange as bellow he tells about the laws of the Mongol Empire providing punishments for theft and robbery, adultery, etc. The sense of the passage makes clear after words of Benedict the Pole: “While friars said that it is sin to shed human’s blood, get drunk, appropriate someone else’s belongings and many other in the same way, they laughed, not worry about that” [10, p. 118]. Thus, John of Plano Carpini in this passage does not fixed legal or religious views of Mongols, but reflexes own disappointment on their attitude toward Christian commandments. It is interesting that Mongols in response to admonitions of friars John and Benedict only “laughed”, while the same attempt was made by their colleague Ascelin who visited noyon Baiju, Mongol ruler of Iran, caused an anger of Mongols: “Hearing that, they became furious and abashed... , cried, made a fuss and raged” [62, p. 233, 235].

Crimes and punishments (ch. 4)

“By law or custom they kill men and women whom they discover in open adultery. It is the same with a virgin: if she has been slept with they kill the man and the woman. If someone is caught openly robbing or stealing in their domain he is killed without mercy. If one of them reveals their plans, especially when they wish to go to war, he is given a hundred strokes on the back mostly with a so stick so heavy it would take a peasant to handle it. Also, when one gives slight offense in something the Tartars do not spare him because of his rank but beat him severely with switches” [21, p. 53].

“... kill men and women whom they discover in open adultery.” According to Benedict the Pole, “depravity and adultery occurs rather rarely among them [Mongols – R.P.]” [10, p. 123]. Series of foreign sources mention adultery among crimes fixed in the Mongol law. Peng Da-ya and Sui Tin say: “who commit adultery and escape with [wife of] neighbor is sentenced to death” [24, p. 55]. Andre of Longjumeau in his report states: “if anybody neglects own wives and housemaids will be found with wife, housemaid or daughter of another man... he will be executed mercilessly” [37, p. 161]. William of Rubruck writes: “They punish murder with the death sentence, and also intercourse with a woman who is not one’s own” [50, p. 93]. According to John of Joinville, dignitary of French king Louis IX, Chinggis Khan stated “that no one should force the wife or daughter of any one, under penalty of death” [22, p. 479]. Kirakos Gandzaketsi says that “they kill those who commits adultery with their wives” [25, p. 172]. His nationals Magakiya (Grigor Aknerts) and Vardan the Great refer to laws of Chinggis Khan rule “not to commit adultery” or “not to have extramarital relations” [44, p. 4; 45, p. 24]. Similarly al-Makrizi mentions that “there is a rule in *yasa* to execute adulterer without distinction for married or unmarried person” [5, p. 27–28]. It is indicative that John of Plano Carpini himself is not sure, if this rule was law (*lex*) or custom (*conuetudo*): that fact allows to doubt that it was included into statutes of Chinggis Khan named the Great Yasa.

Perhaps, the reason of so cruel punishments for the adultery was connected with personal relations in the Chinggis Khan’s family. The “Secret history of the Mongols” contains a passage on khan’s suspicions of noyon Naya who too long escorted his future wife Khulan [49, p. 123–124]. The legends and tales of Chinggis Khan tell about his suspicions of his own relatives and courtiers on solicitation of his own wives and daughters. For instance, khan suspected, that his brother Jochi-Khasar wooed his above mentioned wife Khulan or one of his daughters, and ordered to imprison him until the end of investigation [31, p. 238: 35, p. 236; 38, p. 421]. The legend of Arghasun-khurchi, on onf Chinggis Khan’s dignitaries, is also tells about khan’s suspicion that he wooed his senior wife Borte and intention to execute the courtier [38, p. 446]².

Modern scholars suppose that punishment for adultery caused only for offenders who did it only with women of the same tribe or clan – to provide an exogamy among Mongols [1, p. 62]. This suggestion is confirmed by foreign contemporaries: for instance, Kirakos Gandzaketsi mentions that Mongols “wherever they

² It is interesting to notice that when sons and grandsons of Chinggis Khan acted in the same way, there were not any consequence: in particular, Rashid ad-Din mentions infringements (even with constraint) of Ögedei and Chagatai, but did not says on punishment for such actions [56, p. 300, 362].

chance upon foreign women, they copulate with them indiscriminately” [25, p. 172].

This information is partly confirmed also by Marco Polo who gives an interesting information on customs of citizens of Hami (in the Eastern Turkestan): “If a stranger passes through the region and comes to him to his house to lodge, he is too much delighted at it, and receives him with great joy, and labours to do everything to please. And he tells his wife, daughters, sisters, and other relations to do all that the stranger wishes more than for him; and he leaves his house and his wife for the stranger, and goes immediately to do his work and stays two days or three on the farm or elsewhere, where he will... And the stranger stays with his wife in the house and does as he likes and lies with her in a bed just as if she were his wife, and they continue in great enjoyment. And in this way it can be said that all those of this city and province aforesaid of Camul are shamed by their wives as you have heard... And the women are very fair and gay and very wanton and most obedient to all that their husbands order, and greatly enjoy this custom. Now it happened one day that at the time when Mongu the great Kaan, reigned... And that Mongu having learnt the habits and so shameful customs, sends to them immediately commanding under very great penalties that they and all of that province must for the future leave this so indecent belief [and] not dare to lodge the strangers any more in that way.... And when they of Camul had had this order they were much grieved by it... and counsel... They sent their ambassadors who took a great & beautiful present and carry it to Mongu and pray him that so great a wrong with so great loss to them & danger should not done, & that he would be content that they might observe that which by their old fathers and grandfathers had been left them with such solemnity [and] would leave them to make the use of their wives which their ancestors had left them, and that otherwise they knew not how to live, and could not; and they tell him how their ancestors had said that for the pleasure which they made for the strangers with their wives and with their things that their idols held them in great favour and that their corn and their labour on the land multiplied greatly because of it... And when Mongu Kaan heard it he says, For my part I have done my duty; but since you wish your shame and contempt so much, then you may have it. Go and live according to your customs, and make your wives a charitable gift to travelers. And then he revoked the order which he had made about this and consents that they do their will with their evil usage. And I tell you that with this answer they went home with the greatest joy of the whole people and -from that time till now they have always kept up and still keep up that custom throughout that province” [36, p. 154–155]³.

The attitude on adultery of later Mongol khans – Yuan emperors is contrasted with the policy of Chinggis Khan and his direct successors. Already in 1270s the punishments for this crime were mitigated: there was corporal punishment (47 to 87 blows by bamboo sticks, at that, the status of offenders (married or unmarried) was taken into consideration; the punishment was executed even if woman was forced to sexual intercourse [8, p. 288–291; 11, p. 57].

³ Perhaps, the Venetian exaggerated the institution of so-called “temporary marriage” that indeed allowed foreigners during their stay in the Eastern Turkestan to have liaison with local women without formal offence of Islamic regulations. It is interesting that this custom survived several stages of Islamization of the Eastern Turkestan and was mentioned even by Europeans visited the region at the last third of the 19th c. [4, p. 384–385; 14, p. 84–85].

In Mongolia of 16th–18th cc. such crime was punished only with fine: “If anybody escapes with [married] woman, and her husband later will agree take her back, there is no blame. If does not take back, to fine two valuable items (*berke*)”; “the fine for adultery with woman is three nines⁴” [43, p. 40, 46]. The only exception was an adultery of representatives of different classes: “If commoner carries on with princess, his property is to be confiscated, and he is to become a slave of slaves among the subject of noyon of this princess” [13, p. 50].

As for the 19th c., foreigners visited Mongolia mention that Mongolian women “rather few respect the purity of the bed and demonstrate a little of shyness even before the foreigners” [5, p. 170]; “according to Mongols, the lost of virginity is not a blemish for the girl. Short intrigues of the wife even with stranger does not causes an anger of her husband, who also may find amenities away from home” [27, p. 22]. Travelers connected such dissolution of morals among Mongols with Chinese influence during the integration of Mongolia into the Qing Empire [28, p. 144–145].

“If someone is caught openly robbing or stealing in their domain he is killed without mercy.” This crime is also mentioned in different sources. According to Peng Da-ya and Sui Tin, those, who “robs” are punished with confiscation of families and property; for the theft made by slaves they were executed while their master lost his family and cattle [24, p. 57]. William of Rubruck wrote: “For petty theft, such as for a sheep, provided the man has not been caught doing it often, they inflict a cruel beating – and when giving a hundred strokes they have need of a hundred rods” [50, p. 93–94]. Kirakos Gandzaketsi says: “[The Mongols] loathe theft so much that they torture to death anyone caught at it” [25, p. 172]. According to John of Joinville, Chinggis Khan established a rule, “that no one should seize the goods of another without his will, nor to his loss ; and that no one should strike another, under pain of his hand being cut off” [22, p. 479]⁵. Marco Polo says: “It is true that when a man has taken some little thing for which he ought not to die, they condemn him to be beaten. There is given him by the government at least seven blows with a rod or, if he has stolen two things, seventeen blows or, if three things, twenty-seven blows or thirty-seven or forty-seven, and in this way it goes up sometimes to a hundred and seven, always increasing by ten blows for each thing which is stolen, according to that he has taken and the measure of the crime. And many of them die of this beating. And if the man steals 15 oxen so that it would come to exceed 107 blows [or] a horse or other thing for which he ought to lose life he is cut in two with a sword and killed; so, truly, that if he who steals can pay and will give nine times as much as the value of that which he has stolen he escapes from death and they do not dispatch him with the sword” [36, p. 175]. The information of Arabian traveler Ibn Battuta is similar: “Their animals [pasture] without keepers or guards; this is due to the severity of their laws against theft. Their law in this matter is that any person found in possession of a stolen horse is obliged to restore it to its owner and to give him along with it nine like it; if he cannot do that, his sons are taken instead, and if he has no sons he is slaughtered just as a sheep is slaughtered” [17, p. 473–474].

⁴ Nine heads of cattle (horse or camel, cows and sheep) – usual instrument of payment in Mongolia.

⁵ It seems that Joinville mixed Mongolian and Islamic principles of punishment for the theft.

Thus, the most part of medieval authors accentuate that the range of punishment depended on the size of theft. However, in the post-imperial Mongolia the principle of indemnity for the theft by fine (firstly mentioned by Marco Polo) became dominant. Only in case of evident robbery offender was to be executed and his property was to be handed over to victim “according to the old code” [13, p. 27–40, 43], i.e. Mongol imperial regulations. At that the theft from strangers and foreigners was not considered a crime, and this fact is confirmed by John of Plano Carpini that “acquire others’ goods by unjust methods... is not a sin among them”: even in the 19th c. “stealing is not a sin in Tsakhar’s [inhabitant of Chakhar, region in the Inner Mongolia – *R.P.*] opinion, but a skill” [27, p. 30].

Some authors, oriented for the alliance with the Mongols” would like to see in the Mongol law something like Christian commandments and simply mentioned that Chinggis Khan established a rule “not steal” [44, p. 4; 45, p. 24]. The anonymous Georgian chronicle of the 14th c. mentions that “unacceptance of theft” was established by Chinggis Khan in his laws on a base of admonition of Jesus Christ himself [15, p. 320].

Special ban was established for plunder of civilians by soldiers. Chinggis Khan in his *bilik* ordered: “A man should [stand silent] like a calf in the midst of the people” [56, p. 280]. In the age of Kublai this rule was confirmed by the khan’s edict prohibited plunder of civilians by soldiers as well as their commanders [55, p. 162–163].

“*If one of them reveals their plans, especially when they wish to go to war, he is given a hundred strokes on the back mostly with a so stick so heavy it would take a peasant to handle it.*” This information of friar John is unique one as other sources do not mention that rule. Magakiya in his “History of the Mongols” tells about the rule “not to be a traitor” [44, p. 4], but it is not obvious was it disclosure of secrets or treason. Chao Hung wrote: “All plans of campaigns are firstly defined during the third or fourth moon and sent in all countries” [41, p. 68], at that there are not any mentions on keeping secrets by participants of council or couriers. Marco Polo in his description of war between Kublai and Nayan, descendant of Temuge Otchigin, brother of Chinggis Khan, said “that the great Kaan made all his preparation in twenty-two days so secretly that none knew anything of it but those of his privy council” [36, p. 194]. Thus, the secrecy of military plans discussed by khans and commanders was understood, but there was not any information on punishment for such offence.

Nevertheless, there is an interesting scene in the “Secret History of the Mongols” on the indiscretion of Belgutei, half-brother of Chinggis Khan, who blabbed out the plan of his brother to kill all captive Tatars: that allowed prisoners to prepare for repulse and caused heavy tolls among the Mongols. Chinggis Khan punished Belgutei by prohibition to take part in future councils [49, p. 77–78], but we also could not say that this act became an acted legal rule. We do not find such crime and punishment in Chinggis Khan’s *biliks* as well in the military legislation of his successors. So, we suppose that information of John of Plano Carpini could be based on responses of his Mongolian informers who suspected him on purpose to get some secret information on military plans of Mongols and as they did not want to answer him, explained their refuse by this rule that, as we already said, is not confirmed by other sources.

“Also, when one gives slight offense in something the Tartars do not spare him because of his rank but beat him severely with switches.” This passage demonstrated the formation of civil and military hierarchy in the Mongol Empire with providing of implicit obedience for superiors and respect for their status. Original principle of political system in the state of Chinggis Khan based on the personal loyalty and sometimes blood brotherhood was transformed into the system of obedience disabling the freedom of former Steppe leaders, as the borders of the empire were widened and state system became more complicated [3, p. 295–296]. One Chinggis Khan’s *bilik* reflects this trend: “No one who goes to an elder should speak until the elder asks him a question. Then let him give an appropriate answer to the question. If he speaks more than this and they listen, well and good; otherwise, it is like beating cold iron” [56, p. 280]. The “Secret history of the Mongols” contains another order of Chinggis Khan referred to the formation of military hierarchy and leading status of his own guard: “My guards [*khishigten* – *R.P.*] are of higher standing than the outside commanders of a thousand; the attendants of my guards are of higher standing than the outside commanders of a hundred and of ten. If outside leaders of a thousand, regarding themselves as equal to and a match for my guards, quarrel with them, We shall punish the persons who are leaders of a thousand” [49, p. 157].

The status of commanders and regulations of their relations with subordinates was fixed in the imperial legislation that medieval Moslem authors referred to the Great Yasa. According to Juvaini, commanders had to obey khan’s couriers – even if they brought an order to fine or to kill such commander himself [9, p. 31]. Al-Makrizi mentioned among Chinggis Khan’s statutes the ban for subordinates to address to anybody besides own emir and repeated the principle of total subordination of commanders off all degrees to khan’s couriers [5, p. 30, 31]. The information of Marco Polo is similar: “You may know that when a lord of the Tartars goes to war he takes with him an army of a hundred thousand horsemen. He plans his business so as you shall hear; and he arranges his men in this way. He makes a chief to every ten, & to every hundred, & to every thousand, and to every ten thousand, so that the chief lord he has to take counsel with only ten men, the captains of ten thousand men, who are heads of a hundred thousand; and he who is lord of ten thousand men had only to do with ten men; and he who is lord of a thousand men had only to do with ten; and likewise he who is lord of a hundred has only to do with ten. Thus as you have heard each answers to his chief” [36, p. 171–172].

Thus, term “offence” of superior could have wide meaning and cover different activities. No wonder that foreign contemporaries mentioned strong discipline among the Mongols, effectiveness of their military and civil administration, implicit obedience of commoners to aristocracy which also held high positions in army and administration.

The principle of implicit obedience and inadmissibility of offence of superior referred not only to imperial administrative system, but also forming of class society among the Mongols. That is why it (one of a few mentioned by friar John) survived the Mongol Empire and used during next ages. For instance, offence of a noble by commoner is fixed in Mongolian legal monuments of 16th–17th cc., although corporal punishment for such crime was replaced by penalty: “If one insults Borjigin [descendant of Chinggis Khan or his brothers – *R.P.*], he is to be fined with five [heads of cattle – *R.P.*]”; “if one insults *elchi* [courier – *R.P.*], he is to be fined with nine and besides one horse”; “if one defames tabunagn [son-in-law of

Borjigin – R.P.], he is to be fined with nine. Who defames noyon’s wife, he is to be fined with five”; “if one reproves *tushimel* [official – R.P.], he is to be fined with five”; “if one insults a privileged person, he is to be fined with nine and a camel”; “if one insulted an official with action, he is to be fined with three nines; if he defames him, he is to be fined with nine and, besides that, a camel” [43, p. 40, 41, 43, 47, 55]. As we can see, fines for offence of officials were higher than for offence of nobles: that confirms the protection of the state for its representatives.

Chinggis Khan’s statutes (ch. 5)

“When he had returned to his own country Chinggis Khan enacted many statutes and laws which the Tartars invariably observe, of which we relate only two. One is that whoever is so proud that by his own authority he claims the throne without election by the princes, he is to be killed without mercy. Because of this law one of the princes, a nephew of Chinggis Khan, was killed, before the election of Cuyuc-- he had wished to reign without election. The other statute is that the Tartars must subject the entire world to themselves and have no peace with anyone unless they submit to the Tartars no matter how long it would take to kill them. The Tartars have fought forty-two years and shall reign another eighteen years; after which they say that they must be defeated by another people- they do not know who it might be; so it is prophesied among them. It is said that those who would escape the Tartars should follow the rules which those people obey who have defeated the Tartars in war. Their army must be organized by captains of thousands, captains of hundreds and captains of tens and common soldiers, thus groups of ten thousand men. There are many other statutes which take too long to tell, and indeed we do not know them” [21, p. 63–64].

“... many statutes and laws which the Tartars invariably observe...” Friar John mentioned “many statutes and laws” (*leges et statute multiplicia*) which referred by scholars to the Great Yasa of Chinggis Khan. Taking into account that the chapter is a “legendary history of Chinggis Khan” [10, p. 342, 348], it is impossible to determine the date of his return and following proclamation of laws. Scholars suppose three dates of promulgation of the Great Yasa: 1206, 1218 and 1225 [39, p. 165].

During the long time the Great Yasa was considered a code of laws of Chinggis Khan covered basic fields of legal relation in the Mongol Empire. The fact that supposed “codification” was not saved in original Mongol version neither completely, nor partly, did not confuse researchers who more than once attempted to “reconstruct” its structure and content on a base of foreign sources: European (John of Plano Carpini, William of Rubruck, John of Joinville, Marco Polo), Persian (Juvaini, Rashid ad-Din, Mirkhond), Arabian (al-Umari, al-Makrizi), Armenian (Magakiya, Vardan, Kirakos Gandzaketsi), etc. Attempts of “reconstruction” of the Great Yasa were made by F. Petis de la Croix in the 18th c., I.N. Berezin in the mid of the 19th c., Ya.I. Gurlyand in 1900s, H. Lamb, E. Khara-Davan in 1920s, K. Alinge, V.A. Ryazanovskiy and G.V. Vernadskiy in 1930s, N. Nyam-Osor and Ts. Minjin in 2000s, etc.

In 1970s Israeli scholar D. Ayalon was the first who doubted that the Great Yasa was just a code of laws and paid attention to the fact that the only authentic source of information on the Chinggis Khan legislation was the passage of “The History of the World-Conqueror” by Juvaini, who was a dignitary of the Mongol Empire in the second half of the 13th c. His arguments were supported in 1980s by

American scholar D.O. Morgan who also supposed that the Great Yasa proclaimed during the *quriltai* of 1206, in fact, was above-mentioned “Koko Defter Bichig” (“blue-script register”) which was a register of military units and court decisions. Australian orientalist I. de Rachewiltz, who in 1990s was in polemics with Morgan, had to agree that laws of Chinggis Khan, seemingly, were not codified during his life, but stated that the codification was made by his son Ögedei who supplied it with own legal regulations which, however also were ascribed to Chinggis Khan to be more effective. The ideas of D. Ayalon and . Morgan later were advanced by the author of this paper [see details: 46].

We suppose, information of friar John basically confirm such version: Minorite never mentioned any codification (although the rule of Ögedei already finished when he visited Mongolia), but used only terms “laws” and “statutes”. It is agree with the practice of legislative activity of Mongol rulers in the first half of the 13th c. who show their will by issuing special edicts (*jarligs*), while the first attempts of legal codification were attempted only in 1260s by Kublai, founder of Yuan dynasty.

Considering Yasa as a legal code, scholars have two opposite ideas on its nature. Some of them (E.I. Kychanov, I. de Rachwiltz, T.D. Skrynnikova, etc.) suppose, it was a fixation of customary rules which were transformed into official legislation by Chinggis Khan’s will. Their opponents (G.V. Vernadkiy, B.Ya. Vladimirstov, L.N. Gumilev, etc.) think, it was special new imperial law originally created by Chinggis Khan in the changed political realities.

Analysis of the John of Plano Carpini’s information allows to state that the legislation of Chinggis Khan combined elements of customary law as well as his own principles and regulations. That is confirmed by using by friar John of terms “laws” and “statutes” equally with “customs”, “traditions”, etc. The fact that some regulations are characterized as “law or custom” means that during Minorite’s staying in Mongolia these rules were transformed from customary law into imperial legislation. Thus, this passage is a valuable source not only on specific legal regulations, but also on the lawmaking process in the Mongol Empire.

“*One is that whoever is so proud that by his own authority he claims the throne without election by the princes, he is to be killed without mercy.*” This rule is mentioned literary in the report of Benedict the Pole [10, p. 117]. John of Plano Carpini used term “principes” for princes and “duces” for leaders and military commanders, but without specification of their relation to ruling dynasty or tribal elite. Thus, this passage is a description of *quriltai*, i.e. congress of the Mongolian nobility which took the most important state decisions (including the election of the new khan) or of the “family council” of Chinggisids which included male and female representatives of the ruling family, sons-in-law (*gurgens*) and the most influential dignitaries of civil and military administration. According to some modern scholars, it was this council that formulated agenda for *quriltai* and chose candidates for the throne, and *quriltai* had to elect one of them [5, p. 40–41; 16; 29, p. 373–374]. Such councils took place before *quriltais* and are mentioned in the sources. For instance, “Secret history of the Mongols” mentions that Chinggis Khan decided to appoint Ögedei as his successor at the meeting with relative and confidants [49, p. 181–188]. Persian sources contain an information on the council called by Batu there he proposed Möngke as a candidate for the throne of the Mongol Empire [9, p. 557–562; 56, p. 395–396]. Nevertheless, friar John, obviously,

meant *quriltai* as he reported that visited Mongolia just during such congress, while he could not get an information on the family council because of specific (and even private) nature of such meeting.

Election (confirmation) of khan at the *quriltai* (equally with belonging to Chinggisid family) was an important requirement for the legitimacy of new khan: without election such pretender was recognized an usurper [54, p. 65–66]. Official confirmation by the majority of *quriltai*'s participants made pretender a sovereign ruler of the Mongol Empire. That is why some representatives of the Chinggisid family, who did not have a chance to be elected, tried to delay the calling of *quriltai* to keep power in own hands (Tului in 1227–1229) or to provide an election of the appropriate candidate (Töregene in 1241–1246 and Oghul-Gaimish in 1248–1251) [40, p. 188; 56, p. 383–385, 396–397].

John of Plano Carpini refers necessity of election of khan at the *quriltai* to the laws of Chinggis Khan. But such tradition existed as a customary rule since the ancient Turks and was inherited by the Mongols as traditional “constitutional law” *töre* [57, p. 66]. It is doubtful, that Chinggis Khan himself needed to transform this custom in the edict or statute. But his descendants could have a reason to do it because of attempt of Temuge Otchigin to usurp the power in 1242 and following his bringing to account. It seems that this case was reflected in the passage of friar Jonn: “Because of this law one of the princes, a nephew of Chingis Khan, was killed, before the election of Cuyuc-- he had wished to reign without election”. The point is that after the death of Ögedei there were at least three pretenders of his own descendants: elder son Guyuk, next son Godan and grandson Shiremun (who was appointed a successor by his grandfather)⁶. Because of lack of the legal rule of succession the throne Töregene, the widow of Ögedei, became a regent of the Mongol Empire for five years and constantly replaced high officials. In this conditions of political instability Temuge Onchigin, the youngest (and the last survived) brother of Chinggis Khan, took occasion to fight for power. Gathering his numerous *nökers* (personal subjects), he advanced for the khan's headquarter to claim for the throne. But his attempt was unsuccessful: Töregene was able to gather loyal troops under the command of her son Melik-Oghul and sent them toward Temuge. The rebellious prince abandoned his claim and retreated, at that he tried to present his raid as misunderstanding and retreat as observance of funeral ceremony for one of his courtiers. Juvaini finishes his tale on the raid of Temuge by spiteful phrase: “In the meantime there came tidings of the arrival of Güyük at his *ordu*, which lies on the bank of Emil; whereupon his [Otchigin – R.P.] repentance increased” [9, p. 244; cf.: 56, p. 385]. Thus, the misunderstanding among relatives seemed to be settled, and nobody recalled the Temuge's deed during several years.

Did Chinggis Khan's brother break some law? We should remember that there were not any legal rules on succession the throne in the Mongol Empire this time. The “Secret history of the Mongols” contains words of Chinggis Khan which could be interpreted as an establishing of monopoly for his direct descendants for the throne: “Supposing that the descendants of Ögödei are all born so worthless that / Even if one wrapped them in fresh grass, / They would not be eaten by an ox; / Even if one wrapped them in fat, / They would not be eaten by a dog /, is it pos-

⁶ To our mind, this multiplicity of pretenders caused a confusion in the information of friar John: he could mix up Godan (grandson of Chinggis Khan), Shiremun (grandson of Ögedei) and Temuge (brother of Chinggis Khan).

sible that among my descendants not even a single one will be born who is good?" [49, p. 188]. But these were said not officially, but at the private meeting of khan with his sons, relatives and confidants; they even were not included into *biliks* of Chinggis Khan – his aphorisms used by his successors equally with laws.

Nevertheless, when new khan was elected in the *quriltai* in 1246 (it was Guyuk, son of Ögedei), one of his first deeds was bringing Temuge to trial headed by Ordu, eldest son of Jochi, and Möngke, first-born of Tului. "In accordance with *yasa*", they sentenced Otchigin to death [9, p. 255; 56, p. 387]. Thus, the only crime of Temuge referred to legislation could be, in fact, his attempt to ascend the throne without election by *quriltai*.

Of course, we could not state now, if Chinggis Khan's brother intended to proclaim himself a khan without calling of *quriltai* or only wanted to seize a control over khan's headquarter and organize his elections by own adherents (as Möngke did in 1251). But as his intentions were stopped at the stage of "criminal attempt", and he became a loser, Chinggisids had an opportunity to blame him with any purposes and formally prove his guilt at the trial for getting a legal reason to rid of dangerous competitor in the fight for power. We suppose, just trial and execution of Temuge Otchigin gave birth to monopoly of Chinggis Khan's direct descendants for the throne of the Mongol Empire and successive states. As a result, the private words of Chinggis Khan on his successor later confirmed by the execution of his brother transformed into official law which had force during ages.

John of Plano Carpini mentioned the agreement of Guyuk and Batu: it is possible that implacable enemies decided to unite against competitors from the branches of Chinggis Khan's brothers. It is significant that soon after the execution of Temuge they began undisguised confrontation.

Aforesaid gives a reason to state that the rule mentioned by friar John as a law established by Chinggis Khan, in fact, could be invented not long before arrival of Minorite to Mongolia.

However, election in the *quriltai* was a compulsory condition for legitimacy of khan. Moreover, since the 14th c. *quriltais* became congresses only for election of khans while their other functions passed to khans, family councils or high officials and commanders. Tradition of election of khan was saved in the Turkic-Mongol states up to 18th–19th cc. in Kazakh Steppe and Central Asian khanates. Sometimes election of khan in the *quriltai* could cause extraordinary legal consequences. Arabian traveler Ibn Battuta mentioned that in 1334 participants of *quriltai* in the Chagatai Ulus deposed legitimate khan Tarmashirin under the pretext of breaking the *Yasa* of Chinggis Khan [18, p. 560–561]: thus, *quriltai* has authority not only to elect, but also to depose monarchs. In 1756 *quriltai* elected Muhammad Rahim of Mangyt dynasty a khan of Bukhara: this emir was, in fact, ruler of the khanate before his election, but at that he was not a descendant of Chinggis Khan; it means that election in the *quriltai* became more important condition of legitimacy that membership of Chinggisid dynasty [30, p. 267–268]!

Nevertheless, even election on the *quriltai* did not guaranteed the total recognition of the monarch by all subjects. Sometimes competitors for the throne organized own *quriltais* where were elected by their adherents. At that alternative *quriltais*, naturally, was not recognized by participants of another. Probably, the first example of that was simultaneous election of two khans in 1260: after the death of khan Möngke two his brothers, Ariq-Buka and Kublai, called *quriltais* and

were proclaimed khans. They fight for power during four years and only in 1264 Ariq-Buka was defeated, captured and had to recognize his “injustice” before Kublai [56, p. 421–422, 427]. This practice was continued in Chinggisid and post-Chinggisid states.

Sometimes one ruler could be elected in the *quriltai* more than once. So, Chinggis Khan himself was proclaimed a khan twice: at the edge of 1180–1190s by his adherents and in 1206 by all tribes of the Steppe [49, p. 49–50, 133]. Sultan Said, khan of Khoqand, who ruled only three years (1862–1865), was elected on *quriltai* three times [2, p. 250–251, 254–255, 278].

Thus, the importance of *quriltai* as a factor of legitimacy of khans and of punishment for any usurpation was strengthened by ascription of this principle to Chinggis Khan and interpreted as one of his laws. Its significance is confirmed by the fact that John of Plano Carpini mentioned it among only two “leges et statuta” of founder of the Mongol Empire. Perhaps, Minorite was deeply impressed by the ceremony of coronation itself which was described in details by different occidental and oriental authors [20, p. 148–149; 56, p. 308, 387].

“*The other statute is that the Tartars must subject the entire world to themselves and have no peace with anyone unless they submit to the Tartars no matter how long it would take to kill them. The Tartars have fought forty-two years and shall reign another eighteen years; after which they say that they must be defeated by another people- they do not know who it might be; so it is prophesied among them. It is said that those who would escape the Tartars should follow the rules which those people obey who have defeated the Tartars in war.*” This topic, already fixed by Benedict the Pole [10, p. 117], is one of the most mysterious in the notes of friar John on the Chinggis Khan’s laws and Mongol legal realities. Of course, it could not be included into the status of Chinggis Khan (“Great Yasa”) as contradicted all its principles and goals. Rashid ad-Din cited *biliq*: “Henceforth, for however many years – five hundred, a thousand, or ten thousand – that my offspring will come into existence and rule as khans, my progeny, no matter how grand they may become, will safeguard themselves with the Genghisid *yosun* and *yasaq* and will not replace it. They will enjoy favor from heaven, and they will always have pleasure and enjoyment” [56, p. 278]. Thus, Chinggis Khan proclaimed the firmness of his empire and rule of his descendants for ages and millennia if they would observe his legislation and therefore Heaven would protect them. As we can see, he did not foretell the fall and disappearance of his state in several decades.

This principle is also presented in *jarligs* of Chinggis Khan and his successors. In the “Secret history of the Mongols” founder of the empire states: “Now, by the strength of Eternal Heaven, my power has been increased by Heaven and Earth and I have brought the entire people to allegiance, causing them to come under my sole rule...” [49, p. 152]. Julian, the Hungarian Dominican, cited the letter of khan Guyuk to Bela IV, king of Hungary of 1237: “I, khan, messenger of Heavenly Father, who give me a power over the earth to exalt subordinates and suppress resistant” [19, p. 389]. The letter of Guyuk to the pope Innocent IV of 1246 widely known in Europe due to friar John, says: “Esteeming the God, we by his power devastated all earth from East to West. And as it was God’s power, what people could do?” [52, p. 226]. Thus, the idea of Heaven protection and firmness of power of the Mongol ruling family (in the person of current khan) was fixed in legal sources – “doctrine” (*bilik* of Chinggis Khan) and “statutory” (*jarligs* and letters of khans).

The idea of finiteness of power of Chinggis Khan's successors and inheritance of their "rules" by their winners was got by friar John, of course, not from Chinggisid princes or Mongolian aristocracy. Such views could be translated by court officials represented other peoples and religions who was interested in Chinggisids' adoption of specific religion and its traditions of power, administration, social relations, etc. As exponents of these ideas were khan's courtiers, John of Plano Carpini could falsely consider their views as an official ideology of the Mongol Empire. In combination with references to the God's will in khans' messages he interpreted them with one of 'statutes' of Chinggis Khan.

"*Their army must be organized by captains of thousands, captains of hundreds and captains of tens and common soldiers, thus groups of ten thousand men.*" This principle of organization of the army is also falsely ascribed by John of Plano Carpini to Chinggis Khan. It is well known that decimal system was used in the nomadic states of the Central Asia since the ancient times: Chinese authors mention it since the times of Xiongnu. Of course, Chinggis Khan was not an inventor of this system, moreover, at the beginning of his rule his army was divided only into thousands and only shortly before his death *tumens* (troops of ten thousand men) were organized, as one of his biliks says [49, p. 133–134; 56, p. 279]. Nevertheless, medieval and modern authors [9, p. 31; 20, p. 149–150; 36, p. 172; 57, p. 65] have reasons to refer this principle to the legislation of Chinggis Khan and, in particular to its basic rules ("Great Yasa"). But why the founder of the Mongol Empire decided to transform well-known legal custom into official regulation?

The answer is in the information of Juvaini: "Another *yasa* is that no man may depart to another unit than the hundred, thousand or ten to which he has been assigned, nor may he seek refuge elsewhere. And if this order be transgressed the man who transferred is executed in the presence of the troops, while he that received him is severely punished. For this reason no man can give refuge to another; if (for example) the commander be a prince, he does not permit the meanest person to take refuge in his company and so avoids a breach of the *yasa*" [9, p. 32]. Thus, novelty was not in decimal system, but in strict attaching of each soldier to his detachment: the ten, the hundred, the thousand and *tumen*. G.V. Vernadsky characterized this rule as "*krepostnoj ustav*" (serf system) [59, p. 347–348]. Besides, transformation of custom into legal regulation provided severe punishment for offender who left his detachment and for his accessories. Finally, transforming custom into regulation, Chinggis Khan extended it for all levels of military leadership including high commanders and princes (while during the age of Xiongnu inferior commanders could form their units at own discretion).

Necessity to transform the custom into the *yasa* was also caused by further widening of the Mongol Empire and spreading of decimal system outside the area of nomadic peoples: settled subjects of Chinggis Khan and his successors also were subjugated to this rule. Thus, decimal system was spread on territories of the Golden Horde as well as its vassal states including Russian principalities which were divided into seventy *t'mas* (*tumens*), and such division was kept until 15th c. [58, p. 217–218].

It makes sense to notice that *tumen*, thousand, hundred not always corresponded to their names: in fact, *tumen* could number 7 thousands, and thousand – 8 hundreds [61, p. 400]. Thus, there were names of military detachments as well as administrative units which had to assign soldiers in the appropriate quantity.

“There are many other statutes which take too long to tell, and indeed we do not know them.” This passage confirms that legislation of Chinggis Khan was not codified and included various rules established in different times to regulate different fields of relations. Therefore, Minorite mentioned regulations which became known for him during his staying in the Mongol Empire. With taking into account level of legal culture and legal development of Mongols in the age of friar John, the existence of the great Yasa as a “universal legal code” seems to be impossible.

Conclusion

Thus, our verification allows us to find that information of John of Plano Carpini on the law of Mongols and Mongol Empire reflected real legal situation. At that if some rules and principles of legal regulation remained unchanged for ages, others, as our analysis showed, evolved during the next centuries. Of course, that fact does not minimize the value of information of the Pope’s ambassador.

At the end of our study we could say that used methodology of research seems to be effective enough to use it for study of other medieval texts, in particular, testimonies of foreign travelers on the Turkic-Mongol political and legal realities since the time of the Mongol Empire and until the beginning of the 20th c.

REFERENCES

1. Aigle D. Le grand jasaq de Gengis-khan, l’empire, la culture mongole et la shar’a. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2004. Vol. 47. No. (1). P. 31–79. (In French)
2. Babadjanov B.M. *Kokandskoye khanstvo: vlast’, politika, religiya* [The Khanate of Khoqand: Power, Policy, Religion]. Tokyo; Tashkent: Yangi Nashr Publ., 2010. 744 p. (In Russian)
3. Barfield T.J. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757* [Russ. ed.: Barfield T. *Opasnaya granitsa: kochevye imperii i Kitay (221 g. do n. e. – 1757 g. n. e.)*, transl. by D.V. Rukhlyadev and V.B. Kuznetsov. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2009. 488 p.].
4. Bellew H.W. *Kashmir and Kashghar: A Narrative of the Journey of the Embassy to Kashghar in 1873–1874*. London: Truner & Co., 1875. 419 p.
5. Berezin I. *Ocherk vnutrennego ustroystva Ulusa Dzhuchieva* [Essay on the Internal Structure of the Ulus of Jochi]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press, 1863. 112 p. (In Russian)
6. [Bichurin N.Ya.] *Zapiski o Mongolii, sochinennyye monakhom Iakinom* [Notes on Mongolia Written by the Monk Hyacinth], vol. 1, pt. 1–2. St. Petersburg: K. Kray’s Printing Press, 1828. xii + 230 p. (In Russian)
7. Bimendiev A.Sh. Nekotorye insignii khanskogo dostoinstva (istoki geraldicheskikh znakov kazakhskikh Chingizidov) [Some insignias of the khan dignity (Origins of the heraldic signs of Kazakh Chinggisids)]. *Otan tarikhy* [Native History], 2017, no. 2, pp. 76–86. (In Russian)
8. Birge B. Sexual misconduct in Mongol Yuan law, with some observations on Chinggis Khan’s Jasagh. *Mongolica*, vol. 22 (43), 2009, pp. 287–297.
9. Boyle D.A. (transl.). *The History of the World-Conqueror by Ata-Malik Juvaini*. Manchester: Manchester University Press, 1997. lxviii + 763 p.
10. C. de Bridia. *Historia Tartarorum* [Russ. ed.: Aksenov S.A., Yurchenko A.G. (transl.). «Istoriya Tatar» Ts. de Bridia. Khristianskiy mir i «Velikaya Mongol’skaya imperiya». St. Petersburg: Eurasia Publ., 2002, pp. 75–126].

11. Ch'en P.H. *Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed*. Princeton: Princeton University Press, 1979. xx + 205 p.
12. Drobyshev Yu.I. *Chelovek i priroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noy Azii (III v. do n.e. – XVI v. n.e.)* [Man and Nature in the Nomadic Societies of Inner Asia (3rd B.C. – A.D. 16th)]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2014. 608 p. (In Russian)
13. Dylykov S.D. (transl.) *Khalkha Dzhirum. Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVIII v.* [Monument of the Mongol Feudal Law of the eighteenth century]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 320 p. (In Russian)
14. Forsyth T.D. *Report of a Mission to Yarkund in 1873*. Calcutta: Foreign Department Press, 1875. 573 p.
15. Gamq'relidze D. (transl.). The Hundred Years Chronicle. Jones St. (ed.). *Kartlis Tskhovreba: A History of Georgia*. Tbilisi: Artanuji Publ., 2014, pp. 315–401.
16. Gerelbadrakh J. Is it “Great Convention” or “Council of the Wisers”? *The 10th International Congress of Mongolists. Илтгэлүүдийн товчлол. Summaries of Congress Papers*. Ulaanbaatar: International Association for Mongol Studies, 2011, pp. 55–56.
17. Gibb H.A.R. (transl.). *The Travels of Ibn Battuta. A.D. 1325–1354*, vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 1962, pp. 271–537.
18. Gibb H.A.R. (transl.). *The Travels of Ibn Battuta. A.D. 1325–1354*, vol. III. Cambridge: Cambridge University Press, 1971, pp. 539–771.
19. Hautala R. Ot «Davida, tsarya Indiy» do «nenavistnogo plebsa satany». *Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From “David, King of Indias” to “Hated Plebs of Satan”]: Anthology of Latin Sources on Tatars and Mongols]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015. 496 p. (In Russian, Latin)
20. Hayton. La flor des estoires de la terres d'Orient. *Recueil des historiens des croisades. Documents arméniens*, vol. 2. Paris: Imprimerie nationale, 1906, pp. 111–363. (In French)
21. Hildinger E. (transl.). *The Story of the Mongols Whom We Call the Tartars, by Friar Giovanni di Plano Carpini*. Boston: Branden Publ., 1996. 136 p.
22. Joinville J. de. Memoirs of Louis IX, King of France, commonly called Saint Louis, transl. by J. A. Giles. *Chronicles of the Crusades*. London: George Bell and Sons, 1888, pp. 343–500.
23. Khatibi S. *Persidskie dokumental'nye istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Khorasana XIII–XIV vv.* [Persian Documentary Sources on Social and Economical History of Khorasan of the thirteenth and fourteenth centuries]. Ashkhabad: Ylym Publ., 1985. 134 p. (In Russian)
24. Khrapachevsky P.P. (transl., ed.). *Zolotaya Orda v istochnikakh*. T. III: *Kitayskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in Sources, Vol. 3: Chinese and Mongolian Sources]. Moscow: S.n., 2009. 336 p. (In Russian)
25. Kirakos Gandzaketsi. *Istoriya Armenii* [History of Armenia], transl. by L.A. Khanlaryan. Moscow: Nauka Publ., 1976. 357 p. (In Russian)
26. Kononov A.V. Kruchenaya plet', letayushchiy kobyz, razorvanniy kostyum i raskalenniy metall (o «material'nykh» elementakh shamanskoy kul'tury kazakhov) [Twisted lash, flying kobyz, torn costume and red-hot metal]. Froyanov I.Ya., Astakhov S.N. (eds.). *Evrasiya skvoz' veka. Sbornik nauchnykh rabot, posvyashchennykh 60-letiyu so dnya rozhdeniya D.G. Savinova* [Eurasia through the Ages: Collected Works on Occasion of the 60th Anniversary of D.G. Savinov]. St. Petersburg: Philology Department of the St. Peterburg State University, 2001, pp. 232–233. (In Russian)
27. [Kovalevsky O.M.] *Rossiya – Mongoliya – Kitay: Dnevniky mongoloveda O.M. Kovalevskogo 1830–1831 gg.* [Russia – Mongolia – China: Diaries of the Mongolist O.M. Kovalevskiy], publ. by R.M. Valeyev and I.V. Kul'ganek. Kazan: Taglimat Publ., 2006. 172 p. (In Russian)

28. Kozlov P.K. *Mongoliya i Kam. Trekhletnee puteshestvie po Mongolii i Tibetu (1899–1901 gg.)* [Mongolia and Kam. Three-years Travel on Mongolia and Tibet (1899–1901)], 2nd. ed. Moscow: OGIZ [Association of state publishers], 1947. 438 p. (In Russian)

29. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperiya Chingis-khana* [The Empire of Chinggis Khan]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2006. 557 p. (In Russian)

30. Kügelgen A. von. *Die Legitimierung der Mittelasiatischen Mangitendynastie in den Werken ihrer Historiker (18.–19. Jahrhundert)* [Russ. ed.: Kyugel'gen A. von. Legitimatsiya sredneaziatskoy dinastii Mangitov v proizvedeniyakh ikh istorikov (XVIII–XIX vv.)]. Almaty: Dayk-Press, 2004. 516 s.]

31. Kuz'min K.S. (comp.). *Poveliteli vselennoy* [Masters of the Universe]. Ed. by K.S. Kuz'min. St. Petersburg: Style Publ., 1995. 480 p. (In Russian)

32. Kyodo E. Garil: zhertvoprinoshenie predkam v kul'te Chingis-khana [Garil: The sacrifice to ancestors in the Chinggis Khan's cult]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1993, no. 2, pp. 97–102. (In Russian)

33. Lipets R.S. *Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose* [Images of Batyr and His Horse in the Turkic-Mongol Epic Literature]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 264 p. (In Russian)

34. Lipets R.S. Zmeya i plet' (opyt areal'nogo issledovaniya) [Snake and lash (attempt of areal research)]. *Vladimirtsovskie chteniya. Tezisy dokladov i soobshcheniy. II Vsesoyuznaya konferentsiya mongolovedov* [Vladimirtsov's Readings. Abstracts of Reports of the 2nd All-Union Conference of Mongolists]. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 186–188. (In Russian)

35. Lubsan Danzan. *Altan Tobchi («Zolotoe skazanie»)* [“Golden Story”], transl. by N.P. Shastina. Moscow: Nauka Publ., 1973. 440 p. (In Russian)

36. Marco Polo. *The Description of the World*, ed. by A.C. Moule, P. Pelliot, vol. I. London: George Routledge & Sons, Ltd., 1938. 596 p.

37. Matuzova V.I. *Angliyskie srednevekovye istochniki. IX–XIII vv. (teksty, perevod, kommentariy)* [English Medieval Sources from the ninth to thirteenth centuries (texts, translations, commentaries)]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 268 p. (In Russian, Latin)

38. Melekhin A. (transl., comp.). *Chingisiana: svod svidetel'stv sovremennikov* [Chingisiana: Collection of Contemporary Testimonies]. Moscow: Eksmo Publ., 2009. 728 p. (In Russian)

39. Morgan D.O. The “Great Yasa of Chingis Khan” and Mongol law in the Ilkhanate. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 1986, vol. XLIX, no. 1, pp. 163–176.

40. Munkuyev N.Ts. *Kitayskiy istochnik o pervykh mongol'skikh khanakh: Nadgrobnaya nadpis' na mogile Elyuy Chutsaya Perevod i issledovanie* [Chinese Source on the First Mongol Khans: Epitaph on the Tomb of Elü Chucai. Translation and Study]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 224 p. (In Russian)

41. Munkuyev N.Ts. (transl.). *Men-da Bey-lu («Polnoe opisanie mongolo-tatar»)* [“Complete description of Mongols and Tatars”]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 282 p. (In Russian)

42. Nanzatov B.Z., Sodnompilova M.M. Lichnaya i obshchestvennaya gigiena v ponimani i v zhizni kochevnikov [Personal and public hygiene of nomads: A case study of related concepts and practices]. *Oriental Studies*, 2019, no. 2, pp. 255–262. (In Russian)

43. Nasilov A.D. (transl.). *Vosemnadtsat' stepnykh zakonov: Pamyatnik mongol'skogo prava XVI–XVII vv.* [Eighteen Steppe Laws. Monument of Mongolian Law of the sixteenth and seventeenth centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2002. 160 p. (In Russian)

44. Patkanov K.P. (transl.). *Istoriya mongolov inoka Magakii, XIII v.* [History of the Mongols by the Monk Magakiya, the thirteenth century]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press, 1871. 104 p. (In Russian)

45. Patkanov K.P. *Istoriya mongolov po armyanskim istochnikam* [History of the Mongols according to Armenian Sources], iss. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press, 1873. 100 p. (In Russian)

46. Pochekaev R.Yu. Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid States of the 13th–14th centuries: Legal code or an ideal “Law and Order”? *Golden Horde Review*, 2016., vol. 4, no. 4, pp. 724–733.

47. Pochekaev R.Yu. *Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongol'skoy imperii v tyurko-tatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentral'noy Azii* [Chinggis's Law: Legal Heritage of the Mongol Empire in the Turkic-Tatar Khanates and States of the Central Asia]. Kazan: Tatar Book Publishers, 2016. 311 p. (In Russian)

48. Potanin G.N. *Ocherki severo-zapadnoy Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1879 godu. Iss. 4: Materialy etnograficheskie* [Essays on North-Eastern Mongolia. Results of the Travel Executed in 1879, Iss. 4: Ethnographic Materials]. St. Petersburg: V. Kirshbaum's Printing press, 1883. 1026 p. (In Russian)

49. Rachewiltz I. de (transl.). *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*, vol. I. Leiden: Brill, 2004, pp. 1–642.

50. [Rubruck W. of]. *The Mission of Friar William of Rubruck. His Journey to the Court of the Great Khan Möngke, 1253–1255*. Transl of P. Jackson, intr., notes and app. by P. Jackson and D. Morgan. London: The Hakluyt Society, 1990. 312 p.

51. Rusina E.E. Yagolday, Yagoldaevichi, Yagoldaeva «T'ma» [Yagoldai, his descendats and Yagoldai's tumen]. *Slavyane i ikh sosedi. Iss. 10: Slavyane i kochevoy mir* [Slavs and Their Neighbors, Iss. 10: Slavs and the Nomadic World]. 2001, pp. 144–152. (In Russian)

52. Salimbene de Adam da Parma. *Cronica* [Russ. ed.: Salimbene de Adam. Khronika, transl. by I.S. Kultysheva, S.S. Prokopovich, V.D. Savukova, M.A. Tariverdieva. M.: ROSSPEN Publ., 2004. 984 p.].

53. Skrynnikova T.D. *Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana* [Charisma and Power during the Epoch of Chinggis Khan]. 2nd ed., rev. and suppl. St. Petersburg: Eurasia Publ., 2013. 384 p. (In Russian)

54. Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Chinggis Khan and the Chinggisids: Fate and Power]. St. Petersburg: Eurasia Publ., 2017. 448 p. (In Russian)

55. Sum'yabaatar B. Mongol'skiy zakonodatel'niy pamyatnik XIII v. – noviy spisok [Mongolian legal monument of the thirteenth century: New copy]. B.V. Bazarov, N.N. Kradin, T.D. Skrynnikova (eds.). *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir* [The Mongol Empire and Nomadic World], vol. 2. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centra of the Syberian Branch of RAS, 2005, pp. 157–164. (In Russian)

56. Thackston W.M. (transl.). *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh. Compendium of Chronicles. A History of Mongols*, 3 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1998–1999. 811 p.

57. Trepavlov V.V. *Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatary* [Steppe Empires of Eurasia: The Mongols and Tatars]. Moscow: Kvadriga Publ., 2015. 368 p. (In Russian)

58. Vernadsky G. *A History of Russia. Vol. III: The Mongols and Russia*. New Haven: Yale University Press; London: Oxford University Press, 1959. 462 p.

59. Vernadsky G. The scope and contents of Chingis Khan's Yasa. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1938, vol. 3, no 3/4, pp. 337–360.

60. Veselovskiy N. Rol' strely v obryadakh i ee simbolicheskoe znachenie [The role of arrow in rites and its symbolic meaning]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Poceedings of the Oriental Branch of the Russian Archaeological Society], 1921, vol. 25, pp. 273–292. (In Russian)

61. Vladimirtsov B.Ya. Obschestvenniy stroy mongolov: Mongol'skiy kochevoy feodalizm [The social order of Mongols: Mongolian nomadic feudalism]. *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov* [Works on History and Ethnography of Mongolian Peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2002, pp. 295–488. (In Russian)

62. [Yazykov D.] *Sobranie puteshestviy k tataram i drugim vostochnym narodam v XIII, XIV i XV stoletiyakh. I. Plano-Karpini. II. Astselin* [Collection of Travels to Tatars and Other Oriental Peoples from the thirteenth to fifteenth centuries. I. Plano Carpini. II. Ascelin]. St. Petersburg: Department of Public Education Printing Press. xxii + 309 p. (In Russian)

63. Yurchenko A.G. Yasa Chingis-khana: nerasshifrovannye zaprety [Chinggis Khan's Yasa: non-decoded bans]. *Altaica*, 2002, 6, pp. 160–190. (In Russian)

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate professor, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, Senior Researcher of “The Great Altai” Scientific Educational Center of altaistics and turkology (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198099, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Received December 13, 2021 Accepted for publication February 24, 2022

Published March 29, 2022

ПРАВО МОНГОЛОВ В ЗАПИСКАХ ИОАННА ДЕ ПЛАНО КАРПИНИ: ОПЫТ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ВЕРИФИКАЦИИ

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация
rpochekaev@hse.ru*

Цель исследования: сравнительный анализ сведений Иоанна де Плато Карпини о праве монголов и Монгольской империи с другими источниками о праве и правовых традициях монголов разных периодов времени для выяснения вопроса об объективности сведений дипломата и об эволюции традиционного права монголов.

Материалы исследования: верификация проводится на основе записок Иоанна де Плато Карпини «История монголов, именуемых нами татарами», а также комплекса источников – путевых заметок и исторических сочинений авторов эпохи Средневековья и Нового времени, а также – материалов этнографических исследований, касающихся правовых традиций монголов и других кочевых народов Евразии.

Новизна исследования состоит в том, что впервые сведения Иоанна де Плато Карпини о монгольском имперском и традиционном праве исследуются в сравнении с другими источниками, содержащими сведения о праве монголов, прослеживается сохранение определенных традиций и эволюция развития традиционного права кочевников Евразии.

Результаты исследования: Автор приходит к выводу, что в большинстве своем сведения Иоанна де Плато Карпини о монгольском праве середины XIII в. являлись достаточно объективным, что подтверждается информацией из независимых источников, датированных XIII–XIX вв., включая свидетельства других иностранных путешественников, посетивших Монголию в разные исторические эпохи, средневеко-

вые исторические сочинения, результаты этнографических исследований и пр. Вместе с тем, подчеркивается ценность наблюдений дипломата в контексте историко-правовых исследований по истории государственности и права Монгольской империи и чингизидских государств.

Ключевые слова: Монгольская империя, Чингис-хан, право Монгольской империи, традиционное право кочевников Евразии, записки путешественников, Иоанн де Плано Карпини, историко-правовая компаративистика

Для цитирования: Pochekaev R.Yu. The Law of Mongols as Seen by John of Plano Carpini: Historical Legal Verification // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 8–31. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.8-31

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, главный научный сотрудник НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

*Поступила 13.12.2021 Принята к публикации 24.02.2022
Опубликована 29.03.2022*

НОВОЕ «ЗАХОРОНЕНИЕ» ПОЛОВЕЦКОГО КАМЕННОГО ИЗВАЯНИЯ НА СТАВРОПОЛЬЕ (ВТОРАЯ ПОЛ. XIII–XIV ВВ.)

Я.Б. Березин¹, Е.И. Нарожный²

¹ *Научно-исследовательский институт и Музей антропологии МГУ
Москва, Российская Федерация
yakov_berezin@mail.ru*

² *ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный
университет им. У.Д. Алиева»
Карачаевск, Российская Федерация
zai_ein@mail.ru*

Цель исследования: Вводя в научный оборот новую находку тюркского каменного изваяния, преднамеренно погребенного (?) в курганной насыпи, авторы стремятся обосновать причины такого необычного отношения к каменной скульптуре. Привлекая известные и близкие аналогии, схожие с анализируемой ситуацией, авторы статьи стремятся связать данные процессы с некоторыми инновационными явлениями внутри Золотой Орды.

Материалы исследования: в научный оборот впервые вводятся совершенно новые раскопочные материалы, полученные в ходе охранно-спасательных исследований октября-ноября 2020 г.

Новизна исследования: Рассматриваемые материалы и их историко-культурная атрибуция прежде нигде не публиковались и не обсуждались, за исключением объема обязательного полного научного отчета о раскопках (текст описаний, фото и иллюстрации), в установленном порядке представляемого в архив ИА РАН на вечное хранение.

Результаты исследования: в статье, учитывающей известные автору схожие материалы с территории Подонья в РФ и Украины, публикуемое каменное изваяние воспринимается как часть ритуально-погребального обряда половцев. Подобные процессы, как и массовая смена традиционных ориентировок погребенных в захоронениях поздних кочевников, А.О. Добролюбский (Одесса) связывает со временем Золотой Орды, когда прежние («домонгольского» времени) погребальные обряды начали терять свой традиционный смысл или стали приобретать какой-то новый. Подобные инновации становятся возможными уже после рождения в Золотой Орде новых поколений ее населения (т.е. уже к 1260–1270 гг.). Впоследствии, хотя и не повсеместно, такое население, участвуя в формировании не только «синкретической» материальной, оказалось и под влиянием новых идеологических воздействий, постепенно вытеснявших старые верования, в т.ч. и отказ от почитания статуй-культов. Подобные инновации были ускорены и процессом исламизации кочевого населения Золотой Орды. Все это и обусловило распространение процесса ритуального «захоронения» статуй как уже отжившего семантического образа.

Ключевые слова: Ставропольский край, половецкие статуи и святилища, тюрки Северного Кавказа, этнокультурные процессы, религиозные воззрения, Золотая Орда

Для цитирования: Березин Я.Б., Нарожный Е.И. Новое «захоронение» половецкого каменного изваяния на Ставрополье (вторая пол. XIII–XIV вв.) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 32–46. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.32-46

**A NEW BURIAL FIND OF A POLOVTSIAN STONE STATUE
IN THE STAVROPOL REGION (FROM THE SECOND HALF
OF THIRTEENTH TO FOURTEENTH CENTURY)**

Ya.B. Berezin¹, E.I. Narozhny²

¹ *Research Institute and Museum of Anthropology, Moscow State University
Moscow, Russian Federation
yakov_berezin@mail.ru*

² *Umar Aliev Karachai-Cherkess State University
Karachaevsk, Russian Federation
zai_ein@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* To introduce a new discovery of a Turkic stone statue that was deliberately (?) buried in the mound, the authors seek to substantiate the reasons for this unusual approach to stone sculpture. Drawing on well-known and close analogies to the situation under analysis, the authors of the article seek to link such processes with some innovative phenomena within the Golden Horde.

Research materials: The authors introduce into scholarly circulation completely new archaeological materials found during research in October and November 2020.

The novelty of the research: The materials under consideration and their historical and cultural attributes have never been published or discussed previously, except for a volume on the mandatory and complete scientific report on the excavations (the text of descriptions, photos, and illustrations), which has been submitted to the archive of the Institute of Archeology RAS for eternal storage in accordance with the established procedure.

Research results: The authors describe the stone statue as according with the Polovtsian funeral rite and compare this description with similar materials from the Don region. A.O. Dobrolyubsky (Odessa) connects the massive change in the traditional orientations of late nomads' burials with the time of the Golden Horde when the former pre-Mongol funeral rites began to lose their traditional meaning or began to acquire some new meanings. Such innovations were made possible with the appearance of new generations in the Golden Horde (1260–1270s). Subsequently, such a population formed a new syncretic culture under the influence of new ideological influences which gradually replaced the old beliefs and, among other things, led to the rejection of the veneration of statues. Such innovations were accelerated by the process of Islamization among the nomadic population of the Golden Horde. All this led to the spread of the ritual of burial of statues as an obsolete semantic image.

Keywords: Stavropol territory, Polovtsian statues and shrines, Turks of the North Caucasus, ethno-cultural processes, religious views, Golden Horde

For citation: Berezin Ya.B., Narozhny E.I. A New Burial Find of a Polovtsian Stone Statue in the Stavropol Region (from the second half of thirteenth to fourteenth century). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 32–46. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.32-46 (In Russian)

К настоящему времени на территории Ставропольского края известно несколько десятков половецких каменных изваяний, подавляющая часть которых была обнаружена еще в XIX–XX вв. (после отмены крепостного права и окончания «Кавказской войны») в ходе интенсивных сельскохозяйственных работ. Подобная активность в освоении новых земель привела к частому вы-

пахиванию из курганов многочисленных каменных статуй [26, с. 48–52], обеспечив быстрое распространение многих из них по частным коллекциям в некоторых помещичьих хозяйствах. Появились они и при входах в разные губернские общественные здания и городские парки. Некоторые из таких находок со временем попали и в фонды нынешнего Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. В июне 1888 г. ставропольский гражданский губернатор получает даже письменное «отношение Московского Археологического общества» с просьбой оказать этому «обществу содействие в составлении археологических карт губернии, с рассылкою прилагаемых при сём вопросных пунктов». Прилагавшийся вопросник включал в себя 11 позиций, содержал и вопрос о находках «каменных баб»-изваяний [20, с. 178]. Впоследствии многие из таких статуй, впрочем, как и документальные сведения о них, были учтены разными исследователями [17 с. 169–178; 20, 167–196; 29, с. 172–173, табл. 56, табл. 57; 33, с. 174, рис. 26 и др.]. Собранные ими сведения вошли в несколько картографических схем, отражавших систему находок половецких каменных статуй на территории Восточной Европы [29, с. 14, рис. 1, рис. 2], Северного Кавказа [27, с. 234, рис.1] и Ставрополя [20, рис. 4]. Помимо отдельных половецких изваяний на территории Ставрополя было раскопано и несколько каменных изваяний. Они находились в т.н. «ямах-святилищах», но обнаруженных не на вершинах курганов, а внутри курганных насыпей, т.е. вне их визуальной доступности [1; с. 231–237; 7, с. 53–66; 16, с. 131; 21, с. 125–126; и др.].

Помимо известных на сегодняшний день аналогичных материалов с территории Ставрополя, подобные археологические комплексы были зафиксированы и на территории Подонья (обзор см.: [22, с. 245–274]). Недавно появилось и несколько публикаций, вводящих в научный оборот новые раскопочные материалы интересующего нас характера, например, из Калмыкии [18, с. 254–273], а также с Нижнего Дона [11, с. 263–282; 13, с. 40–71]. На их фоне определенный научный интерес вызывает новая находка каменного изваяния, вводимого нами в научный оборот. Статуя была обнаружена осенью 2020 г. в ходе проведения охранно-спасательных археологических исследований курганного могильника «Солнечнодольск-4»¹ (Ставрополье). Могильник этот находился на юго-западной окраине посёлка городского типа Солнечнодольск в Изобильненском районе Ставропольского края. Некрополь представлял собой неровную цепочку из 5-ти курганов различных размеров (длина цепочки, вытянутой с запада-северо-запада на восток-юго-восток, составляла около 300 м), занимал высокую коренную террасу левого берега р. Егорлык. Указанными раскопками могильник был исследован полностью. Работами было выявлено 33 разновременных захоронения, среди которых отсутствовали средневековые материалы, за исключением ниже публикуемого каменного изваяния, выявленного внутри насыпи самого крупного и высокого в цепочке кургана №4 (высота 1,2 м; остальные – меньше 1 метра).

¹ Работы были проведены экспедицией ООО «Археос» (г. Ставрополь, ген. директор А.А. Кулаков). Начальник экспедиции и держатель Открытого листа – Я.Б. Березин [3].

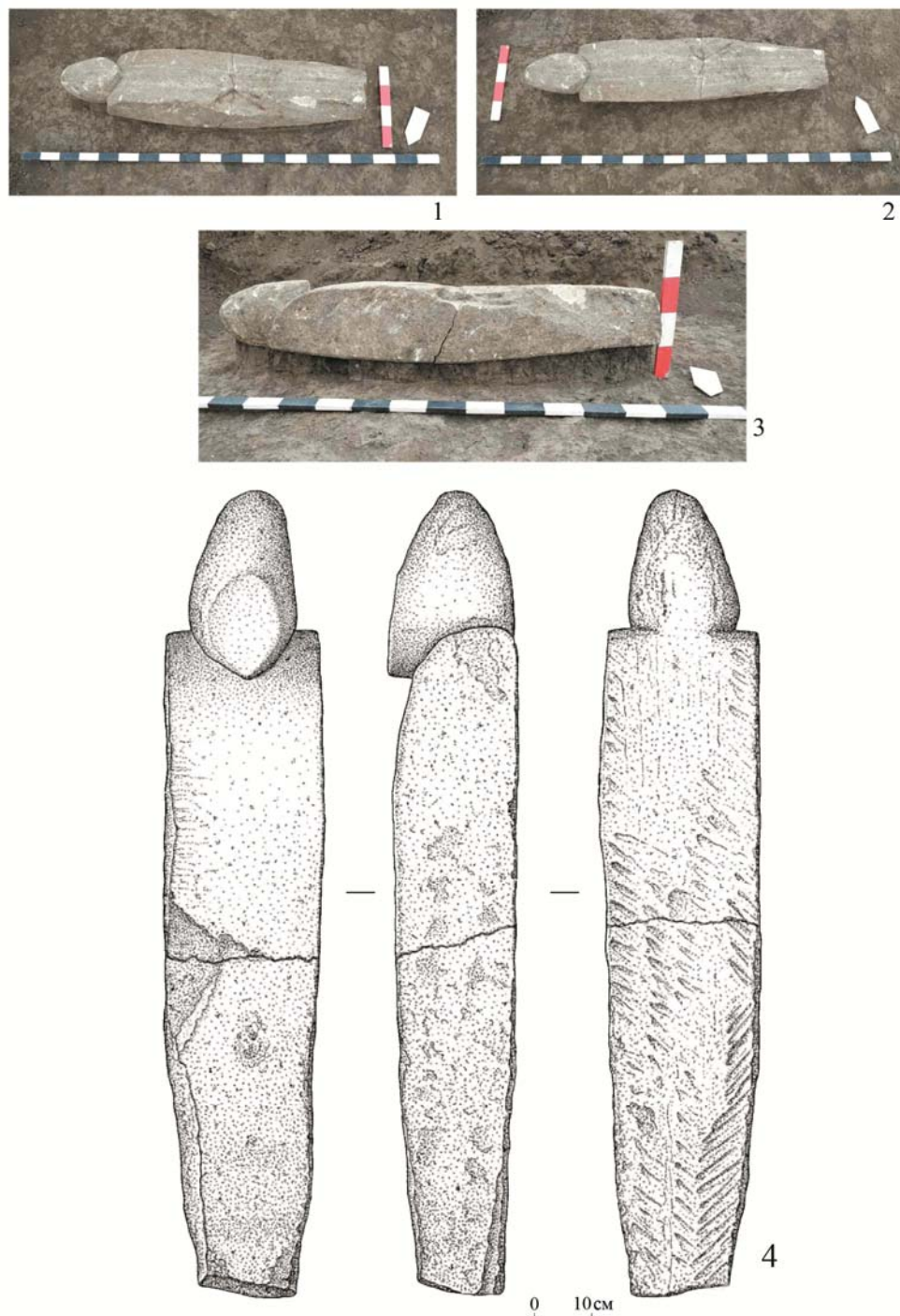


Рис. 1. Каменное изваяние из кургана № 4 курганного могильника «Солнечнодольск-4» (Ставропольский край, Россия).

1–3 – фото каменной статуи in situ, 4 – прорисовка изваяния

Fig. 1. Stone statue from mound No. 4 of the burial mound “Solnechnodolsk-4” (Stavropol Territory, Russia).

1–3 – photo of the stone statue in situ, 4 – drawing of the statue

Публикуемое каменное изваяние (рис. 1, 1-4) было обнаружено в центральной части кургана №4 при выборке грунта из насыпи с использованием землеройной техники. Статуя находилась в насыпи кургана, будучи положенной «на спине», практически горизонтально, по линии восток-запад с небольшим отклонением от этой оси. Головной частью изваяние ориентировано на восток, лицевой частью вверх (рис. 1, 1-3). Низ статуи находился на глубине 0.73 м, верх головной части до 0.86 м от современной дневной поверхности. Статуя изготовлена из каменного блока песчаника подпрямоугольной формы в сечении. Изваяние удовлетворительной сохранности (с трещиной, проходившей через весь массив блока (рис. 1, 1-4), отделявшей нижнюю треть изваяния от ее основной части). Пятно и контуры ямы под статую, если она была намеренно закопана в кургане, выявить не удалось. Отсутствовали и какие-либо сопутствующие статуе археологические предметы.

Каменное изваяние, как уже отмечалось выше, вытесано из каменного блока местного достаточно мягкого камня-песчаника. Внешняя поверхность статуи на две трети ее высоты тщательно заглажена, нижняя, вероятно, изначально предназначавшаяся для закапывания в землю, обработана грубо. Каменный блок песчаника высотой 142 см, в сечении 21х27 см. В верхней части изваяния проработана удлинённая голова с овалом лица и приостренной нижней частью «подбородка» (рис. 1, 4). Лицо статуи без детализации, можно предполагать, что изначально на нем могли быть проработаны в технике низкого рельефа или тонкими линиями прочерчены его черты, как это отмечено на некоторых статуях, опубликованных С.А. Плетневой. Черты лица, если они были проработаны, вероятно, могли выветриться или же выкрошиться за время изначального нахождения статуи не в насыпи, а над курганом. Если судить по очень хорошему состоянию всех поверхностей камня в его верхней (наземной) части, статуя могла находиться под открытым небом некоторое время, хотя и не очень долгое время, вплоть до ее сокрытия в насыпи.

Таким образом, новая находка каменного изваяния не только увеличивает количество уже известных на территории Изобильненского района Ставрополя каменных изваяний, большая часть из которых сегодня хранится в местном краеведческом музее [5, с. 29; 12, с. 155–165; 28, с. 191–205]. Публикуемая статуя позволяет сделать и несколько важных предположений в проблеме историко-культурной интерпретации таких статуй, впрочем, как и каменных статуй из т.н. «ям-святилищ».

Отсутствие на публикуемом изваянии четко выраженных признаков гендерной принадлежности, обычно характерных для изваяний [32, с. 94–108], не позволяет определять «пол» изваяния. Нет на статуе и изображений каких-либо предметов-аксессуаров, что также затрудняет датировку статуи. Однако изваяние имеет несколько близких аналогий, изготовленных также из каменных блоков подпрямоугольной формы в сечении. Это статуи из фондов Ставропольского и Изобильненского краеведческих музеев [12, с. 158–159, рис. 1, рис. 2 и сл.; 13, с. 62–63, рис. 3, 1-7, рис. 4, 1-5; 20, с. 178, рис. 5; 28, с. 202–203, рис. 4, рис. 5]. Особо важна аналогия нашей статуе из кургана у станицы Кременская на Нижнем Дону [11, с. 263–282; 13, с. 40–71]. Близкий публикуемому экземпляру есть и среди изваяний коллекции Таганрогского историко-краеведческого музея [29, с. 170, табл. 54, № 946, № 947], а также в собрании Донецкого историко-краеведческого музея [29, с. 142, табл. 26, 25] и др.

[13, с. 66, рис. 7,1-7]. Приведенные в качестве аналогий нашему образцу каменные изваяния также изготовлены из каменных блоков подпрямоугольной формы в сечении, хотя почти каждая из этих статуй-анalogий отличается от публикуемой нами тем, что они имеют свои индивидуальные отличия – наличие проработанных наголовий, заметно оформленных черт лица, схематическое обозначения рук и пр. Важность указанных аналогий очевидна: как показала С.А. Плетнева, статуи эти сугубо «половецкие», хотя, как считала она, «домонгольского» времени. Специфические детали изображений на другой статуе-анalogии (изваяние из Изобильненского музея) позволили А.В. Евглевскому датировать ее в пределах XIII в., что вполне определяет относительную датировку и публикуемого нами изваяния. Но наиболее показательной является статуя, вместе с керамической корчагой обнаруженные в кургане у станицы Кременская на Нижнем Дону, датированные в пределах «второй пол. XIII–XIV вв.» [11, с. 263–282; 13, с. 40–71]. Такая их датировка, вероятно, может указать и на временной размах бытования не только для всех, выше отмечавшихся аналогий, но и публикуемой нами статуи из кургана могильника «Солнечнодольск-4». Тем самым появляется определенный прецедент, позволяющий судить и о реальных причинах распространения интересующего нас процесса помещения внутри курганных насыпей каменных изваяний, в т.ч. и в «ямах-святилищах». Подобное явление не совсем соответствует характерному еще с «домонгольского» времени традиционному отношению средневековых кочевников к своим знаковым символам культа предков, какими являлись подобные статуи.

В свое время, касаясь интересующей нас проблемы, Г.А. Фёдоров-Давыдов, например, полагал: известные на то время подобные археологические факты отражают лишь *какие-то культовые действия*, значение которых пока не ясно [33, с. 191–192]. С.А. Плетнёва, на что справедливо обращает внимание Ю.К. Гугуев [8, с. 248], любые манипуляции с половецкими статуями в т.ч. и помещение их в «ямы-святилища», как и прочие способы их «сокрытия» внутри курганных насыпей, ставила в прямую связь с татаро-монгольскими завоеваниями Дешт-и-Кипчака: «По-видимому именно в эти годы (после похода Джэбэ и Субэдэя в 1220-1224 гг. появляется и распространяется в степях обычай сооружать скрытые святилища» (цит. по: [8, с. 248]). Гипотеза допускала, якобы то, что «статуи уже не возвышались над оградами вокруг них, а опускались стоя в глубокие ямы, которые в случае опасности сравнивались с землей» [8, с. 248]. Это оригинальное предположение, впрочем, как и обозначение таких объектов «скрытыми святилищами», было поддержано другими авторами [9, с. 108; 36, с. 206] и его можно встретить и в современных изданиях. Встречается ныне и мысль о том, что «производство каменных изваяний было прервано монгольским нашествием» [30, с. 166], высказывавшаяся С.А. Плетневой и раньше; предположение надолго укоренилась в литературе. Здесь необходимо указать, что отмечавшаяся выше «увязка» прекращения процесса изготовления изваяний, следовательно, и поклонения им в связи с «монгольским вторжением», не учитывает того, что накануне этого вторжения на своей исторической родине у монголов также был распространен культ поклонения своим собственным статуям [2, с.148–159; 19, с. 55–58]. Распространение у половецков интересующих нас манипуляций со своими традиционными культовыми символами (статуями), скорее всего, следует рассматривать в контексте

не прямых военных столкновений, а как возможный результат трансформации и кардинальных изменений политико-идеологической системы Золотой Орды, внутри которой половцы оказались. Можно полагать, что подобные изменения затронули далеко не все половецкие группы населения Дешт-и-Кипчака, а только ту их часть, которая находилась в эпицентре интеграционных и инновационных процессов. Косвенно на это указывает, например, сообщение источников о процессе исламизации населения Золотой Орды. При впечатлении достаточно мирного в условиях Северного Кавказа его распространения [25, с. 264–271], в других улусах Золотой Орды Узбек-хан, объявивший ислам государственной религией, вынужден был даже прибегнуть к физическому уничтожению противников исламизации, т.к. «в государстве его оставалась еще шайка людей, не исповедовавших ислам». И именно им Узбек-хан «предоставил выбирать: или вступление в мусульманскую религию или войну». За последовавший отказ он «уничтожил их посредством избиения или пленения» [31, с. 163]. Подобному наказанию подвергались не только отдельные представители социальной верхушки подвластного населения, но и выходцы из разных категорий приверженцев доисламских верований, и Узбек-хан «умертвил нескольких эмиров и знатных лиц и убил множество бахшей и волшебников» [31, с. 197]. Однако даже использование силы не везде дало желаемые результаты. Ибн 'Арабшах (нач. XV в.) сообщал, что «многие жители Дешт-и-Кипчака еще до сих пор поклоняются идолам» [31, с. 457]. Косвенно подтверждают это и значительно более поздние источники и авторы XVII-XVIII вв. («Книга Большому Чертежу», А. Лызлов, И. Гюльденштедт и др.), упоминающие статуи, по-прежнему стоящие на курганах [17, с. 69–85; 20, с. 167; и др.]. Е.Д. Фелицын в конце XIX в. отметил их на своей «Археологической карте Кубанской области» [35]. Но на этом фоне предположение о специфике использования «скрытых святилищ», как их «опускание стоя в глубокие ямы», а «в случае опасности сравнивались с землей» [8, с. 248], не очень убеждает, т.к. после исчезновения такой опасности статуи, надо полагать, вновь должны были выниматься из земли, а потом ситуация повторялась вновь и вновь? Но этот чрезмерно трудоёмкий и выглядящий не совсем реальным процесс, вероятно, требует других пояснений.

Надо полагать, что интересующие нас манипуляции со статуями, как с семантическим образом культа предков, во всех археологически зафиксированных случаях зародился задолго до начала исламизации оседлого и кочевого населения Золотой Орды. Положенные плашмя, как и «стоящие» внутри ям, они вряд ли являли собой некие «сокрытые святилища». По всей вероятности, мы сталкиваемся с одним и тем же процессом отражения происходившей у половцев трансформации их религиозно-идеологического (мировоззренческого) пантеона, который и предопределил подобные манипуляции со старыми символами-знаками. Именно инновационные изменения в половецкой среде и могли кардинальным образом изменить их отношение к традиционным, но уже отживающим внутри Золотой Орды культам «домонгольского» происхождения [22, с. 251]. Датировка данного явления «второй пол. XIII–XIV вв.», воздействие на процесс исламизации [22, с. 20245–274; 36, с. 206], как предполагалось ранее, отодвигает ее на второй план, отдавая приоритет иным предположениям.

В 2003 г., делая упор на воздействующую роль ислама в развитии интересующих нас процессов, все же речь шла о том, что такая версия ни в коем случае «не претендовала» на окончательный характер выводов. А решение проблемы требовало не только «новых археологических материалов», но и коллективного их обсуждения» [22, с. 270]. Реагируя на такую постановку вопроса, некоторые коллеги – специалисты по кимако-кипчакским изваяниям подчеркнули: в известных им материалах следов «ритуального захоронения статуй» пока не выявлено [32, с. 99]. Ю.К. Гугуев, также откликнувшийся на тот же самый призыв, не согласен с версией 2003 г. кардинально (последующие ее изменения оказались ему неизвестными). Не соглашается он и с тем, что интересующие нас процессы стали возможными сразу же после включения половцев в орбиту активной внутривосточной жизни золотоордынского государства². Утверждается им и отсутствие в версии 2003 г., якобы, «археологического обоснования датировки святилищ-ям ордынским периодом» [8, с. 251], хотя тут же приведенные в 2003 г. археологические реалии золотоордынской эпохи, аналогичные изображенным на половецких статуях – нагрудные бляхи, крюки, зеркала и пр. [22, с. 246–250], указанный автор признает «продолжающими бытовать в степи и во второй половине XIII–XIV вв.». Но они, по его мнению, никак не могут повлиять и на датировку не только статуй, но и т.н. «скрытых святилищ». Такой подход противоречит принципам датировки археологических объектов, включая и интересующие нас половецкие древности. При этом Ю.К. Гугуев настаивает на приоритете сугубо «палеоэтнографического подхода» к изучению как половецких статуй, так и святилищ, обозначая тем самым ожидаемую надежду на появление в скором будущем его новых исчерпывающих, хорошо (археологически) аргументированных, а не ассоциативно возникающих, выводов.

Исходя из датировки нижнедонской статуи, публикуемое нами аналогичное ему изваяние со Ставрополя позволяет констатировать следующее: сокрытие, вернее, «захоронение» статуй относится к золотоордынскому времени. Вторая половина XIII в. – XIV в., к который мы относим статуи из каменных блоков с подпрямоугольным сечением – это время активной жизнедеятельности в Золотой Орде уже не первого по этнографическим меркам, а второго и третьего поколений ее обитателей, включая и поколения половцев, родившихся и выросших в совершенно новых условиях и реалиях золотоордынского государства. Считается, что после окончания завоевательной кампании в степных, кочевнических районах, «заселенных по преимуществу половцами», их «местная аристократия была или уничтожена, или продана в рабство, или угнана в Центральную Азию. После событий сер. XIII в. в источниках мы нигде не встречаем упоминания о половецких ханах, которые бы владели кочевым населением на правах феодальных держателей и получали инвеституру из рук монгольских царевичей. Половецкая степь не была окраиной Золотой Орды. Это были главные ее районы», в которых монгольские ханы «хозяйничали сами, не допуская местную аристократию к управ-

² При этом его утверждение о том, что тогда же возникает необходимость у «половецкой верхушки «приобщаться к новым религиозным веяниям» – христианству и исламу [22, с. 252, с. 270]» [8, с. 251] – достаточно вольный и не совсем корректный пересказ версии – прим. Е.Н.

лению» [34, с. 27–28]. Тем не менее, если следовать сведениям ал-‘Омари³ (XIV в.), монголы почти сразу же оставляют на захваченных ими территориях местных царей, указывая при этом на черкесов, аланов и русских [31, с. 231]. Отчасти на примере северокавказских аланов информацию подтверждает и грузинский «Хронограф» XIV в. [24, с. 21]. Вероятно, что и какая-то часть половцев, все-таки, была также допущена к опосредованному контролю и управлению над некоторыми территориями в Золотой Орде, и именно там, скорее всего, и сохранились вплоть до недавнего времени упоминавшиеся выше половецкие изваяния, по-прежнему открыто стоявшие на курганах. Половцы продолжали оставаться в зависимом положении и позже: русские летописцы, сообщая о военных приготовлениях Мамаю к Куликовской битве, перечисляя его союзников, приводят перечень «понаймованных» (нанятых за плату) Мамаем разноэтничных военных отрядов, в т.ч. и с Северного Кавказа. Однако половцы упоминаются тем же источником в качестве не «понаймованных», а «призванных» Мамаем [4, с. 195–201]. В условиях Золотой Орды половцы, как и иные зависимые от нее обитатели, оказываются в системе прямых и непосредственных этнокультурных отношений, а также и непосредственными участниками формировавшейся, смешанной, Г.А. Фёдоровым-Давыдовым названной «синкретической» материальной культуры. Со всем не случайно и то, что в это время даже на половецких статуях появляются изображения отдельных, но реальных предметов золотоордынского происхождения [29, с. 30–31; 22, с. 245–274]. Отчасти это подтверждает и выше уже упоминавшийся ал-‘Омари. Прежде чем монголы смешались и породнились с кипчаками, отмечал он, «в древности это государство бывшее страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то *Кипчаки смешались с их подданными*» [31, с. 235]. Подобного рода этнокультурные смешения (процесс этномиксации) фиксируются в т.ч. и археологически на разных материалах XIII–XIV вв. (их обзор см.: [23, с. 179–181]). Подобные изменения, происходившие внутри золотоордынского государства, не могли не повлечь за собой и инноваций внутри половецких сообществ. Как и у многих других этнокультурных групп населения, у половцев происходит постепенная замена традиционных обрядов на совершенно новые. Среди них – смена ориентировок погребенных (с восточной на западную), что А.О. Добролюбский объяснял так: «Остается предполагать: к этому периоду (эпоха Золотой Орды – Авт.) процесс этнокультурной ассимиляции многих групп кочевников выразился, в частности, *в отказе от сознательного сохранения ориентировок могил по странам света – они потеряли для них былой смысл или же приобрели какой-то новый*» [10, с. 41]. Вполне понятно, что подобный «отказ» и «приобретение нового смысла» – изменения идеологического порядка, распространявшиеся на все сферы жизнедеятельности. Именно в этом контексте, вероятно, следует рассматривать и изменения в отношении к новому воспри-

³ Здесь необходимо напомнить о версии В.П. Костюкова, считавшего, что сведениям этого автора доверять нельзя из-за того, что на территории Золотой Орды он никогда не был [15, с. 169–198]. Назвав предположение В.П. Костюкова «блестящим», М.В. Горелик подчеркнул: «ал-‘Омари никогда на территории Золотой Орды или даже ее отдаленных соседей не был» [6, с. 78]. Но помимо ал-‘Омари на территории Золотой Орды никогда не были и другие восточные авторы, впоследствии и вполне достоверно писавшие о Золотой Орде.

ятию «старых» культов, сохранявшихся еще с «домонгольского» времени, в т.ч. к статуям святилищам с ними. Тем более, что, половецкие изваяния, как и «кыпчакские изваяния», «судя по иконографическому облику, реалиям, могли воплощать образы предков» [14, с. 158]. Половецкие статуи, вероятно, олицетворявшие собой тот же самый семантически образ, в рамках различно происходившей трансформации идеологических воззрений половцев, позволяли их некоей части по-прежнему поклоняться старым культовым местам и изваяниям. Другие, следуя прежним и традиционным канонам, отказываясь от прежних религиозных воззрений, стали помещать статуи стоя, внутри ям, вырытых в курганной насыпи. Тем самым сохранялся образ традиционного и семантического символа святилища, которое, будучи помещенным в насыпь кургана, уже утрачивало прежний смысл. То же самое можно экстраполировать и на находки отдельных статуй или даже их групп, аккуратно горизонтально уложенных в насыпях курганов, обязательно «на спине», но головной частью на восток (по принципу «старых» ориентировок), как это было и в случае с публикуемой нами статуей, или же – «головой» на запад [22, с. 245–274], т.е., повторяя образ погребального кочевнического комплекса с «новой», западной ориентировкой. Тем самым снятые с вершин курганов статуи превращались в ритуальное захоронение старого культа, зарытого внутри кургана. Все это и позволяет в них видеть своеобразный семантический образ отправления «в потусторонний мир» (захоронение) знаковой символики отживавших или уже отживших в новых исторических условиях «старых» культов, воплощенных в образе статуи. Подобные «захоронения» каменных изваяний вряд ли стоит «привязывать» только ко «второй пол. XIII–XIV вв.», как это демонстрируют находки статуи и корчаги с Нижнего Дона. Вероятно, что такой процесс начался гораздо ранее и продолжился на протяжении XIV столетия, активизированный и в ходе исламизации кочевой степи. В любом случае, обсуждаемая проблема по-прежнему требует новых археологических материалов или же более надежно и аргументировано опровергающих эту версию «палеоэтнографических» доказательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Атавин А.Г., Андреева М.В.* Половецкое святилище из Ставрополя // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Белинский А.Б. (ред.). Ставрополь: ГУП «Наследие», 1998. Вып. 1. С. 231–237.
2. *Баяр Д.* Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака (Восточная Монголия) // Древни культуры Монголии / Васильевский Р.С. (ред). Новосибирск: Наука, 1985. С. 48–159.
3. *Березин Я.Б.* Раскопки курганного могильника «Солнечнодольск-4» в Изобильненском районе Ставропольского края в 2020 г. Ставрополь, 2021 // Архив ИА РАН, Р-1.
4. *Березин С.Я., Нарожный Е.И.* О северокавказских участниках Куликовской битвы и их вооружении // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород. БелГУ, 2010. № 7 (78). Вып. 14. С. 195–201.
5. *Богачкова А.Е.* История Изобильненского района. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1994. 325 с.
6. *Горелик М.В.* Монголы и подвластные народы в Золотой Орде (этносоциальная самоидентификация и ее внешнее выражение) // Золотоордынское наследие. Ма-

териалы второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова (Казань, 29–30 марта 2011 г.) / Миргалеев И.М. (ред.). Казань: ООО «Фолиант», 2011. Вып. 2. С. 77–90.

7. *Гугуев Ю.К.* Половецкое святилище-яма с каменной статуей и человеческими жертвоприношениями у села Бешпагир в Ставропольском крае // *Донская археология*. Ростов-на-Дону, 2002. № 3–4. С. 53–66.

8. *Гугуев Ю.К.* О палеоэтнографическом подходе к изучению половецких святилищ и статуй // *Новое прошлое*. Ростов-на-Дону, 2017. № 4. С. 244–257. DOI: 10.23683/2500-3224-2017-4-244-257

9. *Гуркин С.В.* Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону // *Советская археология*. 1987. № 4. С. 100–109.

10. *Добролюбовский А.О.* Кочевники Северного Причерноморья в эпоху средневековья / Каршковский П.О. (ред.). Киев: Наук. думка, 1986. 137 с.

11. *Евглевский А.В.* Изваяния и корчага из кургана у станицы Кременская на Нижнем Дону: К проблеме завершающего этапа изготовления половецкой скульптуры // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 13: Золотоордынское время / Евглевский А.В. (ред.). Донецк : ДонНУ, 2014. С. 263–282.

12. *Евглевский А.В.* Кочевническое изваяние XIII в. с вторичным знаком из города Изобильный // *Древности Кубани / Верещагин В.В.* (ред.). Ростов-на-Дону-Таганрог: Изд-во ЮФУ. Вып. 24. 2020. С. 155–165.

13. *Евглевский А.В., Круглов Е.В.* Изваяния и корчага из кургана у станицы Кременская на Нижнем Дону: к проблеме завершающего этапа изготовления половецкой скульптуры (II) // *Нижневожский археологический вестник*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. Т. 15. № 1. С. 40–71.

14. *Ермоленко Л.Н.* О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями // *Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э.* / Илюшин А.М. (ред.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. С. 157–165.

15. *Костюков В.П.* О кыпчаках в Джучидском государстве // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Нарожный Е.И.* (ред.). Армавир: РИЦ АГПУ, 2005. Вып. 5. С. 169–198.

16. *Корневский С.Н., Андреева М.В., Ульянова С.А.* Раскопки Ставропольской экспедиции // *Археологические открытия 1986 года / Лопатин Н.В.* (ред.). М.: Наука, 1988. С. 130–131.

17. *Кузнецов В.А.* Тюркские изваяния из Пятигорья // *Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии*. Нальчик: «Эльбрус», 1980. Вып. 1. С. 169–178.

18. *Леонова Н.В.* Половецкое изваяние из могильника Бага-Бурул на Западе Калмыкии // *Краткие сообщения института археологии*. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 252. С. 254–273.

19. *Майдар Д.* Памятники истории и культуры Монголии / Окладников А.П. (ред.). М.: Мысль 1981. 174 с.

20. *Минаева Т.М.* К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // *Материалы по изучению истории Ставропольского края*. Ставрополь: Ставр. кн. изд-во, 1964. Т. II. С. 167–196.

21. *Мирошина Т.В.* Раскопки курганов у с. Бешпагир // *Археологические открытия 1983 года / Лопатин Н.В.* (ред.). М.: Наука, 1988. С. 125–126.

22. *Нарожный Е.И.* О половецких святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // *Степи Европы в эпоху средневековья / Евглевский А.В.* (ред.). Донецк: Изд-во ДонНУ, 2003. Т. 3. С. 245–274.

23. *Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники Северного Кавказа / *Виноградов В.Б.* (ред.). Армавир: ЦАИ АГПУ, 2005. 208 с.

24. *Нарожный Е.И.* Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореф. дисс. д.и.н. Владикавказ: СОГУ, 2010. 58 с.

25. *Нарожный Е.И.* Из истории исламизации в северокавказских владениях Золотой Орды // Ислам в духовном пространстве Северного Кавказа: история, философия, социология. Материалы Всероссийской научной конференции. 7–8 октября 2011 г. / Бегеулов Р. М. (ред.). Карачаевск: КЧГУ. 2011. С. 264–271.

26. *Нарожный Е.И.* Половцы Северного Кавказа (некоторые итоги и перспективы изучения) // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...). Серия: «Тюркские племена и государства Евразии в древности и в средние века». Вып. 2 / Загидуллин И.К. (сост. и ред.). Казань: Изд-во «Ихлас», 2013. С. 48–76.

27. *Нарожный Е.И., Соков П. В.* География события 1222 года на Северном Кавказе // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова / Бочаров С.Г. и Ситдииков А.Г. (ред.). Казань-Ялта-Кишинёв: Stratum, 2016. С. 232–237.

28. *Нарожный Е.И., Соков П.В.* Половецкие каменные изваяния из краеведческого музея г. Изобильный (Ставрополье) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Нарожный Е.И. (ред.). Армавир-Краснодар: НАО «Наследие Кубани», 2018. Вып. 16. С. 191–205.

29. *Плетнёва С.А.* Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. Вып. Е4–2 / Рыбаков Б.А. (ред.). М.: Наука, 1974. 200 с.

30. *Плетнева С.А.* Об армавирской коллекции каменных половецких изваяний // Историко-археологический альманах / Мунчаев Р.М. (ред.). Армавир-М., 1995. Вып. 1. С. 165–166.

31. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Санкт-Петербург: изд. С.Г. Строганова, 1884. Т.1: Извлечения из сочинений арабских. 564 с.

32. *Усманова Э.Р., Ериолёнок Л.Н., Мкртычев Т.К., Антонов М.А.* Гендерная символика на средневековом каменном изваянии // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». Иркутск, 2016. Т. 17. С. 94–108.

33. *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 274 с.

34. *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1974. 180 с.

35. *Фелицын Е.Д.* Археологическая карта Кубанской области. М., 1882 (карта).

36. *Фоменко В.А.* Древние и средневековые курганы в истории и культуре ногайского населения степного Прикумья (Историографический и этнологический аспекты исследования) // Кавказология. Нальчик: КБГУ, 2020. № 2. С. 204–231. DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-204-231

Сведения об авторах: Яков Борисович Березин – научный сотрудник Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета (125009, ул. Моховая, 11, Москва, Российская Федерация). E-mail: yakov_berezin@mail.ru

Евгений Иванович Нарожный – заслуженный работник культуры Кубани, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева» (369202, ул. Ленина, 29, Карачаевск, Российская Федерация). E-mail: zai_ein@mail.ru

Поступила 1.12.2021 Принята к публикации 2.03.2022
Опубликована 29.03.2022

REFERENCES

1. Atavin A.G., Andreeva M.V. Polovtsian sanctuary from Stavropol. *Materials on the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus*. Issue 1. Stavropol: State Unitary Enterprise “Heritage”, 1998, pp. 231–237. (In Russian)
2. Baiar D. Stone sculptures from the Sukhbaatar aimag (Eastern Mongolia). *Ancient Cultures of Mongolia*. Novosibirsk: Nauka, 1985, pp. 48–159. (In Russian)
3. Berezin Ia.B. *Excavations of the Burial Mound “Solnechnodolsk-4” in the Izobilnensky District of the Stavropol Territory in 2020*. Stavropol, 2021 (in print). (In Russian)
4. Berezin S.Ya., Narozhny E.I. About the North Caucasian participants of the Battle of Kulikovo and their weapons. *BelSU Scientific Bulletin. History Series. Political Science. Economy. Computer Science*. Issue 14. Belgorod: BelSU, 2010, no. 7 (78), pp. 195–201. (In Russian)
5. Bogachkova A.E. *History of the Izobilnensky District*. Stavropol: Stavropol Publishing House, 1994. 325 p. (In Russian)
6. Gorelik M.V. The Mongols and the subject peoples of the Golden Horde (the ethno-social identity and its external expression). *The Golden Horde heritage. Proceedings of the Second International Research Conference “Political and Socio-economic History of the Golden Horde”, Dedicated to the Memory of M.A. Usmanov (Kazan, March 29–30, 2011)*. Issue 2. Kazan: LLC “Foliant”, 2011, pp. 77–90. (In Russian)
7. Guguev Iu.K. Polovtsian pit sanctuary with a stone statue and human sacrifices near the village of Beshpagir in the Stavropol Territory. *Don Archaeology*. Rostov-on-Don, 2002, no. 3–4, pp. 53–66. (In Russian)
8. Guguev Iu.K. On the paleoethnographic approach to the study of Polovtsian shrines. *New Past*. Rostov-on-Don, 2017, no. 4, pp. 244–257. DOI: 10.23683/2500-3224-2017-4-244-257 (In Russian)
9. Gurkin S.V. Polovtsian sanctuaries with the wooden sculptures in the Lower Don region. *Soviet Archaeology*. 1987, no. 4, pp. 100–109. (In Russian)
10. Dobroliubskii A.O. *Nomads of the Northern Black Sea Region in the Middle Ages*. Kiev: Nauk. dumka, 1986. 137 p. (In Russian)
11. Evglevskii A.V. Statues and korchaga from the mound near the village of Kremenskaya in the Lower Don region: To the problem of the final stage of making Polovtsian sculpture. *The Steppes of Europe in the Middle Ages. Golden Horde’s Time*. Donetsk: DonNU, 2014. Vol. 3, pp. 263–282. (In Russian)
12. Evglevskii A.V. Nomadic statue of the thirteenth century with a secondary sign from the city of Izobilny. *Antiquities of the Kuban*. Issue 24. Rostov-on-Don; Taganrog, 2020, pp. 155–165. (In Russian)
13. Evglevskii A.V., Kruglov E.V. Sculptures and korchaga from the mound near the village of Kremenskaya in the Lower Don region: On the problem of the final stage of making Polovtsian sculpture (II). *Nizhnevolzhsky Archaeological Bulletin*. Volgograd: Publishing House of the Volga, 2016, vol. 15, no. 1, pp. 40–71. (In Russian)
14. Ermolenko L.N. On the semantics of medieval nomadic shrines with statues hidden in mounds. *Ethnocultural Processes in Southern Siberia and Central Asia in the first and second millennium AD*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1994. pp. 157–165. (In Russian)
15. Kostiuikov V.P. About Kipchaks in the Jochid State. *MIA of the North Caucasus*. Armavir, 2005. Issue 5, pp. 169–198. (In Russian)
16. Korenevskii S.N., Andreeva M.V., Ulianova S.A. Excavations of the Stavropol expedition. *Archaeological Discoveries of 1986*. Moscow, 1988, pp. 130–131. (In Russian)

17. Kuznetsov V.A. Turkic statues from Pyatigorsk. *Archaeology and Questions of the Ancient History of Kabardino-Balkaria*. Issue 1. Nalchik, 1980, pp. 169–178. (In Russian)
18. Leonova N.V. Polovtsian statue from the Baga-Burul burial ground in the West of Kalmykia. *Brief Reports of the Institute of Archaeology*. Moscow, 2018, iss. 252, pp. 254–273. (In Russian)
19. Majdar D. *Monuments of History and Culture of Mongolia*. Moscow: Mysl, 1981. 174 p. (In Russian)
20. Minaeva T.M. On the question of Polovtsy in the Stavropol region according to archaeological data. *Materials for the Study of the History of the Stavropol Territory*. Stavropol: Stav. kn. izd-vo, 1964, Vol. II, pp. 167–196. (In Russian)
21. Miroshina T.V. Excavations of burial mounds near the village of Beshpagir. *Archaeological Discoveries of 1983*. Moscow, 1988, pp. 125–126. (In Russian)
22. Narozhny E.I. About the Polovtsian sanctuaries of the thirteenth and fourteenth centuries in the Northern Caucasus and the Don region. *The Steppes of Europe in the Middle Ages*. Vol. 3. Donetsk, 2003, pp. 245–274. (In Russian)
23. Narozhny E.I. *Medieval Nomads of the North Caucasus* Armavir: TSAI AGPU, 2005. 208 p. (In Russian)
24. Narozhny E.I. *The North Caucasus from the thirteenth to fifteenth centuries: Problems of Political History and Ethno-cultural Interaction. Abstract of PhD Thesis*. Vladikavkaz: SOGU, 2010. 58 p. (In Russian)
25. Narozhny E.I. From the history of Islamization in the North Caucasian possessions of the Golden Horde. *Islam in the Spiritual Space of the North Caucasus: History, Philosophy, and Sociology. Materials of the All-Russian Scientific Conference. October 7–8, 2011*. Karachayevsk, 2011, pp. 264–271. (In Russian)
26. Narozhny E.I. The Kipchaks of the North Caucasus (some results and prospects of studying). *Turkic Nomads of Eurasia (the Kimaks, Kipchaks, Cumans,...). Series: "Turkic Tribes and States of Eurasia in Ancient Times and in the Middle Ages"*. Issue 2. Kazan, 2013, pp. 48–76. (In Russian)
27. Narozhny E.I., Sokov P.V. The geography of 1222 event in the North Caucasus. *Dialogue of Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde Proceedings of the VII International Scientific Conference in Memoriam of German Fyodorov-Davydov*. Kazan; Yalta; Chisinau: Stratum, 2016. pp. 232–237. (In Russian)
28. Narozhny E.I., Sokov P.V. Polovtsian stone sculptures from the Local History Museum of Izobilny (Stavropol region). *MIA of the North Caucasus*. Issue 16. Armavir; Krasnodar, 2018, pp. 191–205. (In Russian)
29. Pletnyova S.A. Polovtsian stone sculptures. *SAI. Iss. E4–2*. Moscow: Nauka, 1974. 200 p. (In Russian)
30. Pletneva S.A. About the Armavir collection of Polovtsian stone sculptures. *Historical and Archaeological Almanac*. Issue 1. Armavir; Moscow, 1995, pp. 165–166. (In Russian)
31. Tizengauzen V.G. *Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde*, Vol. 1: *Extracts from Arabic Works*. St. Petersburg: Publishing house of S.G. Stroganov, 1884. 564 p. (In Russian)
32. Usmanova E.R., Eriolenko L.N., Mkrtichev T.K., Antonov M.A. Gender symbolism on a medieval stone statue. *News of the Irkutsk State University. Series "Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology"*. Irkutsk: IrSU, 2016. Vol. 17, pp. 94–108. (In Russian)
33. Fyodorov-Davydov G.A. *Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans*. Moscow: MSU, 1966. 274 p. (In Russian)
34. Fyodorov-Davydov G.A. *The Social System of the Golden Horde*. Moscow: MSU, 1974. 180 p. (In Russian)
35. Felicyan E.D. *Archaeological Map of the Kuban Region*. Moscow, 1882. (In Russian)

36. Fomenko V.A. Ancient and medieval burial mounds in the history and culture of the Nogai population of the Steppe Cis-Kuma region (Historiographical and ethnological aspects of the Study). *The Study of Caucasus*. Nalchik, 2020, no. 2. pp. 204–231. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-2-204-231-204-231 (In Russian)

About the authors: Yakov B. Berezin – Researcher at the Research Institute and Museum of Anthropology of the Moscow State University (11, Mokhovaya Str., Moscow 125009, Russian Federation). E-mail: yakov_berezin@mail.ru

Evgeny I. Narozhny – Honored Worker of Culture of the Kuban region, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of General History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Umar Aliev Karachai-Cherkess State University” (29, Lenin Str., Karachaevsk 369202, Russian Federation). E-mail: zai_ein@mail.ru

*Received December 1, 2021 Accepted for publication March 2, 2022
Published March 29, 2022*

УДК 93/94

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.47-65

УЛУС БАРАК-ХАНА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ КОЧЕВИЙ В СВЕТЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

К.З. Ускенбай

*Институт гуманитарных исследований АБДИ
Алматы, Казахстан
uskenbay@gmail.com*

Цель статьи: Установить возможную территорию улуса Барак-хана.

Материалы исследования: Используются сведения средневековых письменных источников на арабском (Бадр ад-Дин ал-'Айни «'Икд ал-джуман»), персидском ('Абд ар-Раззак Самарканди «Матла' ас-са' даин», Хафиз-и Абру «Зубдат ат-таварих», Мирхонд «Раудат ас-сафа»), тюркском (Утемиш-хаджи «Кара таварих», Абдулгаффар Кырыми «Умдет ал-ахбар», Кадыргали би Косымулы Жалаир «Джами ат-таварих»), русском (летописи и материалы Посольского приказа Русского государства) языках, а также письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II и современные систематизированные нумизматические данные.

Результаты и научная новизна: На основе анализа сведений средневековых источников, нумизматических данных и исследовательской литературы обобщены данные о территории, которая могла находиться под властью Барак-хана; сделан вывод о том, что улус Барак-хана располагался в восточной части Улуса Джучи, в основном в левобережной части Волги, на реках Урал и Эмба, в Северном Приаралье и Присырдарье. Территориально земли улуса Барак-хана совпадали с землями будущего Казахского ханства, основанного и его сыном Жанибеком в том числе. Русские и ногайские современники казахов воспринимали их именно как наследников Барак-хана и его деда Урус-хана, что так же свидетельствует о преемственности не только династии, но и территорий. В заключение рассмотрена этимология имени Барака, которое является обычным тюркским антропонимом, а попытки искать у него арабские корни ошибочны.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, Ак Орда, Барак-хан, казахи, узбеки

Для цитирования: Ускенбай К.З. Улус Барак-хана: некоторые вопросы локализации кочевий в свете письменных источников // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 47–65. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.47-65

Благодарности: Выражаю искреннюю признательность коллегам Ильнуру Миргалееву, Хироюки Нагаминэ, Рашиду Кукашеву и Жазире Уалиевой за консультации и помощь при написании настоящей статьи.

BARAQ KHAN'S ULUS: SOME ISSUES OF LOCALIZATION OF HIS PASTURES IN LIGHT OF WRITTEN SOURCES

Kanat Z. Uskenbay

Institute for Humanitarian Studies ABDI

Almaty, Kazakhstan

uskenbay@gmail.com

Abstract: *Objective:* The purpose of the article is an attempt to determine the approximate boundaries of Baraq Khan's nomads' territories, to summarize information from various written sources and modern literature, and to determine how the name of this famous ruler should actually be written.

Research materials: To achieve this goal, we used medieval Muslim written sources. Among these sources, we have identified four groups based on language. The first group is written in Arabic. It is represented by one source – the work of al-Aini “Iqd al-juman”. The second group is more plentiful: here we drew on the data of Samarkandi's “Matla ‘assa'dain”, Hafiz-i Abru's “Zubdat at-tavarih”, Mirkhond's “Rauzat al-safa”, and also Ibn Ruzbihan's “Mihaman name-yi Bukhara”. The third group includes works in the Turkic language, among them Ötemish Haji's “Kara Tavarih”, Qyrymi's “Umdet al-Akhbar”, and Qadyrgali's “Jami at-tavarih”. Another group of sources is written in Russian; these are the data of the chronicles and materials of the Ambassadorial Department of the Russian state. In addition to these sources, we used numismatic data and that from the letter of the Golden Horde Khan, Ulugh-Muhammad, to the Turkish Sultan Murad I.

Results and novelty of the research: According to al-Aini, the lands of Baraq Khan bordered on the lands of Amir Temir. The materials of the Ambassadorial Department drew a direct continuity between the ulus of Baraq Khan and the khanate of the Qazaqs. Persian chroniclers called Baraq Khan the ruler of the Uzbek Ulus whose territory was contingent with the Qazaq Ulus that arose later. Ötemish Haji and Qyrymi call Baraq Khan's property the “Qazaq summer pasture”. The same lands were called Uzbekiya in the work of Qadyrgali. Coins of Baraq Khan do not clarify his main possessions but nevertheless indirectly refer to the fact that the main territory of his nomads was the steppes east of the Volga. All this information has led to several important conclusions. The main conclusion is that the Baraq Khan's ulus was located in the eastern part of the Jochid Ulus, mainly in the left-bank area of the Volga region, on the Ural and Emba rivers, and in the northern Aral and Syr Darya regions. Baraq Khan did not pursue the goal of annexing these lands to his possessions. Geographically, the lands of his ulus were contingent with the lands of the future Qazaq Khanate, founded by his son, Zhanibek. Russian and Nogai contemporaries of the Qazaqs perceived them precisely as the heirs of Baraq Khan and his grandfather Urus Khan. That last fact testifies to the continuity of not only the dynasty, but also the territories. In conclusion, the etymology of the name Baraq, which is a common Turkic anthroponym, is considered while attempts to establish Arabic roots for it are ruled out as erroneous.

Keywords: Jochid ulus, Golden Horde, White Horde, Baraq Khan, Qazaqs, Uzbeks

For citation: Uskenbay K.Z. Baraq Khan's Ulus: Some Issues of Localization of his Pastures in Light of Written Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 47–65. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.47-65 (In Russian)

Acknowledgments: I would like to express my sincere gratitude to my colleagues Ilnur Mirgaleev, Hiroyuki Nagamine, Rashid Kukashev and Zhazira Ualieva for advice and help in writing this article.

Важной задачей современной историографии Улуса Джучи являются историко-источниковедческие исследования, посвященные географии этого государства, его границам, кочевым и торговым маршрутам, локализации улусов. Историки не всегда могут даже примерно обозначить владения тех или иных золотоордынских ханов, маршруты их походов или перекочевков. Одним из таких ханов является Барак-хан, политический деятель первой трети XV века.

Деятельность Барак-хана неоднократно привлекала к себе внимание исследователей истории Золотой Орды. В последнее время о нем особенно много пишут в связи с изучением истории Улуса Джучи первой трети XV века, однако основной круг источников, известный со времен первых исследователей, не сильно изменился. Вместе с тем, в литературе не предпринимались специальные попытки очертить, хотя бы примерно, границы кочевий улуса Барак-хана. Среди историков распространено обобщенное представление, что Барак-хан пришел в Золотую Орду откуда-то «из Сибири», «с Востока», «из глубин Степи».

Процитируем мнения некоторых историков, авторов общеизвестных работ по истории Золотой Орды:

- «кочевники из районов Западной Сибири во главе с узбекским ханом Бораком» – Александр Якубовский [13, с. 410];
- «из Сибири на запад шел Барак» – Бертольд Шпулер [50, с. 185];
- Бараку «не удалось закрепить за собой захваченные на западе земли, и спустя год он был вынужден бежать снова на Восток» – Магомед Сафаргалиев [37, с. 198].

Авторы процитированных и других обобщающих работ по истории Золотой Орды исследовали в основном события, происходившие в центральных и западных областях Улуса Джучи, а события к востоку от Волги и Урала оставались вне поля их зрения. Этот пробел отчасти был восполнен работой Томаса Олссена «Царевичи левой руки: введение в историю улуса Орды XIII – начала XIV века» [51, р. 5–40] и исследованиями историков из Казахстана и Узбекистана. Известный советский узбекский востоковед Бурибай Ахмедов при исследовании истории взаимоотношений правителя Мавераннахра Тимурида Улугбека с Барак-ханом именуется владения последнего *Узбекским улусом* (так называет владения Барак-хана основной персидский источник, использованный Ахмедовым, 'Абд ар-Раззак Самарканди). Кроме этого названия он использует термины *Ак-Орда*, *вилайет узбеков*, *территория кочевых узбеков*, *страна узбеков* [4, с. 40–41, 49–55]. Задачи обозначить владения Барак-хана Ахмедов не ставил. Востоковед Гурсун Султанов в статье, посвященной письму золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II, дал подробную характеристику деятельности Барак-хана [41, с. 57–61]. Стоит отметить, что этой статьей автор по существу познакомил русскоязычного читателя с обширным исследованием турецкого ученого Акдес Нигмет Курата, опубликованного в 1937 и 1940 гг. (см. русское издание: [21, с. 29–67]). Курат одним из первых отдельно остановился на биографии Барак-хана, привлек исследования Василия Смирнова и Василия Бартольда, использовал сведения 'Абд ар-Раззака Самарканди, Мирхонда, Хафиз-и Аbru, а также Абу-л-Гази, Абдулгаффара Кырыми, Мунаджимбаши и русские летописи. Именно Курат установил правильное написание имени

Барака (вместо Борак, Бурак). Тем не менее, турецкий историк никак не обозначил границы владений Барака. По его мнению, Барак был «жестоким правителем», тогда как его соперник Улуг-Мухаммад «неутомимый и стойкий, не отступающий перед трудностями человек..., выказывал себя исключительным реалистом..., отличался справедливостью и благородством» [21, с. 54, 58–59]. Кажется, современники Улуг-Мухаммада не испытывали к нему такого пиетета и постоянно его изгоняли.

В последние годы появились различные исследования, где так или иначе говорится о деятельности Барак-хана, некоторые из них мы упомянем ниже. Здесь стоит обратиться к основной задаче нашего исследования и рассмотреть сведения средневековых источников на предмет информации о локализации улуса Барак-хана.

Сведения арабских источников

Египетский государственный деятель и профессор Бадр ад-Дин ал-‘Айни (ум. в 1451 г.) автор многотомного сочинения «*Икд ал-джуман фи та’рих ахл аз-заман*» сообщает оригинальные сведения по истории восточной части Улуса Джучи от времени Орды, сына Джучи до хана Барака, сына Куйрчука. В частности он дважды упоминает о Барак-хане:

«В 824 (1421) году государем земель Дашта был Мухаммад-хан, но между ним и Барак-ханом, или Берке-ханом, происходили смуты и войны, и дела не улаживались» [17, с. 375].

«В землях Дашта (بلاد الدشت) большая неурядица и три царя оспаривают царство друг у друга; один из них, по имени Даулат Берди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой, Мухаммад-хан, завладел Сараем и принадлежащими к нему землями, а третий, по имени Барак, занял земли, граничащие с землями Тимурленка» [17, с. 376].

Оба сюжета хорошо известны в специальной литературе и неоднократно комментировались. Среди новейших работ по этой теме можно отметить исследование Романа Беспалова (см., напр.: [10, с. 30–51], там же приведена новейшая историография вопроса). В контексте темы нашего исследования интерес в цитате арабского историка вызывает локализация земель Барак-хана:

يسمى براق ملكا لبلاد التي تتاخم بلاد تمرلنك [17, с. 698]

«Барак владетель земель, которые примыкают к землям Тимурленка»

Таким образом, Бадр ад-Дин ал-‘Айни локализует улус Барак-хана в восточной части Улуса Джучи. Сведения «*Икд ал-джуман*» первые в нашем ряду источников. Обратимся к материалам русских летописей.

Сведения русских источников

Имя Барак-хана встречается не только в столбцах русских летописей, но и в материалах более позднего Посольского приказа. Рассмотрим их в хронологическом порядке. В русских летописях имя Барак-хана упоминается в связи с походом на город Одоев в 1424 году:

«Того же месяца 31 царь Баракъ побѣ Куидодата, а на осень приходи къ Одоеву ратью и отъиде прочь, города не возьмь, а зло учинивъ, и отъиде съ полоном в поле. И князь Юрьи Романович Одуевъскы да Григорей Мценскы състигъ его били и полонъ отымали» [31, с. 245].

Этот фрагмент приведен здесь по Московскому летописному своду конца XV века, имеется он и в других русских летописях. Исследователи истории Золотой Орды и ордынско-русских отношений обращали внимание на этот сюжет: сначала историки просто констатировали летописный факт набега Барак-хана на город Одоев, затем пытались найти причины, побудившие далекого восточного хана воевать на западе в верховьях Оки в Одоевском княжестве (см., напр.: [12, с. 137–138; 34, с. 230; 29, с. 100]). Теперь, как установлено Беспаловым на основании письма Витовта гроссмейстеру Немецкого Ордена от 1 января 1425 года, речь в летописях идет о походе на город Одоев хана Кудайдата, а не Барак-хана, последний вовсе не напал на Одоев. Путаница в летописях, по мнению Беспалова, произошла вследствие слияния записей о победе Барак-хана над ханом Кудайдатом в Улусе Джучи и о нападении хана Кудайдата на город Одоев. Таким образом, летописное известие о нападении Барак-хана на город Одоев следует признать ошибочным [9, с. 206].

Далее имя Барак-хана встречается в материалах Посольского приказа Русского государства. В послании ногайского правителя Кошум-мирзы в Москву от 1538 года в частности говорится:

«Так бы еси ведал: наперед того на Баракове царе на Казацком юрте ходили есмь. А ныне опять на свой юрт пришли есмь» [33, с. 81].

В 1552 г. ногайские послы Исмаила сообщали в Москву:

«Другу моему белому царю, ведомо буди, что еси дочерь нашу царицу дал за Бараков царев род» [33, с. 101; 32, с. 105].

По мнению Амантая Исина, «возможно, речь идет о правящей династии Казахского ханства, потомках Барак-хана 1422–1428 годов» [33, с. 463]. Вадим Трепавлов пишет, что «здесь имеется в виду династия казахских ханов», «потомки золотоордынского хана Барака б. Куйручака (около 1424–1428)» [32, с. 229].

В глазах ногайских правителей казахские ханы XVI века являлись правопреемниками не только государственности, но и территории Левого крыла Улуса Джучи (улуса Урус-хана и улуса Барак-хана). Казахское ханство ими неизменно именовалось «Урусов царев юрт» или «Бараков царев Казацкий юрт» [18, с. 8; 33, с. 456; 44, с. 260]. По мнению Трепавлова «мангытские лидеры никогда не оспаривали исконные владельческие права казахских государей на восточные территории. В официальной терминологии документов, исходивших из Сарайчука, Казахское ханство именовалось довольно уважительно – по аналогии с Крымом («Тахтамышевым царевым юртом») и Астраханью («Темир-Кутлуевым царевым юртом») и по именам прародителей правящей там династии: «Бараков царев Казатцкой юрт» и «Урусов царев юрт». Соответственно и местные сюзерены обозначались как «Бараковы (или Урусовы) царевы» сыновья, братья, род» [44, с. 260].

Таким образом, можно констатировать, что сведения русских источников вслед за арабскими также размещают кочевья Барак-хана в степных регионах современного Казахстана.

Сведения персоязычных источников

Сведения о деятельности Барак-хана содержатся в ряде средневековых персоязычных источниках [45, с. 235–252]. Прежде всего, следует назвать «*Зубдат ат-таварих*» (закончено в 1427) Хафиз-и Абру (ум. 1430) [39, с. 346], «*Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн*» (закончено в 1371–1376) 'Абд ар-Раззака Самарканди (1413–1482) [39, с. 361], «*Раудат ас-сафа' фи сират ал-анбийа' ва-л-мулук ва-л-хулафа*» Мухаммада б. Хонд-шаха б. Махмуда Мирхонда (Мир Хаванд) (1433–1498) [40, с. 820]. Сведения о Барак-хане из этих сочинений, в целом повторяющие друг друга, неоднократно приводились в специальной литературе, особенно данные 'Абд ар-Раззака Самарканди. Здесь мы не будем пересказывать все сюжеты, отметим лишь интересующие нас моменты. Каких-либо точных данных о местоположении кочевий Барак-хана, известного современника и соперника Тимурида Улугбека, указанные авторы не приводят. Тем не менее, интересны обозначения страны, из которой пришел Барак к правителю Мавераннахра. Для большинства персоязычных авторов, как тимуридских, так и позднее шейбанидских, степи к северу от Мавераннахра во второй половине XIV – начале XVI веков неизменно обозначались с прилагательным образованным от слова *اوزبک* *узбек*. Прежде я подробно разбираю соответствующую терминологию на примере еще одного персоязычного сочинения «*Михман-наме-йи Бухара*» Фазлаллаха Ибн Рузбихана Исфажани [46, с. 183–187].

Вот самые распространенные наименования государства восточных Джучидов:

اوزبک الوس *улус-и узбек* – Узбекский Улус [48, с. 100, л. 76-б]

مملکت اوزبک *мамлакат-и узбек* – Узбекское государство [48, л. 22-б, 70-а, VI-а]

بلاد اوزبک *билад-и узбек* – Узбекская страна [48, с. 74, л. I-б]

ديار اوزبک *дийар-и узбек* – Узбекская страна [48, л. 30-а, 47-а, 70-а, 72-а]

В основе этих наименований этнополитоним *узбеки* (*اوزبکيان* *узбекиян* – узбекцы, узбековцы), он становится обобщающим для населения Восточного Дешт-и Кыпчака с 1350–1360-х гг. [52, р. 1–26; 53, р. 97–103]. Примерно в это же время в соседних регионах появляются аналогичные этнополитонимы *татары*, *ногаи*, *могулы*. Все это явилось наглядным отражением происходивших в этом регионе центростремительных этнических процессов.

'Абд ар-Раззак Самарканди прямо пишет:

براق اغلان از الوس اوزبک

Барак-оглан аз Улус-и Узбек [16, с. 255].

Иногда он использует более узкий термин *вилайиат*: *ولایت اوزبک* [16, с. 256].

Другие персидские историки, как например Мирхонд в изданном Василием Бартольдом тексте, для обозначения кочевий Барак-хана используют

домонгольский этногеографический термин *دشت قىچاق* *Деит-и Кыпчак* – Кыпчакская степь [7, с. 180]. Этот термин широко использовался всеми мусульманскими авторами (арабскими, персидскими, тюркскими) в качестве обозначения всего Улуса Джучи (Золотой Орды) или его степных областей.

Узбекский Улус у персоязычных авторов XV – начала XVI веков территориально совпадал с возникшим впоследствии Казахским Улусом [45, с. 235, 258]. По словам Мирза Мухаммад Хайдара Дуглата «с 870 года, и до 940 года казахи имели полную власть над большей частью Узбекистана» [26, с. 108].

Уже с начала XVI века *Узбекский Улус / Узбекистан* частично или полностью именуется *Казахстаном*, так он в частности называется в «*Бада-и ал-вакаи*» Заин ад-Дина Васифи [5, с. 180]. В синхронных русских документах Казахстан именуется *Казацким юртом* или *Казацкой ордой*. В понимании Мирза Хайдара *Узбекистан* (Казахстан) примерно простирался от *Кокше Тениз* (Балхаша) через море *Кулзум* (Каспий) до *Идил* (Волги) [26, с. 425].

Таковы некоторые сведения персоязычных сочинений о землях улуса Барак-хана и его потомков казахских ханов, которые коррелируются между собой и позволяют соотнести территорию Узбекского Улуса Барак-хана с землями Казахского ханства рубежа XV–XVI веков. А теперь обратимся к заключительной группе письменных источников, которые написаны на средневековом *тюрки*.

Сведения тюркских источников

Ценность тюркских источников исследователям еще предстоит оценить по достоинству. В них содержится важная информация, отражающая местную степную историческую традицию. Обратимся к содержанию некоторых из них по интересующей нас проблеме.

В первую очередь, следует назвать «*Кара таварих*» (закончено в начале второй половины XVI века) Утемиша-хаджи. Благодаря замечательной исследовательской работе историков Татарстана и Ильнура Миргалеева прежде всего, в распоряжении современных историков есть весь текст и перевод на русский язык этого замечательного источника.

Утемиш-хаджи сообщает, что Барак-хан был словно бык, он прославился как отважный воин, а его земли располагались в *Казахских летовках*:

اول محلدہ براق حان اوز يل كوني برله قزاق يا يلاقیده بولور ايردى

ол махалде Барак-хан өз ел-куне барле қазақ иаилақиде булур ирди – в то время Барак-хан со своим елем находился в Казахском пастбище (летовке) [47, с. 77, 151, 177, л. 68-а].

Где могло располагаться это *Казахское пастбище*? Из последующего изложения Утемиша-хаджи можно отметить, что все события, связанные с деятельностью Барак-хана происходили в северном Приаралье, в современном Западном Казахстане. Упомянуты море (очевидно Арал), реки Эмба и Яик. Можно предполагать, что речь идет о вполне конкретной территории с таким названием, т.е. Барак в данном случае не *казаковал*, а жил в конкретном *Казахском летовье / пастбище / юрте*. На такое предположение наталкивает контекст других упоминаний термина «қазақ» в сочинении Утемиша-хаджи. В тех случаях, когда Утемиш-хаджи говорит об институте казакования /

қазақлық (*qazaqlıq*) он использовал либо просто термин *qazaqlar*, либо слово *qazaqlab* в паре со вспомогательным глаголом:

قزاقلار *qazaqlar* [47, с. 125, 232, л. 40-6];

قزاقلب يروب *qazaqlab iurub* [47, с. 128, 226, л. 43-6];

قزاقلب كاجب *qazaqlab qachib* [47, с. 141, 196, л. 58-6];

قزاق اولوب *qazaq ulub* [47, с. 159, 160, л. 76-6];

قزاق باسوب *qazaq basub* [47, с. 159, 160, л. 76-6], здесь говорится о «русских» казаках.

Дважды термин «казак» в тексте «*Kara tavariх*» встречается в других контекстах в паре со словами *иурт* и *мемлекет*, оба упоминания связаны с собственно Казахским ханством:

قزاق يورتلارنده *qazaq iurtlarnde* [47, с. 158, 162, л. 75-6];

قزاق مملكتى *qazaq memleketi* [47, с. 158, 162, л. 75-6].

Приводя все эти примеры из замечательного сочинения Утемиша-хаджи, хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что вполне вероятно Барак-хан имел свои устоявшиеся кочевья, из которых периодически совершал свои походы против соперников в Поволжье и в Мавераннахр. Возможно, его владения так и назывались *Казакское летовье* (*юрт*, *улус*, *государство*). Возможно, Утемиш-хаджи позднее название Казахского ханства перенес на владения Барак-хана, поскольку последний был отцом одного из основателей Казахского государства.

Со сведениями Утемиша-хаджи перекликаются данные другого более позднего исторического сочинения «*Умдет ал-ахбар*» (закончено в XVIII веке) Абдулгаффара Кырыми. Сюжет о Барак-хане это еще раз подтверждает, но он имеет некоторые дополнения, которые стоит упомянуть. По словам Абдулгаффара Кырыми, Барак-хан был великим ханом, отважным и усердным, словно сильный самец верблюда, располагался он в Казакских кочевьях [1, с. 81]:

براق حانك مكاني اول وقتده قزاق يايلاعى

Barak han'in mekeni ol uaqytta Qazaq yaylagi – земли Барак-хана в то время Казакское летовье [1, с. 108, 335, л. 276-6].

Абдулгаффар Кырыми также как и его источник (Утемиш-хаджи) неоднократно упоминает об институте *қазақлық*, но в данном контексте он использовал этот термин очевидно в ином смысле. Как и Утемиш-хаджи, Кырыми упоминает в контексте деятельности Барак-хана реки Яик и Эмба, Хорезмское озеро (Аральское море).

Упоминаемые этими двумя авторами *Казакское летовье*, *Казакский юрт*, *Казакское государство*, по всей видимости, совпадают с аналогичным обозначением русских источников (*Казацкий юрт*), информаторами которых были ногайские послы. А цитировавшееся выше русское выражение *Бараков царев Казацкий юрт* можно сопоставить с тюркским аналогом, приводимым Кырыми *Барақ ханның Қазақ жайлағы*.

Обратимся к еще одному тюркскому источнику. В самом начале XVII века при дворе московского царя Бориса Годунова Кадыргали Косымулы написал свое историческое сочинение, позднее условно названное «*Джами ат-таварих*». Оно хорошо известно специалистам¹, но целиком издано только в переводе на казахский язык. Казахский ученый академик Рабига Сыздыкова опубликовала в 1989 и 1991 гг. сводную транскрипцию и перевод текста на казахский язык. В 1997 г. историк-востоковед Наджип Мингулов опубликовал свой перевод также на казахский язык.

Небольшой текст о Барак-хане есть в казанской редакции рукописи в главе «Дастан-и Урус-хан» («Повествование об Урус-хане»):

Бу Куйрчуқ султанны атасыдын сон падишаһлық қа олтурғуздылар. Куйрчуқ хан теб айдылар. Анын оглы Барак атлығ ерді. Атасыдын сон падишаһ болды. Барча улусын өзіне таби қылдырды. Куйрчуқ хан дын сон аны хан көтерділер. Барак хан деб айтур. Қой матабар азим уа баһадур алып ерді. Бір жанаб дағы улайатларында өзіне мусаххар қылды. Балахир Еділ маузида Жайық бойунда Сарайчық худурында Қас Ноуруз урусунда² уофат болды. Аның оглы Кічі Жаныбек хан теб айтур ерділер. Бу Жаныбек хан атасының улусын ол биледі [42, с. 229].

«Этого Куйурчук-султана после отца посадили на царство. Его стали называть Куйрчук-хан. Его сын был Барак-аталык (или по имени Барак). После отца он стал царем. Все улусы он себе подчинил. После Куйурчук-хана подняли ханом его. Называли Барак-хан. Он был очень известный, отважный (великан, крупный) и смелый. Он очень быстро подчинил себе все вилайаты в округе. В конце концов он погиб между Едилем и Жайыком, возле Сарайчика в битве с Гази и Науруза. Его сына называли Кичи Жанибек. Этот Жанибек-хан после отца правил улусом». (Перевод мой. – К.У.)

Кадыргали в этом фрагменте владения Куйрчука, его сына Барака и внука казахского хана Киши Жанибека никак не именует. В другом фрагменте автор, описывая борьбу Барака и Мансура, использует дважды термин Узбекия (اوزبکیا)³. Этот же термин он употребляет по одному разу при упоминании Йадгар-хана и Ахмат-хана и еще раз в самом конце сочинения [42, с. 230, 231, 237, 241].

Таким образом, можно видеть, что авторы процитированных тюркоязычных сочинений вполне осознанно говорили о преемственности владений Барак-хана и его ближайших потомков – казахских ханов.

¹ Результаты новейших исследований об этом сочинении приведены в работах Рысбека Алимова [2, с. с. 251–258; 3, с. 40–48] и Хироюки Нагаминэ [27, с. 115–130].

² Кадыргали дважды упоминает о смерти Барак-хана от рук Гази и Науруза, но при этом не ставит между двумя именами союза, словно это один человек. Объяснение этого места (*Qādī Nawrūz urus(s)ında*) дано в работе Хироюки Нагаминэ [52, р. 8–9, 24–25, п. 25].

³ *اوزبکیا اراسندا* *Өзбекиия арасында* – в Узбекии. См. факсимиле рукописи: [19, л. 144-а]. По изданию Ильи Березина: [8, с. 156, 171]. По моим наблюдениям этот термин Кадыргали использовал всего пять раз (65б – дважды, 66а, 67а, 70а).

Нумизматические данные

Обратимся к еще одному виду источников – нумизматическим данным. Монеты, чеканенные от имени Барак-хана в нумизматической литературе известны со времен первой публикации золотоордынских монет Христианом Френом в 1826 году. Татарский нумизмат Азгар Мухамадиев привел в своей книге «Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв.» таблицу, где указал 182 монеты Мухаммад-Барака [25, с. 125, 129, 131–132, 156], большая их часть 162 монеты чеканены в Булгаре. Современный нумизмат Роман Рева изучил и систематизировал в специальной статье «Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников» 72 монеты Барака, дал их описание и прорисовку [35, с. 80–101]. Зачастую монеты Барак-хана не имеют даты чеканки, но, как полагают нумизматы, они изготовлены в промежутке 822–831 г.х. (1419/20–1427/28). Ниже приведена некоторая информация о монетах Барак-хана по упомянутым публикациям Мухамадиева и Ревы.

Основная часть сохранившихся монет чеканена в г. Булгар. На них отчетливо читается имя

السلطان الاعظم محمد برق خان *ас-султан ал-азам Мухаммад-Барак-хан*

Несколько монет чеканены от его имени в «кочевых» монетных дворах:

الله اوردو بازار *Аллах-Орду-Базар*

По мнению Ревы это кочевой монетный двор мог располагаться в Сарайском вилайате [35, с. 83].

حل بردی بازارى *Хелбирди-Базари*

По мнению Мухамадиева этот монетный центр был расположен в Нижнем Поволжье и по всей вероятности, являлся ставкой Барак-хана, так как на монетах других ханов это название ни разу не встречается [25, с. 132].

جد بيك بازارى *Джадибик-Базари*

По мнению Мухамадиева этот монетный двор находился в Нижнем Поволжье и был полукочевой ставкой, т.е. ордой сначала Улуг-Мухаммада, затем Барака [25, с. 128–129].

Еще две монеты, битые в Хаджи-Тархане и Крыму публикуются у нумизматов под знаком вопроса. Если чеканку Хаджи-Тархана еще можно допустить, то Крымский чекан маловероятен. Об этом же свидетельствует реконструкция политической истории Крыма этого периода, проделанная Владиславом Гулевиным [14, с. 154].

Рева упоминает также несколько монет, найденных на реке Исеть в Зауралье, что, по его мнению, свидетельствует о вытеснении Барака с Поволжья в конце 820-х гг. [35, с. 87].

Таким образом, нумизматический источник свидетельствует о военно-политической активности Барака в Поволжье. Его монеты, чеканенные в Сыгнаке или других центрах Восточного Дешт-и Кыпчака, пока не обнаружены.

Отступление о Бараке: имя и значение

О правильности написания имени *Барака* براق через две гласные *-а* в литературе уже писалось. В пользу такого написания говорят русские источники и поздняя казахская антропонимика. Первым внимание на это обратил Акдес Нигмет Курат: «Должно быть, верным вариантом является "Барак". Известно, что у различных тюркских народов существует имя Барак» [21, с. 59–60]. Академик Василий Бартольд использовал написание *Бурак* [7, с. 102], но там же, в примечании к переизданию его сочинений Юрий Брегель писал, что «правильное чтение имени – Барак» [7, с. 102: прим. №36]⁴. Исследователь истории Крымского ханства Василий Смирнов, видимо под влиянием мусульманской традиции, писал *Борак* [38, с. 162–163]. Комментатор книги Смирнова историк Светлана Орешкова пишет: «Борак или Бурак – мифическое крылатое животное, доставившее в одно мгновение пророка Мухаммеда из Мекки в Иерусалим, после чего он, по мусульманской легенде, был вознесен к небесному престолу Аллаха» [38, с. 516]. По мнению Турсуна Султанова, «оба варианта (Бурак и Борак. – К.У.) представляют собой арабизированную форму тюркского имени Барак» [41, с. 57: прим. №16]. Интересно мнение Азгара Мухаммадиева: «Имя хана (Барака. – К.У.) на монетах начертано в форме محمد برق, т.е. не Барак (ослепительный), а Барык (молния)» [25, с. 131].

Так ли это на самом деле и какова этимология этого антропонима?

Известный исследователь восточной антропонимики Алим Гафуров полагает, что имя *Барака* произошло от арабского *بركة baraka* ‘благодать’ [11, с. 131]. О значении мусульманского термина *барака* ‘благословление’ см.: [36, с. 38]. Однако в тюрко-казахской традиции от этого слова происходит другое имя: *Береке* или *Берекет*. На память приходит имя первого хана Золотой Орды, принявшего ислам – *Берке*. Возможно тюрко-монгольское имя хана (*берк* ‘крепкий’) после принятия ислама обрело новое значение? Кстати, средневековый арабский историк Бадр ад-Дин ал-‘Айни упоминает трех правителей *Билад-и ад-Дашта*: Мухаммад-хана, Барак-хана и/или Берке-хана. О том кто этот Берке в литературе высказывались разные версии, но вполне вероятно, что здесь нет никакого третьего хана и это и есть сам Барак, видимо, автор дал два разных написания.

Версия с мифическим животным из мусульманской традиции при всей своей заманчивости не должна приниматься во внимание. Имя верхового животного *ал-Бурак* البراق, на котором пророк Мухаммад совершил упоминаемое в Коране (17:1) «ночное путешествие» из Мекки в Иерусалим, происходит от корня, означающего ‘блеснуть, сверкнуть’ [30, с. 43]. Этот термин известен в казахском языке. У казахов сказочный крылатый конь называется *пырақ*, но антропонимов с такой основой я не встречал.

⁴ Такое же написание Бартольд использовал при написании статьи о потомке Чагатая Барак-хане [6, с. 509–512]. В примечании Брегель не только поправил автора: «Правильная транскрипция имени – Барак; Борак, или Бурак, – неправильная арабизированная форма» [6, с. 509: прим. № 1], но и дал ссылку на исследование Пельо [50, р. 57–58].

Таким образом, обе «арабские» этимологии имени Барака не выдерживают критики и соответственно ее следует искать в тюркской традиции.

Небольшой параграф имени *Барак* посвятил Поль Пельо, где он критиковал Шпулера за двойное написание этого имени: *Buraq* и *Baraq*⁵. Также он полагает, что нет причин следовать за Бартольдом и писать *Buraq*. Как установили Мехмед Фуад Кеprüлю-заде (См.: [54, р. 57–58]) и сам Пельо [54, р. 57–58] написания *Boraq* и *Borraq* являются *ложной арабизацией* имени *Baraq*. Историк говорит о существовании этого имени у каракытаев, ойратов, приводит ссылки на упоминание этого имени у Марко Поло, Хетума, Герберштейна и в китайских источниках. По его мнению, слово *барак* обозначало пушистую длинношерстную собаку [54, р. 57–58].

Приведем дополнительные доводы в пользу правоты французского востоковеда.

Махмуд ал-Кашгари в «Диван Лугат ат-тюрк» пишет:

برق **baraq** ‘собака с длинной шерстью’. По поверьям тюрков, орлица, когда она стареет, откладывает два яйца и высиживает их. Из одного вылупляется собака, которую называют **baraq**. Она считается стремительной и ловкой собакой, ее держат для охоты. Из другого [яйца] вылупляется ее собственный последний птенец [22, с. 313]. *Перевод А.Р. Рустамова.*

Барак برق – «лохматая собака». Среди тюрков бытует поверье, будто бы орлица, чувствующая приближение старости, откладывает два яйца и сидит на них. Из одного яйца выходит собака, которую называют барак, она самая быстрая в беге и самая лучшая для охоты. А из второго яйца выходит птенец – это последыш [23, с. 258: 2041]. *Перевод З.-А.М. Ауэзовой.*

В древнетюркском словаре:

BARAQ собака с лохматой и длинной шерстью, отличается необычной стремительностью и ловкостью, считается лучшей среди охотничьих собак [15, с. 83].

Ровно такое же значение у этого слова в современном казахском языке: ‘лохматый, косматый; густой и длинный (о шерсти)’; *барақ ит* ‘собака из породы лохматых’, *барақы аю* ‘косматый медведь’ [20, с. 123].

Возможно, это слово имеет иранские корни. В современном персидском языке слово *бораг* برق среди прочих имеет значение ‘пушистый (о кошке)’; другие обозначения: ‘блестящий, сверкающий; резвый, быстрый конь’ [24, с. 195]; *барг* برق ‘молния, блеск’ [24, с. 200].

Почему тюрки называли детей именем с таким значением?

В тюрко-монгольской традиции собака и волк имели тотемическое значение. В легенде о происхождении предков Чингиз-хана упоминается «желтая собака» [28, с. 46: 21]. В оригинальном тексте *sira noqai* [55, р. 16: 721].

⁵ Возможно, эта критика Пельо была услышана и принята Шпулером, поскольку в последующем издании своей книги 1965 года он пишет *Барак*, а в примечании, говоря «о произнесении имени», он добавляет ссылку на работу Курата [48, с. 185: прим. 239]. Мы пользовались изданием 2016 года в переводе Марата Гатина. Написание *Борак* использует Юлай Шамильоглу, ошибочно называя его «шейбанидским правителем Бораком бин Урус ханом» – «Seybanid rulers Boraq b. Urus Khan» [49, с. 175; 56, р. 193].

Излишне здесь напоминать о том, кто носил такое имя в золотоордынской истории.

В тюрко-казахской традиции очень часто детей называли именем *Барак*. Истоки такого имени уходят в детскую обрядность многих народов. Например, казахи новорожденного ребенка до сорока дней одевали в т.н. *ит көйлек* ‘собачья рубашка’. Такую рубашку, прежде чем надеть на ребенка, надевали сначала на собаку, а после сорока дней возвращали снова собаке. В представлениях казахов большая способность собаки к выживанию (*ит қырық жанды* ‘у собаки сорок душ’) через *ит көйлек* переходит на ребенка, и благодаря этому приему ребенок переживает свой опасный период [43, с. 75–76]. Прежде и сейчас у казахов имя Барак широко распространено.

Таким образом, имя нашего героя имеет тюркскую основу и изначально обозначало лохматую собаку, в отличие от монгольского *нокай*, обозначавшего собаку вообще.

Заклучение

Наше небольшое исследование ставило целью проследить сведения источников о территории, которая могла находиться под властью Барак-хана. Мы можем сделать несколько предварительных выводов: во-первых, кочевья Барак-хана располагались в восточной части Улуса Джучи, в основном это левобережье Волги, реки Урал и Эмба, Северное Приаралье и Присырдарья; во-вторых, его западные походы, очевидно, имели характер набегов, после которых он возвращался за Волгу или на Нижнюю Волгу; в-третьих, владения (кочевья) Барак-хана в представлении его современников и современников его потомков территориально совпадали с землями казахских ханов; в-четвертых, имя Барак-хана обычное тюркское имя, попытки искать его арабские корни ошибочны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулгаффар Кырым*. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
2. *Алимов Р.* Некоторые заметки относительно Кадыр Али-бека и его сочинения «Джами ат-таварих» // Материалы II-й научной конференции средневековой истории Дашт-и Кыпчака. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2018. С. 251–258.
3. *Алимов Р.* О двух новых списках сочинения Кадыр Али-бека // Российская тюркология. 2016. № 2 (15). С. 40–48.
4. *Ахмедов Б.А.* Улугбек и политическая жизнь Мавараннахра первой половины XV в. // Из истории эпохи Улугбека. Сб. ст. / Отв. ред. А.К. Арендс. Ташкент: Наука, 1965. С. 5–66.
5. Бадаи’ ал-вакаи’ *بداييع الوقايع* // Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Сост.: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алматы: Наука, 1969. С. 172–184.
6. *Бартольд В.В.* Борак-хан // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1964. С. 509–512.
7. *Бартольд В.В.* Улугбек и его время // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1964. С. 25–196.

8. *Березин И.* Библиотека восточных историков. Т. II. Ч. 1. Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием. Казань, 1854. VII+VVV.
9. *Беспалов Р.А.* Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 г. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4: Сб. статей / А.Г. Шпилев. И.В. Гребенникова, Н.В. Филимонова и др.; Под ред. А.Н. Наумова. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2009. С. 205–210.
10. *Беспалов Р.А.* Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. V. Сб. / Ред.-сост. М.М. Чоревф. Севастополь; Тюмень, 2013. С. 30–52.
11. *Гафуров А.* Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М.: Наука. ГРВЛ, 1987. 221 с.
12. *Горский А.А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2001. 214 с.
13. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 470 с.
14. *Гулевич В.П.* От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 492 с.
15. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
16. Из «Места восхода двух счастливых звезд и места слияния двух морей» Абдар-разака Самарканди [Абд ар-раззак Самарканди. Матла' ас-са' даин ва маджма'-и бахраин] // Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлеч. из перс. соч. собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 190–201 (перевод), 251–261 (персидский текст).
17. Из летописи Бадр ад-дина ал-Айни // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Переработанное и дополненное издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». I т.). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с. С. 349–382 (перевод и комментарии), 671–698 (текст).
18. *Исин А.И.* Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI в. Семипалатинск: Тенгри, 2002, 139 с.
19. *Кадыр-Али-бек.* Джамии' ат-таварих (Сборник летописей). Рукопись. Эл. ресурс: Архив открытого доступа Санкт-Петербургского государственного университета. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/11701/15394>. Дата последнего посещения: 16.10.2019.
20. Казахско-русский словарь: ок. 50000 слов. Под ред. член-корр. НАН РК Р.Г. Сыздыковой, проф. К.Ш. Хусаин. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1008 с.
21. *Курат А.Н.* Собрание сочинений. Книга I. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы. Казань: Ин-и истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 256 с.
22. *Махмуд ал-Кашгари.* Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / Пер. с араб. А.Р. Рустамова под ред. И.В. Кормушина, прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова; Т. 1. М.: Вост. лит., 2010. 461 с. (Памятники письменности Востока. СХХVIII).
23. *Махмуд ал-Кашгари.* Диван Лугат ат-Турк / Пер., пред., ком. З.-А. М. Ауэзова. Индексы сост. Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
24. *Миллер Б.В.* Персидско-русский словарь. Изд. 2-е испр. и допол. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1953. 668 с.
25. *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 164 с.

26. *Мухаммед Хайдар Дулати*. Тарих-и Рашиди (Рашидова история): Введение. перевод с персидского языка А.Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Примечания и указатели Р.П. Джалиловой и Л.М. Епифановой, 2-е изд. дополненное. Алматы: Санат, 1999. 656 с.

27. *Нагаминэ Х.* Еще раз о сочинении Кадыр-Али-бека («Джами ат-таварих / Сборник летописей») // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 115–130 DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.115-130

28. *Панкратов Б.И.* Переводы из «Юань-чао би-ши». Родословная Чингис-хана / Публикация Ю.Л. Кроля и Е.А. Кузьменкова // Страны и народы Востока. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение» 1998. С. 44–65.

29. *Парунин А.В.* Политическая биография Барак-хана // Ылы Даланың тарихы: түріктер мен моңғолдар. Астана. ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014. С. 93–101.

30. *Пиотровский М.Б.* ал-Бурак («блистающий») // Ислам. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Наука. ГРВЛ, 1991. С. 43

31. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1949. 464 с.

32. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 391 с.

33. Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.). Т. I. Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, комментарии, составление словников указателей А. Исина. (Серия «История Казахстана в русских источниках». Т. 1). А.: Дайк-Пресс, 2005. 704 с.

34. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Евразия, 2010. 464 с.

35. *Рева Р.Ю.* Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников // Нумизматика Золотой Орды. 2015. №. 5. С. 80–104.

36. *Резван Е.А.* Барака // Ислам. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Наука. ГРВЛ, 1991. С. 38.

37. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды / Уч. зап. Мордов. гос. ун-та. Вып. IX. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 276 с.

38. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в 2-х т. Т. I. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. Отв. ред.: С.Ф. Орешкова. М.: Изд. Дом «Рубежи XXI века», 2005. 542 с.

39. *Стори Ч.А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор. В 3-х ч. Пер. с англ., перераб. и доп. Ю.Э. Брегель. Ч. I. М.: Наука. ГРВЛ, 1972. 694 с.

40. *Стори Ч.А.* Персидская литература. Биобиблиографический обзор. Пер. с англ., перераб. и доп. Ю. Э. Брегель. Ч. II. М.: Наука, 1972, С. 694–1314.

41. *Султанов Т.И.* Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник 1973. М.: Наука. ГРВЛ, 1975. С. 53–61.

42. *Сыздыкова Р.Г.* Язык «Жами ат-таварих» Жалаири. Алма-Ата: Наука, 1989. 243 с.

43. *Толеубаев А.Т.* Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 214 с.

44. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. 3-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига, 2020. – 1040 с.

45. *Ускенбай К.З.* Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 289 с.

46. *Ускенбай К.З.* К проблеме аутентичного наименования Казахского государства позднего средневековья (на материалах «Михман-наме-йи Бухара» Ибн Рузбихана) // «История Казахстана: итоги научных исследований и презентация проекта

десятитомной «Отан тарихы» / «История Отечества». Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф., г. Алматы, 19 апреля 2012 г. Алматы: Елтаным, 2012. С. 183–187.

47. *Утемиш-хаджи*. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

48. *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани*. Михман-наме-йи Бухара (Записки Бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р.П. Джалиловой. Под редакцией А.К. Арендса. М: Наука, 1976, 186+338 с.

49. *Шамильоглу Ю.* Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде: монография / Перевод с англ. яз. Ч.И. Хамидовой, Р.Хаутала; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 260 с.

50. *Шнулер Б.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Перевод с немец. яз. и коммент. М.С. Гатина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.

51. *Allsen Th. T.* The princes of the Left Hand: An introduction to the history of the Ulus of Orda in the thirteenth and the early fourteenth centuries // *Archivum Eurasiae medii aevi*. T. V: 1985. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1987. P. 5–40.

52. *Nagamine H.* «Kazaku han koku» keisei shi no saikō: jochi urusu sayoku kara «kazaku han koku» he [Rethinking the Foundation of the «Qazaq Khanate»]: From the Left Hand of the «Ulūs-i Jūchī» to the «Qazaq Khanate». Tōyō gakuhō [Journal of the Research Department of the Toyo Bunko]. Vol. 90, no. 4, 2009. P. 1–26.

53. *Lee J.-Y.* Qazaqlıq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs. State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia. Leiden; Boston: Brill, 2016. 238 p.

54. *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, 1949. P. 7–174.

55. *Rachewiltz I. de.* Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University Publications Uralic and Altaic Series. 1972. Vol. 121. 347 p.

56. *Schamiloglu U.* Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Columbia University, 1986. 286 p.

Сведения об авторе: Канат Зулкарышулы Ускенбай – кандидат исторических наук, директор Института гуманитарных исследований АБДИ (050050, пр. Сейфуллина, 465, Алматы, Казахстан). E-mail: uskenbay@gmail.com

Поступила 24.11.2021 Принята к публикации 4.03.2022

Опубликована 29.03.2022

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. *Umdet al-Akhbar*. Book 2: Translation. Karimova Yu.N. and Mirgaleev I.M. (tr. and ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Russian)

2. Alimov R. Some notes on Kadir Ali-bey and his work “Jami at-tavarikh”. *Materials of the Second Scientific Conference of the Medieval History of Dasht-i Qyppshaq*. Pavlodar: NPF “EKO”, 2018, pp. 251–258. (In Russian)

3. Alimov R. On two new copies of works by Qadyr Ali-bek. *Russian Turkology*. 2016. no. 2 (15), pp. 40–48. (In Russian)

4. Akhmedov B.A. Ulugbek and the political life of Mavarannahr in the first half of fifteenth century. *From the History of the Ulugbek Era. Digest of Articles*. Tashkent: Science, 1965, pp. 5–66. (In Russian)

5. Badai' al-vakai'. *Materials on the History of the Qazaq Khanates from the fifteenth to eighteenth centuries (extracts from Persian and Turkic writings)*. Almaty: Science, 1969, pp. 172–184. (In Russian)
6. Bartol'd V.V. Borak Khan. *Works*. Tom II. Part. 1. Moscow: Science, 1964, pp. 509–512. (In Russian)
7. Bartol'd V.V. Ulugbek and his time. *Works*. Tom II. Part. 1. Moscow: Science, 1964, pp. 25–196. (In Russian)
8. Berezin I. *Library of Oriental Historians*. Tom II. Part 1. *Compendium of Chronicles. Tatar Text with Russian Preface*. Kazan: 1854. vii + 1\1\ p. (In Russian, Turkic)
9. Bepalov R.A. The battle of the coalition of the feudal lords of the Upper Poochye with Kuydadat Khan in the fall of 1424. *The Upper Don Region: Archaeology. History*. Issue 4: *Collection of Articles*. Tula: “Kulikovo pole”, 2009, pp. 205–210. (In Russian)
10. Bepalov R.A. Lithuanian-Horde relations in 1419–1429 and the first attempt to form the Crimean Khanate. *Materials on Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea*. Issue 5: *Collection*. Sevastopol'; Tyumen', 2013, pp. 30–52. (In Russian)
11. Gafurov A. *Name and History: About the Names of the Arabs, Persians, Tajiks and Turks*. *Dictionary*. Moscow: Science, 1987. 221 p. (In Russian)
12. Gorskiy A.A. *Moscow and the Horde*. Moscow: Science, 2001. 214 p. (In Russian)
13. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *The Golden Horde and Its Fall*. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1950. 470 p. (In Russian)
14. Gulevich V.P. *From the Horde Ulus to the Gireys' Khanate: Crimea in 1399–1502*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 492 p. (In Russian)
15. *Ancient Turkic Dictionary*. Leningrad: Science, 1969. 677 p. (In Russian)
16. From the “Place of rising of two lucky stars and the place of confluence of two seas” by Abd-ar-razzak Samarkandi. *Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde*, Volume two: *Extracts from Persian Works Collected by V.G. Tiesenhausen and Processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin*. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1941, pp. 190–201, 251–261. (In Russian, Persian)
17. From the annals of Badr ad-din al-Aini. *Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde*, Volume one: *Extracts from Arabic Works Collected by V.G. Tiesenhausen*. Revised and enlarged edition. Preparation for a new edition, introduction, additions and comments by B.E. Kumekov, A.K. Muminov. Almaty: Dayk-Press, 2005, pp. 349–382, 671–698. (In Russian, Arabic)
18. Isin A.I. *The Kazakh Khanate and Nogai Horde in the second half of fifteenth and sixteenth centuries*. Semipalatinsk: Tengri, 2002. 139 p. (In Russian)
19. Qadyr ‘Ali beg. *Jami’ at-Tavarikh (Compendium of Chronicles)*. *Manuscript*. Available at: <http://hdl.handle.net/11701/15394> (accessed: 16.10.2019). (In Turkic)
20. *Kazakh-Russian Dictionary: About 50,000 Words*. Almaty: Dayk-Press, 2002. 1008 p. (In Kazakh, Russian)
21. Kurat A.N. *Collected Works*, Book 1: *Yarliqs and Bitiks of the Khans of the Golden Horde, Crimea and Turkestan in the Archives of the Topkapi Palace Museum*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 256 p. (In Russian)
22. Mahmud al-Kashgari. *Divan lugat at-turk (Collection of Turkic words): In Three Volumes*. Volume one. Moscow: Oriental literature, 2010. 461 p. (In Russian)
23. Mahmud al-Kashgari. *Divan lugat at-turk (Collection of Turkic words)*. Almaty: Dayk-Press, 2005. 1288 p. (In Russian)
24. Miller B.V. *Persian-Russian Dictionary*. Second edition revised and enlarged. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1953. 668 p. (In Russian)
25. Mukhamadiev A.G. *Bulgharo-Tatar Monetary System from the twelfth to fifteenth centuries*. Moscow: Science, 1983. 164 p. (In Russian)

26. Muhammed Khaydar Dulati. *Tarikh-i Rashidi (Rashid's History): Introduction*. Translation from Persian by A. Urunbaev, R.P. Jalilova, L.M. Epifanova. Notes and pointers by R.P. Jalilova and L.M. Epifanova, revised second edition. Almaty: Sanat, 1999. 656 p. (In Russian)
27. Nagamine H. Once again about the composition of Kadyr-Ali-bek ("Jami at-tavarikh / Collection of chronicles"). *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2019. T. 7, no. 1, pp. 115–130. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.115-130 (In Russian)
28. Pankratov B.I. Translations from Yuan-chao bi-shi. Genealogy of Chinggis Khan. Published by Yu.L. Krol and E.A. Kuzmenkova. *Countries and Peoples of the East*. Issue XXIX. Boris Ivanovich Pankratov. Mongolism. Sinology. Buddhism. St. Petersburg: Center "Petersburg Oriental Studies", 1998, pp. 44–65. (In Russian)
29. Parunin A.V. Political biography of Barak Khan. *The History of the Great Steppe from the Turks to the Mongols*. Astana. ENU L.N. Gumileva, 2014, pp. 93–101. (In Russian)
30. Piotrovskiy M.B. al-Burak ("shining"). *Islam. Encyclopedic Dictionary*. Responsible editor S.M. Prozorov. Moscow: Science, 1991, p. 43. (In Russian)
31. *Collection of Russian Chronicles*. Volume 25: *Moscow Chronicle Collection of the late fifteenth century*. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 1949. 464 p. (In Russian)
32. *Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde. 1551–1561. Text's Publication*. Compiled by D.A. Mustafina, V.V. Trepavlov. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2006. 391 p. (In Russian)
33. *Embassy Materials of the Russian State (from the fifteenth to seventeenth centuries)*. Volume one. Cursive writing, transcription, special text editing, introductory article, comments, compilation of dictionary indexes by Amantai Isin. Almaty: Daik-Press, 2005. 704 p. (In Russian)
34. Pochekaev R.Yu. *The Tsars of the Horde. Biographies of the Khans and Rulers of the Golden Horde*. Second edition revised and enlarged. St. Petersburg: Eurasia, 2010. 464 p. (In Russian)
35. Reva R.Yu. Muhammad Barak and his time. Review of numismatic and written sources. *Golden Horde Numismatics*. 2015. no. 5, pp. 80–104. (In Russian)
36. Rezvan E.A. Baraka. *Islam. Encyclopedic Dictionary*. Responsible editor S.M. Prozorov. Moscow: Science, 1991, p. 38 (In Russian)
37. Safargaliev M.G. *Dissolution of the Golden Horde*. Saransk: Mordovian book publishing house, 1960. 276 p. (In Russian)
38. Smirnov V.D. *The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Port in Two Volumes*. Volume one: *The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Port until the beginning of eighteenth century*. Executive editor S.F. Oreshkova. Moscow: Publishing House "Frontiers of the XXI century", 2005. 542 p. (In Russian)
39. Storey Ch.A. *Persian Literature. Bio-bibliographic Review. In Three Parts*. Translated from English, revised and supplemented by Yu.E. Bregel. Part one. Moscow: Science, 1972. 694 p. (In Russian)
40. Storey Ch.A. *Persian Literature. Bio-bibliographic Review. In Three Parts*. Translated from English, revised and supplemented by Yu.E. Bregel. Part two. Moscow: Science, 1972. 694–1314 p. (In Russian)
41. Sultanov T.I. Letter from the Golden Horde's Ulugh Muhammad Khan to the Turkish Sultan Murad II. *Turkological Collection 1973*. Moscow: Science, 1975, pp. 53–61. (In Russian)
42. Syzdykova R.G. *Language of the "Jami at-tavarikh" by Zhalairi*. Alma-Ata: Science, 1989. 243 p. (In Russian)
43. Toleubaev A.T. *Relics of pre-Islamic Beliefs in Kazakh Family Rituals (nineteenth and early twentieth centuries)*. Alma-Ata: Science, 1991. 214 p. (In Russian)
44. Trepavlov V.V. *History of the Nogai Horde*. Third edition revised and enlarged. Moscow: Kvadriga, 2020. 1040 p. (In Russian)

45. Uskenbay K.Z. *The Eastern Dasht-i Qipchaq from the thirteenth to early fifteenth century. Problems of Ethnopolitical History of the Jochid Ulus*. Ed. by Ilmur M. Mirgaleev. Kazan: Publishing house “Fen” of Tatarstan Academy of Sciences, 2013. 289 p. (In Russian)

46. Uskenbay K.Z. On the problem of the authentic name of the Kazakh state of the late Middle Ages (based on materials from the “Mikhman-name-yi Bukhara” by Ibn Ruzbihan). *History of Kazakhstan: Results of Scientific Research and Presentation of the Ten-volume Project “Otan tarikhi” / “History of the Fatherland”*. Materials of the International Scientific and Practical Conference Almaty, April 19, 2012. Almaty: Eltanym, 2012. pp. 183–187. (In Russian)

47. Ötemish Hajji. *Kara tavarikh*. Transcription by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova, Z.T. Khafizova; translation into Russian by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova; general and scientific edition of I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)

48. Fazlallakh ibn Ruzbikhan Isfakhani. *Mikhman-name-yi Bukhara (Notes of a Bukhara guest)*. Translation, preface and notes by R.P. Jalilova. Edited by A.K. Arends. Moscow: Science, 1976. 186 + 338 p. (In Russian)

49. Schamiloglu U. *Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde: Monograph*. Translation from English by Ch.I. Khamidova, R. Hautala; editor I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 260 p. (In Russian)

50. Spuler B. *The Golden Horde. The Mongols in Russia. 1223–1502*. Translation from German and comments by Marat Gatin. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 500 p. (In Russian)

51. Allsen Th.T. The princes of the Left Hand: An introduction to the history of the Ulus of Orda in the thirteenth and the early fourteenth centuries. *Archivum Eurasiae medii aevi*. Vol. V. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1987, pp. 5–40.

52. Nagamine H. «Kazaku han koku» keisei shi no saikō: jochi urusu sayoku kara «kazaku han koku» he [Rethinking the foundation of the “Qazaq Khanate”: From the Left Hand of the “Ulūs-i Jūchī” to the “Qazaq Khanate”]. *Tōyō gaku hō* [Journal of the Research Department of the Toyo Bunko]. Vol. 90, no. 4, 2009, pp. 1–26. (In Japanese)

53. Lee J.-Y. *Qazaqliq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs. State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia*. Leiden; Boston: Brill, 2016. 238 p.

54. Pelliot P. *Notes sur l’histoire de la Horde d’Or*. Paris: Librairie d’Amerique et d’Orient, 1949. (In French)

55. Rachewiltz I. de. *Index to the Secret History of the Mongols*. Bloomington: Indiana University Publications Uralic and Altaic Series. 1972. 347 p.

56. Schamiloglu U. *Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde*. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Columbia University, 1986. 286 p.

About the author: Kanat Z. Uskenbay – Cand. Sci. (History), Director of the Institute for Humanitarian Research ABDI (465, Seifullin Ave., Almaty 050050, Kazakhstan). E-mail: uskenbay@gmail.com

Received November 24, 2021 Accepted for publication March 4, 2022
Published March 29, 2022

УДК 929.5

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.66-76

О ШЕДЖЕРЕ «ХАНА» МАМАЯ

Р.Р. Салихов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
rsalih@mail.ru*

Цель: изучение рукописного шеджере «хана» Мамай, его персонификация и хронологическая атрибуция.

Материалы исследования: рукописная родословная потомков хана Мамай, отложившаяся в архиве востоковедов ИВР РАН, гражданские дела Буинского уездного суда XVII–XVIII вв. архива Симбирского окружного суда, материалы государственных ревизий населения, делопроизводственная документация органов власти и управления Симбирской и Саратовской губерний, предание об основании деревни Старая Зеленая Хвалынского уезда Саратовской губернии.

Результаты и научная новизна: на основе анализа комплекса опубликованных и архивных источников подтверждена версия М.А. Усманова о «мишарском» происхождении родословной «хана» Мамай. Впервые определены хронологические рамки данной родословной, дана характеристика основным ее представителям. Шеджере изучена в контексте истории татарского служилого сословия, участвовавшего в охране засечных линий и активно заселявшего «дикую степь» в Предволжье и Закамье. В статье показан процесс трансформации татарского военного сословия в XVIII–XIX вв. от помещиков и лашман до государственных крестьян. Отмечено, что многие потомки рода «хана» Мамай в данный период начали заниматься богословской и просветительской деятельностью, являясь приходскими имамами. Комплекс документов, привлеченный для изучения родословной, содержит ценные сведения о миграции татар Мещеры на юго-восток Российского государства в XVIII столетии.

Ключевые слова: бий Мамай, род Нагаевых, родословная, Симбирский и Саратовский край, служилые татары, поместье, мусульманское духовенство

Для цитирования: Салихов Р.Р. О шеджере «хана» Мамай // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 66–76. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.66-76

Благодарности: Я признателен профессору А.К. Бустанову и кандидату исторических наук А.М. Гайнутдинову за помощь и консультации при интерпретации текста родословной.

ABOUT THE SHAJARA OF MAMAI “KHAN”

R.R. Salikhov

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
rsalih@mail.ru*

Abstract: Research objectives: To study the handwritten shajara of Mamai “Khan”, the persons mentioned in it, and its chronological attribution.

Research materials: A handwritten genealogy of the descendants of Mamai “Khan” deposited in the archive of orientalists of the Institute of Foreign Affairs of the Russian Academy of Sciences, civil cases of the Buinsky district court of the seventeenth and eighteenth centuries, the archive of the Simbirsk district court, the materials of state audits of the population, official documents of the authorities and administration of the Simbirsk and Saratov provinces, and a legend about the founding of the village of Old Zelenaya, Khvalynsky district, Saratov province.

Results and novelty of the research: Based on an analysis of a corpus of published and archival sources, M.A. Usmanov’s version of the “Mishar” origin of Mamai’s genealogy was confirmed. For the first time ever, the chronological framework of this genealogy was determined, and a description of its main representatives was given. The shajara is studied in the context of the history of the Tatar service class, which participated in the protection of the fortified lines and actively populated the “wild steppe” in the Volga and Trans-Kama regions. The article shows the process of transformation of the Tatar military class, during the eighteenth and nineteenth centuries, from landlords and lashmans to state peasants. It is noted that many descendants of the clan of Mamai “Khan” in this period began to engage in theological and educational activities, being parish imams. The set of documents involved in the study of the genealogy contains valuable information about the migration of the Meshchera Tatars to the southeast of the Russian state in the eighteenth century.

Keywords: Biy Mamai, Nagaev family, genealogy, Simbirsk and Saratov regions, service Tatars, estate, Muslim clergy

For citation: Salikhov R.R. About the Shajara of Mamai “Khan”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 66–76. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.66-76 (In Russian)

Acknowledgments: I am grateful to Professor A.K. Bustanov and Candidate of Historical Sciences A.M. Gainutdinov for their help and advice in interpreting the text of the genealogy.

Известный историк, академик М.А. Усманов работая с коллекцией документов муфтия Риззэтдина Фахретдина (1859–1936), хранящейся в архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург) выявил уникальный рукописный источник. Это была двусоставная, широкоформатная (1,5 м x 1 м) родословная потомков хана Мамаю. Уже само название тянуло на громкую научную, да и не только, сенсацию, так как сведения шеджере касались личности выдающегося беклярибека Золотой Орды.

Впрочем, М.А. Усманов, тщательно изучив легенду (сопроводительный текст) родословной, а также основные колена, подверг серьезному сомнению ее принадлежность роду Мамаю. Оценивая источниковедческое значение этого документа, он писал: «В данном случае мы имеем дело с частным семейно-бытовым документом и благородными отношениями между простыми людьми, где вряд ли возможна какая-либо фальсификация ... следует сказать несколько слов о «ханском» происхождении Мамаю из выше цитированной генеалогии. Если вычесть из 1895 средний возраст десяти поколений, то есть 250 лет, то получится середина XVII столетия. Исторический же Мамаю, но не хан, а золотоордынский бек (бий), как известно жил в XIV столетии» [7, с. 179].

Но, все же, ученый был осторожен с окончательными выводами, допуская гипотетическую возможность связи древа с Мамаем. Только при условии выпадения сразу нескольких поколений и искажения хронологии, как это часто бывает в рукописных татарских родословиях. Кроме того, служилый

статус владельцев шеджере также давал повод думать о возможной их родственной связи с представителем средневековой татарской знати. Благодаря этим обстоятельствам, по мнению академика, «приобретает определенную почву историчность Мамая из татарского генеалогии. Конечно, делать какие-либо обобщающие выводы из этих мало проверенных сведений рано, но пренебрегать ими тоже не следует» [7, с. 179].

Современный историк Р.Ю. Почекаев солидарен с М.А. Усмановым, но отмечает, «...сам факт, что составители генеалогии считали своим предком золотоордынского Мамая (хотя и не смогли убедительно доказать свою связь с ним), позволяет сделать вывод, что в их глазах он являлся не врагом татар, Золотой Орды, а ее могущественным правителем» [4, с. 39].

Анализ всего комплекса документальных материалов, в том числе актового, делопроизводственного характера, подтверждает предположение М.А. Усманова о принадлежности данного шеджере некоему «мишарскому феодалу» [7, с. 179].

Сопроводительный текст родословной локализует древо татарскими населенными пунктами бывшей Симбирской губернии: дд. Старое Чекурское, Кушкуак, Старые Чукалы (ныне Дрожжановский район РТ), городом Ульяновском и аулом Хафизхан. Родословие было составлено теми представителями династии, которые проживали в селе Старое Зеленое Хвалынского уезда Саратовской губернии. В 1895 году имам д. Старое Чекурское Зайнелгабидин Шарафутдинов, найдя вероятно, по своему варианту шеджере, родичей в Саратовской губернии, специально приехал в Старое Зеленое, где переписал их часть родословной. В свою очередь, саратовский представитель рода имам 5-соборной мечети села Старое Зеленое Габделькахир Тимербулатов, также зафиксировал родственные линии по Симбирской губернии и чуть позже изготовил большое двусоставное древо «потомков хана Мамая».

“Бу як шәжәрә Сембер губернасы Жәке илендә, һәмдә Кошкуакта, һәмдә Иске Чокалыда, һәм дә Сембернең үзендә, һәм дә Хафизхан авылында торалар. 1895 [нче] елда мелла Зайнелгабеддин хәзрәт б. мелла Шәрәфетдин б. мелла Әмирхан б. Шәмсетдин б. Корамша б. Гомәр б. Мәмәт б. Мәмдәли б. Галимжан б. Мамай хан шушы шәжәрә берлән эзләп килеп, бер ай артык торып, Зеленайда бизем шәжәрәмеzne күчереп алып китте. Без һәм аның шәжәрәсеннән күчереп алып калдык. Шуның өчен 1895 нче елдан бир[л]е шәжәрәмеz икеяклы булып калды. Шушы елдан бир[л]е Сембер губернасында шәжәрәмеz күпме артканын белгән кешемез юк. Бу яктан барган кеше юк, ул яктан һәм килгән кеше юк.

1924 нче елда 14 нче апрельдә Иске Зеленайда имам Габделкаһир б. Гомәр б. Тимерпулат б. Әмин б. Уразмет б. Мәмәт б. Мәмдәли б. Галимжан б. Мамай хан”¹.

Перевод:

«[Представители] этой части родословной живут в местечке Жәке², а также в Кошкуак, Иске Чокалы, в самом Симбирске, Хафизхан Симбирской губернии. В 1895 г. мулла Зайнелгабидин хазрат б. Шарафетдин б. мулла Амирхан б. Шамсутдин б. Курамша б. Гумар б. Мамат б. Мамдали б. Га-

¹ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 7.

² Деревня Старое Чекурское Дрожжановский район РТ.

лимаджан б. Мамай хан [нашел нас] по этой родословной, жил [здесь] больше месяца и уехал, переписав в Зеленае нашу родословную. Мы тоже переписали его родословную. Поэтому с 1895 г. наша родословная стала двухсоставной. Мы не знаем, как увеличилась наша родословная. Отсюда никто не ездил и от них никто не приезжал.

[Написал это] имам в Иске Зеленай Габделкабир б. Гумар б. Тимерпулад б. Амин б. Уразмет б. Мамет б. Мамадали б. Галимджан б. Мамай хан 14 апреля 1924 г.».

На оборотной стороне родословной приводится пояснение, каким образом этот документ попал в архив Ризаэтдина Фахретдина. Его передал муфтию в декабре 1924 года мухтасиб третьего района Хвалынского уезда Саратовской области Мухаметгарей Аблязов. Причем, специально для ученого Габделькабир Тимербулатов сделал большую копию родословной. Аблязов собственноручно на обороте копии красивым и уверенным почерком, оставил следующую запись:

“Ошбу шәжәрәне Саратов виләйте Хвалин өязе Радищев волосте Иске Зеленай авылының 5 нче мәхәллә имамы Габделкабир Гомәр углы Тимерпулатовта күрәп дидем: «Бәрәдәр, ошбу шәжәрәнездән күчәрәп безгә бер нөсхә һидия кылсаңыз, бен дә ошбу һидияңезне остаз Ризаэтдин хәзрәткә күндерер идек. Бу кеби тарихи әсәрләр бизем карияләрдә әһәмиятсез хәлдә тараканнар азыгы булып заигь булалар. Өметтер кем остаз Ризаэтдин хәзрәт тарихи әсәрләр китапханәсенә куеп сезнең ошбу хезмәтеңез сәясендә күп заманнар исеменез ядкар калыр». Мелла Габделкабир әфәнде рижаны кабул итеп байтак мөшкәтләр сарыф кылып иске нөсхәсеннән күчәрәп безгә һидия кылды. Без һәм 1924 нче ел дикабрь 23 [се] Уфага сәфәрәмездә мөфти әлислам остаз Ризаэтдин хәзрәткә тапшырдык. Саратов виләйте Хвалин өязе 3 нче нахия мөхтәсибе: Мөхәммәд Гирай б. Фәхрәтдин Әбләз”³.

Перевод:

«Я увидел эту родословную в деревне Иске Зеленай Радищевской волости Хвалынского уезда Саратовской губернии у имама пятой махалли, Габделкабира Гумаровича Тимерпуладова, и сказал: «О брат, если Вы подарите мне копию с этой родословной, то я передал бы ее нашему учителю Ризаэтдин хазрату. Подобные этому исторические памятники исчезают в наших селениях без толку, оставаясь кормом для тараканов. Надеюсь, что учитель Ризаэтдин хазрат поместит [эту родословную] в библиотеку исторических памятников и Ваше имя останется в истории благодаря этой работе». Мулла Габделкабир принял эту просьбу и, потратив много сил, подарил мне копию со старого списка. 23го декабря 1924 г. во время поездки в Уфу я подарил это муфтию, нашему учителю Ризаэтдин хазрату. Мухтасиб третьего района Хвалынского уезда Саратовской губернии: Мухаммад-Гирай б. Фахретдин Аблаз(ов)».

Архивный материал позволяет выяснить историю нескольких поколений этого большого и разветвленного рода, оказавшего серьезное влияние на экономическую и духовную жизнь Горной стороны, Симбирского и Саратовского края в XVII–XX столетии. Делопроизводственные источники XVII–XVIII веков называют нам имя одного их представителей третьего колена, зафикси-

³ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 7. (об.).

рованного в рукописном «Шеджере хана Мамаю». Это служилый татарин деревни Новые Чукалы Симбирского уезда Мамет Мамеделеев сын Нагаев (Ногаев), являвшийся владельцем крупных поместий в регионе, пожалованных за воинскую службу. В писцовой книге М.Ф. Пушкина 1685 года, он именуется как Мамай Мамадяев⁴ и, вероятно, от такого варианта произношения и написания имени Мамет, появилась легенда о родословной Мамаю хана. Таким образом, в дополнение к легенде шеджере появляется еще один, причем основной по происхождению населенный пункт, деревня Новые Чукалы.

Род Нагаевых известен среди касимовских служилых татар с XVI века. В частности, исследователь татарского дворянства И. Габдуллин, упоминает Бикбулата Дербышева сына Нагаева, верстанного 100 четвертями поместной земли [3, с. 229]. В XVII–XVIII веках представители этой фамилии отмечаются также среди темниковских служилых татар. Учитывая, что деревня Новые Чукалы была основана в середине XVII столетия выходцами из Кадома и Алатыря, то и происхождение Мамета Мамеделеева сына Нагаева можно связать с династией, проживавшей в Касимове или Кадоме.

По результатам генетического анализа потомка Мамета Мамедлеева сына Нагаева определена Y-хромосомная гаплогруппа рода – N1C1 – L1025 – <https://yfull.com/tree/N-L1025/>

Данная линия представляет один кластер возрастом 800–1300 лет до общего предка, объединяющий, в основном, татар-мишар Горной стороны (д. Старые Какерли, Старое Шаймурзино, Новые Чукалы, Малая Цильна Дрожжановского района РТ), Закамья (д. Старый Утямыш Черемшанского района РТ, д. Елхово Новошешминского района РТ, д. Татарская Киреметь Аксубаевского района РТ), Башкортостана (д. Богданово, Нижнекарышево Балтачевского района РБ).

Ее дочерняя линия представлена образцом из с. Апастово Апастовского района РТ <https://yfull.com/tree/N-L551/>. В корне подсубклада образцы из Литвы и он является одним из основных именно у балтских народов. Вероятно, в Поволжье род попал миграцией из балтийского региона в период Волжской Болгарии или Золотой Орды.

Очевидно, что данная генетическая линия характерна для служилых татар Мещеры, заселявших в XVII–XVIII веках «Дикую степь» в Предволжье и Закамье.

Мамет Мамеделеев сын Нагаев, обосновавшись в Новых Чукалах продолжал приобретать земли в деревне и окрестностях. Так, например, 13 декабря 1697 года ему было выделено променное поместье, которое он выменял у своего односельчанина, служилого татарина Досайки Петрова [2, с. 254]. Общая площадь все этих новых владений составляла в современных цифрах почти 48 га.

14 августа 1699 года Указом Императора Петра I служилому татарину деревни Новые Чукалы Симбирского уезда Мамету Мамеделееву сыну Нагаеву было отказано поступное крепостное поместье служилых татар Еналея и Акмемета Айкиных деревне Старое Чекурское того же уезда «40 четей в поле, а в дву потому ж, с санными покосами и со всеми угодыями и мельнич-

⁴ ГАУО. Ф.111. Оп.72. Д.664. Л.115.

ным жеребьем»⁵. Во владенной выписи, в частности, указывалось: «И по Указу Великого Государя, Царя и Великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца и по сей выписи ему, челобитчику Маметке Момеделееву тою поместной землею, 40 четвериками владеть до воловых писцов и мерщиков; и с той земли ему, Маметке, Великого Государя службу служить» [1, с. 219]. Именно с этого времени начинается история старочекуровской ветви рода, нашедшей свое отражение в рукописной версии родословной.

В последующие годы землевладелец продолжал увеличивать свои поместья. В 1700 году он получил в Старом Чекурском обширные угодья «170 четвертей в поле, а в дву потому ж, с мельницей на речке Аксе» променяв его у мурзы Кудабердея Енайдарова Чернеева, перешедшего по делам службы в Закамье, в деревню Старую Ерыклу [1, с. 193]. Таким образом, только по известным нам документам, Мамет Мамеделеев сын Нагаев в конце XVII–XVIII века в двух деревнях Симбирского уезда владел приблизительно 300 га земли с водяной мельницей и долями в мельничных жеребьях. Огромное по тем временам имущество. Поэтому, на наш взгляд, М.А. Усманов был не далек от истины, когда говорил о главе рода, как о крупном «мишарском феодале». Тем более, что поместья Мамета Мамеделеева, кроме вышеуказанных аулов, находились и в других населенных пунктах Горной стороны: Старых Чукалах, Новой Задоровке, Кошкувае, Чатказе и других⁶.

Очевидно, что «Шеджере хана Мамаю» является родословием древней династии, восходящей к военной знати татарских феодальных образований Рязанской Мещеры. Ее представители в XVII веке уже находились на службе у возвышающегося Русского государства, участвуя во всех значимых военных походах, защищая южные границы от кочевников.

В этой связи отметим, что архивные данные не подтверждают существование Галимджана сына Мамаю, которого по легенде родословной, якобы, схватили за участие в Пугачевском восстании. Это противоречит историческому статусу семьи и роду ее занятий, так или иначе связанных с несением военной службы и защитой интересов государства. Реплика о Галимджане скорее всего появилась благодаря историческим знаниям и взглядам составителя древа, который сознательно стремился не только удревить шеджере, но и связать его с громкими историческими событиями и именами.

Исходя из существующего комплекса источников, можно констатировать, что в середине XVII столетия, выходец из Алтыря, служилый татарин Мамеделей сын Нагаев в составе одной из военных, казачьих групп основал в Подгорном стане Свяжского уезда Казанской губернии, позднее Буинском уезде Симбирской губернии, деревню Новые Чукалы. За военную службу он был пожалован большим земельным поместьем. Его сын Мамет, от которого пошло большинство родовых линий династии, также находясь на военной службе, продолжал последовательно расширять свои владения в деревнях Горной стороны.

В Новых Чукалах в начале XVIII века жил и другой сын Мамеделея – Нургали (Нурка. 1658–?), который согласно родословной в 1732 году после

⁵ ГАУО. Ф.156. Оп.1. Д.193. Л.24–24(об.).

⁶ Большинство из них находится на территории Дрожжановского района РТ.

выхода в отставку основал в саратовских степях село Старое Зеленое (ныне Старокулаткинский район Ульяновской области). Этот факт имел большой резонанс среди служилых татар, так как ходили слухи о том, что Нургали стал обладателем здесь поместья, благодаря личному пожалованию императора за подвиги при защите Петербурга от шведов. Из уст в уста передавались удивительные рассказы и предания об этом событии. Одно из них было включено в академическое издание, посвященное жемчужинам татарского устного народного творчества. Фольклорная версия звучит следующим образом: «Башта безнең бабайларның берсе Мамалай хан булган, аның улы Галимжан, аның улы Мәмәтәли, аның улы Нөркә булган. Менә шушы Нөркә карт Зельнойга килеп утырган. Нөркә карт Петербургны Швеция һөжүменнән саклауда ғына түгел, ә аны яулап алуда да зур батырлык күрсәтә, шуның өчен рус патшасы аңа:

– Син үзен теләгән жирдә барып утыр, – ди. Нөркә карт патшага егерме биш ел хезмәт иткән кеше була. Шуннан ул бу урында яшәгән Одовский бояры жиренә килеп утыра. Ул вакытта бу жирләрдә калмыклар боярга көтү көтеп йөриләр, имеш. Нөркә карт сугыш киemenдә килеп:

– Мин бу жиргә килдем, бу жир миңа бирелде, – дигән. Бояр, бик ачуланып, аны куып жибәрергә теләгән икән, Нөркә карт патша язуын чыгарып күрсәткәч, бояр каршы килә алмаган, баш ияргә мәжбүр булган. Шуннан соң Нөркә карт шушы жирләргә күчеп килеп тора башлаган. Аның этисе Мәмәтәли Сембер губернасының Чыкал авылында яшәгән” [5, с. 199].

Перевод: “Сначала был один из наших бабаев Мамалай хан, затем его сын Галимзян, его сын Маматали, и его сын Нурка. Вот этот Нурка карт обосновался в Зеленом. Нурка карт, показал большое мужество не только при охране Петербурга от Швеции, но и при штурме его, поэтому русский царь ему сказал:

– Возьми себе любую землю [в качестве поместья]. Нурка карт служил царю двадцать пять лет. После этого, он поселился на земле, принадлежавшей боярину [помещику] Одо[е]вскому. В то время здесь кочевали калмыки, которые пасли боярское стадо. Нурка карт придя в солдатской форме, заявил:

– Я пришел на эту землю, потому что она мне пожалована. Боярин, разъярившись, захотел прогнать его. Но, когда Нурка карт показал царскую грамоту, боярин ничего не смог сказать против, вынужден был смириться. После этого, Нурка карт переселился на эти земли и начал здесь жить. Его отец Маматали жил в Симбирской губернии, в деревне Чыкал».

Учитывая данные этой легенды и материалов Переписи служилых татар Симбирского уезда за 1718 год, следует соотнести время службы и основания Старого Зеленого не к 1732 году, как говорится в письменной генеалогии, а к более раннему, петровскому времени.

В 1718 году в деревне Новые Чукалы жили сыновья Мамета Мамедеева сына Нагаева – Умер (1695–?), Тимралея (1693–?), сын Тимралея – Сеин (1716–?). Сам Мамет к этому времени уже умер. В отдельном дворе находилась семья Нурки (Нургали Мамедеева (1658–?) с сыновьями Кадралеем (Кыдай. 1690–?), Туктаралием (Тукай. 1694–?), Мансуром (1705–?), приемным сыном Микулкой Васкиным (1714–?). Рядом с Нуркой в соседнем доме жил его брат Муса (1664–?) с сыновьями Биктемиром (1698–?), Абдулсели-

мом (1708–?) и Халиуллой (1712–?)⁷. Вероятно, уже после 1718 года Нургали вместе со всем семейством перебрался Старое Зеленое. Во всяком случае, его потомки показаны в последующих переписях по этому селу. По родословию, обосновавшись в Хвалынском уезде, Нургали Мамедлеев пригласил к себе племянника, старшего сына Мамета Мамедлеева – Уразмета, дальнего предка составителя шеджере Габделькахира Тимербулатова.

Кстати, практически все родичи обосновались одним аулом под названием Кудеевка или Лебежайка, который затем вошел в состав Старого Зеленого. В середине XIX века здесь к роду Мамета Мамедлеева сына Нагаева относилось около четверти населения. Само село было очень большим, к нему на протяжении всего столетия подселялись многочисленные выходцы из Симбирской и Нижегородской губерний. По материалам Переписи населения за 1897 год в Старом Зеленом насчитывался 2261 житель -1113 мужчин и 1148 женщин [6, с. 200].

Исследователями зафиксированы переселения, еще в XVII веке, представителей фамилии из Горной стороны на территорию современной Башкирии. В частности, И. Габдуллин отмечает: «Часть представителей рода была переведена в XVII в. в Уфимский уезд. Здесь они проживали в деревнях Нижнее Аврюзево (ныне Альшеевский район РБ), Имай-Карамалы (ныне Давлекановский район РБ), Новые Карамалы (ныне Аургазинский район РБ), Урьяды (ныне Мишкинский район РБ), Чишмы (ныне Чишминский район РБ) Оренбургской, а позднее Уфимской губерний. Родоначальником рода Нагаевых, живших в Оренбургской губернии, является Чумай мурза Нагаев, которому за службу были пожалованы земли. Фрагмент родословной Нагаевых по д. Новые Карамалы выглядит так: Мамадали (жил во второй половине XVII в.) – Кадыргали – Исянгали – Резяп – Зюбеир – Мухаметша. В XIX в. Нагаевы подавали прошения об утверждении их в дворянстве, которые не были удовлетворены» [3, с. 229]. То есть в XVII столетии Нагаевы, особенно те, кто по делам службы, перемещался в Уфимский уезд, еще носили титул мурзы. Вполне возможно, что Кадыргали Мамадалиев из Новых Карамалов являлся тем самым мурзой «Кадралеем Мамолаевым», который в 1691 году судился с служилыми татарами д. Старое Чекурское из-за спорной земли [1, с. 214].

В целом, история рода Нагаевых, старинной военной династии весьма характерна для многих служилых татарских фамилий региона. С вхождением в лашманское сословие и постепенной утратой служилых привилегий, род начал терять былое богатство, но не влияние. Новой «специализацией» семьи стала духовная, проповедническая деятельность. Возникло сразу несколько родственных династий мусульманских священнослужителей, игравших важную роль не только среди мусульман Горной стороны, но и всей российской уммы. Мы уже отмечали, что в Старом Зеленом, потомок Уразмета сына Мамета Мамедлеева, составитель родословной Габделькахир Гумерович Тимербулатов (19.04.1879–?) с 19 апреля 1905 года являлся имам-хатибом пятой соборной мечети села.

Новочукальская линия, происходившая от сына Мамета Мамедлеева – Тимраля (1693–?), дала знаменитую династию имамов Гафаровых, являвшихся лидерами симбирской махалли с середины XIX века, вплоть до эпохи

⁷ РГАДА. Ф.237. Оп.1. Д.7. Л.35 (об.)–36.

воинствующего атеизма в первое десятилетие Советской власти. Ахуны, отец и сын Вали и Шакир Гафаровы, создали крупнейшее в регионе медресе, где получали образование сотни шакирдов из Симбирской и Казанской губерний. Ш. Марджани с большим уважением относился к этой семье, поддерживал с ней связь. Многие муллы Буинского и Симбирского уездов получили образование именно у этих хазратов. Линия шеджере выглядит так: Валиулла (1820–?) – Гафар (1774–?) – Сайфулла (1743–?) – Сеин (1715–1755) – Тимралей (1693–?) – Мамет – Мамеделей сын Нагаев.

В деревне Старое Чекурское ветвь рода от другого сына Мамета Мамеделева – Умера также известна семьей религиозных деятелей. Несколько ее поколений являлись имамами в данной деревне. Амирхан Шамсутдинов, его сын Шарафутдин Амирханов последовательно занимали места приходских мулл в Старом Чекурском. Одним из ярких священнослужителей и педагогов был Зайнельгабидин бин Шарафетдин (1829–?) бин Амирхан (1792–?) бин Шамсутдин (1771–1853) бин Курамша (1727–?) бин Умер (1695–?) бин Мамет бин Мамеделей сын Нагаев. Он кстати и составил старочекуровскую часть родословной. Сын Зайнельгабидина – Гаязетдин (1878–?) в 1924 году стал последним имамом первой соборной мечети деревни Старое Чекурское⁸.

Курамша Умеров еще в 1762 году числился среди крестьян деревни Новые Чукалы, но во второй половине XVIII века обосновался в д. Старое Чекурское. Служилыми татарами этого аула в начале XIX века являлись три его сына: Батрай (Бадретдин.1751–1812), Шамей (Шамсутдин.1771–?), Тазей (Газетдин.1775–?). От Шамсутдина, как мы отметили выше, пошла династия священнослужителей села. Семьи двух других братьев также были уважаемыми и влиятельными. Так, правнук Газетдина Курамшина – Фахретдин Низаметдинов (1884–?) 15 марта 1910 года женился на представительнице древнего рода Кудяковых – Сахибзамал Сагдетдиновой (21.11.1891–?)⁹.

Таким образом, самые древние колена данного «Шеджере Мамае» зафиксированные в актовых и делопроизводственных источниках датируются лишь началом XVII века, а не как XIV столетием, когда жил широко известный бек Мамай. Кроме того, как мы уже отмечали, имя Мамае в данной генеалогии, скорее всего, возникло из-за особенностей произношения, сокращения в разговорном стиле имени Мамет, что было очень характерно для татар Мещеры. Конечно, в исторической памяти Мамет и его отец Мамеделей сын Нагаев, будучи влиятельными служилыми людьми, обладателями поместий могли остаться и как властные воители, своего рода «ханы» на своей территории Горной стороны. Этот образ мог в дальнейшем трансформироваться в бека Мамае, особенно если генеалогию составлял человек, увлекающийся историей.

⁸ НА РБ. Ф.И-295. Оп.2. Д.1. Л.34.

⁹ ГА РТ. Ф.204. Оп.10 доп. Д. 44. Л.79; Ф.204. Оп. 277. Д.264. Л.343; Ф.204. Оп.277. Д.1164. Л.377 (об.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Симбирского окружного суда. Выпуск первый. Гражданские дела Буинского уездного суда. Издание Симбирской Губернской Ученой архивной Комиссии, под редакцией ее действительного члена, товарища председателя Симбирского окружного суда П. Мартынова. Симбирск: Губернская типография, 1901.
2. Архив Симбирского окружного суда. Выпуск второй. Гражданские дела Буинского уездного суда. Разобрал и подготовил к изданию П. Мартынов товарищ председателя Симбирского окружного суда. Издание Симбирской Губернской Ученой архивной Комиссии. Симбирск, Типография М.Д. Бычковой, 1905.
3. *Габдуллин И.Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. 320 с.
4. *Почекаев Р.Ю.* Мамай. История «Антигероя» в истории. М.: Евразия, 2010. 288 с.
5. Татар халык ижаты. Риваятләр һәм легендалар. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1987.
6. *Тройницкий Н.А.* Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб.: типография «Общественная польза», 1905.
7. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1972. С. 179. 223 с.

Сведения об авторе: Радик Римович Салихов – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6380-6640, ResearcherID: X-6932-2019. E-mail: rsalih@mail.ru

Поступила 9.11.2021 Принята к публикации 4.02.2022
Опубликована 29.03.2022

REFERENCES

1. *Archive of the Simbirsk District Court. Issue One: Civil Cases of the Buinsky District Court.* Simbirsk: Gubernskaya tipografiya, 1901. (In Russian)
2. *Archive of the Simbirsk District Court. Issue Two: Civil Cases of the Buinsky District Court.* Simbirsk: Tipografiya M.D. Bychkovoy, 1905. (In Russian)
3. *Gabdullin I.R. From Service Tatars to the Tatar Nobility.* Moscow, 2006. 320 p. (In Russian)
4. *Pochekaev R.Yu. Mamai. The History of the “Antihero” in History.* Moscow: Evraziya, 2010. 288 p. (In Russian)
5. *Tatar khalık iǵaty. Rivayatlar һәм legendalar.* Kazan: Tatarstan kitap nәshriyate, 1987. (In Tatar)
6. *Troynitskiy N.A. Populated Areas of the Russian Empire with 500 or More Inhabitants Indicating the Total Population and the Number of Inhabitants of the Predominant*

Religions, according to the First General Population Census of 1897. St. Petersburg: Tipografiya “Obshchestvennaya pol’za”, 1905. (In Russian)

7. Usmanov M.A. *Tatar Historical Sources of the seventeenth and eighteenth centuries.* Kazan: Kazan State University Publ., 1972. 223 p. (In Russian)

About the author: Radik R. Salikhov – Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6380-6640; ResearcherID: X-6932-2019. E-mail: rsalih@mail.ru

Received November 9, 2021 Accepted for publication February 4, 2022

Published March 29, 2022

ЛИЧНОСТЬ ТАМЕРЛАНА В ТРУДАХ БОГОСЛОВОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

*И.М. Миргалеев*¹, *Р.К. Адыгамов*^{1,2}, *Х.Х. Абдурахман*³

¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
diltur1976@mail.ru*

² *Международная исламская академия Узбекистана
Ташкент, Узбекистан
abi_tuhammad@mail.ru*

³ *Болгарская исламская академия
Болгар, Российская Федерация
halahmad70@hotmail.com*

Личность Тамерлана вызывает различные оценки со стороны историков, государственных и политических деятелей. Также различия в оценке зависят и от принадлежности специалиста к тому или иному этносу и его гражданства. В случае с Тамерланом, например, его личность татарскими историками воспринимается негативно, так как его деятельность послужила одной из причин гибели Золотой Орды. Что касается исследователей Средней Азии, то ими он преподносится как великий полководец и государственный деятель. В этой связи весьма интересным представляется выявление заключений богословов Средневековья, так как хронологически они были ближе к изучаемому историческому периоду. В рамках данного исследования проводится анализ трудов богословов, на предмет наличия фетвы, объявляющей Тамерлана не мусульманином.

Целью исследования является выявление высказываний богословов Средневековья о личности Тамерлана.

Материалы исследования: источниковую базу исследования составили труды таких богословов как ал-Баззази, Ибн Арабшах, Ибн Касир, Ибн Халдун, аш-Шавкани, ас-Сахави и др.

Результаты исследования: в предлагаемой статье были выявлены высказывания богословов о личности Тамерлана и фетвы относительно тех, кто отклоняется от исламского шариата, но без конкретизации относительно такфира его личности.

Новизна исследования: в рамках данного исследования впервые были проанализированы фетвы мусульманских богословов относительно личности Тамерлана.

Ключевые слова: Тамерлан, Тимур, ал-Баззази, Ибн Арабшах, Ибн Касир, неверие, такфир

Для цитирования: Миргалеев И.М., Адыгамов Р.К., Абдурахман Х.Х. Личность Тамерлана в трудах богословов Средневековья // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 77–88. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.77-88

THE PERSONALITY OF TAMERLANE IN THE WORKS OF MEDIEVAL THEOLOGIANs

*I.M. Mirgaleev*¹, *R.K. Adygamov*^{1,2}, *H.H. Abdurrahman*³

¹ *Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
dilnur1976@mail.ru*

² *International Islamic Academy of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan
abu_muhammad@mail.ru*

³ *Bulgarian Islamic Academy
Bolghar, Russian Federation
halahmad70@hotmail.com*

Abstract: *Research objectives:* Tamerlane's personality evokes various assessments from historians, statesmen, and politicians. Also, the differences in the assessment depend on citizenship or a specialist's belonging to a particular ethnic group. In the case of Tamerlane, his personality is perceived negatively by Tatar historians since his activities served as one of the reasons behind the demise of the Golden Horde. As for researchers from Central Asia, they present him as a great commander and statesman. In this regard, it is very interesting to identify the conclusions of the theologians of the Middle Ages since they were closer chronologically to the historical period under study. Within the framework of this study, the works of theologians are analyzed for the presence of a fatwa declaring Tamerlane not to be a Muslim. As such, the aim of the study is to identify the statements of theologians of the Middle Ages about the personality of Tamerlane.

Research materials: The source base of the research was the works of such theologians as al-Bazzazi, Ibn Arabshah, Ibn Qasir, Ibn Khaldun, ash-Shawkani, as-Sahawi, etc.

Research results: As a result of our research, the statements of theologians about the personality of Tamerlane and fatwas have been revealed regarding those who deviate from the Islamic Sharia, but without specifying the takfir tied to his personality.

Novelty of the research: Within the framework of this study, the fatwas of Muslim theologians regarding the personality of Tamerlane have been analyzed for the first time ever.

Keywords: Tamerlane, Timur, al-Bazzazi, Ibn Arabshah, Ibn Kasir, disbelief, takfir

For citation: Mirgaleev I.M., Adygamov R.K., Abdurrahman H.H. The Personality of Tamerlane in the Works of Medieval Theologians. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 77–88. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.77-88 (In Russian)

Введение

Процессы этно-конфессионального возрождения, начавшиеся в конце 80-х годов XX века, привели к переоценке роли личности в истории. Одной из исторических фигур, чья роль была пересмотрена стал Тамерлан. В Узбекистане его личность была возведена в ранг национального героя. Однако, следует отметить, что не всегда Тамерлану давали подобную оценку. Известный татарский богослов и историк Ш. Марджани указывал: «причиной ... ослабления Казани и Булгара, а также их исчезновения и раскола стало нашествие и разграбление со стороны Тамерлана». При этом он подкреплял свою точку зрения словами своего учителя: «Мы не раз слышали высказывание кадия Абу Са'ида ас-Са-

марканди¹, да смилостивится над ним Аллах, о том, что Тамерлан принес исламу во много раз больше вреда, чем неверные Чингиз-хан, Чагатай и Хулагу» [18, с. 143]. Более того, среди богословов были и те, кто довольно резко высказывался об Аксак Тимуре. Марджани, рассказывая о личности одного из среднеазиатских богословов ал-Баззази, указывал: «Он относится к тем ученым, которые объявили Тамерлана неверным. Такие выводы можно сделать из ощущений от некоторых фраз его фетвы» [18, с. 88]. В этой связи анализ данной проблематики в трудах богословов представляется весьма актуальным.

У нас есть свидетельства современников, указывающие на разные аспекты жизни эмира Тимура, которые ставят серьезные вопросы относительно религиозности Тамерлана и соблюдения им шариатских норм. Например, известия Руи Гонсалеса де Клавихо изобилуют рассказами о пирах, устроенных Тамерланом, об обильном питье вина пирующими, самим Тимуром, его женами и приближенными. Упасть пьяным на пирах считалось удалью и таких людей считали бахадурами, а тех, кто отказывался пить заставляли и было принято опустошать бокалы до последней капли [17, с. 312, 318, 319].

Современные исследователи больше обращают внимание на полководческий дар Тамерлана и на его походы в разные страны. Как известно, эти войны принесли много бед разным народам и стали причиной колоссальных политических изменений. Одним из итогов войн Тимура было его противостояние с золотоордынскими правителями и его разрушительные походы на территорию Золотой Орды и разгром татарских городов, уничтожение золотоордынского населения. Его разрушения городов были продиктованы целью уничтожения северного маршрута трансконтинентальной торговли².

В историографии имеется один интересный сюжет, связанный с походом 1391 года, когда Тамерлан со своим войском остановился на горе Ультау и оставил на камне надпись, известный в науке как Карсакпайская надпись [20, с. 121–127.]. Но кроме надписи Тамерлан там велел построить и большой ритуальный курган для устройства огромного костра. Огонь и само сооружение носили сакральный характер, связанный с культом поклонения родовой Горе [12].

Казахстанский археолог Э.Р. Усманова и ее соавторы, исследовавшие этот ритуальный курган с помощью химиков и геологов, подтвердили, что объект имел сакральное значение для Тамерлана. Безусловно, речь идет о том, что данный курган был возведен с целью поклонения духам предков и получения от них поддержки в войне против хана Токтамыша, «в обряде поклонения священной Горе, который входит в разряд шаманистических ритуалов, распространенных в общественной жизни монголов. Этот обряд, соотносимый с культом предков, практиковался у Чингисхана и его потомков в виде поминальных жертвоприношений, песнопений в честь умерших предков, проводимых весной» [26, с. 87]. Все это подтверждает, что Тимур придерживался по крайней мере некоего синкретичного верования на основе условного шаманизма с законами степняков – т.н. Ясы Чингизхана и ислама. Причем, ислам был больше камуфляжем и в культурном плане превалировал. Также необхо-

¹ Один из наставников Ш. Марджани (ум. 1848–49 гг.).

² О процессе противостояния Тамерлана с Золотой Ордой более подробно смотрите [21]. Здесь хотели бы отметить и сам ход войны, маршрут его войска по территории Золотой Орды. Все эти вопросы детально рассмотрены в многочисленных работах И.М. Миргалеева.

димо отметить, что образ Тимура сильно исламизировали его потомки, прежде всего Шахрух. Сам Тимур же до конца своей жизни оставался воином и завоевателем, нежели радетелем религии. Это касалось и его образа жизни. Например, стиль ношения длинных усов, свисающих над губой, что противоречило исламу, М.М. Герасимов пытался объяснить тем, что высшему военному со словию якобы разрешалось иметь усы не подрезая их над губой [11, с. 514].

В своей статье В.В. Бартольд «О погребении Тимура», опираясь на сочинение Шереф ад-дина Йезди рассказывает о том, что после погребения Тимура его жены и другие знатные женщины *по обычаям кочевников* выполнили траурные обряды: обнажили головы и расцарапали, почернили лица; рвали на себе волосы, бросались на землю и посыпали головы прахом, накрывали шею войлоком [10, с. 444].

Тимура похоронили в стальном гробу, изготовленном искусным мастером из Шираза. Его усыпальница была богато убрана, висели дорогие люстры, оружие и ценные вещи и что перед ней совершались молитвы и приносились обеты, проходя мимо снимали обувь и поклонялись ей. Несогласное с правилами ислама убранства мавзолея было удалено только после занятия Самарканда Шахрухом в 1409 году [10, с. 445–446].

Тамерлан все время вел войны с другими государствами с целью завоевания и грабежа. Основными его противниками были мусульманские страны. Правители и исламские богословы этих стран безусловно Тимуру ставили это в укор, обвиняя его в неверии или же как тирана, который хуже неверных.

Как известно, один из прямых наследников золотоордынского государства, правитель Казанского ханства Мухаммед Эмин, который был дружен с узбекскими правителями Мавераннахра, захватившими земли тимуридов, посвятил специальное стихотворение деяниям Тимура, названное им «Мечь».

«По хиджре в 750 году сошло
На мир разрушение, землетрясение,
Сам хромой, а ум кривой – лишь одна смута в голове;
Бед натворил по всей земле.
Улемы и шейхи шахидами стали
За лучезарный Ислам.
Исламский мир разрушен
От этой смуты. И потекли слёзы страха.
И какой ответ даст он перед Всевышним?
Если спросит его Аллах со всей строгостью?
О, Бог мой, гнев Свой покажи ему на том свете.
Да пусть он останется в темноте невежества!» [4].

В составе русских летописей есть «Повесть о Темир-Аксаке», там Тамерлан характеризуется злобным язычником [23, с. 222–224]. Безусловно, информацию о Тимуре русские черпали через золотоордынских татар. Поэтому обозначение Тамерлана язычником указывает на то, что информаторы русских хронистов придерживались таких же взглядов.

Тема религиозности была затронута и в переписке Тимура с османским правителем Йылдырымом Баязидом. Османы о Тимуре и его войске писали, что они «хуже чем неверные» [22, с. 301]. Также в укор османам сам Тимур пишет Баязиту, что «по отношению к нам и нашим воинам ваши слова «невернее неверных» стали применяться повсеместно» [27, с. 150]. Правители и

исламские интеллектуалы государств, подвергнувшихся нападению Тамерлана, безусловно должны были затрагивать и этот вопрос и конечно же объявить Тамерлана неверным, или «хуже чем неверный», язычником, шаманистом и т.п. Поэтому, при рассмотрении верований чагатайцев и Тимура необходимо учитывать и этот факт и анализировать источник соответственно. Другое дело источники, происходящие из Средней Азии, где авторы вынуждены были учитывать давление самого Тимура и его потомков, декларировавших свое мусульманство официально. Здесь как видим и далее, мусульманские богословы разными способами пытались бороться с остатками язычества и культами шаманизма, но при этом учитывая свои возможности и реалии. Об открытом противостоянии и речи не могло быть.

Все это свидетельствует, что монголы-чагатайцы хотя уже вошли в лоно ислама, однако они все еще продолжали в том числе придерживаться и монгольских шаманистских обрядов, поклоняться культу предков и жить по обычному праву кочевников – Ясе. Ислам проникал в ряды монголов-чагатайцев не быстро. Еще долгие годы остатки культа шаманизма продолжали существовать наряду с исламом, образуя некий синкретический вид. Исламские придворные имамы не могли остановить соблюдение языческих культов монголами, так как не обладали властью над ними. Во время «кочевнического обычая» по поводу кончины Тимура «даже представители ислама, как шейх ал-исламы Абд эль-Эввель и Исам ад-дин вынуждены были одеть траурные одежды» [10, с. 445].

Возможно здесь привести аналогию с другой синкретической религиозной доктриной «Дин-и иллахи» потомка Тимура Акбара в Индии, когда тот пытался объединить ислам с индуистскими верованиями и зороастризмом.

В позднем чагатайском государстве ислам уже активно распространялся, чему способствовали и правители этого чингизидского улуса, но при этом сами кочевники, которые были известны тем, что были радетелями кочевого образа жизни и соблюдения Ясы Чингизхана долгое время соблюдали и шаманистские культы. Тамерлан как раз был одним из последних из элиты чагатайцев, который соблюдал и сам культ предков, и законы Чингизхана.

Парадигма такфира в учении хариджитов и суннитов

История проблемы «такфира» начинается с противостояния между хариджитами и суннитами. Первые считали мусульманина, совершившего грех неверным. Согласно учению вторых, если мусульманин, совершивший большой грех, продолжает признавать свой поступок греховным, то он остается верующим. Хариджиты аргументировали свою позицию рядом аятов. В частности «А кто не будет судить согласно тому, что ниспослал Аллах, тот – неверный» (Коран³, 5:44). Из буквального понимания следует, что тот, кто не судит по закону Бога, тот неверный. В другом аяте сказано: «А если кто после этого станет неверным, то он – грешник (фасик)» (Коран, 24:55), то есть, термины «неверный» и «грешник» использованы в рамках одного контекста. В следующем аяте вера противопоставлена греху: «Неужели уверовавший равен грешнику (фасик)? Не равны они!» (Коран, 32:18). Еще в одном аяте, неверие связывается с отказом совершить паломничество: «Аллах обязывает тех людей, кто в состоянии совершить поездку, отправляться в хадж

³ Здесь и далее, в переводе М.Н.О. Османова.

к Дому. А если кто-либо не верует [и не совершает хаджа], то ведь Аллах не нуждается в обитателях миров» (Коран, 3:97). Помимо этого, хариджты обращались и к хадисам. В частности, один из них провозглашает: «Кто преднамеренно оставляет молитву – тот неверный» [24, с. 136].

Сунниты же в качестве доказательства ссылались на айаты: «О вы, которые уверовали! Предписано вам возмездие» (Коран, 2:178), «О вы, которые уверовали! Обращайтесь к Аллаху с искренним раскаянием» (Коран, 66:8), «Если две группы верующих вступают в сражение [между собой], то примирите их» (Коран, 49:9). Как видим, во всех айатах, несмотря на упоминание больших грехов и покаяния, использовано обращение «о вы верующие». Похожие аргументы встречаются и в хадисах. В частности, в одном из них Пророк Мухаммад сказал: «Если раб покинет этот мир, произнеся слова: «Нет божества, кроме Аллаха», то он попадет в Рай». Абу Зарр спросил: «Даже если он прелюбодействовал и воровал?» Пророк ответил: «Даже если прелюбодействовал и воровал». Абу Зарр вновь спросил: «Даже если он прелюбодействовал и воровал?», Пророк вновь ответил: «Даже если прелюбодействовал и воровал». Абу Зарр еще раз спросил: «Даже если он прелюбодействовал и воровал?», Пророк ответил: «Даже если прелюбодействовал и воровал, и несмотря на мнение Абу Зарра» [24, с. 135]. Из хадиса также ясно видно, что несмотря на прегрешение, Пророк Мухаммад продолжает именовать такого человека верующим.

На первый взгляд данная проблема может показаться сугубо теоретической. На самом же деле она имеет важное практическое значение. Хариджиты и их последователи, руководствуясь тем, что великогрешник является неверным, выносили решение о допустимости его убить, имущество конфисковать, жену и детей продать в рабство. Современные радикальные течения действуют в рамках точно такого же понимания.

Именно поэтому суннитские богословы в данном вопросе были особо осторожными. В частности, известный ханафитский богослов ат-Тахави указывал: «Мы не объявляем неверным никого из последователей Киблы по причине грехопадения, если он не считает этот грех дозволенным» [9, с. 109]. В другом месте своего текста он указал: «Раб (Аллаха) выходит из веры, только если отрицает то, что сделало его верующим» [9, с. 114]. В силу этого, зачастую богословы в рамках своих фетв избегали упоминания имен конкретных личностей, за исключением тех, чьи имена были упомянуты в айатах Корана или хадисах.

Критерии необходимые для признания человека неверным упомянуты у ан-Насафи: «Тексты [откровения] должны пониматься открыто и явно. Отклонение к смыслам, утверждаемым батинитами (сторонниками свободного, аллегорического толкования откровения, искавшими в нем тайный смысл), является безбожием (илхад). Отрицание этих текстов есть неверие (куфр). Разрешение порочного поступка (ма'сийа) и пренебрежение им – неверие (куфр). Издевательство (насмехательство) над шариатом – неверие. Потеря надежды на милость Аллаха Всевышнего – неверие. Думать, что мы в безопасности от наказания Аллаха Всевышнего, есть неверие. Верить гадалыщику в том, что он сообщает о скрытом (гайб), – неверие» [24, с. 210].

Таким образом, в суннитском богословии неверием считалось явное отрицание или противоречие текстам Корана и сунны, имеющим степень «кат'и ад-дилала» (однозначно ясный текст с точки зрения смысла) и «кат'и ас-субут» (абсолютно достоверный, аутентичный с точки зрения цепочки передатчиков).

Богословы о личности Тамерлана

Поскольку Ш. Марджани, упоминая подобную фетву, говорит конкретно об известном ханафитском богослове ал-Баззази, то анализ данной проблемы следует начать именно с него. Изучение рукописи автора показало, что ал-Баззази в текстовом варианте не упоминает ни имени Тамерлана, ни какого-либо другого правителя. Он писал: «Это есть неверие так как является деянием в соответствии с законами чингизидов» [2, л. 331].

Его ученик Ибн Арабшах, характеризуя Тамерлана высказался более открыто: «Он не умел читать и писать, не знал арабского языка, знал только фарси, тюрки и монгольский языки. Он верил в законы чингизидов, которые представляют собой что-то вроде исламского права, он правил по ним, как по закону Мухаммада. Этому пути придерживались все чагатаи, жители Дешта и Туркестана. Эти простолюдины следуют законам проклятого Чингизхана, предпочитая их исламу. Поэтому каждый из наших учителей Хафиз ад-дин Мухаммад ал-Баззази, да смилостивится над ним Аллах, и наш 'Ала' ад-Дин Мухаммад ал-Бухари, да продлит Аллах его дни, и другие имамы ислама издали фетву о неверии Тимура и тех, кто отдает предпочтение законам чингизидов пред исламским шариатом» [13, с. 444–445].

Более лояльно по этому поводу высказался Ибн Халдун: «Этот царь Тимур является одним из их царей и фараонов. Люди говорят, что он образован, другие же считают его рафидитом, так как видят, что он особо почитает ахл ал-бейт, третьи же приписывают его к колдунам, однако, ничего из этого не верно...» [16, с. 741].

Другой богослов высказался подобно Ибн Арабшаху: «Он отдавал предпочтение законам Чингизхана, считая их основой. Поэтому большое количество богословов издало фетву о его неверии, хотя обряды ислама в его царстве практикуются явно» [1, с. 100].

Похожие идеи можно найти и у Ас-Сахави, который в своей книге «Ясный свет, освещающий людей девятого века» указывал: «Он обладал верной мыслью, удивительной хитростью в военных вопросах, был проникательным и мало ошибался. Он знал историю и во время путешествий имел привычку слушать чтение книг. Он доверял ученым и знатокам ремесел. Он не умел читать, плохо писал, хорошо владел фарси, тюрки и монгольским языком. Он опирался на законы Чингиз-хана, по этой причине многие издали фетву о его неверии несмотря на то, что обряды ислама были явными в его землях» [5, с. 49].

Подтверждение, сказанного выше мы видим и у ал-Макризи. В своем труде «Уникальные жемчужины ожерелья о биографиях знатных» он указывал: «Он не умел читать и писать, не знал арабского языка. Он знал лишь персидский, тюркский и монгольский языки. Он, как и все чагатаи, жители Дешта и Туркестана, во всем опирался на законы Чингиз-хана. Они все поступают, подобным образом называя эти законы «Тура», что на монгольском языке обозначает «путь»» [3, с. 550].

Известный толкователь Корана и историк Ибн Касир, толкуя один из коранических аятов указывал: «Аллах сказал: «Неужели они ищут суда времен невежества? Чьи решения могут быть лучше решений Аллаха для людей убежденных?» (Коран, 5:50). Этими словами Аллах порицает каждого, кто отказался от всеобъемлющего закона Аллаха, содержащего все благое и запрещающего все дурное, в пользу иных мнений, амбиций и терминов, установленных человеком, не опираясь на шариат Аллаха. Так поступали люди во времена

джахилийи, предпочитая заблуждение и невежество, которое устанавливали на основе своего разума и амбиций. Точно также поступают татары, в своем царственном правлении, которое они берут из Ясы Чингиз-хана. Она взята из законов иудеев, христиан и исламской уммы. Также там много законов, основанных на рациональном суждении и амбициях. Они были превращены в закон, им отдают предпочтение перед книгой Аллаха и сунной Его посланника. Кто делает это, тот является неверным, с ним следует сражаться» [15, с. 131].

В своем историческом труде «Начало и конец» затрагивая данную проблему, Ибн Касир указал: «Кто отдаст предпочтение отмененным законам перед шариатом, ниспосланным Мухаммаду сыну ‘Абдуллы, печати пророков, тот будет неверным. Что же можно сказать о том, кто отдает предпочтение ясе? По единогласному мнению, мусульман, тот, кто совершает это является неверным. Аллах сказал: «Неужели они ищут суда времен невежества? Чьи решения могут быть лучше решений Аллаха для людей убежденных?» (Коран, 5:50)» [14, с. 162–163].

Как видим из содержания упомянутых источников, основанием для вынесения данной фетвы было правление на основе Ясы и отказ от законов шариата. Хотя наличие подобной фетвы и упоминается в богословских трудах, однако, либо отсутствует упоминание автора фетвы, либо в ней не упомянуто имя Тамерлана. Следовательно, однозначно утверждать о наличии подобной фетвы невозможно.

Однако, есть также и другая версия, причины вынесения фетвы о неверии Тамерлана. В книге «История алавитов» указывается, что якобы Тамерлан был алавитом [6, с. 325–330]. Что также, может быть, одной из вероятных причин обвинения его в неверии со стороны ряда богословов.

Похожее предположение можно обнаружить и в книге современного автора доктора Кямиля Мустафы аш-Шайби «Шиитская мысль и суфийские течения до начала двенадцатого века по хиджре». Автор также связывает фетвы о неверии Тамерлана с его приверженностью шиизму. В качестве аргумента он приводит общение Тамерлана с Сафи ад-Дином ал-Ардибили [8, с. 167–175], известным как Исмаил ас-Сафави, который изначально был суфием, а затем поменял свои убеждения на шиитские.

Однако наличие данной фетвы также нуждается в подтверждении. Известно, что во времена правления Тамерлана в Средней Азии уже успел укрепиться ханафитский мазхаб. Соответственно, принадлежность Тамерлана к одной из ветвей шиизма является лишь предположением.

Таким образом, нельзя однозначно утверждать о наличии фетвы, объявляющей Тамерлана в неверии. Несомненно, в результате его тирании пострадали многие регионы. Аш-Шавкани в своей книге «Божественное внушение в фетвах имам аш-Шавкани» по этому поводу указывал: «Этот Тимур один из величайших царей, отдающих предпочтение Ясе и его законам. Посмотрите, что натворил автор этой книги⁴. Он проливал кровь, нарушал запреты, разрушал города, изменял направление рек, рубил деревья, наполнил все земли великим страхом на столько, что прервались пути, исчезли города, обнищала большая часть мира. Какие бедствия были результатом его планов, какие трудности и беды постигли людей, в какое запустение пришли земли? Затем посмотрите на тех, кто отдавал предпочтение его закону из числа его детей, внуков, Тимур, черкесы и им по-

⁴ Речь идет о Чингиз-хане.

добные» [7, с. 3780–3782]. Однако, тирания, с точки зрения суннитов, не является достаточным основанием для вынесения фетвы о неверии.

Выводы

Проблема роли личности в истории будет продолжать сохранять свою актуальность. При смене идеологических установок, политических режимов будет происходить новая переоценка, которая будет приводить к новым выводам. В случае с личностью Тамерлана, то ее влияние на историю различных регионов было настолько велико, что возможно нас еще ждут новые открытия в области истории и личности этого человека. Безусловно, Тимур был великим полководцем, он реанимировал чагатайский улус и опирался на монголов-чагатайцев и сам происходил из них. Оставаясь всю жизнь воином, он жил по законам Ясы Чингиз-хана, при этом уже будучи в исламе, но не имея исламского образования он все же поддерживал и ислам, прежде всего ему была близка именно культовая сторона ислама, как построение мавзолеев, что показывает его восприятие ислама как кочевника, для которого на первом месте были важны внешние, культовые аспекты религии. Его дети уже были воспитаны в лоне ислама, хотя Яса Чингиз-хана еще долгое время в империи Тимуридов не теряла свою актуальность.

Анализ трудов богословов Средневековья показал, наличие ряда свидетельств в пользу того, что некоторыми из них была вынесена фетва в целом о неверии правителя, который правит не по шариату. В то же время, фетвы, упоминающей именно Тамерлана, не было обнаружено. Исламские интеллектуалы и правители стран, которые столкнулись с Тимуром также пытались разобраться в вопросах верования Тимура и чагатайцев. Здесь была палитра мнений, от объявления Тимура язычником до шиита. Даже такие интеллектуалы как Ибн Халдун специально затронули этот вопрос. А вот открытое противодействие Ясе Чингиз-хана через такфир среднеазиатских богословов говорит о том, что позиции исламских богословов хотя и усиливалась, но они не были в состоянии выступить резко против. Также это указывает на то, что исламские богословы Мавераннахра понимали сложившуюся обстановку и боролись с остатками шаманизма монголов, стараясь укрепить последних в исламе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абу ал-Фалах*. Шазарат аз-захаб фи ахбар ман захаб. Дамаск: Дар Ибн Касир, 1986. Т. 9.
2. *Ал-Баззаси*. Ал-Фатава ал-баззасийа. University of Michigan, 70, From the British Museum, London, no. 29. 367 л.
3. *Ал-Макризи*. Дуар ал-'укуд ал-фарида фи тараджим ал-а'йан ал-муфида. Бейрут: Дар ал-гарб ал-ислами, 2002. Т. 1.
4. *Амирханов Х.* Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники) / пер. со старотат., вступ. ст. и коммент. А.М. Ахунова. М.: Изд. дом Марджани, 2010. 232 с.
5. *Ас-Сахави*. Ад-Дау' ал-лами' ли ахл ал-карн ат-таси'. Бейрут: Мактабат ал-хайа. Т. 3.
6. *Ат-Тули*. Тарих ал-'алавиина. – ат-Таракки, 1924.
7. *Аш-Шавкани*. Ал-Фатх ар-раббани мин фатава ал-имам аш-Шавкани. Сана: ал-Джил ал-джадид. Т. 8.
8. *Аш-Шайби*. Ал-Фикр аш-и'и ва ан-наза'ат ас-суфийа хатра матла' ал-карн ас-сани 'ашара ал-хиджри. Багдад: ан-Нахда, 1996.

9. *Бабирти М.* Толкование акиды ат-Тахави / Перевод с арабского Р.К. Адгамов. Казань: КИУ, 2014. 185 с.
10. *Бартольд В.В.* О погребении Тимура // Сочинения. Том 2. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 423–454.
11. *Герасимов М.* Портрет Тамерлана // Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния / Сост., обр. и подг. текста Р.Рахманалиева. М.: Изд-во «Гураш», 1992. С. 506–514.
12. Знак Тимура на сопке Алтыншоқы. Сборник статей и публикаций. Караганда: Ltd Tengri, 2020. 192 с.
13. *Ибн Арабшах.* ‘Аджа’иб ал-макдур фи ахбар Тимур. Калькутта, 1817. 497 с.
14. *Ибн Касир.* Ал-Бидайа ва ан-нихайа. Дар ал-хаджр, 1997. Т. 17.
15. *Ибн Касир.* Тафсир ал-Куръан ал-’азим. – Дар тайиба, 1999. Т. 3.
16. *Ибн Халдун.* Китаб диван ал-мубтада’ ва ал-хабар фи тарих ал-араб ва ал-барбар. Бейрут: Дар ал-фикр, 1988. Т. 7.
17. *Клавихо Г.* История великого Тамерлана // Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния / Сост., обр. и подг. текста Р.Рахманалиева. М.: Изд-во «Гураш», 1992.
18. *Марджани Ш.* Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар. Казань, Типография Б.Л. Домбровского, 1897. 264 с.
19. *Миргалеев И.М.* Битвы Токтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. Отв. ред. и составитель И.М.Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 170–182.
20. *Миргалеев И.М.* Надпись Аксак Тимура: несколько замечаний по прочтению // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 2. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. С. 121–127.
21. *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
22. *Миргалеев И.М.* Татары Дешт-и Кыпчака в переписке Аксак Тимура с Баязидом // Золотоордынская цивилизация. 2014. №. 8. С. 299–303.
23. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л.: АН СССР, 1949. 462 с.
24. *Са’ди. Абд-ал-Малик.* Исламское вероучение: толкование акиды «Ан-Насафия» / перевод с арабского языка. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 257 с.
25. Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния / Сост., обр. и подг. текста Р.Рахманалиева. М.: Изд-во «Гураш», 1992. 544 с.
26. *Усманова Э.Р., Захаров С.В., Джумабеков Д.А., Антонов М.А.* Традиция культа гор в Улытау (Центральный Казахстан), или Ритуальный разговор с горой // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции: материалы I Междунар. междисциплинар. конф. / отв. ред. Е.В. Куприянова. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. С. 81–91.
27. *Daş Abdurrahman.* Ankara Savaşı Öncesi Timur ile Yıldırım Bayezid’in Mektuplaşmaları // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi, No. 15 (2004), s. 141–168.
28. *Il’nur Mirgaleev.* El peor enemigo de Timur La campana cjintra la Horda de Oro // Desperta Ferro. № 42 Madrid, 2017. P. 34–40.

Сведения об авторах: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6013-6944, Researcher ID: J-9533-2017. E-mail: dilnur1976@mail.ru

Рамиль Камилевич Адыгамов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); доцент кафедры ICESCO Международной исламской академии Узбекистана (ул. Абдуллы Кадыри, 13, Ташкент, Узбекистан). ORCID: 0000-0002-0448-0107. E-mail: abu_muhammad@mail.ru

Абдурахман Хусам Хусейн – докторант Болгарской исламской академии (422840, ул. Кул Гали, 1А, Болгар, Российская Федерация), преподаватель медресе «Мухаммадия»; ORCID: 0000-0001-9596-7174. E-mail: halahmad70@hotmail.com

Поступила 13.12.2021 Принята к публикации 02.03.2022
Опубликована 29.03.2022

REFERENCES

1. Abu al-Falah. *Shazarat az-zahab fi ahbar man zahab* [Grains of Gold about the Departed (this world)]. Damascus: Dar Ibn Kasir, 1986. Vol. 9. (In Arabic)
2. Al-Bazzazi. *Al-Fatava al-bazzaziya* [Theological Conclusions of al-Bazzazi]. University of Michigan, 70, From the British Museum, London no. 29. 367 l. (In Arabic)
3. Al-Makrizi. *Durar al-'ukud al-farida fi taradzhim al-a'jan al-mufida* [A Necklace of Rare Pearls about the Lives of the Noble]. Beyrut: Dar al-garb al-islami, 2002. Vol. 1. (In Arabic)
4. Amirhanov H. *Tavarikh-e Bulgariya* [Bulgarian Chronicles]. Transl. by A.M. Akhunov. Moscow: Izd. dom Mardzhani, 2010. 232 p. (In Russian)
5. As-Sahavi. *Ad-Dau' al-lami' li ahl al-karn at-tasi'* [A Bright Light for the Inhabitants of the ninth century]. Beyrut: Maktabat al-haja. Vol. 3. (In Arabic)
6. At-Tuli. *Tarih al-'alaviina. – at-Tarakki*, 1924. (In Arabic)
7. Ash-Shavkani. *Al-Fath ar-rabbani min fatava al-imam ash-Shavkani* [Divine Suggestion in the Fatwa of Imam Ash-Shawkani]. Sana: al-Dzhil al-dzhadid, Vol. 8. (In Arabic)
8. Ash-Shaibi. *Al-Fikr ash-i'i va an-naza'at as-sufiya hatra matla' al-karn as-sani 'ashara al-hidzhi* [Shiite Thought and Sufi Currents before the beginning of twelfth century AH]. Bagdad: an-Nahda, 1996. (In Arabic)
9. Babirti M. *Interpretation of the at-Tahawi Creed*. Transl. by R.K. Adygamov. Kazan: KIU, 2014. 185 p. (In Russian)
10. Bartol'd V.V. About Timur's burial. *Works*. Vol. 2. Part 2. Moscow: Nauka, 1964, pp. 423–454. (In Russian)
11. Gerasimov M. Portrait of Tamerlane. *Tamerlane: Epoch. Personality. Acts*. Ed. by R. Rakhmanaliev. Moscow: Gurash, 1992, pp. 506–514. (In Russian)
12. Timur's sign on Altynshoki Hill. *Collection of Articles and Publications*. Karaganda: Ltd Tengri, 2020. 192 p. (In Russian)
13. Ibn Arabshah. *'Adzha'ib al-makdur fi ahbar Timur* [Amazing Predestination of the News about Timur]. Calcutta, 1817, 497 p. (In Arabic)
14. Ibn Kathir. *al-Bidaja va an-nihaja* [Beginning and end]. *Dar al-hadzhr*, 1997. Vol. 17. (In Arabic)
15. Ibn Kathir. *Tafsir al-Kur'an al-'azim* [Interpretation of the Great Quran]. *Dar tajiba*, 1999. Vol. 3. (In Arabic)
16. Ibn Khaldun. *Kitab divan al-mubtada' va al-habar fi tarih al-arab va al-barbar* [The Book Is a Collection of Beginnings and News about the History of the Arabs and Berbers]. Beyrut: Dar al-fikr, 1988. Vol. 7. (In Arabic)
17. Clavijo, Ruy González de. History of the Great Tamerlane. *Tamerlane: Epoch. Personality. Acts*. Ed. by R. Rakhmanaliev. Moscow: Gurash, 1992. (In Russian)

18. Marjani Sh. *Mustafad al-ahbar fi ahval Kazan va Bulgar* [Useful News about the State of Kazan and Bulgar]. Kazan: Tipografiya B.L. Dombrovskogo, 1897. 264 p. (In Tatar)

19. Mirgaleev I.M. Tokhtamysh's battles with Tamerlane. *Warfare of the Golden Horde: Problems and Prospects of Study. Proceedings of the Round Table Held within the Framework of the International Golden Horde Forum. Kazan, March 29–30, 2011*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 170–182. (In Russian)

20. Mirgaleev I.M. Tamerlane's inscription: A few notes on reading. *Golden Horde Civilization*. Iss 2. Kazan: Fen, 2009, pp. 121–127. (In Russian)

21. Mirgaleev I.M. *Political History of the Golden Horde during the Reign of Tokhtamysh Khan*. Kazan: Alma-Lit, 2003. 164 p. (In Russian)

22. Mirgaleev I.M. Tatars of the Desht-i Kipchak in Tamerlane's correspondence with Bayezid. *Golden Horde Civilization*. 2014, no. 8, pp. 299–303. (In Russian)

23. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 25: *Moscow Chronicle Collection of the late fifteenth century*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1949. 462 p. (In Russian)

24. Sa'di Abd-al-Malik. *Islamic Doctrine: An Interpretation of the Aqida an-Nasafiya*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2008. 257 p. (In Russian)

25. *Tamerlane: Epoch. Personality. Acts*. Ed. by R. Rakhmanaliev. Moscow: Gurash, 1992. 544 p. (In Russian)

26. Usmanova E.R., Zaharov S.V., Dzhumabekov D.A., Antonov M.A. The tradition of the cult of mountains in Ulutau. *Ancient and Traditional Cultures in Interaction with the Environment: Problems of Historical Reconstruction: Proceedings of the First International Interdisciplinary Conference*. Ed. by E.V. Kupriyanova. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2021, pp. 81–91. (In Russian)

27. Daş Abdurrahman. Ankara Savaşı Öncesi Timur ile Yıldırım Bayezid'in Mektuplaşmaları. *Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi*, no. 15 (2004), pp. 141–168. (In Turkish)

28. Il'nur Mirgaleev. El peor enemigo de Timur La campana cjntra la Horda de Oro. *Desperta Ferro*. No. 42. Madrid, 2017, pp. 34–40. (In Spanish)

About the authors: Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6013-6944, Researcher ID: J-9533-2017. E-mail: dilnur1976@mail.ru

Ramil K. Adygamov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of the History of Religions and Public Thought, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, 7A Baturin Str., Kazan, Russian Federation); Associate Professor of the International Islamic Academy of Uzbekistan (13, Abdulla Kadiri Str., Tashkent, Uzbekistan); ORCID: 0000-0002-0448-0107. E-mail: abu_muhammad@mail.ru

Abdurrahman H. Hussein – Doctoral student of the Bulgarian Islamic Academy (1A, Kul Gali Str., Bolgar 422840, Russian Federation), teacher of the madrasah “Muhammadiyah”; ORCID: 0000-0001-9596-7174. E-mail: halahmad70@hotmail.com

Received December 13, 2021 Accepted for publication March 2, 2022

Published March 29, 2022

УДК 94(3)

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.89-101

ОБРАЗ ТАМЕРЛАНА В «ПОВЕСТИ О ТЕМИР-АКСАКЕ»***Д.А. Ляпин***

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
Елец, Российская Федерация
Lyapin-denis@yandex.ru*

Цель исследования: показать особенности образа Тамерлана (Темир-Аксака) в русских летописях XV–XVI вв. и проследить специфику его изменений в разных летописных текстах в зависимости от этапов развития Русского государства.

Материалы исследования: русские летописи XV–XVI вв. (Московский великокняжеский свод конца XV в., Типографская летопись, Никоновская летопись). В дополнение приводятся источники устного происхождения, в частности, легенды.

Результаты и научная новизна: В изначальной версии «Повести о Темир-Аксаке» его образ имел религиозное значение и был важен для демонстрации идеи заступничества Бога за благочестивых людей. Тамерлан (Темир-Аксак) был представлен гордым и злобным мучителем христиан, покусившимся на православие. В последующем варианте повести грозный завоеватель является уже коварным разбойником, посягнувшим на священные границы Московского княжества. Для реализации этой идеи потребовалось обращение к библейской теме, и за основу была взята история о нашествии ассирийского царя Сеннахирима на Израиль. При этом редактор второй версии отказывается признать Тамерлана царем. В третьем варианте исследуемой Повести, отразился новый взгляд на события 1395 г. Чтобы усилить мотив божественного заступничества за Москву, автор превратил Темир-Аксака в настоящего царя, грозного покорителя народов, решившего в своей гордости напасть на владения московского князя, но никому, даже самому прославленному полководцу, не дозволено вторгаться в пределы владений благочестивого государя. В итоге, в статье показано, как произошла эволюция образа Темир-Аксака: от гонителя христиан и разбойника до царя и завоевателя.

Ключевые слова: Тамерлан, Василий, Киприан, Токтамыш, Москва, Русь, Орда, Елец

Для цитирования: Ляпин Д.А. Образ Тамерлана в «Повести о Темир-Аксаке» // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 89–101. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.89-101

IMAGE OF TAMERLANE IN THE TALE OF TEMIR AKSAK

*D.A. Lyapin**Bunin Yelets State University
Yelets, Russian Federation
Lyapin-denis@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* The author investigates the evolution of the image of Tamerlane (Temir-Aksak) in the Russian chronicles of the fifteenth and sixteenth centuries to understand the specifics of his depiction in different chronicle texts. The author considers it important to analyze the dependence of the image of Tamerlane on the political situation in Russia.

Research materials: Three important Russian chronicles of the fifteenth and sixteenth centuries: the Moscow chronicle dating from the end of fifteenth century, the Typographical chronicle, and the Nikon chronicle. In addition, sources of oral origin are investigated – particularly legends.

Results and novelty of the research: In the original version (the Moscow collection of the late fifteenth century) of the Tale of Temir Aksak, his image had religious significance and was important for demonstrating the religious idea of God's intercession on behalf of the Orthodox people. In this text, Tamerlane was presented as a very proud and vicious king who wanted to destroy Orthodoxy. Tamerlane was at war with the religion of the Russians, threatening the Russian Orthodox faith. In the second version of the Tale, found in the Typographic Chronicle, the formidable conqueror is presented as an insidious robber who decided to attack the sacred borders of the Moscow principality. The realization of this idea required an appeal to a Biblical theme. As a result, the plot was based on the story of the invasion of Israel by the Assyrian emperor, Sennacherib. At the same time, the editor of the second version refused to recognize Tamerlane as an authentic emperor. The third version of the Tale, found in the Nikon Chronicle, reflected a new perspective on the events of 1395. To strengthen the motive of divine intercession for Moscow, the author turned Temir Aksak into a real tsar, a formidable conqueror, and a very proud ruler. He decided to conquer the possessions of the Moscow prince though nobody, even the best commander, ought to be permitted to invade the domains of the pious sovereign.

For the first time ever, this article shows the evolution of Temir Aksak's image. The author demonstrates the relationship between its editing and the political situation in Russia. In the sixteenth century, when the Nikon Chronicle was compiled, it was important that Tamerlane was a strong king and a famous commander. But after the decision of the prince Vasily I of Moscow to bring the icon of the Mother of God there, we see God putting the conqueror to flight. Moscow's prince is the exclusive ruler chosen by God.

Keywords: Tamerlane, Vasily, Cyprian, Tokhtamysh, Moscow, Russia, Golden Horde, Yelets

For citation: Lyapin D.A. Image of Tamerlane in the Tale of Temir Aksak. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 89–101. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.89-101 (In Russian)

«Повесть о Темир-Аксаке» (далее – Повесть) – памятник средневековой русской литературы, посвященный нашествию Тамерлана (Темир-Аксака) на юго-восточные земли в 1395 г. Считается, что она была написана в период между 1402 и 1418 годами, хотя мнения на этот счет различны [7]. Со временем, на протяжении XV–XVII вв., текст Повести неоднократно перерабатывался и дополнялся.

История о Темир-Аксаке не часто привлекала внимание ученых, несмотря на свою популярность и распространение в рукописной книжности допетровской Руси. Первым ценным исследованием ее текста стали замечания А.А. Шахматова, высказанные в 1901 г. по поводу ранних редакций произведения [30, с. 62–63]. Затем в 1945 г. на Повесть обратил внимание С.К. Шамбинаго в обобщающем очерке об исторических произведениях [29]. В книге по истории древнерусской литературы академика А.С. Орлова, вышедшей в том же году, Повесть не упомянута [20]. Точно также не попала она и в обстоятельную «Историю Древнерусской литературы» Н.К. Гудзия (1966) [5], в работу Д.С. Лихачева «Великое наследие» (1979) [11] и в пособие по древнерусской литературе О.В. Творогова (1981) [25].

Однако Л.В. Черепнин в книге об образовании единого русского государства (1960) отдал должное значимости Повести для своего времени и высказал мнение об обстоятельствах ее появления, которые потом были отчасти развиты В.П. Гребенюком [28; 4]. Согласно этой версии автор повести целенаправленно искажал события, связанные с длительной борьбой русского народа против татарского владычества, показав их с точки зрения интересов «правящего класса», т.е. церковь и московский князь получили главные роли в развитии сюжета, а главный герой событий – русский народ, оказался пассивным персонажем [28, с. 675].

В 1980-е годы заметный вклад в изучение текста Повести внесли Л.А. Дмитриев и И.Л. Жучкова [6; 7]. Свою версию истории произведения предложил Б.М. Клосс (2001), весьма критически подошедший к работам предшественников [9, с. 63–65]. Ученый выдвинул предположение, что автором ее был известный русский книжник Епифаний Премудрый (ум. около 1420 г.), а первая версия памятника вошла в состав Типографской летописи и внелетописных памятниках.

Образ Тамерлана (Тимура) русских летописей не был предметом специального изучения в российской историографии. Большинство ученых только описывали поход завоевателя на Русь, опираясь на летописный материал, не останавливаясь на этих событиях подробно. К примеру С.М. Соловьев уделил походу 1395 г. всего несколько строк, отмечая «разбойную» карьеру завоевателя и его воинские успехи [24, с. 492–493]. Подобным образом поступали и другие историки. Исключением может быть только Н.М. Карамзин, который к традиционным русским летописям, повествующим о войне Тамерлана и Токтамышша, добавил сведения из труда Шериф ад-дина Али Йезди [8, с. 165–167]. Отступление от русских границ огромной армии он считал следствием разочарования Тамерлана в богатствах Русских земель. В XX в. личность грозного полководца оказалась в центре внимания благодаря работам советских востоковедов, и, прежде всего, В.В. Бартольда [1, с. 37–62]. Обстоятельное описание войны Токтамышша и Тамерлана было сделано Г.В. Вернадским [2, с. 274–283]. Уход армии «Темир-Аксака» от русских границ он объяснял его неготовностью к новой войне [2, с. 274–283]. В новейшей историографии биография Тимура подробно рассматривалась И.М. Миргалеевым в книге о политической истории Золотой Орды в период правления Токтамышша, а также в научно-популярном издании «Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром» [17; 18]. Отметим также, статью В.Л. Теплицына о народных мифах и преданиях о Тамерлане [26].

В центре внимания данной работы находится один из главных героев Повести – Темир-Аксак (Тамерлан). Исследование построено на сравнении трех текстов произведения, где наблюдаются существенные отличия в построении его литературно-художественного образа: Московского великокняжеского свода 1479 г., Типографской летописи (первая половина XVI в.) и Никоновской летописи (вторая половина 1520-х годов). Краткий и лаконичный рассказ Ермолинской летописи остается за пределами нашего внимания, поскольку образ Темир-Аксака здесь не такой яркий, а редактор, скорее всего, использовал текст этой истории из общего протографа, значительно сократив его содержание [19, с. 260–274]. Точно также история о Тамерлане в Софийской II летописи почти полностью повторяет образ завоевателя из Типографской летописи и потому нет смысла обращаться к ее тексту.

Итак, основным источником для написания статьи стали три вышеназванные русские летописи. При работе с ними использовался, прежде всего, сравнительно-исторический метод, позволивший провести сопоставление contemporaneous текстов между собой, выделить между ними общее и особенное. При интерпретации источников применялись герменевтические принципы, связанные с выявлением корпуса возможных заимствований, в том числе из Библии. Такой подход позволил нам провести сопоставление летописного материала с породившей его исторической реальностью.

Московский великокняжеский свод конца XV в. повествует читателю как «безбожный царь» Темир-Аксак завоевал много царств и народов, а потом напал на золотоордынского царя Токтамыша [23, с. 222]. Победив в бою и этого соперника, грозный завоеватель решил идти войной на Русскую землю. Он пришел к границам Рязанского княжества и захватил город Елец и «много людей помучи». Узнав об этом, Великий московский князь Василий Дмитриевич принялся собирать войска, готовясь к битве с внезапным врагом, и двинулся на Оку. После этого сугубо исторического и лаконичного введения, автор свода, не жалея темных красок, рисует Темир-Аксака гордым, злым и жестоким гонителем христиан, хвастающимся, что, взяв и разорив Елец, пойдет на Москву, чтобы искоренить христианскую веру: *«христьянь воевати»*, *«мгъста свята раззорити, а «въру христьяньскую искоренити, а хрестьянь гонити, томити и мучити»*. Летописец сравнивает его с римскими императорами-язычниками: эти «зловѣрнии цареве» являлись подлинными извергами для набожных христиан и противниками самой христианской веры [23, с. 222–223]. Москвичи были очень напуганы приходом столь ужасного царя, искоренителя христианской веры, и только митрополит Киприан мужественно *«заповеда тогда встѣм людем поститися и молитися и молебны пѣти»* [23, с. 223].

Вслед за тем Василий Дмитриевич, митрополит Киприан, а также братья Великого князя, собрали совет и решили принести из Владимира чудотворную икону Божией Матери, потому что Богородица *«избавляет христиан от глада и пагубы, от труса и потопа, от огня и меча и от нахоженна поганых и от нападения иноплеменникъ и от нашествия ратных»*. Совет постановил, что следует молиться, уповать на Бога и просить Богородицу о заступничестве и прощении в совершенных грехах [23, с. 223]. Чудотворную икону скоро привезли в столицу, организовав всеобщее народное моление.

После описания этих событий автор вновь возвращается к образу Темир-Аксака, изображая его злобным язычником, всей душой ненавидящим христиан: разорив Елец, он жаждет еще больше христианской крови и собирается на Москву. «Поганый царь» уже распалился гневом, стал страшен так, что не имел и вида человеческого, а весь облик его был мерзок и безобразен, и «зѣло убо дыща» помыслил пойти войной на христиан и «*овцы христовыя паствы*», более того – «*на самое христово имя*». Но вдруг случилось удивительное: Темир-Аксак «*убояся и устраишися зѣло*» и спешно возвратился назад, «*гоними гнѣвом божшим*» [23, с. 224].

Итак, Тамерлан в тексте Московского великокняжеского свода конца XV в. выступает как противник христианства, цель его прихода к границам Руси – уничтожение православия, а не просто завоевание новых земель. Захватив пограничный Елец, он принимается «мучить христиан», а затем заявляет, что уничтожит христианство. Такой образ Темир-Аксака создан для того, чтобы подчеркнуть религиозное значение происходящего, показать заступничество Бога за тех, кто искренне верит и надеется на Него перед угрозой беды. Конечно, немалую роль в сюжете играют представители власти: митрополит Киприан и московский князь, устраивающие массовое народное моление перед доставленной из Владимира чудотворной иконой Богородицы. Показательно, что основную роль в событиях спасения Руси от «поганого царя» играет именно митрополит как представитель церкви.

В **Типографской летописи** рассматриваемая история значительно расширена, хотя нет сомнений в ее текстологической схожести с Московским сводом [22, с. 160–165]. Увеличение объема произведения связано с некоторыми существенными добавлениями и, прежде всего, с рассказом о жизни Темир-Аксака.

Будущий завоеватель, по словам редактора текста, родился в бедной семье и был от рождения рабом. Темир начал работать кузнецом у своего господина, но обладал таким злым нравом, что был выгнан хозяином. Неспособный ни к какому честному труду, злобный и жестокий, он принялся разбойничать и жил, «*в оубожествѣ крадя и ядыше*» [22, с. 160]. Однажды жители сильно избили надоевшего им грабителя и, решив, что он мертв, бросили его «*тсомъ на снѣденіе*». На самом деле Темир остался жив, но сломал ногу, которую заковал в железо, навсегда став хромым. Отсюда якобы и происходит его прозвище «Темир-Аксак», т.е. Железный Хромец [22, с. 161].

Вскоре злодей вновь стал разбойником, еще более жестоким («*поуци прежняго бысть лють*») и собрал вокруг себя большую ораву таких же как он отъявленных злодеев («*злии челоуѣци*»). Вначале их было сто человек, и они провозгласили своего вожака старейшиной, затем их стало тысяча и Темир получил «титул» князя, а когда его разбойничья ватага «*многи земли поплъни*», то он был назван царем [22, с. 161].

Таким образом, Темир-Аксак для автора этой версии Повести не являлся подлинным монархом. Разбойничья банда просто скопировала существующие нормы социальной иерархии, называя своего вожака «царем», но по сути провозглашенный ими правитель остался всего лишь грабителем, о чем свидетельствует все его поведение. Даже военные победы описываются в этом варианте Повести как злодейство. Это не удивительно, ведь настоящую войну с царями может вести только истинный царь, а действия разбойника все-

гда останутся злодейством, какие бы масштабы они не имели. Автор типографской версии Повести не жалеет эпитетов, чтобы подчеркнуть эту разбойничью суть завоевателя, называя его при этом «*свирепым и страшным мучителем и губителем*» [22, с. 161–162].

По всей вероятности, в понимании редактора текста только золотоордынский хан мог быть подлинным царем для русских земель, способным выступать орудием божьего гнева. Версия Типографской летописи целенаправленно избегает называть Темир-Аксака царем, что хорошо заметно: «*Сий же Темиръ Аксакъ многы рати нача вторити...*», «*Темиръ Аксаку же стоящую в едином мѣсте...*», «*...грози Темиръ Аксака, гонители и мучителя...*», «*Бѣша бо сей Темиръ Аксакъ велми нежалостивъ*» и проч. [22, с. 160–162]. Лишь один раз в самом конце Повести Темир-Аксак именуется царем. При этом показательно, что царем в тексте всегда называется хан Золотой Орды Токтамыш [22, с. 160–161].

Еще одна важная особенность этой версии событий 1395 г. связана с отсылкой читателя к истории о нашествии ассирийского царя Сеннахирима на Израиль, описанная в Книге пророка Исайи [22, с. 164]. Этот библейский сюжет рассказывает о том, как в годы правления царя Езекиа к его границам подошел грозный завоеватель ассирийский царь Сеннахирим, подчинивший до того много стран и земель. Ему быстро удалось взять несколько пограничных городов Иудеи, и он уже думал двинуться на Иерусалим. Но прежде начались переговоры. Ассирийский посланник убеждал евреев покориться более сильному царю (Ис 36:10), он передавал гордые насмешки своего повелителя над надеждами Езекии на своего Бога (Ис 36:15–20). После окончания переговоров Езекиа отправился в храм, где долго молился, пока к нему не пришли люди от пророка Исайи. Они начали ободрять царя и от имени посланца их уверяли, что Бог заступится за Израиль и покарает надменного завоевателя. В итоге так и случилось: над станом врага явился ангел и поразило множество ассирийцев, а сам гордый Сеннахирим, испугавшись, бежал от границ Израйля (Ис 37: 36–37).

Несомненно, что история похода Сеннахирима на Израиль и его неожиданное отступление очень схожи с событиями 1395 г. Точно также, как Сеннахирим, Темир-Аксак завоевал много земель и народов, подошел к русским землям и взял пограничный город Елец. Затем великий князь Василий (как и царь Езекиа) начал молиться о помощи Богу, а митрополит Киприан (также, как и пророк Исайя) ободрял его и устроил массовое моление о спасении Москвы.

Названные параллели с библейским сюжетом дают все основания для предположения о том, что автор Повести использовал именно его для создания своего повествования [14]. Однако существует мнение, что образцом для редактора послужило другое произведение – «Повесть о нашествии персидского царя Хозроя на Царьград». Конечно, это произведение могло быть известно русскому книжнику, но не могло оказать решающего влияния на созданный им текст. Смысловая нагрузка повести о Хозрое была слишком далекой от той, которая требовалась для редактора истории о приходе Тамерлана. Следует также обратить внимание и на низкие художественные достоинства этого памятника переводной литературы [12].

Еще один важный эпизод, в котором важную роль играет Темир-Аксак, связан с тем, что его изгнание происходит не на поле боя (воины двух армий

даже не увидели друг друга), а исключительно по молитвам Василия, Киприана, высших иерархов и всего народа. Автор текста специально обращает внимание читателя на это обстоятельство: «*Не наши воеводы прогнаша царя Темир Аксака, ни наша воинства устрашили его, но силою невидимою... страхомъ Божиимъ оужасеся*» [22, с. 163]. Именно так подчеркивается важная роль церкви для формирования молодого Московского государства, поскольку именно ее первой задачей является моление Всевышнему о заступничестве за русские земли.

Итак, в типографском варианте Повести Тамерлан выведен в образе разбойника, дерзнувшего напасть на Москву и поплатившегося за это Божьей карой. Прямая отсылка к истории Сеннахирима подчеркивала важный сакральный статус Москвы, которая тем самым ассоциировалась с новым Израилем, священной землей, находящейся под особой божественной защитой от нашествия «измаильтян» (так в летописях назывались восточные народы, считавшиеся потомками Измаила – сына библейского Авраама). В этой связи показательны рассуждения летописца о том, что «*единъ той же Богъ и тогда и нынѣ*» и так же защищает избранную страну от нашествия «поганых» [22, с. 164].

Никоновская летопись содержит свой вариант Повести, удачно вплетенный в общую канву событий конца XIV в. Прежде всего автор предлагает другую версию биографии главного героя [21, с. 151–152]. Вместо раба Темир-Аксака становится аристократом, сыном старейшины в богатой и знаменитой восточной земле «Междорѣчїе». Обладая злым характером, он однажды отнял у людей отару овец и был ранен стрелой в ногу, с тех пор и стал хромать. Карьера грозного завоевателя складывалась весьма успешно, со временем он собрал свою армию и начал воевать с соседними царями. Особенно подробно летопись описывает его конфликт с «турским царем Баязитом». В итоге, победив множество правителей различных стран, он стал великим восточным монархом, но нрав его испортился еще больше. Завоевывая страны, Темир-Аксака приказывал закапывать в землю взятых в плен женщин живыми, а однажды, увидев множество плачущих детей, оставшихся без родителей, велел воинам убить их всех, пошутив, что тем самым избавит от тягот мирской жизни («*освободихъ ихъ от труда міра сего*») [21, с. 151–152]. Возгордившись, Темир-Аксака сравнивал себя с самим прославленным завоевателем Александром Македонским [21, с. 152]. В тексте летописи нет явного осуждения гордыни успешного полководца, как это было в версии Московского великокняжеского свода конца XV в., и его многочисленные походы представлены как воинские успехи, а не как разбойные похождения из типографского варианта Повести. Тамерлан в Никоновской летописи – настоящий царь-завоеватель народов и земель.

В результате успешных походов Темир-Аксака покорил множество земель, а размер его армии достиг 400 тыс. человек [21, с. 152]. С таким громадным воинством он «*пришедъ къ великой Орды*» и победил Токтамыша, прогнав его. После очередной победы он «возгорѣся» и решил пойти на Русь [21, с. 152]. В 1395 г., придя к русским границам, Тамерлан разорил Елец и пленил елецкого князя. В Москве Василий Дмитриевич, узнав о пришествии врага, собрал войско и смело двинулся к Оке. Здесь он повелел доставить из Владимира в свою столицу икону Богородицы. Как только это повеление князя было исполнено, в то же время на Темир-Аксака напал «страх и трепет» и он спешно бежал назад.

Мотив народного моления здесь сведен к минимуму, о нем упоминается вскользь. Богородица заступилась за Великого князя Московского после того, как тот повелел принести ее образ в Москву. Митрополит Киприан и вовсе исчезает из текста, а главная роль принадлежит целиком великому князю. Тем самым Никоновская летопись указывала читателю на особый, сакральный статус правителя и священный характер его власти.

Образ Тамерлана в никоновском варианте Повести легко понятен читателю: теперь он выступает как грозный завоеватель, обладатель огромной армии, подлинный царь. Тем самым летопись подчеркивает, что Богородица, заступившись за московского князя, прогнала не просто разбойника, а подлинного завоевателя, сравнимого с Александром Македонским, и чудо заступничества за Василия Дмитриевича получает уже иной, гораздо больший масштаб.

Итак, перед нами три разных образа Тамерлана, отразившиеся в трех летописных вариантах Повести. Вопрос об их соотношении специального текстологического исследования с привлечением нелетописных списков, но если мы будем исходить из идейной специфики каждого рассмотренного варианта, то ситуация представляется следующей.

Изначально образ Темир-Аксака имел чисто религиозное значение и был важен для демонстрации христианской идеи Божественного заступничества, наступающего после благочестивого и искреннего моления верующих. Московский великокняжеский свод конца XV в. рисует своего героя гордым и злобным мучителем христиан, покусившимся на православие. Затем, с развитием московской идеологии, грозный завоеватель предстает перед нами уже как коварный разбойник, посягнувший на священные границы Московского княжества. Тем самым подчеркивалась идея богоизбранности Москвы, как политического центра в деле объединения земель. Для этого потребовалось обращение к библейской теме, а за основу была взята история нашествия Сеннахирима на Израиль, с той только разницей, что редактор отказывался признать Тамерлана законным царем. В Никоновской летописи отразился новый взгляд на события 1395 г. Показывая читателю божественное заступничество за московского князя, автор превратил поверженного Богом Темир-Аксака в настоящего царя, грозного покорителя народов. Быть может, летопись, составленная во второй половине 1520-х годов, отразила осложнившиеся отношения молодого Российского государства и Крымского ханства, правители которого часто грозили походами на русскую столицу. В дальнейшем, в XVI и XVII вв., история о приходе Тамерлана к границам Руси получила множество дополнений и редакций. Известно около двухсот списков этого произведения [4]. Но образ устрешенного царя-завоевателя, обращенного Богородицей в бегство, не претерпел существенных изменений.

Довольно оригинальное и неожиданное продолжение эта история получила в появившейся в XVIII в. в Ельце устной легенде. Как мы знаем, находящийся на русско-татарской пограничной территории город был разрушен войсками Тамерлана в 1395 г., о чем сообщалось в русских летописях и восточных хрониках. Елецкий князь был пленен, а город подвергся сильному разорению [1; 10]. Полноценные археологические раскопки Ельца никогда не велись и следы разорения 1395 г. в настоящий момент неизвестны, хотя летописный город давно уже локализован [27]. Разрушение Ельца было отмечено

и в интересующей нас Повести, причем как в раннем варианте, так и в поздних многочисленных версиях. Благодаря большому распространению и популярности этой истории в 1735 г. елецкий воевода И.Г. Нащокин организовал поездку в Москву для изучения этого события и написания особого образа иконы Богородицы, которая потом стала реликвией в городском соборе [13]. С этого времени начинается развитие местного предания о Тамерлане. К началу XX в. миф оброс многочисленными подробностями: азиатский правитель превратился в «татарского» хана, а самая высокая возвышенность в Ельце стала считаться местом, где стоял его шатер и произошло явления небесной заступницы за Русь. Образ Тамерлана сохранил черты, характерные для Никоновской летописи: он также оставался злым, жестоким царем, завоевавшим многочисленные народы.

Итак, образ Темир-Аксака претерпел несколько важных изменений: *гонитель христиан – разбойник – царь-завоеватель*. Понятно, что эти трансформации отражали стоящие перед редакторами текста задачи и менялись в угоду политическому моменту. Со временем усиливалось идеологическое наполнение текста и, следовательно, множились его копии, как актуального и «правильного» произведения. Так, со временем Повесть превратилась в памятник московской идеологии, прославляющей московского самодержца¹. В контексте предложенной нами версии развития сюжета кажется маловероятным, чтобы идея богоизбранности Москвы могла возникнуть в Повести изначально [10]. Эта «прогрессивная» мысль родилась не сразу и прошла довольно долгий путь своего развития. Во всех редакциях Повести образ Темир-Аксака имел явный негативный оттенок. Для русского книжника любой эпохи восточный завоеватель не был достойным монархом и власть его была не от Бога, в отличие от «ордынских царей».

Таким образом, реальная война Тамерлана и Токтамыша (конец 1380-х – начало 1390-х гг.) причудливым образом нашла свое отражение в памятнике средневековой русской литературы. Реальные военные действия между двумя правителями закончились поражением хана Золотой Орды и сменой политической ситуации во всей Восточной Европе [18]. В процессе разгрома земель своего противника войска Тамерлана подошли к границам Рязанского княжества и в 1395 г. разорили Елец. Конечно же, это событие сильно напугало население еще раздробленных русских земель и озадачило московские власти, не так давно взявшие в свои руки политическое лидерство в Северо-Восточной Руси. Но, к счастью, угрожавшая русским землям армия Тамерлана повернула назад, вызвав всеобщую радость. Столь памятное и яркое событие не могло не впечатлить русского книжника, создавшего назидательную и поучительную историю чудесного заступничества Богородицы. В последствии в XV–XVI вв. Повесть, основанная на действительных событиях 1395 г., много раз привлекала внимание правящей элиты и стараниями новых редакторов стала частью корпуса идеологических произведений, прославляющих московского князя.

¹ Нечто похожее произошло и с другим произведением – Житием Сергея Радонежского. См.: [15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартольд В.В.* Улусные эмиры. Царствование Тимура // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 37–62.
2. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгоновой. Тверь-М.: Леан Аграф, 2001. 480 с.
3. *Воротынцев Л.В.* Верхний Дон на торговых путях Золотой Орды // История: факты и символы. 2016. № 2 (7). С. 59–73.
4. *Гребенюк В.П.* «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI–XVII веках // Русская литература на рубеже двух веков (XVII – начало XVIII в.). Москва: АН СССР, 1971. С. 185–206.
5. *Гудзий Н.К.* История Древней Русской литературы. Москва: Просвещение, 1966. 543 с.
6. *Дмитриев Л.А.* Литература эпохи русского Предвозрождения. XIV – середина XV в. // История русской литературы. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века / под ред. Д.С. Лихачева и Г.П. Макогоненко. Л.: Наука, 1980. С. 182–183.
7. *Жучкова И.Л.* «Повесть о Темир-Аксаке» в составе летописных сводов XV–XVI вв. // Древнерусская литература. Источниковедение. Л.: Наука, 1984. С. 97–109.
8. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. 285 с.
9. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 488 с.
10. *Колесов В.В.* Комментарии / Повесть о Темир Аксаке // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. Составление и общая редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1981. С. 563–567.
11. *Лихачев Д.С.* Великое наследие. 2-изд., доп. М.: Современник, 1979. 413 с.
12. *Ляпин Д.А.* Была ли «Повесть о нашествии персидского царя Хозроя на Царьград» образцом для написания «Повести о Темир-Аксаке»? // Исторический формат. 2016. № 1. С. 218–233.
13. *Ляпин Д.А.* Историческая география Елецкой земли VIII – первой половины XVII в. // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2 (6). С. 209–222.
14. *Ляпин Д.А.* Семантика образов и чисел «Повести о Темир-Аксаке» // Русский книжник. № 14. 2015. С. 97–113.
15. *Ляпин Д.А.* Система символов в «Житие Сергия Радонежского» // История в подробностях. 2014. № 5 (47). С. 22–28.
16. *Ляпин Д.А., Воробьев А.В.* Легенда о Тамерлане в историческом сознании жителей г. Ельца XVIII – начала XX вв. // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Вып. 9. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. С. 21–26.
17. *Миргалеев И.М.* Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 88 с.
18. *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-лит, 2003. 164 с.
19. *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. М.: Наука, 1969. 554 с.
20. *Орлов А.С.* Древняя Русская литература XI–XVII вв. М.: АН СССР, 1945. 341 с.
21. ПСРЛ. Т. 11. Никоновская летопись. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1897. 286 с.

22. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг.: Государственная типография, 1924. 272 с.
23. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л.: АН СССР, 1949. 462 с.
24. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 1054–1462. Кн. II. М.: АСТ, 244 с.
25. Творогов О.В. Литература Древней Руси. М.: Просвещение, 1981. 128 с.
26. Телицын В.Л. Тамерлан. Легенды жизни и смерти. «Сезам, откройся...». М.: Таус, 2006. 360 с.
27. Тропин Н.А. Исследования Средневекового Ельца // Труды III (XIX) Всероссийского Археологического Съезда. Новосибирск: СО РАН, 2011. С. 195–196.
28. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцгиз, 1960. 899 с.
29. Шамбинаго С.К. Исторические повести // История русской литературы. М.-Л.: АН СССР, 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 220–222.
30. Шахматов А.А. Общерусские летописные своды XV–XVI вв. // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Т. 338. С. 32–81.

Сведения об авторе: Денис Александрович Ляпин – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация). E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Поступила 17.01.2022 Принята к публикации 2.03.2022
Опубликована 29.03.2022

REFERENCES

1. Bartold V.V. Ulus emirs. The reign of Timur. Bartold V.V. *Works*. Vol. II. Part 2. Moscow: Nauka, 1964, pp. 37–62. (In Russian)
2. Vernadsky G.V. *Mongols and Russia*. Transl. by E.P. Berenstein, B.L. Gubman, O.V. Strogonova. Tver; Moscow: Lean Agraf, 2001. 480 p. (In Russian)
3. Vorotyntsev L.V. Upper Don on the trade routes of the Golden Horde. *History: Facts and Symbols*. 2016, no. 2 (7), pp. 59–73. (In Russian)
4. Grebenyuk V.P. “*The Legend of Temir Aksak*” and His Literary Destinies in the sixteenth and seventeenth centuries. *Russian Literature at the Turn of Two Centuries (seventeenth and early eighteenth centuries)*. Moscow: AN SSSR, 1971, pp. 185–206. (In Russian)
5. Gudziy N.K. *History of Old Russian Literature*. Moscow: Prosvechenie, 1966. 543 p. (In Russian)
6. Dmitriev L.A. Literature of the pre-Renaissance Russian era. The fourteenth and mid-fifteenth century. *History of Russian Literature*. Vol. 1: *Old Russian Literature. Literature of the eighteenth century*. Ed. by D. Likhachev, G. Makogonenko. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 182–183. (In Russian)

7. Zhuchkova I.L. "The Legend of Temir Aksak" in the chronicle of the fifteenth and sixteenth centuries. *Old Russian Literature. Source Study*. Leningrad: Nauka, 1984, pp. 97–109. (In Russian)
8. Karamzin N.M. *History of Russian Government*. Sankt-Peterburg: Typ. N. Grecha, 1819. 285 p. (In Russian)
9. Kloss B.M. *Selected Works*. T. II: *Essays on the History of Russian Hagiography from the fourteenth to sixteenth centuries*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 2001. 488 p. (In Russian)
10. Kolesov V.V. Comments. History of Temir Aksak. *Literary Monuments of Ancient Russia. The fourteenth and mid-fifteenth century*. Ed. by L. Dmitrieva, D. Likhachev. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981, pp. 563–567. (In Russian)
11. Likhachev D.S. *Great Legacy*. 2nd ed., Supplement. Moscow: Sovremennik, 1979. 413 p. (In Russian)
12. Lyapin D.A. Was "The Tale of the Invasion of the Persian King Chosroes of Constantinople" a model for writing "The Tale of Temir Aksak"? *Historical Format*. 2016, no. 1, p. 218–233. (In Russian)
13. Lyapin D.A. Historical geography of the Yelets land from the eighth to first half of seventeenth century. *Bulletin of the University of Dmitry Pozharsky*. 2017, no. 2 (6), p. 209–222. (In Russian)
14. Lyapin D.A. Semantics of images and numbers in the "Tale of Temir Aksak". *Russian Scribe*. 2015, no. 14, pp. 97–113. (In Russian)
15. Lyapin D.A. The system of symbols in the "Life of St. Sergius of Radonezh". *History in Detail*. 2014, no. 5 (47), pp. 22–28. (In Russian)
16. Lyapin D.A., Vorobiev A.V. The legend of Tamerlane in the historical consciousness of the inhabitants of Yelets from the eighteenth to early twentieth centuries. *Interuniversity Scientific and Methodological Readings in Memory of Kalaydovich*. Issue 9. Yelets: YSU im. I.A. Bunin, 2010, pp. 21–26. (In Russian)
17. Mirgaleev I.M. *Wars of Tokhtamysh Khan with Aksak Timur*. Kazan: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2003. 88 p. (In Russian)
18. Mirgaleev I.M. *Political History of the Golden Horde during the Reign of Tokhtamysh Khan*. Kazan: Alma-6it, 2003. 164 p. (In Russian)
19. Nasonov A.N. *History of Russian Chronicle Writing from the ninth to early eighteenth century*. Moscow: Nauka, 1969. 554 p. (In Russian)
20. Orlov A.S. *Old Russian Literature from the eleventh to seventeenth centuries*. Moscow: AN SSSR, 1945. 341 p. (In Russian)
21. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 11: *Nikon Chronicle*. St. Petersburg: Typ. Edward Prats, 1897. 286 p. (In Russian)
22. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 24: *Typographical Chronicle*. Petrograd: State Printing House, 1924. 272 p. (In Russian)
23. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 25: *Moscow Chronicle Collection of the late fifteenth century*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949. 462 p. (In Russian)
24. Soloviev S.M. *History of Russia with Teachers of the Times. 1054–1462*. Book. II. Moscow: AST. 244 p. (In Russian)
25. Telitsyn V.L. *Tamerlane. Legends of Life and Death*. "Sesame, open up...". Moscow: Taus, 2006. 360 p. (In Russian)
26. Tvorogov O.V. *Literature of Ancient Russia*. Moscow: Education, 1981. 128 p. (In Russian)

27. Tropin N.A. Studies of medieval Yelets. *Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress*. Novosibirsk: SO RAN, 2011, pp. 195–196. (In Russian)

28. Cherepnin L.V. *Formation of the Russian Centralized State in the fourteenth and fifteenth centuries: Essays on the Socio-economic and Political History of Russia*. Moscow: Sotsegiz, 1960. 899 p. (In Russian)

29. Shambinago S.K. *Historical Stories. History of Russian Literature*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1945, vol. 2, bldg. 1, pp. 220–222. (In Russian)

30. Shakhmatov A.A. All-Russian annalistic collections of the fifteenth and sixteenth centuries. *Journal of the Ministry of Public Education*. 1901, no. 11, pp. 32–81. (In Russian)

About the author: Denis A. Lyapin – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage of the Bunin Yelets State University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation). E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Received January 17, 2022 Accepted for publication 2 March, 2022

Published March 29, 2022

**ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ
ТАТАРСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ НАЧАЛА XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ШУРА»)**

Л.Р. Муртазина

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
lyalyamur@mail.ru*

Цель: проанализировать публикации Р. Фахретдина и других татарских интеллектуалов, посвященные золотоордынской тематике, которые увидели свет на страницах журнала «Шура»; на их примере показать способы и форматы распространения исторических знаний, обозначить ключевые темы, популярные в татарском обществе начала XX века.

Материалы исследования: в статье рассматриваются материалы журнала «Шура» за 1908–1912 гг., посвященные истории Золотой Орды и золотоордынским ханам.

Результаты и научная новизна: в работе проведен анализ статей религиозного деятеля, педагога-просветителя и ученого Ризаэтдина Фахретдина и других представителей татарской интеллигенции начала XX века по золотоордынской тематике, опубликованных в журнале «Шура». Издание, выходившее в свет в Оренбурге, отличалось особым интересом к истории тюрко-татар. На его страницах публиковались научные статьи, а также материалы просветительского характера, нацеленные на распространение и популяризацию исторических знаний среди народа. Материалы журнала на тему Золотой Орды интересны прежде всего тем, что их авторы привлекали различные источники и широкий круг трудов татарских, русских, арабских ученых по теме исследования, что говорит о высоком уровне владения татарскими интеллектуалами-просветителями информацией на разных языках и о степени их компетентности в вопросах истории тюрко-татар, в частности Золотой Орды. Проанализированные в статье публикации примечательны тем, что помогают воссоздать картину развития исторической науки у татар в начале XX века, определить тематику вопросов, интересующих татарскую общественность, видение исторических проблем отдельными исследователями. Они могут послужить дополнительными источниками при изучении историографии Золотой Орды.

Ключевые слова: журнал «Шура», Золотая Орда, ханы Золотой Орды, Ризаэтдин Фахретдин, Галим Акчурин, Ахмед-Заки Валиди

Для цитирования: Муртазина Л.Р. История Золотой Орды в публикациях татарских интеллектуалов начала XX века (по материалам журнала «Шура») // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 102–117. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.102-117

**THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE IN THE PUBLICATIONS
OF TATAR INTELLECTUALS OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY
(BASED ON THE MATERIALS OF THE “SHURA” JOURNAL)**

L.R. Murtazina

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lyalyamur@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* To analyze the publications of R. Fakhreddin and other Tatar intellectuals devoted to the Golden Horde which were published on the pages of the “Shura” journal. The author used their example to show the methods and formats for the dissemination of historical knowledge, and to outline the key topics that were popular in Tatar society at the beginning of twentieth century.

Research materials: The article examines the materials of the “Shura” journal for 1909–1912, dedicated to the history of the Golden Horde and the Golden Horde’s khans.

Results and novelty of the research: The author of the present publication tried to analyze the articles of the famous educator, historian, religious figure, and journalist, Rizaeddin Fakhreddin, published in the “Shura” journal. The selected materials are devoted to the problem of the history of the Golden Horde and the Golden Horde’s khans. Also, the author considered the journal’s articles by other authors who were representatives of the Tatar intelligentsia of the early twentieth century on the same topic. “Shura” was published in the city of Orenburg, its editor being R. Fakhreddinov. The journal was distinguished by great interest in the coverage of the theme of the history of the Turko-Tatars. It published academic articles as well as educational materials. Its creators aimed to disseminate and popularize historical knowledge among the people. Interest in the history of the Tatars was heightened not only by historians, but also by ordinary people. Therefore, R. Fakhreddin tried to devote a lot of time and space in the journal to this problem.

The presented materials are interesting primarily because their authors drew on various sources and works of Tatar, Russian, and Arab scholars. This indicates a high level of knowledge of information in different languages and a high degree of competence in the history of the Turko-Tatars, particularly the Golden Horde. These materials can serve as additional sources in the study of the historiography of the Golden Horde.

Keywords: “Shura” journal, Golden Horde, khans of the Golden Horde, Rizaeddin Fakhreddin, Galim Akchurin, Akhmed-Zaki Validi

For citation: Murtazina L.R. The History of the Golden Horde in the Publications of Tatar Intellectuals of the early twentieth century (based on the materials of the “Shura” journal). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 102–117. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.102-117 (In Russian)

В XIX – начале XX века сформировалась татарская историческая наука [28, с. 133], начало которой положил Шигабутдин Марджани [30, с. 5, 16]. Его последователи – историки Х. Фаизханов, Х.-Г. Габаши, Х. Атласи, Г. Ахмаров, Г. Губайдуллин, также татарские интеллектуалы начала XX века в своих изысканиях следовали тезису «история народа должна быть написана национальными историками», четко подчеркивавшему «общественную значимость исторических знаний» [30, с. 75].

Источниками для изучения истории татар выступали, в первую очередь, тюрко-татарский фольклор, арабографичные документы на арабском, пер-

сидском языке, наследие, доступное европейской и русской науке лишь фрагментарно. Нередко в качестве основного материала служили лингвистические и этнографические материалы, собранные самими исследователями. Так, известный татарский ученый-энциклопедист Каюм Насыри, уделявший изучению истории татар пристальное внимание, собирал, исследовал эпиграфические памятники, народные предания, материалы по этнографии татар и т. д., пропагандировал исторические знания среди народа [26, с. 155–158]. Г. Губайдуллин отмечал его роль в собирании исторических источников, важных для исследования периода XVIII–XIX веков [16, с. 148].

Ф.Н. Шакуров, изучавший развитие исторических знаний у татар, отмечает, что «сотрудничество с казанскими и российскими учеными, участие в деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете приобщает татарских историков к русской и европейской исторической науке» [30, с. 57]. Знакомство с русскими источниками и историческими сочинениями, с традицией российского и европейского востоковедения создавало для них условия для более широкого и полного изучения истории татарского народа.

Иностранные исследователи также обращались к проблеме истории татар, в том числе к истории Золотой Орды и ее наследников – тюрко-татарских государств – как «к одному из ключевых этапов истории не только татарского народа, но и всей Евразии» [17, с. 3]. Так, научное изучение истории Улуса Джучи в немецкой историографии берет начало еще с начала XIX в. [17, с. 9].

Таким образом, татарские историки имели возможность привлекать к своим изысканиям широкий круг источников, опираться на труды российских и зарубежных исследователей, поэтому их сочинения отличались более полным и подробным отражением истории татарского народа. Однако, как отмечают современные исследователи, в них «присутствовал и их достаточно ярко выраженный субъективный этнический фактор, подчиненный идеологии татарской интеллигенции периода формирования нации» [28, с. 133].

В целом, начало XX века характеризуется повышением интереса к национальной истории. По подсчетам исследователей, только в этот период в Казани вышел целый ряд исторических сочинений и 41 учебник по истории татар [14, с. 113]. В них нашла отражение история татар с древнетюркского периода до эпохи Казанского ханства. Отдельные проблемы запечатлены на страницах татарской периодической печати начала XX века. Естественно, авторами выступали не только известные ученые, но и педагоги, просветители, представители татарской интеллигенции.

В этом отношении примечателен популярный среди мусульманских народов России журнал «Шура», издававшийся в Оренбурге в 1908–1917 годах. Он был основан известными меценатами, золотопромышленниками Шакиром и Закиром Рамеевыми, а редактором являлся татарский педагог, ученый, общественный и религиозный деятель, журналист Риззэтдин Фахретдин (1859–1936). Издание обращало пристальное внимание освещению вопросов всеобщей истории и истории тюркских народов. Наиболее яркое отражение в нем нашли вопросы тюркской истории болгарского периода, Казанского и Касимовского ханств, также проблемы истории тюркских народов в эпоху Золотой Орды. В этом, естественно, была заслуга главного редактора Р. Фах-

ретдина, историка по призванию, который предоставлял площадку для разных авторов и мнений по данной проблематике.

На страницах издания печатались Галим Акчурин, Хади Атласи, Газиз Губайдуллин, Ахмед-Заки Валиди и другие. Однако большую в количественном отношении часть статей, посвященных золотоордынской проблематике, составляют публикации самого Ризаэтдина Фахретдина.

Серия статей, посвященных золотоордынским ханам, выходила в рубрике «Мэшһур адәмнәр вә бөөк хәдисәләр» («Знаменитые люди и великие события»), но по каким-то соображениям Р. Фахретдин не указал своего авторства в них. В целом, он издал в журнале «Шура» за годы его существования около 700 публикаций разного характера, включая ответы на вопросы читателей, заметки и др. [18, с. 149]. По подсчетам М. Рахимкуловой, 176 статей Р. Фахретдина, опубликованных в журнале «Шура», посвящены исторической теме [5, с. 138].

Среди статей Р. Фахретдина на исторические темы значимую долю составляют публикации, посвященные жизни и деятельности ханов Золотой Орды, истории этого периода. Помимо них, в издании увидели свет его заметки несколько другого формата – ответы на письма читателей. Среди таких публикаций особый интерес представляют материалы о сарае Мамаю, о Бату, хане Золотой Орды, о войнах Тимура и Токтамышша и др.

Таким образом, публикации в журнале «Шура» дают возможность утверждать, что Р. Фахретдин являлся одним из самых продуктивных татарских интеллектуалов начала XX века, исследовавших историю золотоордынского периода. Отмечая его вклад в историческую науку, Дж. Валидов писал, что Р. Фахретдин прежде всего исследователь биографической истории, в этом отношении он является «достойным преемником Марджани» [13, с. 104, 105]. Современному читателю Фахретдин известен, прежде всего, как автор труда «Асар», где представлены биографии видных деятелей татаро-мусульманской культуры. В оценке М. Усманова ученый – «объективный историк, для которого ценность представляют все новшества, достижения, которые происходят в духовной жизни народа» [18, с. 144].

Отличительной чертой Р. Фахретдина как ученого является его обращение к трудам русских исследователей. Только он и историк Х. Атласи в своих научных изысканиях активно пользовались русскими летописями и русской исторической литературой [28, с. 133]. При этом сам Р. Фахретдин считал, что владеет русским языком не в совершенстве, что, по его мнению, порождало определенные трудности в работе с источниками: «Если бы пораньше овладел русским языком и мог пользоваться нужной литературой, многие науки постиг бы гораздо раньше; я уже в то время понял бесспорную необходимость знания русского языка» [7, с. 33].

Р. Фахретдин активно пользовался и анализировал исторические труды таких ученых, как Н.М. Карамзин, В.Н. Татищев, С.М. Соловьев, П.И. Рычков, материалы Энциклопедии Брокгауза и Ефрона, Большой энциклопедии и др. [18, с. 145]. В процессе работы он общался с российскими исследователями, учеными исламского мира, США, Германии, Франции и т. д., запрашивал необходимые для трудов сведения [7, с. 35]. В статьях, посвященных тематике Золотой Орды, Р. Фахретдин, следуя традиции, использовал и исторические сочинения известных ученых мусульманского мира – Абулгази, Абул-Фиды,

Ибн ал-Варди, Ибн 'Арабшаха. Знания, накопленные таким образом, давали возможность сравнительно-сопоставительного изучения истории Золотой Орды, рассматривать проблему с разных точек зрения, объективно оценивать исторические факты и события из жизни правителей, их деятельность.

Другая причина обращения к разным авторам и источникам заключается в трепетном отношении Р. Фахретдина к иной, неродной культуре и языку. Как справедливо отмечал Дж. Валидов, «Одной из главных черт его является веротерпимость и уважение чужой мысли, но он человек чересчур серьезный, в современной культуре для него ценно только то, что научно и нравственно» [13, с. 106].

Основное требование Р. Фахретдина к исторической науке – это прежде всего изучение прошлого народа, а не изображение борьбы за престол и т. д. [8, с. 578]. В этом заключалась новизна его работ. С другой стороны, обращение к биографическому жанру возвышает идею о роли личности в истории народа. То, что Р. Фахретдин фиксирует в названиях своих статей имена правителей, имело свои причины, на которые указал Р. Амирханов. Он пишет: «Русские историки Татищев, Карамзин, Соловьев и другие также придерживались династийных принципов, излагая историю России в связи со сменой того или иного правителя. Да и для всей официальной историографии, учебников были характерны в основном династийные критерии периодизации» [7, с. 38]. Следуя русским историкам, Р. Фахретдин выбрал именно этот принцип. В то же время необходимо учитывать и тот факт, что в программе журнала «Шура», которая была представлена цензуре, предусматривалось жизнеописание выдающихся личностей [7, с. 38].

Несмотря на утверждение некоторых исследователей о том, что в статьях, вышедших в рубрике «Известные личности и великие события», приводятся «исключительно биографические данные, мало эмоциональной и оценочной информации, которая позволила бы судить о том, какой виделась национальная история авторам дискурса, формировавшегося в татарской печати начала XX в.» [12, с. 55], мы считаем, что они информативны, и не только в плане подачи биографических данных, но и описанием важных событий, фактов из истории золотоордынского периода и исторических источников. К тому же биографический жанр в исторической науке сегодня переживает возрождение. Ю.В. Дунаева, опираясь на труды известного историка Р. Ротберга утверждает, что «только профессиональные историки могут написать настоящее биографическое исследование, не просто прослеживая события человеческой жизни, а объясняя причины поступков в историческом контексте» [19, с. 5].

Безусловной ценностью исторических работ Р. Фахретдина также является то, что автор представляет читателю свое видение истории Золотой Орды и довольно смелые замечания по поводу высказываний отдельных историков, занимавшихся проблемой изучения данного периода до него.

Итак, основной целью Р. Фахретдина в написании статей, посвященных правителям Золотой Орды, по справедливому утверждению Р.У. Амирханова, было просвещение народа «выявлением и анализом исторических корней» [7, с. 37]. Обратимся к некоторым публикациям автора по данной тематике, которые были опубликованы в журнале «Шура».

Прежде всего стоит отметить, что публикации ученого, посвященные золотоордынским правителям, ханам и мурзам были переведены на современ-

ную графику и опубликованы в 1996 году в виде отдельной книги [27]. Однако эта книга адресована широкому кругу читателей и, как следствие, адаптирована для людей, не являющихся специалистами в области истории татар (стиль облегчен, тексты обработаны с точки зрения норм современного татарского литературного языка, научный аппарат переделан с учетом потребностей обычного читателя – какие-то ссылки опущены или введены в текст, многие тексты сокращены и т. д.). Мы не умаляем ценность данного издания, но в исследовании будем ссылаться на оригинальные статьи, опубликованные в 1908–1912 годах в журнале «Шура».

Статьи Р. Фахретдина и других авторов по истории Золотой Орды примечательны, прежде всего, тем, что освещают жизнь и деятельность личностей, которые сыграли ключевую роль в истории этого государства и татарской истории в целом. Они представляют интерес как ценные источники по историографии Золотой Орды, рассказывающие о том, насколько популярна была данная тематика в начале XX века, какими источниками и трудами пользовались татарские авторы при написании исторических работ и т. д. Также важна просветительская функция этих публикаций, благодаря которым у широкой читательской аудитории повышался интерес к собственной, национальной истории. Таким образом, материалы журнала, помимо того, что являлись в некотором роде показателем уровня развития татарской исторической науки в начале XX века, служили еще и пропаганде исторических знаний у татар.

Публикации помещены в журнале не в хронологическом порядке: последовательное изложение истории народа не вписывалось в правила издания, что, в конечном счете, грозило бы серьезным конфликтом с цензурой [7, с. 38]. Мы же будем рассматривать эти материалы по хронологии.

Соблюдая династийный принцип, Р. Фахретдин размещает в журнале материалы и по предыстории изучаемого периода – по родоначальникам золотоордынских ханов – Чингиз-хане, Джучи и Бату-хане, основоположнике Улуса Джучи (Золотой Орды).

Чингиз-хан в оценке Р. Фахретдина предстает одним из самых влиятельных людей эпохи. Ссылаясь на Н.М.Карамзина, автор дает информацию о его отце Есугее-багатуре, о месте рождения, освещает некоторые моменты биографии (как он становится ханом, каганом, о его походах в Восточный Туркестан, Северный Китай и т. д.). Далее он подробно останавливается на битве между Чингиз-ханом и хорезмшахом Мухаммедом, опирается при этом на труды исламских ученых и легенды. Автор обращает внимание на то, что, описывая передвижение войск Чингиз-хана по северной части прикаспийских степей и дальше к Волге, земле кипчаков, Карамзин называет их половцами [29, с. 98].

Обращаясь к теме битвы на Калке, Р. Фахретдин также ссылается на Н.М. Карамзина, однако указывает, что есть и другие версии, например, Ибн аль-Асира, который пишет, что после этого боя войска Чингиз-хана, напав на болгар, были разгромлены, лишь около 4000 воинов смогли вернуться обратно в ставку хана. После этого тюрки-кипчаки расселились по территории Азербайджана и русских земель. Р. Фахретдин отмечает, что, по легендам, во время этой битвы было убито 6 князей и больше 70 русских богатырей. С этого времени территории Волго-Уралья и Дона, Каспия, земли, начиная с Китайского моря и до Черного, вошли под владение Чингиз-хана. После этих

походов Чингиз-хан вернулся в столицу своей державы Каракорум и умер в августе 1227 года в возрасте 73 лет. Автор отмечает, что создание такой огромной державы явилось следствием большого терпения, храбрости и огромных усилий прежде всего самого хана [29, с. 99].

Из статьи видно, что Р. Фахретдин был хорошо знаком с трудами исламских ученых, которые писали о Чингиз-хане. Они считали этого грозного правителя великим несчастьем для ислама, подробно описывали причиненные Чингиз-ханом бедствия. В снижении популярности исламского учения, по их мнению, был повинен именно Чингиз-хан и его род. Фахретдин признает его великие заслуги в деле объединения тюрков, однако в душе он не доволен его действиями в ущерб ислама и мусульман.

В статье, посвященной Джучи-хану, Р. Фахретдин обращает внимание читателя к проблеме внутреннего устройства государства. Он пишет: «Золотая Орда, бывшая кочевым государством, встала на путь культурного развития. Поэтому ее внутренняя структура была очень организованной и крепкой. Очень хорошо в ней были поставлены хозяйство и торговля» [21, с. 162]. Интересно, что исследователь С. Алишев, сравнив исторический труд Р. Фахретдина «Болгар вә Казан төрекләре» («Булгарские и казанские тюрки»), написанный предположительно в конце 1920-х – начале 1930-х годов, с материалами журнала «Шура», приходит к выводу, что в освещении некоторых вопросов периода Золотой Орды мнения автора разнятся. Он отмечает, что в книге «Булгарские и казанские тюрки» автор более критически относится к описанию картины жизни в Золотой Орде. Он считает, что в книге, в отличие от статей, сделаны более обдуманные выводы [5, с. 145–146].

Перед тем как приступить к биографии Джучи-хана, автор счел правильным в нескольких словах поведать о государстве Дешт-и-Кипчак и о его приемнике Золотой Орде. Он останавливается на вопросе образования Джучиева Улуса. Объясняя название Золотой Орды, он пишет, что «орда» («урда») означает войско, к термину было присоединено прилагательное «Золотая» («Алтын»), которое означало богатство и высокое положение государства. Оно известно также как «Барият аль-Берке» (арабы так называли страну в период правления Берке хана) и т. д. [21, с. 162].

Р. Фахретдин говорит об очень высоком уровне военного дела в Золотой Орде, дает объяснение многих терминов, обозначающих военных и религиозных руководителей, таких как, например, «улань», «уланский полк», «коручи», «бек», «кади», «муфтий», «мударрис» и др. [21, с. 163]; описывает развитие культуры, торговли и финансов в Сарае и т. д.

В оценке Р. Фахретдина Джучи, старший сын Чингиз-хана, назначенный отцом ханом Дешт-и-Кипчака, сильный, бесстрашный, в то же время сдержанный, уравновешенный правитель. Он подчеркивает, что в победах, завоеванных Чингиз-ханом, велика и его заслуга. Однако, как отмечает Фахретдин, по утверждению некоторых историков, Джучи не совсем был доволен действиями своего отца, поэтому искал причину не являться к отцу в Каракорум. Ссылаясь на труд Абулгази «Родословная тюрков» («Шеджереи тюрк»), ученый пишет, что Джучи прибыл к отцу, отец остался доволен его визитом, но по возвращению обратно в Дешт-и-Кипчак Джучи скоропостижно скончался [21, с. 164]. Р. Фахретдин высказывает предположение, что на самом деле Джучи мог и не явиться к отцу, за что, вероятно, Чингиз-хан обозлился на

него, хотел даже отправить к нему войско, однако, узнав о смерти сына, тяжело переживал его потерю. Джучи умер в 1227 году, опередив отца на 6 месяцев. По сохранившимся легендам, его возраст был от 30 до 40 лет. После смерти Джучи-хана его сын Бату был назначен правителем Дешт-и-Кипчака, осуществил многие планы своего отца [21, с. 165].

В одной из своих публикаций Р. Фахретдин подробно останавливается на описании жизни и деятельности Бату-хана [9]. Он очень красочно и подробно рассказывает о походах Бату-хана в 1236 году в Волжскую Булгарию, о завоеваниях в 1237–1238 годах Рязани, Москвы, Владимира, Суздали, Костромы, Ростова, Твери и других русских городов. В 1239 году Бату подчиняет города Муром, Переславль и Чернигов, Киев. Далее автор делает пометку, что с этого дня и до XV века Киев существовал в состоянии развалин. Приводит слова Н.М. Карамзина, который пишет в 4-м томе «Истории государства Российского», что «Бату не пощадил и самих могил: варвары давили ногами черепа наших древних князей» [9, с. 196].

Узнав, что некоторых русских князей приютил маджарский (венгерский) король, Бату пошел походом на Венгрию, заодно решив пройтись по Европе, взял Польшу. Автор пишет, что при желании Бату мог бы присоединить к своим владениям всю Европу, однако, получив весть о смерти кагана Угедея, был вынужден развернуться обратно. Вернувшись на Волгу, Бату-хан решил построить город, столицу Орды, наподобие Каракорума и назвал его Сараем [9, с. 225]. Вскоре к Бату-хану начали приезжать русские князья за ярлыками для княжения. Первым приехал Ярослав. В 1247 году свою покорность признали Александр Невский со своим братом Андреем. Вскоре они были назначены Бату-ханом князьями в города Киев и Владимир. Следуя Н.М. Карамзину, автор пишет, что посол Иван Карпин в своих путевых заметках описал знакомство с Бату-ханом: тот оставил у него очень хорошие впечатления, Бату был гостеприимным, щедрым, опытным, добрым человеком [9, с. 226].

Ссылаясь на труды русских историков, которые пишут о зверствах хана и сравнивают его войско с варварами, Р. Фахретдин не опровергает их, однако считает, что в этом есть и некоторая вина самих покоренных народов [9, с. 227]. При этом автор уверен, что действия Бату-хана повлияли на них не худшим образом: именно после монгольского завоевания русские князья, враждовавшие между собой, осознали, что им необходимо объединиться, обучаться у своих противников военному делу, которое у последних было на высоком уровне, управлению государством и т.д. Автор заключает, что на самом деле уроки, полученные у Чингиз-хана и Бату-хана, сделали Россию такой, какой она является сейчас. Именно поэтому они должны в некотором роде благодарить их за науку [9, с. 227–228].

Р. Фахретдин приводит свою версию по поводу года смерти Бату-хана. Опровергая Ибн Халдуна, который утверждает, что хан умер в 1252 году, со ссылкой на Карамзина, считавшего годом смерти 1253 или 1254, Р. Фахретдин предполагает, что это мог быть и 1255 год [9, с. 228].

Берке-хан для Р. Фахретдина, прежде всего, потомок Чингиз-хана, одним из первых среди братьев принявший ислам, и правитель, сделавший очень много на пути сохранения и развития ислама в Золотой Орде [11, с. 35]. Автор отмечает, что во время правления Берке-хана правительство провело на Руси вто-

рую перепись населения [11, с. 37]. В 1263 году Берке хан в честь принятия им ислама отправил в Египет к султану Малику Захиру Бейбарсу послов, что стало основой установления крепких связей между ними [11, с. 37].

В преданиях, по словам Р. Фахретдина, Берке характеризуется как твердый в исламе правитель, уважительно относящийся к ученым, умный, с добрым нравом человек. Приоритет в его жизни – это сохранение и укрепление веры, строгое следование принципам Корана, поэтому в литературе очень часто встречаются такие титулы Берке-хана, как «Насретдин» (защитник веры), «Абу ал-Ма'али» (носитель возвышенных мыслей) [11, с. 37].

Автор отмечает, что начиная с правления Узбек-хана и его сына Джанибека Золотая Орда достигла своего расцвета. Статья «Узбек-хан» [24] Р. Фахретдина отличается изобилием научной литературы и источников, на которые он ссылался. Это «Шеджере-и тюрк» Абулгази, «Мустафад ал-ахбар» Ш. Марджани, «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар» Мурада Рамзи, труды Н.М. Карамзина, Абуль-Фида¹, Ибн Халдуна² и других авторов, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

Р. Фахретдин останавливается на вопросах происхождения отдельных терминов, этнонимов. Например, вслед за Мурадом Рамзи он считает, что современные узбеки получили свое название благодаря Узбек-хану [25, с. 67]. В определении некоторых вопросов он ведет полемику с такими признанными авторами, как Н.М. Карамзин, Ф.А. Брокгауз и С.Я. Ефрон. Например, он не соглашается с ними в вопросе о происхождении Кончак (Агафья), на которой женился московский князь Георгий. Авторы энциклопедического словаря считали, что Кончак являлась сестрой Узбек-хана, а Р. Фахретдин был уверен, что настоящее ее имя было Агафья, и она была русской девушкой при дворце хана, так как, по его мнению, великий правитель и мусульманин не мог отдать свою сестру-мусульманку за христианина. К тому же, по утверждению Р. Фахретдина, у чингизидов существовала традиция, по которой они выдавали девушек только за представителя своей династии. К примеру автор приводит ситуацию, связанную с принцессой Тулунбай, чью руку просил мамлюкский султан Мухаммад ан-Насир, и который вначале получил отказ³. Фахретдин считает, что заблуждение по поводу Кончак, скорее всего связано с Узбек-ханом, который утверждал, что выдает за князя девушку, которая ему близка как сестра [25, с. 68].

Р. Фахретдин ставит в заслугу Узбека и то, что во время его правления Сарай становится центром науки и просвещения [25, с. 71]. Далее он приводит перевод ярлыка Узбек-хана, написанного «в четвертый день первого месяца осени года Зайца», который дает христианскому духовенству, и не только ему, право полноценной службы: «Если кто будет бранить христианскую религию, церкви и монастыри, тот будет убит». Это говорит о том, что при Узбек-хане не только мусульманам, но и представителям других религий,

¹ Ал-Малик ал-Муайяд Имад ад-Дин Абул-Фида Исмаил ибн 'Али, известный как Абу-ль-Фида (1273–1331) – арабский историк и географ.

² Абу Зейд Абдуррахман ибн Мухаммад ал-Хадрами, более известный как Ибн Халдун (1332–1406) – арабский мусульманский философ, историк.

³ Однако свадьба между золотоордынской принцессой и мамлюкским султаном все же состоялась, хотя брак был недолгим. Об этом подробнее см. в статье Э.Г. Сайфетдиновой и Гамаль Абдель Рехем [23].

христианам в первую очередь, были созданы все условия для комфортной жизни. Однако, по мнению Фахретдина, Узбек совершил одну политическую ошибку: он способствовал сплочению разрозненных русских княжеств, которые впоследствии ополчились против Орды [25, с. 71]. Автор уверен, что в процветании современной России, несомненно, важна роль великих российских правителей Петра I и Екатерины II, в то же время для укрепления основ этого государства очень много сделал и Узбек-хан [25, с. 72].

Статья «Джанибек-хан» была опубликована в номере 4 за 1908 год [20]. При подготовке этой статьи автор использовал те же источники, что и прежде, – труды Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Ш. Марджани, М. Рамзи, сочинения Ибн Баттуты, Абулгази, однако при описании некоторых фактов и событий он приводит сугубо свою точку зрения. Например, рассказывая о деятельности Джанибек-хана, он описывает картину, когда муромский князь Юрий после объявления Федором Глебовичем себя князем Муромом с помощью своего войска опять взошел на трон, но был передан Джанибек-ханом Федору, у которого и скончался. Фахретдин предполагает, что вполне возможно в организации похода Федора в Муром сыграла рука самого хана [20, с. 99]. Он опровергает и предположения русских историков о возможном убийстве Джанибек-хана своим сыном Бирдебеком [20, с. 100]. Однако в других вопросах Фахретдин, напротив, считает правдивыми данные русских источников, а мнения арабских ученых подвергает сомнению. Для примера он приводит отрывок из русских источников, где описывается картина выздоровления жены Джанибека Тайдулы после лечения у русского лекаря по имени Алексей. Недоверие к этому факту со стороны арабских ученых он считает необоснованным: «Несмотря на то, что ханы Дешт-и-Кипчака не отдавали своих дочерей чужим, некоторые из них брали в жены девушек других народов. Известно, что одна из жен Менги Темура была из Константины, Узбек-хан был женат на римлянке по имени Билон. Среди жен Джанибека также могли быть русские девушки. Со стороны русских князей это считалось большим счастьем» [20, с. 101]. По мнению Р. Фахретдина, и Тайдула, возможно, была русской по происхождению, могла притвориться больной и вызвать русского врача с определенной целью [20, с. 101]. Таким образом, Джанибек-хан в оценке Р. Фахретдина предстает умным, справедливым правителем, который сделал много хорошего в отношении представителей других народов и конфессий, прежде всего христиан.

Помимо указанных работ, в журнале «Шура» были опубликованы и другие статьи автора. Например, в статье, посвященной Токтамыш-хану, Р. Фахретдин с подробностью описывает его судьбоносные битвы, останавливается на версиях из русских легенд и трудах русских авторов, приводит свои доводы, опровергающие их. В оценке автора Токтамыш – герой, уважаемый человек, правитель [24, с. 163]. Другой хан – Улуг Мухаммед, двадцатый хан в Сарае начиная с Бату-хана, также стал героем публикации Р. Фахретдина [22].

Со дня основания и до распада Золотой Орды, по утверждению историков, в ней правил 41 хан. Если учитывать, что в правлении государством участвовали также не менее знаменитые мурзы, такие как Ногай, Мамай, Идегей, власть которых была даже сильнее, чем у некоторых ханов, список увеличится еще больше [27, с. 11]. Поэтому Р. Фахретдин счел правильным изучить

жизнь и деятельность не только ханов, но и вышеназванных личностей, сыгравших важную роль в жизни государства.

Таким образом, статьи Р. Фахретдина по данной тематике в совокупности дают довольно полную картину истории Золотой Орды начиная с правления главы династии Чингиз-хана, его сына Джучи и вплоть до распада этого государства.

Несмотря на то, что со времени написания этих статей прошло довольно много времени, тем не менее они не потеряли своей значимости для современных историков [4, с. 74]. Как справедливо отмечает Р. Амирханов, «труды Р. Фахретдина по истории Волжско-Камской Булгарии, Золотой Орды, Казанского, Касимовского, Сибирского ханств и др. для татарского и для других тюркоязычных народов имеют такое же значение, как аналогичные произведения Н.М. Карамзина, П.И. Рычкова, В.Н. Татищева, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского и других для русского народа» [7, с. 32].

В журнале «Шура» увидели свет публикации и других авторов, посвященные истории Золотой Орды. Интересно то, что эти авторы к моменту написания статей не являлись профессиональными историками, а представляли интеллигенцию, интересующуюся вопросами татарской истории, в том числе периода Золотой Орды.

Так, в статьях «Туктамыш хан ярлыгы» («Ярлык хана Токтамыша») и «Туктамыш ханның икенче ярлыгы» («Второй ярлык хана Токтамыша») автор из Москвы Галим Акчурин⁴ ставит перед собой цель знакомства читателей журнала с этими ярлыками [2; 3]. Он подчеркивает, что до сих пор эти документы не были опубликованы в татарской периодической печати. При этом он отмечает их важность для истории татарского народа и поэтому считает, что необходимо ознакомить широкую общественность с их содержанием, краткой историей создания и научного изучения. Г. Акчурин пишет, что первый документ, написанный на тюркском языке уйгурским алфавитом, был найден М.А. Оболенским, опубликован на арабской графике А.К. Казем-Бекон и И.Н. Березиным. Затем ярлык был переведен на польский язык⁵. Ссылаясь на Оболенского, автор отмечает, что русский перевод несколько отличается от оригинала, содержит некоторые дополнения, которых нет в тюркском тексте. Далее он описывает бумагу, на которой написан ярлык, ее размеры, качество и другие характеристики, также предлагает читателю текст ярлыка на русском языке [2, с. 49–51].

В статье «Второй ярлык хана Токтамыша» [3] автор подчеркивает важность ханских ярлыков, монет, эпиграфических надписей, русскоязычных источников, посвященных татарам, произведений, написанных на чагатайском языке (таких как «Шейбани-намэ» Мухаммеда Салиха, «Шеджереи тюрк» Абулгази) и др.), исторических песен на киргизском, ногайском и

⁴ Акчурин Галим Хафизович (1892–1945), на момент написания статей курсант специальных курсов Лазаревского института восточных языков. В 1915 году поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета.

⁵ Первое исследование документа осуществили профессора Казанского университета О.М. Ковалевский и А.К. Казем-Бек, впоследствии они же и опубликовали его. Профессор И.Н. Березин, сравнивая польский перевод с вариантом А.К. Казем-Бека, провел текстологическое исследование текста и перевел его на русский язык.

языке сибирских татар⁶ о Токтамыш-хане для изучения истории отмеченного периода. Далее он рассказывает о трех ярлыках, связанных с историей тюрко-татар. Два из них написаны уйгурскими буквами. Первый – это ярлык Токтамыша, о котором речь шла в первой статье. Второй документ – ярлык золотоордынского хана Тимур Кутлуга, написанный в 800 году по хиджре, и представляет пожалование тарханства человеку по имени Мухаммед. Автор статьи подробно описывает историю изучения этого документа, отмечает, что арабографичный вариант ярлыка с комментариями был опубликован преподавателем татарского языка Казанского университета И. Хальфиным, однако не предполагает данными о публикации источника, поэтому обращается к читателям с вопросом: «Где и в каком сборнике была опубликована статья И. Хальфина?» [3, с. 308]. Третий документ – ярлык хана Токтамыша Кутлуге. Автор дает подробную информацию об истории изучения этого ярлыка. В журнале также представлен русскоязычный вариант данного документа [3, с. 309]. Г. Акчурина отмечает, что не ставит целью исследование ярлыков Крымского ханства, которые изданы историком В.В. Вельяминовым-Зерновым, поэтому подробно не останавливается на них.

В номере 15 за 1912 год была опубликована статья «Ярлыклар мөнәсбәте илә» («По поводу ярлыков») хальфы (преподавателя) медресе «Касымия» в Казани Ахмед-Заки Валиди, ставшего впоследствии известным ученым-историком [15]. Она написана в форме отклика на вышеупомянутые статьи Г. Акчурина. А.-З. Валиди, отвечая на вопрос Г. Акчурина о статье Ибрагима Хальфина, посвященной Тимур Кутлугу, делает некоторые пояснения. Он пишет, что Хаммер⁷, не владевший чагатайским и уйгурским алфавитами, обратился за помощью в расшифровке текста Петербургскому академику Х.Д. Френу и адъюнкту Казанского университета Ибрагиму Хальфину. Последний, завершив работу, передал ее Хаммеру. Основываясь на тексте Хальфина, Хаммер перевел документ на немецкий язык и в 1818 году опубликовал его в журнале «Fundgruben des orient» («Сокровищницы Востока») [31]. Хаммер включил примечания Хальфина под названием «Commentars Herrn Chalfins» («Комментарии мистера Хальфина») в свою публикацию, посвященную ярлыку Тимур Кутлуга [31, с. 361–362].

А.-З. Валиди не согласен с Г. Акчуриным в том, что тот опубликовал текст второго ярлыка хана Токтамыша лишь на русском языке. Перевод русского текста на татарский невозможен по разным причинам, прежде всего потому, что русскоязычные тексты несколько отличаются от оригинала. Также необходимо иметь в виду, что автор перевода Ярцов⁸ работал с текстом, не понимая полностью его смысла. К тому же этот вариант далеко не последний: есть еще несколько переводов ярлыка, сделанных другими учеными, поэтому необходимо обращаться к более поздним работам. Для интересующихся историей Золотой Орды и ханских ярлыков Валиди предлагает новые, не указанные Акчуриным источники [15, с. 463].

⁶ Речь идет о текстах, написанных на восточном диалекте татарского языка.

⁷ Йозеф Фрайер фон Хаммер-Пургшталь (1774–1856) – австрийский историк-востоковед и дипломат, исследователь и переводчик восточной литературы, автор книги, посвященной истории Золотой Орды.

⁸ Ярцов Януарий Осипович (1792–1861) – востоковед, ученик И.И. Хальфина и Х.Д. Френа.

Еще одна статья, опубликованная в журнале «Шура», продолжает эту тему, но не касается вопроса научного изучения ярлыков и письменного наследия золотоордынского периода. Автор статьи имам и муфтий из Тетюшей по имени Багаутдин поднимает несколько другую проблему – необходимость изучения руин золотоордынских городов. Он рассказывает о своем посещении места, где когда-то находился город Сарай [10, с. 63]. Из материала автора видно, что он довольно хорошо владеет информацией по истории этого периода и знаком с основными источниками по теме. Багаутдин пишет о сохранившихся следах, предположительно бывших мечетей Сарая, и, опираясь на сочинения Ибн Баттуты, приходит к выводу, что эти руины размером в 40 и 30 саженей в свое время являлись соборными мечетями. Таким образом, имам, интересующийся историей своего народа, с полным пониманием дела обращает внимание читателей и широкой татарской общественности к проблеме изучения и сохранения исторических памятников, прежде всего периода Золотой Орды.

Журнал «Шура» представлял своеобразную площадку, где подписчики и читатели могли обращаться в редакцию с различными вопросами, касающимися не только общественной, литературной жизни, но и национальной истории и получать на них ответы от компетентных лиц. «При этом редакция оставляла за собой право прокомментировать спорные высказывания своих авторов. Эти особенности функционирования издания делали журнал «Шура» местом, где возникала возможность ведения дискуссий и конструирования своего видения истории тюрко-татар» [12, с. 54].

Журнал публиковал ответы на интересующие читателей вопросы по истории, в том числе периода Золотой Орды. Так, в номере 21 за 1910 год было опубликовано письмо читателя Багаутдина Биктагирова, где он просит ответа на вопрос по поводу статьи, напечатанной в московской газете «Воин и пахарь». Со слов читателя, в газете сообщалось о женитьбе князя Федора на дочери хана Менгу-Тимура, после чего она была крещена и получила имя Анна, родила двоих сыновей – Давида и Константина; и автор хотел бы знать, правда ли это [6, с. 660]. В другом письме читатель просил ответить на вопрос по поводу битв между Тамерланом и Токтамышем [1, с. 88–89] и т. д. Редакция стремилась дать подробные ответы на эти и другие вопросы читателей, опираясь на достижения исторической науки.

Таким образом, можно заключить, что в начале XX века в татарском обществе интерес к собственной истории был огромным. Этому способствовали медресе, в которых уделялось пристальное внимание преподаванию истории ислама, а с открытием новых джадидских школ и медресе в них начали изучаться также всеобщая история, история России и тюркских народов. Выпускники татарских медресе в начале XX века имели определенные знания по истории татар и других тюркских народов, прежде всего, благодаря трудам Ш. Марджани «Мөстəфад эл-əхбар фи əхвали Казан вə Болгар» («Кладезь сведений о делах Казани и Булгара»), Х.-Г. Габаши «Муфассал тарих кауме төрки» («Подробная история тюркского народа»), Г. Ахмарова «Болгар тарихы» («История Булгара») и «Казан тарихы» («История Казани»), А.-З. Валиди «Төрək вə татар тарихы» («Тюркская и татарская история»). С появлением татарской периодической печати исторические вопросы приобрели еще большую популярность и значимость: газеты и журналы знакомили читателей с научны-

ми и научно-публицистическими материалами, посвященными отдельным периодам и проблемам истории татарского народа, истории Золотой Орды в том числе. Таким образом, периодическая печать начала XX века, также и журнал «Шура», служили площадкой для научных дискуссий, инструментом повышения исторической грамотности населения и популяризации исторических знаний. Публикации журнала на исторические темы, авторами которых являлись не только ученые, но и татарские педагоги-интеллектуалы, имели ярко выраженное просветительское значение, в то же время являлись доказательством того, что история народа пишется национальными историками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Аксак Тимер һәм Туктамыш ханнарның сугышлары хақында сорау хаты] // Шура. 1912. № 3. Б. 88–89.
2. Акчуриң Г. Туктамыш хан ярлыгы // Шура. 1912. №2. Б. 49–51.
3. Акчуриң Г. Туктамыш ханның икенче ярлыгы // Шура. 1912. № 10. Б. 307–309.
4. Алишев С.Х. Развитие исторических знаний у татар с древнейших времён до Октябрьской революции // Алишев С.Х. По следам минувшего. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. С.63–80.
5. Алишев С. Татар тарихчылары. Казан: Татар.кит.нәшр., 2006. 206 б.
6. [Алтын Урда ханы турында сорау һәм жавап хаты] // Шура. 1910. №21. Б. 660–661.
7. Амирханов Р.У. Ризаэддин Фахреддин как историк // Ризаэддин Фәхреддин: мирасы һәм хәзерге заман: Фәнни конференция материаллары. Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2003. С.32–54.
8. Әхмәд бине Фадлан // Шура. 1909. №19. Б. 577–578.
9. Бату хан (Саин) // Шура. 1909. № 7. Б. 193–196; № 8. Б. 225–228.
10. Баһаветдин. [Сарай шәһәре хәрабәләренә бару] // Шура. 1909. № 2. Б. 63.
11. Бәркә хан // Шура. 1908. №2. Б. 34–38.
12. Брилева Д. Тарих-е милли: «своя история» в журнале «Шура» // Islamology. 2020. Т. 10, № 1. С. 51–66.
13. Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы татар. Казань: Иман, 1998. 160 с.
14. Валиуллин Р. Н. Учебники по религиозным дисциплинам для татарских мектебе и медресе в конце XIX – начале XX веков // Векторы толерантности: религия и образование. Казань: Магариф, 2006. С. 112–114.
15. Вәлиди Ә.-З. Ярлыклар мөнәсәбәте илә // Шура. 1912. №15. Б. 462–463.
16. Газиз Г. Насыйри чын гыйлем-фән бабында // Каюм Насыйри мәжмугасы. Казан, 1922. Б. 146–149.
17. Гатин М.С. Проблемы истории Улуса Джучи и постордынских тюрко-татарских государств Восточной Европы в немецкой историографии XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 257 с.
18. Госманов М. Катлаулы чорның каршылыклы вәкиле // Казан утлары. 1984. №1. Б. 142–157.
19. Дунаева Ю.В. Предисловие // Историческая биография: Современные подходы и методы исследования: Сб. обзоров и реф. М., 2011. 172 с.
20. Жанибәк хан // Шура. 1908. №4. Б. 97–101.
21. Жужу хан // Шура. 1909. №6. Б. 161–165.
22. Олуг Мөхәммәд хан // Шура. 1908. № 10. Б. 297–303.
23. Сайфетдинова Э.Г., Гамаль Абдель Рехем И.Х. Династический брак мамлюкского султана Египта ан-Насира и царевны Тулунбай по данным средневековых

арабских летописей // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 116–125. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.116-125

24. Туктамыш хан // Шура. 1908. №6. Б. 161–165; № 7. Б. 193–196.

25. Үзбәк хан // Шура. 1908. №3. Б. 65–72.

26. Фахрутдинов Р.Г. Вклад Каюма Насыри в исследование истории и археологии казанских татар // Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976. С. 155–162.

27. Фахретдин Р. Алтын Урда ханнары – Ханы Золотой Орды. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. 127 б.

28. Хәмидуллин Б. Л. Казан ханлыгы халыклары. Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. 174 б.

29. Чыңгыз хан // Шура. 1909. №4. Б. 93–100; №5. Б. 129–133.

30. Шакуров Ф.Н. Развитие исторических знаний у татар в конце XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2003. 178 с.

31. Uigurisches Diplom Kutlugh Timurs vom Jahre 800 (1397), beiliegend lithographisch nachgestochen und übersetzt von Hrn. Joseph v. Hammer // Fundgruben des orientis. 1818. T. VI. B. 359–362.

Сведения об авторе: Ляля Раисовна Муртазина – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории и теории национального образования им. Х.Фаизханова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Багурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4131-544X. E-mail: lyalyamur@mail.ru

Поступила 03.12.2021 Принята к публикации 03.03.2022

Опубликована 29.03.2022

REFERENCES

1. The question of Timur's war with and Khan Toktamysh. *Shura*, 1912, no. 3, pp. 88–89. (In Tatar)

2. Akchurin G. Toktamysh Khan's yarliq. *Shura*, 1912, no. 2, pp. 49–51. (In Tatar)

3. Akchurin G. The second yarliq of Toktamysh Khan. *Shura*, 1912, no. 10, pp. 307–309. (In Tatar)

4. Alishev S.Kh. The development of historical knowledge among the Tatars from ancient times to the October Revolution. Alishev S.Kh. *In the Footsteps of the Past*. Kazan: Tatar Book Publ., 1986, pp. 63–80. (In Russian)

5. Alishev S. *Tatar Historians*. Kazan: Tatar Book Publ., 2006. 206 p. (In Tatar)

6. [Question and answer about the Khan of the Golden Horde]. *Shura*, 1910, no. 21, pp. 660–661. (In Tatar)

7. Amirkhanov R.U. Rizaeddin Fahreddin as a historian. *Rizaeddin Fakhreddin: Heritage and Modernity: Proceedings of Research Conference*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2003, pp. 32–54. (In Russian)

8. Ahmed ibn Fadlan. *Shura*, 1909, no. 19, pp. 577–578. (In Tatar)

9. Batu Khan (Sain). *Shura*, 1909, no. 7, pp. 193–196; no. 8, pp. 225–228. (In Tatar)

10. Bahavetdin. Visit to the ruins of the city of Saray. *Shura*, 1909, no. 2, pp. 63. (In Tatar)

11. Berke Khan. *Shura*, 1908, no. 2, pp. 34–38. (In Tatar)

12. Brileva D. Tarih-e Milli: “Our History” in the “Shura” Journal. *Islamology*. 2020, vol. 10, no. 1, pp. 51–66. (In Russian)

13. Validov Dzh. *Essay on the History of Education and Literature of Tatars before the Revolution of 1917*. Kazan: Iman, 1998. 160 p. (In Russian).
14. Valiullin R.N. Textbooks on religious disciplines for Tatar mektebes and madrasahs in the late nineteenth and early twentieth centuries. *Vectors of Tolerance: Religion and Education*. Kazan: Magarif, 2006, pp. 112–114. (In Russian)
15. Velidi E.-Z. About shortcuts. *Shura*, 1912, no. 15, pp. 462–463. (In Tatar)
16. Gaziz G. Scientific activity of Nasyri. *Collection of Kayum Nasyri*. Kazan, 1922, pp. 146–149. (In Tatar)
17. Gatin M.S. *Problems of the History of the Ulus of Jochi and the post-Horde Turkic-Tatar States of Eastern Europe in German Historiography of the nineteenth and twentieth centuries: PhD Thesis*. Kazan, 2006. 257 p. (In Russian)
18. Gosmanov M. A controversial representative of a difficult time. *Kazan utlary*, 1984, no. 1, pp. 142–157. (In Tatar)
19. Dunaeva Yu.V. Foreword. *Historical Biography: Modern Approaches and Research Methods: Collection of Reviews and Abstracts*. Moscow, 2011. 172 p. (In Russian)
20. Janibek Khan. *Shura*, 1908, no. 4, pp. 97–101. (In Tatar)
21. Jochi Khan. *Shura*, 1909, no. 6, pp. 161–165. (In Tatar)
22. Ulugh Muhammad Khan. *Shura*, 1908, no. 10, pp. 297–303. (In Tatar)
23. Sayfedinova E.G., Gamal Abdel Rehem I.H. Dynastic marriage of Mamluk Sultan of Egypt al-Nasir and Princess Tulunbay according to medieval Arab chronicles. *Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 1, pp. 116–125. DOI: 10.22378/23136197.2017-5-1.116-125 (In Russian)
24. Toktamyskh Khan. *Shura*, 1908, no. 6, pp. 161–165; no. 7, pp. 193–196. (In Tatar)
25. Uzbek Khan. *Shura*, 1908, no. 3, pp. 65–72. (In Tatar)
26. Fakhrutdinov R.G. Kayum Nasyris contribution to the study of the history and archaeology of the Kazan Tatars. *Outstanding Educator-democrat Kayum Nasyri*. Kazan, 1976, pp. 155–162. (In Russian)
27. Fekhetdin R. *Khans of the Golden Horde*. Kazan: Tatar Book Publ., 1996. 127 p. (In Tatar).
28. Khemidullin B. L. *Peoples of the Kazan Khanate*. Kazan: Tatar Book Publ., 2008. 174 p. (In Tatar)
29. Chinggis Khan. *Shura*, 1909, no. 4, pp. 93–100; no. 5, pp. 129–133. (In Tatar)
30. Shakurov F.N. *The Development of Historical Knowledge among Tatars at the end of nineteenth and beginning of twentieth centuries: PhD Thesis*. Kazan, 2003. 178 p. (In Russian)
31. Uigurisches Diplom Kutlugh Timurs vom Jahre 800 (1397), beiliegend lithographisch nachgestochen und ubersetzt von Hrn. Joseph v. Hammer. *Fundgruben des orientis*, 1818, Vol. VI, pp. 359–362. (In German)

About the author: Lyalya R. Murtazina – Cand. Sci. (Pedagogy), Leading Researcher, Faizkhanov Center for the History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4131-544X. E-mail: lyalyamur@mail.ru

Received December 3, 2021 Accepted for publication March 3, 2022
Published March 29, 2022

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КРЫМСКОГО ХАНСТВА И ЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ В ВОСТОЧНО- ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ В XVI–XVIII ВЕКАХ

Мария Иванич

Сегедский Университет

Сегед, Венгрия

res13986@iif.hu

Цель исследования: в статье рассматриваются вопросы установления и развития дипломатических отношений Крымского ханства со странами Восточно-Центральной Европы, а также особое внимание уделяется политическому и экономическому влиянию ханства на европейские вассальные государства Османской империи.

Материалы исследования: в статье используются европейские и османские хроники, доношения из Константинополя и до сих пор неизданные документы из австрийских, румынских и венгерских архивов.

Результаты и новизна исследования: в османистике уделялось мало внимания дипломатическим отношениям Крымского ханства с Восточно-Центральной Европой. Исторические исследования в первую очередь подчеркивали вспомогательную роль татар в османских походах и не обращали внимания на тот факт, что в рамках этих отношений ханы устанавливали и поддерживали дипломатические отношения и с суверенными и вассальными государствами региона. В результате тщательной исследовательской работы в архивах региона автору удалось составить корпус документов, на основе которых был раскрыт процесс развития дипломатических отношений ханства, приводивших иногда и к сотрудничеству между крымскими и габсбургскими правителями. Анализ собранного и систематизированного материала позволил установить, какую роль играло ханство в политике христианских вассалов Порты, какими путями развивалось налогообложение вассальных стран со стороны татар. В случае Молдавии и Валахии источники позволили проследить формирование разных видов обязательств и размер дани.

Ключевые слова: Крымское ханство, Габсбургская империя, Трансильвания, Молдавия, Валахия, налогообложение, дань

Для цитирования: Иванич М. Дипломатическая активность Крымского ханства и ее экономические следствия в Восточно-Центральной Европе в XVI–XVIII веках // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 118–153. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.118-153

THE DIPLOMATIC ACTIVITY OF THE CRIMEAN KHANATE
AND ITS ECONOMIC CONSEQUENCES IN EAST-CENTRAL EUROPE
IN THE 16TH–18TH CENTURIES

Mária Ivanics

*University of Szeged
Szeged, Hungary
res13986@iif.hu*

Abstract: *Research objective:* The article is devoted to the discussion of the establishment and the development of diplomatic relations between the Crimean Khanate and the countries of East-Central Europe, with special attention paid to the political and economic influence of the Khanate in the European vassal states of the Ottoman Empire.

Research materials: The study uses European and Ottoman chronicles, reports from Constantinople, and still unpublished documents from the Austrian, Romanian, and Hungarian archives.

Results and novelty of the research: Ottoman studies has paid little attention to the diplomatic relations of the Crimean Khanate with East-Central Europe. Historical studies primarily emphasized the auxiliary role of Tatars in the Ottoman campaigns and did not pay attention to the fact that in their shadow the khans established and maintained diplomatic relations with the sovereign and vassal states of the region. After thorough research in the archives of the region, it was possible to compile a corpus of documents which revealed the process of the development of the khanate's diplomatic relations, sometimes even leading to cooperation between the Muslim and Christian rulers. The analysis of the collected and systematized material made it possible to establish the role the khanate played in the policy of the Christian vassals of the Porte, and also the development of the taxation of vassal countries by the Tatars. In the case of Moldova and Wallachia, the sources made it possible to trace the formation of different types of obligations and the amount of tribute.

Keywords: Crimean Khanate, Habsburg Empire, Transsylvania, Moldova, Wallachia, taxation, tribute

For citation: Ivanics M. The Diplomatic Activity of the Crimean Khanate and Its Economic Consequences in East-Central Europe in the 16th–18th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 118–153. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.118-153 (In Russian)

Традиционной областью дипломатической деятельности Крымского ханства являлся, несомненно, восточноевропейский регион (Литва, Польша, Россия), исследования которого в последние десятилетия наиболее активизировались. Достаточно указать на монументальную работу Дариуша Колодзейчика [45; 46], на переиздание [44] и латинскую транскрипцию материалов, относящихся к истории Крымского ханства, В.В. Зернова и Хусейна Фейзханова [3] или публикацию статейных список русских посланников в Крыму [1]. Это далеко не так в странах Северной и Центральной Европы (Швеция, Дания, Бранденбург), где, за исключением Дании, наука в настоящее время находится в процессе изучения архивных материалов [71; 51; 29, p. 306–317]. В случае Восточно-Центральной Европы (Габсбургской империи, Трансиль-

вании, Молдавии и Валахии) мы можем опираться в наилучшем случае только на некоторые исследования [35; 20; 65]¹.

Эту масштабную дипломатическую деятельность можно исследовать с разных точек зрения: по времени она охватывает XIV–XVIII столетия в Восточной Европе, а в случае с другими европейскими странами она датируется концом XVI или серединой XVII веков и ограничивается чуть более чем столетием. У этих последних стран можно отчетливо выделить те периоды, в которых дипломатическая активность ханства значительно возросла: это годы пятнадцатилетней войны (1591–1606), тридцатилетней войны (1618–1648), северной войны (1655–1660), второй осады Вены (1683) и весь XVIII век до аннексии ханства (1783). Если мы посмотрим на дипломатический материал с лингвистической точки зрения, мы увидим чрезвычайно богатую картину: помимо документов, написанных на восточно-турецком (турки/turkî) и османском языках, сохранились оригиналы и на итальянском, латинском, польском и венгерском языках. Если за основу взять суверенитет, татарская дипломатия поддерживала живые контакты не только с суверенными государствами, но и с вассалами Османской империи. Наконец, при рассмотрении содержательных аспектов документов намечаются цели крымской внешней политики:

- приобрести влияние на христианских вассалов Османской империи;
- обложение налогом Восточно-Центрального региона Европы;
- поддержание баланса сил с помощью неизменного оказания военной поддержки более слабой стороне;
- заручиться поддержкой этой политики в Западной Европе;
- искать союзников против интриг Порты;
- найти новые возможности для применения военного потенциала татарской армии.

В этой статье я анализирую вышесказанные, основные направления крымско-татарской дипломатии в Восточно-Центральной Европе на основе разных хроник, официальных документов, а также неизданных архивных материалов, хранящихся в Австрии, Венгрии и Румынии.

Внешняя политика Крымского ханства в Восточно-Центральной Европе

В XVI в. крымская внешняя политика была направлена на борьбу за наследство Золотой Орды: восстановление власти над Казанью, Астраханью и Ногайской Ордой. После завоевания Иваном Грозным волжских ханств и подчинения Большой Ногайской Орды возможности крымской дипломатии в регионе стали скудными. Новую возможность предоставили походы османов в Восточно-Центральной Европе, в которых активно участвовали татарские вспомогательные войска под руководством хана или калги. Походы не только обеспечили богатую добычу татарам, но благодаря длительному участию в военных действиях у ханов появился шанс создать новые направления крымской внешней политики.

¹ Автор этих строк выражает искреннюю благодарность архивистам Андрашу Орошш (Вена), Жуже Ковач (Будапешт), Виктор-Клаудиу Турситу (Бухарест) и Юлии Дерзи (Сибиу) за помощь в работе в архивах; а также переводчикам с румынского языка Даниэлю Киш и Сильвии Ковач и редактору русского текста Раушангул Мукушевой.

Однако Восточно-Центральная Европа находилась в сфере влияния более крупных держав. В Трансильвании, Молдавии и Польше было сильно влияние Габсбургов, а в Валахии – османов. Все это было усугублено стремлением князей Трансильвании оказать поддержку тем господам при их назначении в Порте, которые соответствовали их политическим целям. Таким образом, хан имел возможность вмешиваться в дела княжества и воеводств только в том случае, если это также служило интересам Порты. Первый такой случай появился во время пятнадцатилетней войны, в которой татары принимали многолетнее участие. Гази II Гирей сам три раза лично возглавлял татарскую армию в османских походах и зимовал на территории Венгрии. В 1594 г. он во главе 22 000 татар присоединился к турецкой армии. Они завоевали венгерскую крепость Янык (венг. Дьёр) и приблизились к наметенному «красному яблоку» (*kizil elma*), то есть к Вене, на 80 километров [38, р. 275–299]. В ответ папская дипломатия предприняла широкомасштабную акцию. Через папского нунция, Алессандро Кумулео, папская курия стремилась создать Христианскую Лигу: объединить силы императора Рудольфа II (1576–1612), трансильванского князя и румынских господарей; нанять казаков для войны на стороне христиан [5, с. 161–166]; привлечь к союзу Польшу и Россию, надеясь создать антитурецкий союз; установить контакты с грузинами, персами и даже татарами [59; 60; 31, р. 37].

В результате деятельности Кумулео христианские вассалы Османской империи, трансильванский князь Сигизмунд Батори и поддержанные им молдавский и валахский господа, Стефан Разван (с весны по августа 1595) и Михай Храбрый (1593–1601), присоединились к союзу, возглавленному императором Рудольфом. Польша, которая считала Молдавию своей сферой влияния, послала армию в Молдавию под руководством гетмана великого, Яна Замойского. Поляки свергли Стефана Развана и намеревались назначить нового правителя в лице Иеремии Могилы. Так как военные силы османов были заняты в Валахии другим бунтовщиком, Михайем Храбрым, Гази II Гирею пришлось противостоять полякам в стремлении отстоять интересы султана. После нескольких небольших сражений воюющие стороны склонились к договору. У Цецоры, на берегу реки Прута 22 октября был заключен договор со следующими пунктами (отрывок):

« – став господарем, он (т.е. Иеремия Могила) должен отправить обычные платежи Его Величеству турецкому императору, доставленные в руки агента, назначенного Его Величеством императором;

– он также должен послать хану ту же сумму, которую предшествовавшие господа посылали бывшим ханам [...];

– что касается знамени, данного нами (т.е. ханом) Иеремею Могиле на господарство, мы утверждаем и обещаем, что его величество, турецкий император, не изменит этого; более того, он сохранит его навсегда в мире в его господарстве;

– Его Величество, хан, должен уйти немедленно и покинуть эту землю в течение трех дней»².

² «Having become a hospodar, he should send customary payments to His Majesty the Turkish emperor, delivered to the hands of an agent appointed by His Majesty the emperor. He should also send to the khan the same amount, which used to be sent to the former khans by other hospodars. [...] As concerns the banner given by us, the khan, to Jeremy Movila for

Текст Цецорского договора сохранившийся в хронике румынского хрониста Мирона Костина, звучит немного иначе [15, p. 251]:

« – польский кандидат, Иеремя Могила будет признан господарем Молдавии; крымский хан утверждает его в качестве правителя со знаменем и тугом;

– новый господарь получит от Порты *берат* с назначением на всю свою жизнь;

– в обмен Иеремя Могила возьмет на себя обязательство каждый год посылать в Крым подарки и мёд;

– господарь уступает хану семь молдавских сёл в Буджаке для зимовки (кишлак)³;

– крымские войска уходят в течение четырех дней».

Вследствие Цецорского договора Иеремя Могила (1595–1600, 1600–1606) попал в тройную зависимость: он остался вассалом Османской Империи, но был обязан посылать не только ежегодный трибут (харадж) в Стамбул, но и дань в Крым; в то время как Замойский оставил у него 3000 солдат для защиты господаря и одновременной защиты польских интересов. Надо заметить, что этот договор является первым и единственным случаем соглашения между одним крымским ханом, с одной стороны, и одним господарем, с другой.

Почти одновременно с событиями в Молдавии, с 15 по 20 октября 1595 года произошла битва при Джурджу (тур. Yeğğöğü, рум. Giurgiu) на Южном Дунае. Отступавшие османские войска главного визира, Коджа Синан Паши, были побеждены при переправе через реку и захвачены соединенной валахской и трансильванской армией под руководством Михая Храброго и Иштвана Бочкаи. Порта, конечно, не могла оставить без ответа восстание трех своих христианских вассалов. Для того, чтобы ослабить влияние в регионе дома Габсбургов и Речи Посполитой, ей пришлось все более и более полагаться на крымско-татарские вспомогательные войска. Воспользовавшись ситуацией, в рамках предоставления дальнейшей военной помощи Гази II Гирей стремился не только обеспечить добычу для своего войска, но и удовлетворить свои личные амбиции: взамен за военную помощь он предложил Порте назначить на трон Молдавии и Валахии своих братьев вместо бунтовщиков⁴. Его стара-

hospodarship, we confirm and promise that His Majesty the Turkish emperor will not change this, moreover, that he will keep him forever in peace on the hospodarship. His Majesty the khan should set out immediately and should leave this land within three days» [45, p. 301–302].

³ Из румынской версии договора мы узнаем вид дани (мед), но в нем не названы те семь молдавских сел, которые были переданы крымскому хану. С большой вероятностью речь идет о Чеберчеке (венг. Csöbörcsök, рус. Чобурчи, в настоящем в Приднестровской Молдавской Республике, находящиеся в 22 километрах южнее от Тирасполя на левой стороне Днестра) и селах в округе, жителями которых являлись православные румыны и римско-католические венгры. Последние являлись остатками гарнизона Аккермана, переселившимися на берега Днестра после завоевания крепости турками (1484). В документах *Sacra Congregatio de Propaganda Fide* они часто упонимаются как подданные крымских ханов, которыми в XVII веке управлял ханский ялы ага. Во второй половине XVIII века семь сел находились в собственности первой жены хана и платили дань в размере 200 турецких курушов [13, о. 895–916].

⁴ Отчет байло Марко Веньера из Перы от 12 ноября 1594 года: «Несогласие между Синаном и Тартаром [т.е. между великим визиром Синан паши и Гази II Гирей ханом], говорят, возникло потому, что Тартар хотел, чтобы два его брата были поставлены на правление, один – в Валахии, а другой – в Богдании [в Молдавии]» («Il disparere tra Sinan

ния не увенчались успехом: по причине того, что он не принял участия в битве под Хаджовой (1596 г., венг. *Mezőkeresztes*), он был лишен своего трона на несколько месяцев.

Однако через год он снова предпринял попытки закрепиться в регионе. В этот раз хан приложил все усилия в Порте для того, чтобы назначить племянника, сына своей сестры, Ахмеда, санджакбека Килии и Бендера, в Темешвар (*Timișoara*), во вторую по важности крепость османской Венгрии после Буды, из которой можно было бы держать под контролем весь южно-европейский край⁵.

Однако в отношении Трансильвании у Гази II Гирея были другие планы. К концу 1597 года воюющие стороны уже устали, и начались поиски мира. Трансильванский князь оказался особенно подходящим для посредничества, потому что его жена, Мария Кристиерн, была двоюродной сестрой императора Рудольфа. Однако во дворе князя Трансильвании татарские послы вели переговоры не только о мире. Согласно известной немецкой хронике того времени, крымский хан искал поддержку у трансильванского князя, предлагая помогать друг другу против интриг Порты⁶. В венском архиве сохранилась *ахднаме* Гази II Гирея, написанное собственноручно трансильванскому князю, Сигизмунду Батори (1588–1602 с перерывами), в котором он предложил союз:

«С сегодняшнего дня вы можете воспринимать нас как своих собственных братьев. Если какое-то зло достигнет вас, мы поможем вам всем сердцем и душой, а если какое-то зло достигнет нас, вы нам поможете. Из поколения в поколение мы стали братьями. В этом нашем слове лжи нет»⁷.

Из-за отречения Батория от престола союз между двумя вассалами не осуществился, но и из этого хан извлек себе пользу. После того как Баторий покинул страну, императорские комиссары вступили во владение Трансиль-

et il Tartaro dicono che sia nato perchè voleva il Tartaro che due suoi fratelli fossero posti al governo, l'uno della Valachie et l'altro della Bogdania») [30, p. 463]. Также в журнале Фуггеров появилось следующее известие: «Турецкий султан подарил по наследству всю землю Валахии и Молдавии, Татару [т.е. крымскому хану] за его верную службу вообще, но особенно за оказанную год назад [т.е. в 1594 году]» («*der Turggische Kayser, dasz gantze Landt Wallachey vnnnd Moldau für die getreuen dienst so Ime den Tarttar von einem jar vnnnd auch sonsten bewisen Erblich geschenkt*») [30, p. 245]. Однако, согласно османским хронистам, татарский хан хотел, чтобы воеводы назначались из татарских эмиров [62, p. 174; 42, p. 61–62].

⁵ «Тот паша, которого они должны послать в Темешвар, является сыном сестры крымского хана – Ахмед Паша, раньше служивший в Добрудже» («*Jner Bascha aber, der nach Temesvar gesendet werden soll ist der Amhat Bascha ein Sohn der Schwester des Gross Tartar Hans; derselbe war zu Gyomborsán*»). Austria, Österreichisches Staatstarchiv, Kriegsarchiv (=AT-OeStA/KA), Wien, Alte Feldakten 1597/8/13, и [46, p. 111–112, nota 333]).

⁶ «Тем временем два татарских князя [Гази II Гирей и Фетх Гирей] возмущились правительством ... старый татарский хан искал помощь у трансильванцев, предложив им помощь против турок. Затем трансильванский князь отправил к нему своего посла, прибывшего в этом месяце мае из Тагарии в Валахию» («*Unterdessen haben sich zween Tartarische fürsten wegen der regirung empöret...der alte Tatar Han suchte hierauf hülf bey den Siebenbürgern mit dem Erbieten, dass er ihnen wiederumb gegen die Türcken beystehen wollte. Darauff hat der Siebenbürgische fürst seinen Gesandten dahin abgefertiget, die in diesem Monat Majo aus der Tartarey in der Wallachey angelangt*»; [26, s. 261]).

⁷ «*Bizi bugünden böyle kendü karındaşıñuz bilüb eger size bir yaramazlık gelürse cân u gönölden yoluñuza çalıñub ve bize dañı bir yaramazlık gelürse siz dañı bize çalıñub oğul oğula ve kız kıza sizüñle karındaş olduk bu sözüñüzde yalan yokdur*». Austria, Österreichisches Staatstarchiv, Haus-, Hof- und Staatsarchiv (=AT-OeStA/HHStA), Wien, Ungarische Akten, Allgemeine Akten (1598. V–XII) Fasc. 132. Konv. A. fo.27; и [35, s. 198].

вании и через посредничество участника антитурецкого союза, валашского господаря Михаила, вели переговоры с татарами. Таким образом установились дипломатические связи между ханством и Габсбургской империей. Так как зимой 1598 г. Гази II Гирей со своим войском зимовал в Венгрии, истощенная войной Порта дала полномочие хану на проведение мирных переговоров с Веной. Начиная с весны 1599 года хан поддерживал связи с эрцгерцогом Маттьашем (Matthias), братом императора и главнокомандующим христианских войск, ставшим позднее венгерским королем (1608–1618) и императором Священной Римской империи (1612–1619). Из их переписки в венском архиве сохранился немецкий перевод султанского полномочия⁸ и некоторые письма Гази II Гирея в оригинале, в которых он объясняет, почему он был уполномочен вести переговоры:

«Наш посол, Александер был отправлен в Порту, чтобы договориться о вашем примирении с падишахом ислама. Для того, чтобы бедные подданные обеих сторон были в покое и безопасности, мир был одобрен. Вы сказали: “Мы не доверяем словам и присяге визирей и высоких сановников, но если вы будете посредничать и примите на себя дело мира, мы будем доверять вашим словам и присяге...”»⁹.

Хотя переговоры 1599 г. не вели к успехам, и война продолжалась еще семь лет, они не были бесполезны. Некоторые пункты этих переговоров были включены в Житваторокский мирный договор 1606 г., завершивший пятнадцатилетнюю войну [12, p. 5–53].

В течение полувека после мира в Житватороке османы не проводили походы против Габсбургов, хотя и этот период не был лишен мелких сражений. Во внешней политике Порты в XVII веке уделялось больше внимание событиям Восточной Европы, Польши и казачества. Однако татары не только принимали участие в этих походах, но все чаще играли роль в жизни вассалов, вернувшихся к преданности Порте. Они оказали военную помощь князьям и господарям, поддерживаемым Портой при их возведении на трон. В связи с этим были найдены два документа, касающиеся Трансильвании. В 1603 году Гази II

⁸ «Приказываем вашему величеству [т.е. Гази II Гирею] вести переговоры обо всем, что является правильным и справедливым, имея в виду честь и репутацию наших предков. Все, что ваше величество обсудит и заключит, хотим принять и мы» («Bestellen wir Eure Majestät [d. h. Gazi Girey] zu handeln alles das was recht und billich ist und in acht zu haben die Ehre und Reputation unserer Vorfahren alles was Eure Majestät wird handeln und schließen das wollen wir annemen»). AT-OeStA/HHStA Wien, Ungarische Akten, Allgemeine Akten (1599. VIII–XI) Fasc. 135. Konv. A. fol. 14–15.

⁹ «Ol cânibe elçimüz Alexander bendeleri irsâl olunub pâdişâh-i islâmla barışmañuz husûsı söyleşüb iki tarafdan fukarâ u re'âyâ âsûde u gunûde olmaq bâbında sulha rızâ gösterilüb ve pâdişâh-i islâm tarafından vüzerâ ve erkân-i devletlerniñ kavlı u şartlarına i'timâdimuz yokdur siz ortaya girüb sulh husûsın ta'ahhüd ederseñüz sizün şart u kavliñuza i'timâdimuz vardur deyü...». AT-OeStA/HHStA ŪR (=Urkunden) Wien, Türkische Urkunden от 21 апреля 1599 г. После падения Константинополя (1453) многие представители византийской аристократии нашли убежище в России. Некоторые из них начинали новую карьеру при дворе крымского хана как секретари или дипломаты. Об этом свидетельствуют дипломатические документы ханов XV века на греческом языке. Брат Александра Палеолога служил у молдавского господаря [32, p. 379]. Вероятно, Иеремия Могила рекомендовал его Гази II Гирею хану. Александер Палеолог состоял на дипломатической службе крымских ханов до 1617 года [52, p. 42, nota 40]. В турецких и немецких источниках его часто называют только по имени.

Гирей со своей армией зимовал на юге Венгрии. Здесь его посетил Мозеш Секель, трансильванский претендент на трон, чтобы обеспечить поддержку хана. В своем письме, сохранившемся в венгерском оригинале, хан приказал трансильванцам признать своим князем Мозеша Секеля, угрожая наказанием в противном случае¹⁰. Десять лет спустя самый значительный князь Трансильвании, Габор Бетлен (1613–1629), приобрел престол благодаря своим хорошим связям в Порте и был возведен на трон с помощью турецких и татарских войск. Татар возглавил калга, Шахин Гирей. В 1625 году в своем письме, сохранившемся в венгерском переводе, Шахин Гирей упоминал Бетлена и то, что при вступлении на трон в 1613 году Бетлен пообещал ему пять тысяч золотых за помощь. Бетлен дал даже расписку о долге при условии, что эту сумму калга не будет воспринимать ежегодной данью. Несмотря на это, в своем письме Шахин Гирей хотел напомнить то, что якобы эти пять тысяч золотых были оплачены уже во времена Гази II Гирея. Поэтому он ожидал, что Бетлен будет платить ему пять тысяч золотых ежегодно либо через его посла, либо через трансильванского резидента – дипломатического представителя, постоянно находившегося в Стамбуле. Шахин Гирей подробно перечислял, что он просит у князя в счет долга: белый шелк, расшитый серебром, бархат различных цветов и качеств, пурпур, атласный шелк всех цветов стоимостью полторы тысячи золотых; scarlatовое (ярко-красное) сукно стоимостью в пятьсот золотых; добротный порох стоимостью в тысячу золотых; а остальные две тысячи золотых в деньгах¹¹. Пять тысяч форинтов были довольно большой суммой, поскольку в это время Трансильвания ежегодно платила Порте харадж в сумме десять тысяч золотых¹². Однако Бетлен не спешил выполнить свое обещание. Так как после антиосманского восстания в Крыму (1624) с вступлением на трон Джанибек Гирея в 1628 г. Шахин Гирею пришлось бежать к персидскому шаху, а в следующем году умер и Бетлен, мы не знаем, получил ли калга вообще обещанную ему сумму.

К середине XVII в. усиливается татарское давление в регионе. В эти годы в Стамбуле господствовали слабоумные или не достигшие совершеннолетия султаны. Пользуясь ситуацией, не только крымский хан, но и трансильванский князь, Дьёрдь II Ракоци (1648–1657, 1659–1660), старался подчинить своему господству соседнюю Валахию и Молдавию. В 1651 г. он вступил в союз с Матеем Басарабом (1632–1654), господарем Валахии, против Василия Лупу (1634–1653), господаря Молдавии. Лупу был изгнан из страны, и на трон посадили Георгия Стефана (1653). В мае 1653 г. Лупу с помощью казац-

¹⁰ Arhivele Naționale ale României – Sibiu. Fond Magistratul orașului și scaunului Sibiu. Colecția de documente medievale U V, Nr. 955. Встреча действительно состоялась, об этом упоминает Ибрахим Печеви [62, p. 267–268].

¹¹ Шахин Гирей калга к Габору Бетлену 10 Марта 1625 г. MNL OL, Budapest, R 210-2-30-No. 2

¹² Дань Трансильвании османскому султану была установлена ежегодно в сумме 10 000 венгерских золотых, которая была уплачена первый раз в 1543 году. С возведением на польский трон Иштвана Батори (1575) она увеличилась до 15 000 золотых, но в начале XVII века из-за разрушений пятнадцатилетней войны она уменьшилась снова до 10 000 золотых. В первой половине XVII века дань колебалась между вышесказанными суммами. В результате смуты после неудачного похода Дьёрдя II Ракоци против Речи Посполитой в 1658 году дань была повышена до 40 000 золотых и сохранялась в таком объеме до конца столетия [28].

кого войска вернул себе господарский трон. Татары в это время, будучи в союзе с казаками, стояли за Лупу, а Польша, Трансильвания и Валахия – за Георгия Стефана. Дьёрдь Ракоци послал армию под командованием Яноша Кеменя, которая одержала победу над молдавско-казацкими силами. В июле 1653 года при помощи трансильванцев и валахов Георгий Стефан (1653–1658) вторично занял престол Молдавии [41, р. 233–236.]. Таким образом, из-за вмешательства в дела Валахии и Молдавии имело место столкновение интересов хана и князя, потому что оба старались добиться контроля над воеводствами. В том же году Ракоци получил угрожающее письмо от Мухаммед Гирея из Крыма: «Валахия является вассалом его величества Падишаха, поэтому никому нельзя вмешиваться в дела ее господаря (*бек*) и подданных. Когда мой ярлык дойдет до вас, приказываю прислушаться к моим словам. Уберите руки от Валахии и разорвите с ней все отношения». Получив ярлык хана, князь лаконично написал свое мнение на бумаге ярлыка на венгерском языке: «Нам велит наш могущественный господин, император турецкий, а не татарский хан»¹³.

Однако вскоре трансильванский князь испытал на себе силу крымского хана. В 1657 г. некоторые польские протестантские аристократы предложили Ракоци польскую корону, а он, выступив в поход в союзе со шведами и казаками, вмешался в первую Северную войну. Но Ракоци неправильно оценил соотношение сил как внутри Речи Посполитой, так и на международной арене. В противовес шведско-трансильванско-казацкому альянсу вскоре был создан союз Дании, Габсбургов, поляков и татар. Усиление трансильванского князя не входило ни в чьи интересы: ни Габсбургов, ни османов, ни татар. Мухаммед Гирей по приказу султана, но и при поддержке императора, сам отправился в поход с нуредином Адиль Гиреем, с крымскими и с аккерманскими татарами. Под угрозой нападения татар Ракоци был вынужден уступить и просить мир у Речи Посполитой. Свое войско он оставил на главнокомандующего Яноша Кеменя, и сам бежал в свои владения в Венгрии. 31 июля под Трембловом татары окружили его войско и под предлогом переговоров выманили Кеменя из лагеря. Касательно этих событий сохранилось письмо нуреддина Адиль Гирея Кеменю в венгерском оригинале. Из письма видно, что Кемень вышел из лагеря под гарантию нуреддин султана, но как только он оставил свое войско, татары напали на лагерь и взяли в плен трансильванцев. Кемень сам был взят в плен у шатра нуреддина. Адиль Гирей в тот момент находился у хана, чтобы сообщить ему известие о начавшихся переговорах¹⁴.

Османский султан Мехмед IV (1648–1687) велел наказать непослушного вассала и под руководством Кёпрюлю Мехмеда послал значительную армию в Трансильванию. К нему присоединились и татары под командованием Мухаммед Гирей хана. На место князя Ракоци, попавшего в немилость, великий

¹³ «Eflâk eyâleti se'âdetlü pâdişâh-i rûy-i zemîn hazretleriniñ re'âyâsidur öyle olicak Eflâk begine ve re'âyâsına bir kimesneniñ 'alâka etmesi lâzım olandan degüldür buyurdum ki emrim vusûlinde bu günden soñra sözimüzi dinleyüb ve eliñi çeküb Eflâkdan kat'î 'alâka edesiz». MNL OL, (Magyar Nemzeti Levéltár, Országos Levéltár, [Венгерский Национальный Архив, Государственный Архив]) Budapest, E 190-b- 15-No. 5.

¹⁴ MNL OL, Budapest, F 126-a-1-No. 7. Так как письмо было написано в татарском лагере, с большой вероятностью можно полагать, что в ханской канцелярии работали писцы, владевшие венгерским языком.

визирь назначил Акоша Барчаи [68, р. 51–68]. Мухаммед Гирей посредством своего письма к императору Леопольду I хотел вмешаться в политику венского двора и выразил свое желание поддержать турецкого кандидата на трон Трансильвании: «Если вы хотите быть в дружбе с вашим величеством (т.е. с турецким султаном) и нами, тогда отнеситесь враждебно к вероломному, мятежному Дьёрдю Ракоци, а Акошу Барчаи, которого мы поддерживаем, помогите»¹⁵.

Император, однако, действовал с точностью наоборот и поддерживал Яноша Кеменя, который после двух лет рабства за огромный выкуп освободился из Крыма [37, р. 193–218]. Кемень был самым талантливым политическим деятелем и удачным военачальником своего времени. Свою карьеру он начал при дворе Габора Бетлена, активно служил и двум князьям Ракоци. Он противостоял турецкому ставленнику Акошу Барчаи и, когда был избран князем Трансильвании (1.1.1661), заставил убить его. Порта не признавала Кеменя и не утвердила его на троне. Причиной этого были его прогабсбургские настроения и то, что Порта не хотела видеть на троне Трансильвании бывшего раба крымского хана. Турецкие войска вторглись в княжество, и по требованию Кёсе Али паша 14 сентября страна избирала нового князя в лице Михая Апафи. При поддержке турецких отрядов Апафи удалось победить Кеменя, погибшего во время сражения.

Итак, с 1541 до 1660-х годов прошло более столетия, но за это время ни османы, ни Габсбурги не были достаточно сильными, чтобы владеть *исключительно* столь небольшой страной. Однако каждый был достаточно силен для того, чтобы успешно мешать в этом другому. Начиная с назначения на престол Трансильвании князя Михая Апафи (1661–1690), страна окончательно оказалась в сфере влияния Османской империи. Вскоре после вступления на трон он получил наставление от самого влиятельного человека в Крыму – от Сефер Газы ага, визира хана:

«Теперь самое важное – быть верным [...] если вы будете верны, то мы постараемся вам помочь всеми средствами и в делах, касающихся нас, и в делах в Порте. Слава Богу, вы не такой человек, как другие. Вы побывали в Крыму, вы человек умный. Наш могущественный хан не оставляет своих доверенных. Выражайте покорность, и если Милостивый Бог пожелает, Вы можете рассчитывать на его (т.е. хана) помощь и поддержку»¹⁶.

Тридцать шесть татарских документов, адресованных Апафи ханами или знатью ханства, подтверждаются, что за все время своего правления князь состоял в связи с Крымом. К этому надо добавить, что Апафи также провел три года в неволе в Крыму, был рабом Караш бека, коменданта Ор Капы [11,

¹⁵ «Taraf-i hümâyûna ve bu cânibe dostlık murâdınız ise Râkôçî Görgî dedikleri hâ'in-i 'âşîya 'adâvet edüb Bârçây Yâqoş tarafımızdan düşen hizmetine mu'âvenet etmeleri mercûdür». AT-OeStA/HHStA, (Austria-Österreichisches Staatsarchiv, Haus-, Hof und Staatsarchiv) Wien, Ungarische Akten, Allgemeine Akten, (1660–1669) Fasc. 176. Konv. C. fo. 97.

¹⁶ «Hemân lâzîm olan sadâkat üzere olmakdır [...]siz istikâmet üzere olursañuz gerek bu tarafa düşen hizmetiñüz dir ve gerek âsitâne-i se'âdet tarafına olan maslahatıñuzdır her vech ile mu'âvenet mukarrerdür el-hamdu llâhi ta'âlâ siz gayrılar gibi degilsiz Qırımı görmüş siz ve ber 'âqil âdem siz şevketlü hân efendimiziñ me'nûsları elden bırakmayup 'arz-i 'ubûdiyyet izhâr eylesiz in şâ'a llâh er-rahmân her husûsda mu'âvenet ve mezâheret etmeleri muhakkaktır». ANR (Arhivele Nationale României [Румынский Национальный Архив]) Bucureşti, Documente turceşti XXII. 2104.

о. 84, 93]. По свидетельству его дневника, он и после своего избрания князем поддерживал контакты со своим бывшим хозяином и даже его сыном¹⁷. После смерти Апафи у татар появилась еще одна возможность повлиять на трансильванскую политику, когда они из Турции привели на трон турецкого кандидата – Имре Тёкели. Несмотря на турецко-татарскую поддержку, он смог продержаться на престоле лишь один месяц (с 22 сентября по 25 октября 1690 г.). С подписанием Карловицкого мирного договора (1699) Трансильвания освободилась не только от турецкого вассалитета, но и от вмешательства татар в ее внутреннюю политику. Заключенный в следующем году Константинопольский мирный договор освободил Российское государство и Речь Посполитую от ежегодной выплаты дани крымскому хану [10]. Таким образом, начиная с XVIII в. политическая сфера влияния ханства в Восточно-Центральной Европе ограничилась Молдавией и Валахией. Для ханства они являлись как бы компенсацией потерянных экономических средств, вследствие чего они облагались тяжелыми налогами со стороны татар.

Финансовый аспект политики Крымского ханства в Восточно-Центральной Европе

Налогообложение вассальных государств Османской империи со стороны татар до сих пор не было предметом тщательного исследования. Мне известны всего две статьи по этой теме: статья Василия Михордеа (Vasile Mihordea) с обильными сведениями на румынском языке [54, р. 1069–1095] и статья молодой исследовательницы, Серджан Осман (Sergean Osman), на английском языке [58, р. 111–123]. Приступая к рассмотрению этой темы, нам надо четко определить разницу между денежными средствами и другими надбавками, предоставляемыми татарам правителями Трансильвании, Молдавии и Валахии. Следует различать налоги и обычные или случайные подарки, выплаты за интронизацию или за вспомогательные войска, экстраординарные выплаты и повинности в натуральной форме. Далее нам нужно уточнить: что мы разумеем под налогом (трибут, дань), на каких юридических основаниях правители этих стран были обложены налогами, с какого времени, в каких размерах и как долго их платили?

Дарение и получение подарков было жестом дружбы и выражением взаимного уважения. Посольства не отправлялись без подарков. Однако, согласно турецко-исламской концепции доминирования в мире, исключавшей равенство с немусульманами, это означало предлагать или принимать вассалитет. В связи с этим вызывает интерес письменное донесение стамбульского резидента (представителя) императора Фердинанда III (1637–1657), Йоханна Рудольфа Шмидта (Johann Rudolf Schmidt), и придворного переводчика, Михаила Д'Аскуира (Michael D'Asquier), в котором они в 1637 г., ещё в начале татарско-габсбургских дипломатических отношений, советовали: «Да будут татарские послы вскоре отправлены обратно неудовлетворенными, чтобы их ежегодный визит в Вену не стал обычаем и чтобы посланные императором подарки не воспринимались ханами как ежегодный трибут»¹⁸. Однако совет

¹⁷ Ахмед мирза ибн Караш к Михаю Апафи, без места и даты (1662?). ANR București, Documente turcești XXII. 2115.

¹⁸ AT-OeStA/HHStA Wien, StAbt (= Staatsabteilung), Türkei I Turcica, Karton 114. (1635–1639) fo. 131–133: «Die tartarische Gesandte baldt von hier zu expedieren und mit schlechter

не был услышан. До второй осады Вены татарские послы постоянно посещали императорскую столицу во второй половине XVII в. и делали это ежегодно [6, с. 226–236]. Среди подарков, отправленных из Вены в Крым, были позолоченные серебряные посуды, кувшины, бокалы, бутылки, чайники, серебряный умывальный кувшин с тазом, сукно и иногда роскошные часы. Последние были посланы в 1656 г., когда венский двор, из-за северной войны [57], рассчитывался за помощь татар против князя Дьёрдя II. Ракоци. Следует отметить, что в этот раз хан, калга и нуреддин получили двойные подарки от Фердинанда III: один раз как от императора императора, один раз как от венгерского короля в размере 2103 золотых¹⁹. В конце дипломатических сношений, в 1682 г., дань давалась в меньшем размере – 1388 золотых²⁰. Конечно, возможность стать данником крымского хана не угрожала императору, но в случае османских вассалов развитие шло в этом направлении, и случайные подарки превратились в обычную дань.

От трансильванских князей ханы требовали в подарок серебряные бокалы, ценные ткани, иногда панцирь (*cebe*) или пистолет (*el tüfenki*), и даже гаубицу, которая могла стрелять ядрами размером с гусиное яйцо²¹. В 1621 году, когда Бетлен особенно нуждался в помощи татарских вспомогательных войск, он послал со своим послом, Балажом Харастоши, калге Девлет Гирею «тележку с шестью лошадьми, чтобы на ней ночевать, два бокала, чтобы пить из них сербет в пути, меч и кирку, чтобы срывать своих врагов со спины лошади, и панцирь» [67, о. 287–290]. Из румынских стран вначале подарками являлись мед и лошади, но чаще всего – деньги²². Достоверные данные мы имеем только с конца XVII в., но, тем не менее, сложно установить, являлись ли деньги подарком или уже данью.

Случайные подарки

Ни трансильванские князья, ни господари Молдавии и Валахии не были избавлены от того, чтобы в разных случаях предоставлять деньги или другие подношения татарам. Деньги отправлялись в Крым:

1. если они хотели добиться чего-либо в Порте;
2. если татары содействовали в их возведении на трон;
3. если они нуждались в татарских вспомогательных силах;
4. или если они хотели, чтобы татарское войско во время своих кампаний не передвигалось через их страны.

ihrer satisfaction damit sie nicht eine jährliche Gewohnheit aus solcher Schickung machen und die freiwillige dana zu einen Tribut interpretieren».

¹⁹ AT-OeStA/HHStA Wien, HA(=Hofkammerarchiv) OMeA (=Obersthofmeisteramt) ÄZA (= Ältere Zeremonialakten), 1562–1836. 5–14. Fol. 294–295. 13 июля 1656 г.

²⁰ AT-OeStA/ FHKAA(=Finanz. und Hofkammerarchiv) SUS (=Sonderbestände, Sammlungen und Selekte) RA(=Reichsarchiv) 271.1. Tatarei (1599–1682), Fol. 668–674. Апрель 1682 г.

²¹ Шахин Гирей калга к Габору Бетлену 10 марта 1625 г. MNL OL R 210-2-30-No. 2; Джанибек Гирей хан к Габору Бетлену 21–30 августа 1629 г. MNL OL F 126-a-1-No. 2.

²² С Валахии: «beher sene Tatar hânlarına birer hinto araba yükü envâ'i hedâyâlar ile elli re's yorga bârgir ve yigirmi kise nükûd gönderildikden mâ'adâ ...» [17, p. 183–184]. С Молдавии: «her sene elli fici bal ve elli fici yağı ve yüz re's bârgirlar hânlarâ hedâyâ gitmek cümle Süleymân hân kânûn edüp kânûn-i Süleymân hân câridır» [16, p. 181].

1. Самые ранние данные о ходатайстве хана в Порте сохранились в румынской летописи Мирона Костина. Те семь молдавских деревень, которые были переданы хану Иеремией Могилой (упомянутые выше в связи с Цецорским договором), должны были способствовать тому, чтобы Могила добился права на пожизненное правление. Почти сто лет спустя после смерти валашского господаря, Щербана Кантакузина (28 октября 1688 г.), румынские бояре, согласно Кантакузинской летописи, отправились в Крым, чтобы приобрести поддержку крымского хана для назначения Портой на воеводство Константина Брынковяну (1688–1714). Французский источник говорит о том, что в этот раз бояре взяли с собой 200 мешков денег²³, то есть 100 000 талеров для хана. Однако румынский историк Михордеа считал это преувеличением [54, р. 1074–1075]. Но эта сумма служила не только для достижения благожелательности хана. Она являлась и откупом от зимовки татар на территории Валахии и способствовала устранению угрозы со стороны Имре Тёкёли [33, р. 275]²⁴.

Знаменитые братья Антиох Кантемир (1695–700, 1705–1707) и Димитрий Кантемир (1693, 1710–1711) получили трон Молдавии благодаря крымскому хану. Французские дипломаты в Константинополе видели в Антиохе креатуру татарского хана, а о Димитрие говорили, что он стал молдавским господарем по рекомендации шведского короля Карла XII (1697–1718) и крымского хана Девлет II Гирея (1699–1702, 1709–1713) [33, р. 352, 395]. В назначении Димитрия содействовали его покровители в Порте: Давул Исмаил эфенди, представитель (*kapı kethüda*) хана, и Латиф Челеби. Оба они были любителями музыки, по требованию которых Кантемир написал свой трактат об османской музыке, посвященный султану Ахмеду III [61, р. 219].

2. О выплатах за возведение на трон в случае Иеремии Могилы и Габора Бетлена выше уже говорилось. Если сравнить обещанную Бетленом сумму 5000 золотых (10 000 талеров) с суммой 200 мешков денег (100 000 талеров или 50 000 золотых) за воеводство Брынковяну, то разница будет большая. Однако надо иметь в виду что между двумя событиями прошло почти сто лет, в течение которых международная обстановка изменилась.

3. Татарские вспомогательные силы часто использовались вассалами Порты. Трансильванский князь, Габор Бетлен, преследовал как внутреннеполитические, так и внешнеполитические цели при использовании турецких и татарских войск. Во время тридцатилетней войны в коалиции с Чехией Бет-

²³ Один мешок (*kese*) содержал 500 единиц денег. Михордеа употребляет слово «лей» (< леу, «лев») в значении *львиный талер*. Румынский лей был введен в обиход только в 1867 году [2].

²⁴ Доношение Вонера (Wohner) в Министерство иностранных дел Франции от 5 марта 1689 г. Вонер был одним из европейских врачей, практиковавших в Стамбуле. У него был прямой доступ к великому визирию, членов семьи которого он также лечил. Его настоящее имя и национальность не известны. По словам Уильяма Трамбалла (William Trumbull), английского посла в Стамбуле, Вонер говорил на одиннадцати языках (среди них на венгерском) и также был хорошим знатоком алхимии. В Стамбуле он поддерживал контакты с агентами Тёкёли [24, р. 114–115]. После смерти французского посла Пьера Жирардена (Pierre Girardin, до марта 1689 г.), до прибытия нового посла, Пьера-Антуана Кастагнери де Шатонеф (Pierre-Antoine Castagnery de Chateauneuf), он исполнял функции информатора французских иностранных дел. Предположительно, новый французский посол обвинил Вонера в шпионаже, вследствие чего великий визирь казнил его.

лену удалось занять большую часть Королевской Венгрии²⁵. В августе 1620 г. он был избран королем Венгрии. Через год из-за поражения чехов в битве на Белой горе и вследствие изменений политических условий он должен был отказаться от венгерской короны и в декабре 1621 г. заключить мир с Фердинандом II (1617–1619, 1620–1637) в Николсбурге. Успешному заключению мира содействовали слухи о приезде к Бетлену татарских вспомогательных отрядов, которые были важны для него не только из военных, но и из психологических причин. Это ясно видно из письма Бетлена к будинскому паше, в котором он советовал следующее: «Пусть будут татары у него (т.е. у будинского пашы), если он призовет четыре тысячи татар, в молве они будут насчитывать четырнадцать тысяч. В присутствии четырех тысяч татар паша сможет достигнуть больше в заключение мира с немцами, чем с двадцатью тысячами турецких войск, так страшатся немцы татар. Мы это сами испытали на себе: если бы те немногие татары не приехали, мы не могли бы заключить мир с немцами» [67, о. 410].

И действительно, в этот раз психологическая война принесла больший успех, чем военная сила. События этого года хорошо описаны в источниках, которые дают нам возможность реконструировать весь процесс использования татар. В апреле Бетлен направил своего посла, Балажа Харастоши, в Крым, чтобы просить 15 000 хорошо вооруженных татар, за которых он обещал 10 000 венгерских золотых форинтов [67, о. 287–290]. Примечательно, что в инструкции Бетлен велел послу не продолжать путь в Бахчисарай, если он найдет калгу в Аккермане. Это предполагало, что согласие хана необязательно требовалось для отправки татарских вспомогательных войск: калга мог решить это сам. Наверное, в это время ни в Крыму, ни в Трансильвании еще не знали о предстоящей кампании турецкого султана Османа II (1604–1622) против крепости Хотина, для участия в которой были приглашены Джанибек Гирей хан и Кантемир мирза, лидер буджакских ногайцев. Так как военный потенциал ханства был скован неудачной осадой Хотина (со 2 сентября по 9 октября 1621 г.), вспомогательные отряды татар могли отправиться только в начале месяца зилхиджа, то есть между 17–26 октября. Командующим был Джелал мирза, по всей вероятности, из знаменитого рода Ширина, так как на оборотной стороне своего письма, содержащем его известие о приближении к границе Трансильвании, стояла миндалевидная печать²⁶. Однако Бетлен уже в октябре был вынужден начать переговоры о мире с уполномоченными представителями императора и поэтому повелел своему брату, Иштвану Бетлену, который в его отсутствие правил страной, заблокировать перевалы Карпатских гор и не пустить ни одного татарина в Тран-

²⁵ Королевская Венгрия (в османских документах «Юкару Маджар», от венгерского «Верхняя Венгрия») являлась названием северной части средневекового Венгерского королевства (ныне Словакия), которая после 1526 г. осталась неоккупированной турками и вследствие Габсбургско-Ягеллонского соглашения (1525) перешла в руки Габсбургов. Члены дома Габсбургов были признаны королями Венгрии и короновались в городе Позонь (Pozsony/Pressburg/Bratislava), в столице Королевской Венгрии.

²⁶ «devletlü kirâl hazretleri pâdişâh hazretlerinden bir mikdâr tatar ‘askeri recâ eylemegin efendim seâdetlü hân-i a’zam hazretleri ol ecilden pâdişâh-ning recâsını kabûl edüb tatar ‘askerine bu muhibbiñüzi serdâr edüb mâh-i zi’l-hicce-ning evvelinde teveccüh edüb gelüriz in şâ’a llâhu ta’âlâ’i r-rahmân devletlü kirâl hazretlerine mülâkat müyesser olmak üzereyiz». Письмо Джелал Мирзы к Иштвану Бетлену. MNL OL Budapest, F 126-a-1-No. 1.

ильванию. Получив известие о прибытии татар, Бетлен отправил посла к Джелал мирзе с просьбой изменить маршрут. Он предлагал альтернативный путь по левому берегу Нижнего Дуная с проходом через Оршову (Orşova) и Сёрен (Turmu-Severin) и вступлением на османскую территорию у темешварского вилаета, с дальнейшей переправой через Тису у Солнока и соответственным прибытием в Королевскую Венгрию к крепости Уйвар (Érsekújvár / Nové Zámky). Он уполномочил посла обещать мирзе 1000 золотых, а второму после него лицу – 200 золотых. Эти суммы должны были быть переданы в Сёрене. Таким образом, хотя татары и прибыли в регион военных действий, они опоздали из-за обхода, а Бетлен уже заключил мир. При изложении событий 1621 г. я хотела бы указать на то, что в том случае, когда мы имеем столь точные сведения, к ним нужно относиться с осторожностью. Из обещанных 10 000 тысячи золотых татарам вручили всего 1200 золотых. Вместо 15 000 тысячи татар в действительности прибыли приблизительно три тысячи и в этот раз даже не принимали участие в военных экспедициях [55, с. 233–234].

Янош Кемень, в это время еще юноша, в своей автобиографии упоминает еще три похода трансильванских князей в союзе с протестантскими державами, в которых вместе с турками принимали участие и татары: в 1623 г. к Бетлену прибыли две–три тысячи татар под руководством Хаджике (Hacikei) паши, а три года спустя – только один батальон, даже не из Крыма, а из татар, размещенных напротив крепости Буды на равнине Пешта. Их привел некий Иван ага, вероятно, казак по происхождению. Хотя их было немного, они успешно изменили ход боя. Последний раз в Тридцатилетней войне, в 1645 году, в армии князя Дьёрдя I Ракоци (1630–1648) воевали татарские отряды. Кемень ничего не сообщает об их числе, но он был знаком с их лидером, Сан мирзой. Кемень высоко оценивал воинские качества мирзы, добавляя, что и мирза, и его татары боятся непривычных им огнестрельных орудий [43, с. 49, 68, 171].

Молдавские и валашские господа обычно использовали татарские отряды по внутреннеполитическим причинам. Дмитрий Кантемир в своем произведении *Описание Молдавии* говорит о двух, хоть и немногочисленных, корпусах татар в армии страны: литовские татары находились под руководством четырех или пяти капитанов и составляли отряды национальной армии, а в корпусе *бешли* использовались турки и татары для полицейских задач [7, с. 109–110]. Михордеа упоминает, что Матей Басараб, господарь Валахии, имел татарских наемников, но не указывает на их использование [154, с. 1073]. В большем масштабе татары появились у господарей только во время Великой турецкой войны. После поражения османов под Веной (1683) и Будой (1686) армия императора вместе с силами Священной лиги двигалась на юг. В 1688 году они захватили Белград, а через год уже стояли под Нишем. Австрийское военное начальство велело генералу Донату Хейслеру вести диверсионные военные операции из Трансильвании в Валахию, чтобы помочь Людвигу Баденскому завоевать Ниш и Видин. Императорские отряды под руководством генерала Доната Гейслера вторглись в Валахию, захватили Бухарест и пытались принудить господаря Константина Бранковяну оказать помощь Габсбургам. Господарь по совету турецкого султана обратился за помощью к крымскому хану. В августе 1689 года вместе с турецкими и татарскими вспомогательными отрядами в битве при Зернешть соединенные

отряды господаря Константина Бранковяну и князя Имре Тёкели одержали победу над армией Гейслера. Генерал был взят в плен. Однако победа стоила дорого. Хотя в этот раз сам Бранковяну призвал татар, они за 23 дня полностью разграбили страну.

4. Во время османских походов татарские войска передвигались в регионы военных действий через Карпатские горы или по нижнему Дунаю. В 1594 г. они прошли через так называемый Татарский перевал в Восточных Карпатах и вышли на равнину, следуя по течению Чёрной Тисы, притока реки Тиса. В XVII веке больше всего они использовали Димешский перевал и долину реки Татрош (*Trotuş*), притока реки Сирет, или долину реки Талажин (*Teleajen*), левого притока реки Прахова. В Южных Карпатах они предпочитали перевал Бузау и долину реки с тем же именем, другого притока реки Сирет. Однако самый легкий путь вел через Буджак, Татарбунары, а потом – по левой стороне Нижнего Дуная до Белграда, где они соединялись с турецкой армией. Движение татар в большинстве случаев сопровождалось опустошением территории. Хан осознавал, что он не мог воспрепятствовать грабежу со стороны рядовых воинов, так как для них поход имел экономическую значимость. Это отчетливо видно из инструкции Гази II Гирея своему послу, направленному в Порту: «Если бы я вошел в Добруджу, то за десять лет она не смогла бы прийти в себя. Валахия и Трансильвания также будут разрушены и станут необитаемыми в течение многих лет. Спешите вернуться с указанием, какой маршрут будет правильным» [66, р. 748]. Неудивительно, что и князья, и господари старались подкупить лидеров татарских вспомогательных отрядов, чтобы те изменили маршрут в ущерб другим. Мы уже видели выше один пример 1621 года. Однако не всегда было возможно направить татар в обход. Так, во время венской кампании 1683 года не просто вспомогательные отряды, а целая татарская армия под руководством Мурад Гирей хана и его двух сыновей собиралась пройти через Трансильванию. Апафи, узнав о предстоящей войне против Габсбургов, направил своего посла к хану с просьбой не проходить через Трансильванию. Он, тем не менее, получил отрицательный ответ 5 мая 1682 г. от визира хана, Ахмед ага:

«Вы просили идти вдоль Дуная, а не через Трансильванию. Ваша просьба была принята нашим господином [т.е. ханом], но за два дня до прибытия вашего посла прибыл посланник по имени Бекир ага с письмом от его величества, от могущественного великого визира, в котором было указано: “пересекая перевал и реку Телеажена, вступите в Трансильванию, пройдите через [города] Брашов, Янова, Сибин, Сонлук, и встретимся на равнине Пешта напротив Буды”. Так как путь был предписан со становища на становище, идти по другому пути невозможно, придется проходить через Трансильванию»²⁷.

Положение оказалось особенно тяжелым во время Великой турецкой войны, когда в течение почти двух десятилетий (1683–1699) татарские войска постоянно маршировали через эти три страны. Трансильвания пострадала меньше, так как после поражения османов в битве при Мохаче, вернее, у селения Надьхаршань (1687), Михай Апафи признал зависимость Трансильвании от Австрии в 1688 г., вследствие чего императорская армия оккупировала самые важные крепости страны. Молдавские и валахские господари в свою

²⁷ Ахмед Ага к Михаю Апафи, 5 мая 1682 г. MNL OL Budapest, F 126-a-No. 7.

очередь еще долгое время не могли освободиться от соответствующих выплат. Например, в 1694 г. визиру хана было вручено в Белграде 1433 талеров, чтобы татары не возвращались через Валахию в Крым. В 1698 г. по этим же причинам хан получил 1250 талеров [54, p. 1077].

Обычные подарки

Одним из обычных подарков являлся дар новому хану после возведения его на престол. Его постоянным компонентом был экипаж (*qoçi 'araba*), запряженный четырьмя или шестью лошадьми (в татарском языке *кочи* является заимствованием из венгерского *kocsi*). Джанибек Гирей хан в 1628 году, при возведении на трон в третий раз, в своем ярлыке к Бетлену просил экипаж с четырьмя лошадьми²⁸. Спустя сто лет, в 1725 году от молдавского господаря, Михая Раковицэ, Менгли Гирею II был послан такой же экипаж. К обычным подаркам могли добавляться и другие подношения: в случае с князьями – одна верховая и одна иноходная лошадь, разные ткани, а от господаря просили добавочно 30 мешков денег (15 000 лей). Для того чтобы выплатить повышенную сумму, Раковицэ пришлось взять деньги в долг у турецких ростовщиков [54, p. 1090]. После вторичного восхождения на трон тот же Менгли Гирей II (1737–1740) получил из Валахии экипаж (*moukamenikon kotzi*) с шестью лошадьми и одну соболиную шубу [50, p. 105]. Французский консул в Крыму, Клод-Шарль де Пейссоннель (Claude-Charles de Peyssonnel), в своей книге, написанной о торговле Черного моря, сообщает, что во время его пребывания в Крыму крымскому хану при его восхождении на трон были посланы от молдавского господаря экипаж (*carrosse attelé*) с шестью лошадьми и 2000 золотых (*sequin*), а от валашского господаря – 1000 золотых и такой же экипаж [64, p. 242–243]. К обычному, ежегодному дару калга султану, командовавшему буджакскими татарами, относилась соболиная шуба или ее денежный эквивалент [54, p. 1072]. Разные суммы регулярно посылались и по поводу праздников, которые назывались турецким словом *байрамлик*.

Подношения в натуральной форме

О натуральных налогах мы располагаем обильными сведениями из двух источников канцелярии валашского господаря Константина Брынковяну. Один из них, Кондика (*Condica de venituri și cheltueli a vistieriei*), является регистратором доходов и расходов казны за период 1694–1704 гг. Другой, так называемый Анатефтер княжеской казны (*Anatefter care s-au tăcut la vistierie*), содержит расходы от 1695 года и продолжается и после смерти Брынковяну (1714 г.) [25, p. 353–504]. Они хорошо дополняют друг друга. Привожу некоторые примеры из обоих.

Натуральные налоги платились во время больших походов. В июле 1694 г. для приближающей татарской армии надо было приготовить 2436 голов крупного рогатого скота и столько же овец, а для становищ (*konak*) хана и его свиты добавочно еще 800 голов крупного рогатого скота и 800 овец, все вместе – денежной стоимостью в 14 616 талеров [54, p. 1081]. Через год 2280 голов крупного рогатого скота и столько же овец было куплено для прокорма татар: скот – по 5 талеров, овец – по 1 талеру, в сумме – 13 680 та-

²⁸ MNL OL Budapest, F 126-a-No. 2.

леров [54, р. 1081]. В 1698 году Селим Гирей хан со своими тремя сыновьями были приглашены принять участие в очередной кампании. Татарская армия двигалась через Валахию в сторону Белграда. Для их пропитания понадобилось 2990 голов скота и овец. В этот раз голова скота оценивалась в 6 талеров, овцы оценивались как в 1695 году, а вся сумма насчитывала 20 930 талеров. В Анадефтере находится отчет за 1696 год (к сожалению, без цен), включающий в себя свечи, сухари и большое количество сливочного масла, белой муки, кофе и сыра, которые хан и его свита, вероятно, получили [54, р. 1083]. Можно было бы привести еще много таких данных о выплатах из вышесказанных источников, но тенденция и так хорошо прослеживается. Вместо этого здесь будет уместно привести расчет Михордеа, по которому в последнее десятилетие XVII века татарам выплачивалось, кроме дани, в деньгах и натуральном виде 203 324 талера только из Валахии [54, р. 1084]. Наконец, еще одно интересное сообщение. После отречения от трона последний крымский хан Шахин Гирей жил в разных городах России. В 1787 году он выехал в Османскую империю. Его путь проходил через Валахию. Господарь Валахии послал ему 400 овец, которые были забраны у трансильванских пастухов без оплаты, заявив, что они уже в любом случае были австрийскими подданными [54, р. 1093, nota 176].

В случае с Молдавией и Трансильванией таких источников не сохранилось, или они до сих пор не попали в поле зрения исследователей. Однако и эти страны не были освобождены от тяжелых выплат. Это подтверждает письмо (*name*) Мурад Гирея от 11 июня 1683 г. к трансильванскому князю Апафи: «Ваш боярин, несущий это величайшее письмо, и которого вы назначили быть с нами в пути, на основе дружбы заставил принести действительно много пропитания от становища к становищу (*menzil*), оказывал много услуг победоносному войску ислама, моей армии»²⁹. К сожалению, мы не знаем, из чего это пропитание состояло и сколько оно стоило, но можно предполагать такой же размер, как мы видели выше.

Трибут (дань)

В межгосударственных отношениях трибутом можно назвать только ту дань, которая была зафиксирована в письменной форме в двухсторонних договорах или в дипломатических документах, будучи уплачиваемой регулярно и носящей особое название. Как государство-преемник Золотой Орды, Крымское ханство сформировало право облагать данью Москву (с 1471 по 1700 гг.) и Польско-Литовское государство (1521–1700), количество и состав которой (денежные средства, ткань, меха и т.д.) были закреплены в мирных договорах и в так называемых *тыш-дефтерах* [36, s. 105–111; 10; 4, с. 3–11; 3, с. 688–738].

В случае румынских воеводств крымские татары могли сослаться на подобное историческое право. С одной стороны, как упоминалось выше, обе страны (т.е. Молдавия и Валахия) когда-то принадлежали к территории Золотой Орде [23], а с другой стороны, Молдавия могла облагаться налогом и по

²⁹ «dostliga binaen şahrah-i şevket-destgahımıza tayin etdigünüz işbu name-i hümayunresan boyarınız hadd-i zatında menzil be-menzil firavan zahireler görtürdüp ordu-yı zaferbuyumuzda olan asakir-i islam nusret-encama haylı murad ve hizmet gösterüb». MOL OL Budapest, F 126-a-No. 22.

праву меча, ведь в походе Сулеймана Великолепного, утвердившего вассальный статус страны, лично участвовал и Сахиб Гирей хан (1538–1551) со своим войском. Начало зависимости от татар и уплаты дани может быть датировано серединой XVI века в Молдавии и концом века в Валахии. По Кючук-Кайнарджийскому миру, заключенному в 1774 году, за Россией призналось право защиты и покровительства христиан в Молдавии и Валахии. Так как в 1783 году императрица Екатерина II аннексировала Крымское ханство, были аннулированы и налоговые обязательства румынских воеводств.

Источники

Самый древний слой документов крымскотатарского происхождения состоит из ярлыков, отправленных трансильванским князьям. Одна их часть находится в Румынском национальном архиве, другая часть была перемещена в Венгерский национальный архив в Будапеште еще до Первой мировой войны³⁰. Татарские ярлыки трансильванским князьям, хранящиеся в Бухаресте, датируются 1642–1686 годами³¹, а будапештские – 1621–1686 годами³².

Татарские документы с официальным и личным содержанием, касающиеся Молдавии и Валахии и сохранившиеся в национальном архиве или в других государственных публичных коллекциях Румынии, датируются лишь от 1746 года [27; 65]. Большая их часть состоит из переписки с местной знатью буджаских татар, но есть также документы от ханов. В них нет ни слова

³⁰ Архив трансильванских князей был частично помещен во дворце в Дьюлафехерваре (Alba Iulia), частично – в ризнице собора. В 1658 году, при получении сообщения о татарском нападении хранившиеся там книги и архивные документы были перевезены в крепости Себен (Hermannstadt/Szeben/Sibiu) и Дэва (Déva/Deva). Часть княжеского архива и библиотеки, оставшаяся во дворце, была замурована. То же самое было сделано в соборе, где один из каноников, самоотверженный Янош Папай, замуровался вместе с документами в ризнице, ожидая, что штурм татар скоро закончится. Однако татары обнаружили свежую кладку и разрушили ее. Так как вместо сокровищ они нашли только бумаги, они пришли в ярость, сожгли документы и книги, а Яноша Папай взяли в плен. В то время как татарские документы, использовавшиеся мною, были перевезены из города Себен в Румынский Национальный Архив в Бухаресте, исследование материалов, оставшихся в Себене, остается задачей будущего [48, о. 317; 40, о. 112–113].

³¹ Румынские соавторы, Н. Пиенару и С. Осман (Nagy Pienaru, Sergean Osman), считали ярлык номер 2088 самым ранним татарским документом в архиве Бухареста, который был составлен Фетх Гиреем без даты и адресата в Орду сарае [Эски Юрт?]. Они датировали его 1596 г. и приписывали хану Фетх Гирею, а адресатом называли трансильванского князя, Сигисмонда Батори [65]. Но в *тугре* читается Фетх Гирей султан, а в ярлыке Фетх Гирей называет себя не ханом, а калга султаном! Мы знаем двух калга султанов под этим именем: первый Фетх Гирей, сын Девлет I Гирей хана, был калгой в период с октября 1588 по 1596 г., а после битвы под Хаджовой (24–26 октября 1596 г.) на несколько месяцев занял ханский трон, но скоро Гази II Гирей заказал его убийство. Другой Фетх Гирей, сын нуреддина Чобан Девлет Гирея, был калгой между 1641 и 1644 годами. Несомненно, речь идет об этом последнем Фетх Герее. В 1642 году он отправил с ярлыком к князю Дьёрдю I Ракоци своего капы ага Муртазу (ANR Bucureşti, Documente Turceşti XXX 2371). Так как должность капы ага была создана в конце XVI века Гази II Гирей ханом, маловероятно, что она существовала при дворе калги Фетх Гирея, сына Девлет I Гирея.

³² Кроме этого, в венгерских городских архивах имеется еще дюжина охранных грамот, выданных во время походов между 1596 и 1690 гг. калгой, нуреддином или другими военными руководителями с целью защитить население султанских и бейлербейских хасс-городов Османской Венгрии, которые платили за защиту татарам довольно большие суммы [39].

о дани, тем более о подарках. За исключением вышеупомянутого Цецорского договора 1595 года, дань, уплачиваемая хану, не упоминается ни в одной мне известной румынской или татарской хронике.

В то же время приказные письма (*hüküm*) турецких султанов румынским господарям, а также европейские источники, говорят о дани, которую господарям надлежало выплачивать татарам, как в общем, так и называя конкретные суммы. Исходя из этого, известные историки-османисты признают, что оба воеводства были налогоплательщиками Крымского ханства [19, р. 57–76; 69, р. 681]. Как можно преодолеть это противоречие? Начнем с выяснения терминологии!

Терминология

В мирных договорах, заключенных с русскими и польскими правителями, дань, подлежащая уплате татарам, называется *hazine* («казна»), *ulug hazine* («большая казна»), *tiş, tiyiş* («дань-откуп»), *pişkeş* («подарок, подношение вышестоящему»), *vèrgü/vèrgi* («дань»); последние два термина чаще всего использовались для обозначения дани, уплачиваемой Габсбургами турецкому султану [63, s. 49–58]. Неслучайно, что слово харадж или джизье (подушная подать) не встречается в дипломатических документах христианских стран, ведь этот налог взимался только с немусульманских подданных Османской империи или с райя (*re'aya*) вассальных стран. Наши поиски слова харадж или джизье в румынских документах, связанных с татарами, оказались бы столь же напрасными, поскольку румынские воеводства были вассалами не крымских ханов, а турецких султанов, и платили харадж именно им.

В молдавских документах название дани, подлежащей уплате татарам, называется *banii mierii* («медовые деньги»). Его татарским эквивалентом является *bal akçesi* с тем же значением. Она собиралась со специальным агентом хана, *balcı başı* или *бал ағасы*, в натуре: из Валахии – сто, а из Молдавии – пятьдесят бочек (*fici*) меда³³. Предположительно начиная с XVIII века, она выплачивалась уже в деньгах, потому что ее новое наименование, *balcı başılık*, указывает на денежные средства, которые были переданы агенту хана в Яссах³⁴. В конце XVII века в отчетах канцелярии Валахии названием денег и даров, отправленных татарам, является *plocon* или с румынским суффиксом *ploconul*. Это название происходит из старославянского слова *поклонъ* – «челобитье, уважение, почетный дар» [8, с. 1108]. *Plocon* является эвфемистическим обозначением дани, точно так же, как словом *Verehrung* («почетный дар») австрийские дипломатические документы интерпретируют турецкое *vèrgü/vèrgi* («дань»). Однако в приказных письмах (*hüküm*) турецких султанов, посланных господарям, дань, уплачиваемая татарам, всегда называлась турецким словом *vèrgü/vèrgi*. Сумма не указывается ни в одном случае, и в них

³³ «Her sene Tatar Hân tarafından bir mirza ağa gelüp yüz fici bal tahsil edüp ağaya da on kise hizmet edüp Kırım'a ağa-yı mezbûru gönderirler bal ağası nâmında bir derâmedli ağalıktır» [17, p. 184].

³⁴ «... Vilâyet-i Boğdan'da kadimüleyyâdan beri Kırım Hânları ve kağılgay sultanlara *balcı başılık* tâbiri ile bir miktâr avâid verilmeğe mütad ve muayyen olup voyvoda olanlar avâid-i merkûmeyi kovan başına tevzî ve taksim edip Ağustos mevsiminde tahsil edegelmeleriyle...». *Atik Boğdanlu defteri* 7812, С. 8. Sene 1139, Rebiulâhîr sonları (26 Kasım–25 Aralık 1726) [69, р. 89].

упоминается только то, что господари по старому обычаю должны платить хану, калге и нуреддину.

Молдавия

Самый ранний султанский документ, в котором упоминается налоговая обязанность Молдавии, датируется последним годом правления Сулеймана Великолепного. В 1566 году Девлет Гирей хан (1551–1571) в своем письме к Порте сообщил о том, что он оказал военную помощь господарю Александру Лапушнеану (1552–1561, 1564–1568), взамен чего он просил по старому обычаю двойную сумму ежегодной дани с Молдавии³⁵. Однако господарь до тех пор все еще не выполнил его требования и даже задержал его посла. Поэтому султан Сулейман приказал господарю уплатить дань (*vèrgi*), которую он обыкновенно платил ханству, а также те суммы, которых он задолжал хану [54, р. 1079]. Наше следующее сведение о налогообложении Молдавии намного более позднее. Французское дипломатическое доношение 1721 года так описывает происхождение ежегодной дани (трибут) Молдавии: «молдавский господарь³⁶, чтобы предупредить отправку крымским ханом нескольких тысяч татар с целью ограбить его столичный город Яссы, дал несколько бочек меда, оседланного коня с конной упряжей, экипаж из четырех лошадей и несколько сотен дукатов, согласно традиции. Спустя некоторое время обычаем стал вместо этих даров отправлять в дань для хана ежегодно 12 мешок серебра (т.е. 6000 талеров)» [34, р. 22]. Итак, по сути, это подношение в натуральной форме послужило основой для позднейшей, регулярной платы – дани в деньгах.

Из расчетной книги молдавской казны за 1764 год можно узнать способ, которым собирались «медовые деньги». В этом году в главе «Доходы» указано 37 870 золотых, полученные из откупа десятины (*desetină*) ульев. К каждому золотому этой суммы было добавлено десять бань (*bani*), то есть 1893,5 золотых или 6457 леев (*lei*), представлявших обычную дань хану. В главе «Расходы» та же сумма, то есть 6457 леев, упоминается как *балджи башлик* (*balgi-başlicul*), отправленная хану и дополненная другими дарами, которые получали калга султан и татарская знать³⁷. Годом раньше из откупа десятины ульев в казну поступило 40 603 золотых, из которых медовые деньги платились в сумме 1993 золотых – приблизительно 6776 леев. Эти цифры очень близки к сумме во французском донесении [54, р. 1088–1089].

³⁵ В случае военной помощи, помимо обыкновенной дани, хан или калга могли требовать значительную прибавку, называвшуюся по-татарски «qoltqa», а по-русски «запрось» [36, s. 105–112; 3, с. 689, 723].

³⁶ Во французском донесении пишется «господарь Валахии» (*le Prince de Valachie*), но очевидно, что речь идет о Молдавии. Ошибку уже исправлял Михордеа [54, р. 1088].

³⁷ Метод расчета Михордеа не совсем ясен, поэтому я цитирую румынский текст: «În “sama visteriei Moldovei” pe 1764 este arătat modul cum se aduanu din impozit “banii mierii” păstrîndu-se o perfectă concordanță între denumirea obligației și sursa de procurare a banilor. Capitolul “Venitul desitinei pe stupi, cum s-a vîndut la cochî-vechi”, (licitație) pe județe, este notat la venituri cu 37870 de galbeni. La fiecare galben al acestei sume s-a adăugat cîte zece bani, adică 1893 1/2 galbeni sau 6457 lei, reprezentînd darea obișnuită, numai către persoana din fruntea statului tătăresc. La capitolul “cheltuieli”, al aceleași sămi, se menționează “balgi-başlicul”, adică darea pe miere, trimisă măriei sale hanului, 6457 lei».

Валахия

В случае Валахии первые налоговые данные относятся к 1692 году. Господарь Константин Бранковяну жаловался в Порте, что некоторые мирзы и занимающие какую-то должность лица из Крыма и Буджака требовали от подданных (*re'aya*) Валахии деньги, мех, упряжку, сукно и ткани в качестве подарков и незаконно отбирали их силой³⁸. Турецкий султан Ахмед II в своем ответном письме свидетельствует, что подданные Валахии регулярно выплачивали Османской империи подушную подать (*cizye*), а также другие налоги (*tekālif*), которые они были обязаны выплачивать. Кроме этого, крымскому хану, калга и нуреддин султанам также издавна и регулярно выплачивались свои дани (*vergüleri*). До тех пор не было принято требовать налогов без его (т.е. турецкого султана) приказа и притеснять их каким-либо образом. Поэтому султан приказал, чтобы в то время, как воеводы Валахии выплачивали по старому обычаю свои дани крымским ханам, калга и нуреддин султанам, другие не притесняли их особыми налогами (*tekālif*), требуя больше, чем было установлено старым обычаем³⁹.

Три года спустя⁴⁰ Селим I Гирей хан просил в своем письме к великому визирю оказать нужную помощь своему слуге, Ахмед аге, в пути туда и обратно, которого он отправил, «согласно старому чингизидскому обычаю», в Молдавию и Валахию (для получения дани)⁴¹. В этот раз нам повезло, потому что мы знаем, с чем Ахмед Ага вернулся к хану, по крайней мере, из Валахии. Согласно отчету казны за декабрь 1695 года, 4050 талеров *plocon* были выплачены в Крым. Из них: хан получил 1000 талеров в деньгах, сукно и ат-

³⁸ Суммируя стоимость подарков буджакским султанам, посланных за 11 лет, получается 16 268 талеров, то есть в среднем 1480 талеров за год [54, p. 1080].

³⁹ «İmdi sen ki voyvoda-i merküm ve memleket-i Eflâknîñ boyarları ve bil-cümle iş erlerisiz mu'tâd-i kadime üzere Kırım hanı olanlara ve kalgay ve nureddin olan sultanlara olagedüğü üzere virgülerinizi virdükten soñra sairler tarafından bu makûle tekâlif ile rencide ve taârruz olunmıyub mu'tad-i kadimden ziyâde bir şey mutalebe olunmamaları bâbında hüküm yazılmışdır» [21, p. 414–416].

⁴⁰ Письмо хана не датировано, но оно должно было быть написано после 15 октября 1695 года и до 28 мая 1696 года, исходя из событий, которые в нем упоминаются (две осады Азова). Адресатом был великий визирь Эльмас Мехмед паша (3 мая 1695 – 11 сентября 1697 года). В то время Селим Гирей уже третий раз занимал должность хана (1692–1699).

⁴¹ Французские авторы, опубликовавшие крымскотатарские документы из Архива Топкапы Сарая, не снабдили их транскрипцией. Данная часть в моей транскрипции звучит в их переводе следующим образом: «Benim sa'adetlü biraderim mu'tâd-i qadîme-yi Cingizî üzere Boğdan ve Eflaq taraflarına Aħmed Ağa bendeleri gönderilmişdir» («Mon bienheureux frère, ainsi que le veut la tradition gengiskhanide, votre serviteur Ahmed Ağa a été envoyé en Moldavie et en Valachie [pour y percevoir le tribute]») [49, p. 201–203]. Румынская тюрколог, Серджан Осман, транскрибировала, перевела и истолковала этот текст иначе: «Benim sa'adetlü biraderim şerefiye gengiziyye adedine Boğdan ve Eflak tarafına Ahmed Ağa bendenizi gönderilmişdir» («My blessed brother, according to the holy Cengizhan tradition, I have sent your serve, Ahmed Ağa to Moldova and Wallachia»). По её мнению, французский тюрколог, который перевел этот документ, произвольно дополнил предложение словами *pour y percevoir le tribute* – «для получения дани». Она хотела доказать, что Молдавия и Валахия не платили дань татарам, и поэтому выдвинула предположение, что переводчик воспринимал слово *tarafına* как *harac[ına]* и поэтому добавил «для получения дани» [58, p. 115]. По моему мнению, французские авторы не ошибались, правильно восприняли смысл документа и перевели его корректно.

ласный шелк стоимостью в 60 талеров, шубу соболя стоимостью 600 талеров, экипаж стоил 173 талера, а цена четырех лошадей для него – 86 талеров. Кроме того еще были отправлены: ткань (*diba*) для матери хана стоимостью 45 талеров, 300 талеров для визиря хана, ткань для визиря стоимостью 30 талеров, 90 талеров для ханского казначея, 150 талеров, разделенных на пять частей для меньших сановников хана (карачей?), 300 талеров в деньгах калге султану, шуба стоимостью 300 талеров калге султану, 90 талеров, распределенных в равной степени для 3 слуг [калги] султана, подарки для мирз, стоимостью 237 талеров, а 172 талера были оплачены за доставку *plocon* хану.

Проведя подсчет мы получим сумму 3633 талера, к которой добавилось еще 100 талеров «дополнения» (*scăzături*). Об оставшихся 317 талерах нет отчета [54, р. 1077]. Примечательно, что из 3633 талеров 1919 шло на долю хана, 600 – на долю калги, а на долю визира – 300; итого 2819 талеров, то есть эти три лица получали две трети часть дани. Если посмотреть на соотношение денежных средств к подаркам (ткань, экипаж, лошади), 1930 талеров относятся к 1531 талеру (расходы послов, 172 талера, я сюда не причисляю). С подарка доля хана составляла 919 талеров, и только 612 талеров были доставлены другим. Тем не менее описанный здесь *Plocon* составлял лишь одну пятую от суммы, которую татары получали из Валахии в течение года. Согласно отчетам казны, в 1695 году в Крым утекало 21 849 талеров в деньгах, подарках и снабжении, что соответствует 14 566 золотым [54, р. 1078]⁴².

С 1699 года известна сумма дани калги, которая составляла 750 талеров. Из них 300 талеров – наличными деньгами, столько же стоила шуба соболя мехом; отправленные сукно и атласная ткань стоили 30 талеров, а посол, который прибыл за данью, получил также 30 талеров. Об оставшихся 90 талерах нет отчета [54, р. 1077]. Основные тенденции хорошо иллюстрируются двумя приведенными выше примерами: хан обычно получал 1000 талеров наличными деньгами и соболю шубу стоимостью 600 талеров, в то время как калга получал 300 талеров наличными, а ценность его соболей шубы составляла лишь половину стоимости шубы хана. Примечательно, что нуреддин, другой соправитель хана, не упоминается в отчетах казны. В своей статье Михордеа перечисляет отчеты за несколько лет, которые невозможно рассмотреть здесь в подробностях. Однако цифры хорошо показывают денежное бремя страны: например, в 1694 году были уплачены шесть *Plocon* в сумме 22 403 талера или 14 935 золотых. На рубеже XVIII–XIX вв. 117 651 талер покинул страну за 11 лет, в среднем – 10 700 талеров в год [54, р. 1078].

Среди опубликованных документов из Архива Топкапы Сарая можно найти еще две грамоты, которые также подтверждают налогообложение господарей. Один из них – отчет Хасан кетхюды, адресованный Порте в ноябре 1653 г. Хасана отправили в Молдавию посадить на трон Георгия Стефана, нового молдавского господаря. Во время его пребывания из Крыма прибыл ага с пятью–шестью татарами за данью для хана [49, р. 189]. В другом документе Стефан Раковицэ (1764–1765) сообщает крымскому хану, Селим III Гирею, что дань (к сожалению, без уточнения суммы) была полностью отправлена в Крым [49, р. 245].

⁴² В Анадефтере венгерское золото оценивалось в полтора талера. В Валахии талер и лей и в Молдавии лей и турецкий пиастр (гуруш) были эквивалентны.

Размер дани уточняется и в европейских источниках. Французский врач Ферран (Ferrand), служивший у нескольких ханов в начале XVIII века, полагал, что Молдавия и Валахия ежегодно посылают хану около 20 000 талеров (*escu*) [54, р. 1086, nota 120]. Более конкретные суммы указываются только в вышеназванной работе Пейссоннеля, которая и является источником для международной исторической литературы. Французский консул провел 35 лет в важнейших торговых центрах Османской империи, из которых три года, с 7 ноября 1754 до октября 1758 г., жил в Крыму [53, р. 490–492]. Он мог непосредственно осведомиться и получить информацию. Достоверность его данных подтверждается тем фактом, что при описании доходов крымского хана Пейссоннель называет дань с воеводств *bal akçesi*, то есть крымскотатарским термином того времени. Из Молдавии хану причиталось 8000, калге – 2500, нуредину – 1000, беку крепости Перекопа (*Or begi*), охранявшему въезд в Крым – 300, а визиру хана – 500 талеров; в общей сложности – 12 300 серебряных талеров. Из Валахии хан получал 4000 талеров, калга – 1000 талеров, нуредин – 500 талеров⁴³, а бек перекопский – 150 талеров; то есть доход из Валахии равнялся 5650 серебряных талеров [64, р. 241, 254, 256; 54, р. 1090].

Таким образом, в середине XVIII века два румынских воеводства обогатили крымского хана, его соправителей и государственных деятелей на 17 950 талера. К этому еще добавились подарки, из которых Пейссоннель называет только дары, процитированные нами выше, при вступлении на трон хана. Приведенные здесь цифры показывают, что на Молдавию, которая была непосредственно подвержена татарским нападениям, ложилось почти вдвое большее бремя, чем на Валахию.

Трансильвания

В случае Трансильвании, третьего европейского вассала Османской империи, татары не могли ссылаться на историческое право, так как до 1541 года, до захвата Буды Сулейманом Великолепным, Трансильвания являлась органической частью Венгерского королевства. Конечно, это не означало, что ханы не пытались заставить князей платить дань, как я упоминала выше в связи с Габором Бетленом. На данный момент мне известны еще две такие попытки – одна прямая и одна косвенная – в середине XVII века. В венгерском переводе сохранилось недатированное письмо Мехмеда IV Гирея, предположительно от 1653 года, в котором он привлекает Дьёрдя II Ракоци к ответственности за его поход в Валахию, что хан считал вмешательством в свою сферу интересов: «Войдя в Валахию, ты опустошил ее, разве она не является кухней (кладовкой) могущественного [турецкого] императора? Ты расточал страну и население могущественного императора. Из-за твоего поступка, кроме дани, которую ты могущественному императору платишь, отправляй ежегодно десять тысяч золота в качестве долгового обязательства»⁴⁴ – потребовал хан в своем письме. В донесениях Симона Ренигера (Simon Reniger von Reningen), резидента императора Фердинанда III в Высокой Порте, косвенно упоминается дань, требуемая татарским ханом с трансильванских князей. В донесении от 10 апреля 1656 года Ренигер писал в Вену, что татарский хан (Мехмед IV Гирей) потребовал 16 000 золотых с князя Трансильвании. В своем другом

⁴³ У Пейссоннеля – 5000 талеров, но это явная опечатка.

⁴⁴ MNL OL Budapest, F- Lymbus, fo. 16.

доношении от 19 июня того же года он сообщил, что Дьёрдь II Ракоци отверг требование и переслал письмо хана в Порту с замечанием, что он готов платить дань только турецкому султану, и никому другому⁴⁵.

Хотя и князья не освобождались от отправления подарков и денег со своими послами в Крым⁴⁶, в известных мне более чем полутора сотнях татарских ярлыках крымскотатарско-трансильванской дипломатической переписки нет особого термина, указывающего на дань. В них встречается нейтральное словосочитание *hedaya ve armağan* («подарок и дар»). Всего в двух документах встречается *pişkeş ve hedaya*, которое из-за особого значения слова *pişkeş* («подарок вышестоящему») можно было бы перевести как дань, но ни один из них не исходит от хана⁴⁷. С другой стороны, до сих пор не обнаружено документов ни из княжеской канцелярии, ни из стамбульских архивов, в которых турецкий султан призывал бы князей Трансильвании уплатить дань, причитавшуюся хану или его соправителям. В европейских источниках также нет упоминаний о дани. Серджан Осман в своей статье выражает противоположное мнение. Она ссылается на письмо Гази II Гирея к валашскому господарю, Михаю Храброму, в качестве доказательства уплаты дани Трансильванией. Письмо хана сохранилось в архиве Ватикана в латинском переводе. Рассматриваемая часть звучит по-латински и в его английском переводе так: «Ab initio Transalpina, Moldavia et Polonia semper cum Tartaris familiarissime vixerunt saepeq<ue> munera Tartaris offerebant...» («From the very beginning, Transylvania, Moldova and Poland have lived in great friendship with the Tatars and often have offered gifts») [58, p. 122]. Однако она не поняла слово *Transalpina*. Оно означает по-латински Валахию, а не Трансильванию. Латинское название Валахии является прямым переводом из венгерского названия страны: Хаваш алфольд, то есть равнина «за заснеженными горами = *Transalpina*). Поэтому, пока новые источники не обнаружатся и не докажут обратное, мы не можем говорить об уплате дани с Трансильвании татарам подобно Молдавии и Валахии. Из-за известных исторических событий конца XVII века татарам уже не осталось времени превратить ряд подарков в ежегодную дань.

Возвращаясь к критериям дани, приведенным в начале этой главы (зафиксированная сумма, регулярность, особое название), следует поставить вопрос: можем ли мы назвать Молдавию и Валахию налогоплательщиками Крымского ханства? Я процитировала мнения за и против. Те, которые подтверждают статус регулярного налогоплательщика воеводств, спроецировали данные середины XVIII века, приведенные Пейссоннелем, на более ранние времена. Более того, американский османист Алан Фишер считал их налогообложение со стороны татар прямым доказательством крымскотатарского

⁴⁵ AT-OeStA HHStA Wien, StAbt Türkei I. Turcica Karton 128 (1656–1657), Konv 1. fo. 59., fo. 164.

⁴⁶ У нас есть только один намек об отправке денег в Крым. В 1688 году Азамет Гирей нуреддин султан (1683–1691), сын Селим I Гирей хана, подтвердил получение 200 золотых в письме к Михаю Апафи (MNL OL Budapest, F 126-a-No. 24).

⁴⁷ Письмо (*muhabbet name*) 1642 года происходит от Мургазы, вышесказанного капы ага калги Фетх Гирея (ANR Bucureşti, Documente Turceşti XXX 2371), а другой документ – письмо (*name*) Ахмед аги, визира Мурад Гирей хана (1678–1683), от 1682 года (MNL OL Budapest, F 126-a-No. 17).

сепаратизма [19, р. 83]. Я сама признаю, что румынские воеводства облагались данью крымскими ханами, но необходимо делать различие между ранней и поздней стадиями налогообложения. В XVI–XVII веках размер дани вассальных стран не был зафиксирован. Она платилась «по старинному обычаю», но уже тогда имелось особое название (*bani mierii, plocon*). Это положение давало ханам возможность требовать столько и сколько угодно раз в году, сколько они могли добиться от них. С другой стороны, как мы видели выше, воеводы и князья платили только тогда, когда им были нужны татарские вспомогательные войска, если они хотели добиться чего-либо в Порте и поэтому нуждались в поддержке татарского хана, или если они хотели предотвратить опасность марша татарской армии через свои страны. Поэтому в это время очень трудно отличить дар, вознаграждение и дань. Все же, если мы взглянем на весь процесс, мы можем установить, что оба воеводства были уже с середины (Молдавия) или с конца (Валахия) XVI века налогоплательщиками Крымского ханства, хотя они выплачивали налоги в разных видах, и суммы этих налогов не были устойчивыми. Однако их регулярное, ежегодное налогообложение сформировалось только к XVIII веку, и его сумма зафиксировалась также в это время.

Заключение

Дипломатическая деятельность Крымского ханства в Центрально-Восточной Европе была вызвана двумя изменениями: постепенным снижением с середины XVI века политического веса ханства в степи и антигабсбургскими походами Османской империи. Во время участия в османских кампаниях в Венгрии и частых зимовок на ее территории лидеры ханства вступили в прямой контакт с администрацией Габсбургов и правителями османских вассальных государств. Их опыт и контакты, приобретенные и установленные в регионах военных действий, помогли турецкому военному руководству воспользоваться услугами хана в мирных переговорах.

В габсбургско-татарских дипломатических отношениях, которые сложились в результате этих мирных переговоров и продолжались до второй осады Вены, венский двор не считал крымского хана равноправной стороной, суверенным правителем и поэтому не посылал посольств в Крым. Однако он признал роль ханства в поддержании баланса сил в Восточной Европе [47, р. 47–58], что также проявилось в их совместных действиях против трансильванско-шведского союза, направленного против Польши. Хотя дворы Вены и Бахчисарая временами сотрудничали, конфессиональная солидарность препятствовала выступлению татар против турок. Это хорошо знали и в Порте. Сведения, которые татарские послы, часто посещавшие столицу Габсбургского императора, могли предоставить, были чрезвычайно полезны для турецкого военного руководства.

Не менее успешной была внешняя политика татар в отношении Трансильвании, Молдавии и Валахии. Можно проследить тенденцию, согласно которой, чем слабее была Османская империя, тем в большей степени она передавала контроль крымскому хану над тремя вассалами. Процесс начался в разное время в отдельных странах. К середине XVII века он был настолько завершен, что османские вассалы уже не могли игнорировать интересы татар и, напротив, все более и более подчинялись им начиная с конца века. Молдавия, наиболее под-

верженная нападением татар, еще в середине XVI века, а Валахия и Трансильвания в конце века, вступили в прямой контакт с татарами.

Политическая зависимость вскоре превратилась в экономическую зависимость разной степени. Ханы стремились превратить начальные, случайные дары, а также суммы, обещанные за военную помощь при возведении на престол, в регулярную дань. Сначала они требовали только природные ресурсы, позже вместо них стали требоваться все большие и большие суммы денег, особенно от Молдавии и Валахии. Более устойчивое, сословное общество Трансильвании при поддержке Габсбургов могло более эффективно противостоять как турецким, так и татарским требованиям. Хотя императоры Габсбургов, будучи и венгерскими королями, по принуждению признали османский вассальный статус Трансильвании, они все еще считали ее частью Венгерского королевства, как это делали и принцы Трансильвании, которые тайно принесли присягу и на верность венгерскому королю [56, р. 67–89].

Молдавия иногда получала подобную поддержку от Речи Посполитой, в то время как при отсутствии покровителя Валахия оказалась отданной на произвол турок и татар в значительно большей степени. В конце XVII века, с началом правления Габсбургов, Трансильвания выбралась из крымского политического фарватера, но оба воеводства, оставаясь в пределах Османской империи, еще на столетие остались под влиянием татар. Налогообложение Молдавии и Валахии достигло кульминации в начале XVIII века, когда воеводства были обязаны платить регулярные, ежегодные, зафиксированные суммы и не менее обременительные дары.

Крымские ханы, зная, что турецкое военное руководство нуждается в вспомогательных войсках татар, пытались еще больше подчинить себе оба воеводства, как в XVI, так и в XVII веках. В начале, в обмен на военную службу они просили выплачиваемую в Порту дань Молдавии. Потом они хотели, чтобы турецкий султан назначил правителей из династии Гиреев на трон воеводств. Однако в обоих случаях им было отказано в Стамбуле [33, р. 55–56]. Передача политического – помимо военного – контроля над воеводствами привела бы к увеличению татарского влияния на Балканах. Ведь многочисленные члены династии Гиреев, которые были свергнуты с трона или же не достигли его, получили земельное пожалование (*хасс*) и жили в Османской империи вокруг Янболу (Ямбол в Болгарии) или в других местах Фракии. По этой причине, а также за счет предоставления татарских вспомогательных войск, Порты терпела и признавала право ханов облагать данью своих собственных вассалов, но не отказалась от политической власти над воеводствами. Она позволила татарам эксплуатировать их экономически и даже в своих приказах призывала господаря к платежным обязательствам перед ханом и его соправителями. Порта могла сделать все это, потому что воеводства находились в уязвимом положении по отношению к интригам в Порте, и их налогообложение со стороны татар не ставило под угрозу намного больший по размеру харадж, выплачиваемый турецким султанам⁴⁸.

⁴⁸ О харадже, выплачиваемом турецким султанам Молдавией и Валахией в XV–XVI веках, можно узнать из монографии Т. Джамииля (Tasin Gemil), основывавшегося на румынских и османских источниках и приводящего ссылки на новейшую литературу [28, р. 291–303]. В исследовании румынского историка М. Берзы (Mihai Berza), основывавшегося на европейских источниках, приводится очень подробное изложение размера харад-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов А.В.* Дипломатическая документация Крымского Ханства в XVI веке (1515–1596): К вопросу о современном состоянии публикации // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. Р. 626–644.
2. *Гладкий В.* Словарь нумизмата. Москва: ЗАО издательство Центр-Полиграф 2010. Режим доступа: <http://www.numizm.ru> (дата обращения: 20.09.2021).
3. Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова / Составитель, транслитерация Р.Р. Абдужемилев. Симферополь: Константа, 2017. 815 с.
4. *Жуков В.Д.* Шуба соболья нагольная, пуговицы серебряны, золочены... Роспись царских даров крымскому хану и представителям его двора 1636 г. // Исторический архив. 2015. № 4. С. 3–11.
5. *Иванич М.* Участие казачьих отрядов в австро-турецкой войне // Место России в Европе. Материалы международной конференции / Gy. Szvák (ed.). Budapest: Magyar Ruzsisztikai Intézet. 1999. С. 161–166.
6. *Иванич М.* Посольства крымских татар при Венском дворе 1598–1682 // *Turcica et Ottomanica*: Сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера / С.Ф. Орешкова, И.В. Зайцев, М.С. Мейер (ред.). Москва: Восточная Литература 2006. С. 226–236.
7. *Кантемир Д.* Описание Молдавии / Пер. Л. Панкратьева. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1973. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Kantemir/fametext22.htm> (дата обращения: 20.09.2021).
8. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / Труд И.И. Срезневского. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук. 1893. Режим доступа: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (дата обращения: 20.09.2021).
9. *Почекаев Р.Ю.* Дары или дань? К вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами // Средневековые тюрко-татарские государства: Сборник статей. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. Вып. 4. С. 200–203.
10. *Фаузов С. Ф.* Поминки-«тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. 1994. № 3. Available at: <http://www.mtss.ru/?page=tyish>
11. I. és II. Afafi Mihály erdélyi fejedelmek naplója az 1632–1694 évekről // Erdélyi Múzeum. 1900. Vol. 17. № 2. О. 82–93.
12. *Bayerle G.* The compromise at Zsitvatorok // Archivum Ottomanicum 1980. Vol. 6. P. 5–53.
13. Benda K. Csöbörcsök. Egy tatárországi magyar falu története a 16–18. században // Századok. 1985. Vol. 119. №. 4. О. 895–916.
14. Berza M. Haraciul Moldovei și Țării Românești in secolele XV–XIX // Studii și Materiale de Istorie Medie 1957. Vol. 2. P. 7–47.

жа, направляемого господарями в Порту начиная с XV века по 1821 год [14]. Сумма хараджа, которая всегда зависела от политической ситуации, значительно варьировалась, поэтому я приведу здесь только некоторые примеры для сравнения. Молдавия платила во время господарей Александра Лапушнеану (1552–1561, 1564–1568) – 35 000 золотых, Иеремии Могилы – 30–35 000 золотых, Василе Лупу (1634–1653) – 75 000 талеров, Дмитрия Кантемира (17010–1711) – 65 000 талеров. Валахия послала в Порту в 1542 году 24 000 золотых, в 1593 году – 155 000 золотых, но победы Михая Храброго заставили Порту снизить харадж на 32 000 золотых. В XVII веке Матей Басараб платил харадж в 130 000 талеров, и эта сумма сохранялась неизменной до начала XVIII века, а Константину Бранковяну пришлось платить меньше – 120 000 талеров. (коэффициент конверсии золота и талеров 1:1,5, 1:2, 1:2,5).

15. *Costin M.* Cronicile Romaniei séu letopisețele Moldaviei și Valahiei. București: Imprimeria Națională 1872. Режим доступа: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=nncl.0036751731&view=1up&seq=305> (дата обращения: 20.09.2021).
16. *Evliyâ Çelebi b. Derviş Mehemed Zillî.* Evliyâ Çelebi Seyahatnâmesi. Topkapı Sarayı Kütüphanesi Bağdat 307 yazmasının transkripsiyonu-dizini / Hazırlayanlar Dağlı Y., Kahraman S.A., Sezgin İ. İstanbul: Yarı Kredi Yayınları, 2001. 5. kitap. 371 p.
17. *Evliyâ Çelebi b. Derviş Mehemed Zillî.* Evliyâ Çelebi Seyahatnâmesi. Topkapı Sarayı Kütüphanesi Bağdat 308 numaralı yazmanın transkripsiyonu-dizini / Hazırlayanlar Dağlı Y., Kahraman S.A., Dankoff R. İstanbul: Yarı Kredi Yayınları, 2003. 7. kitap. 395 p.
18. *Fisher A.W.* Les rapport entre l'Empire ottoman et la Crimée. L'aspect financier // *Cahiers du Monde Russe et Sovietique.* 1972. Vol. 13, no. 3. P. 368–381.
19. *Fisher A.W.* Crimean separatism in the Ottoman Empire // *Nationalism in a Non-National State: The Dissolution of the Ottoman Empire / Haddad W.W., Ochsenwald W.* (eds). Columbus: Ohio State University Press, 1977. P. 57–76.
20. *Gemil T.* Un yarlıg al hanului Crimeii Gazi Ghiray-Bora către domnul Moldovei Aron Vodă Tiranul // *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie A.D. Xenopol,* 1974. Vol. 11. P. 245–250.
21. *Gemil T.* Relațiile Țărilor Române cu Poarta Otomană în documente turcești (1601–1712). București: Direcția generală a arhivelor statului din Republica Socialista Romania, 1984. 451 p.
22. *Gemil T.* Romanians and Ottomans in the XIVth–XVIth centuries. Bucharest: Encyklopaedia Publishing House, 2009. 357 p.
23. *Gemil T.* Cumano-Tatars and the Early Medieval Romanian States // *Studia et documenta turcologica.* Cluj-Napoca: Pressa Universitară Clujeană 2014. №. 2. P. 85–97.
24. *Ghobrial J-P.A.* The Whispers of Cities: Information Flows in Istanbul, London, and Paris in the Age of William Trumbull. Oxford: Oxford University Press 2014. 191 p.
25. *Giurescu D.C.* Anatefterul. Condița de porunci a vistieriei lui Constantin Brâncoveanu // *Studii și Materiale de Istorie Medie* 1962. Vol. 5. P. 353–504.
26. *Gradelehn J.* Hungarische, Siebenburgische, Moldau-, Wallach-, Türk-, Tartar-, Persian- und Venetianische chronica ... , Oder Außführlich Warhafftige Beschreibung des Königreichs Hungarn, Siebenbürgen, Moldau, Wallachey, Bulgarien und anderer angränzenden Landschafften. Frankfurt am Mayn: Wilhelm Serling 1665. 720 s.
27. *Guboğlu M.* Catalogul documentelor turcești, Vol. II: 1455–1829. București: Direcția Generală a Arhivelor Statului din RPR, 1965. 696 p.
28. *History of Transylvania / Makkai L., Mócsi A., Szász Z.* (eds). New York: Columbia University Press, 2001. Vol. I. Режим доступа: <http://mek.oszk.hu/03400/03407/html/1.html> (дата обращения: 20.09.2021); Vol. II. Режим доступа: <http://mek.oszk.hu/03400/03407/html/164.html> (дата обращения: 20.09.2021).
29. *Hotopp-Riecke M.* Crimean Tatar-German written heritage in German archives // *Крымское историческое обозрение* 2014. Vol. 1. P. 306–317.
30. *Hurmuzaki E. de.* Documente privitoare la istoria românilor, Vol. 3. Part 1: 1576–1599 / *Densușianu N.* (ed.) București: Academia Română 1880. 600 p.
31. *Hurmuzaki E. de.* Documente privitoare la istoria românilor, Vol. 3. Part 2: 1576–1600 / *Densușianu N.* (ed.) București: Academia Română, 1888. 575 p.
32. *Hurmuzaki E. de.* Documente privitoare la istoria românilor, Vol. 12: 1594–1602 / *Iorga N.* (ed.) București: Academia Române, 1903. 755 p.
33. *Hurmuzaki E. de.* Documente privitoare la istoria românilor, Suppl. I. Vol. I: 1518–1780 / *Tscilescu G.G., Odobescu A.I.* (eds). București: Academia Română 1886. 1003 p.
34. *Iorga N.* Știri despre veacul al XVIII-lea în țările noastre – după corespondenței diplomatice străine, Vol. I: 1700–1750. București: Institutul de Arte Grafice, 1909. 39 p.
35. *Ivanics M.* Der Bündnisplan zwischen dem Chan Gazi Giray II. und dem Fürsten Sigismund Báthory aus dem Jahre 1598 // *Hungarian-Ottoman Military and Diplomatic Relations in the Age of Süleyman the Magnificent / Dávid G., Fodor P.* (eds). Budapest:

ELTE Department of Turkish Studies, Hungarian Academy of Sciences Institute of History, 1994. P. 183–198.

36. *Ivanics M.* Entstehung und Quellenwert der krimtatarischen tiyiş defters // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1994. Vol. 47. No. 1–2. P. 105–112.

37. *Ivanics M.* Enslavement, slave labour and treatment of captives in the Crimean Khanate // *Ransom Slavery along the Ottoman Borders (early fifteenth – early seventeenth centuries)* / Dávid G., Fodor P. (eds). Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 193–218.

38. *Ivanics M.* The Military co-operation of the Crimean Khanate with the Ottoman Empire in the sixteenth and seventeenth centuries // *The European Tributary States of the Ottoman Empire in the sixteenth and seventeenth centuries* / Kármán G., Kunčević L. (eds). Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 275–299.

39. *Ivanics M.* Macar Şehirlerine Verilen Kırım Tatar Vesikalari // *Journal of International Eastern European Studies/Uluslararası Doğu Avrupa Araştırmaları Dergisi*. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 261–274.

40. *Jakó Zs.* Az erdélyi fejedelmek levéltáráról // *Tanulmányok Borsa Iván tiszteletére* / Csukovits E. (ed.) Budapest: Magyar Országos Levéltár, 1998. O. 105–129.

41. *Kármán G.* György Rákóczi II's attempt to establish a local power base among the tributaries of the Ottoman Empire 1653–1657 // *Power and Influence in South-Eastern Europe 16th–19th century* / Baramova M., Mitev P., Parvev I., Racheva V. (eds) Berlin: LIT Verlag, 2013. P. 229–244.

42. *Kâtib Çelebi* Fezleke-yi Kâtib Çelebi. Istanbul: Ceride-yi Havadis Matbaası, 1286–1287 (1869–1870). Vol. I. 416 p.

43. *Kemény János* önéletírása és válogatott levelei / Windisch É.V. (ed.). Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1959. 589 p.

44. Kırım Yurtına ve Ol Taraflarga Dair Yarılgılar ve Hatlar. Kırım Hanlığı Tarihine Dair Kaynaklar / Özyetgin M., Kamalov İ. (eds). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2009. 941 p.

45. *Kolodziejczyk D.* Ottoman Polish Diplomatic Relations (15th–18th century). An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. 812 p.

46. *Kolodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland–Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston: Brill, 2011. 1098 p.

47. *Kolodziejczyk D.* Das Krimkhanat als Gleichgewichtsfaktor in Osteuropa (17.–18. Jahrhundert) // *The Crimean Khanate between East and West (15th–18th century)* / Klein D. (ed.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. P. 47–58.

48. *Kraus G.* Erdélyi krónika / Fordította, bevezetéssel és jegyzetekkel ellátta Vogel S. Budapest: Ómagyar Kultúra Baráti Társaság Kiadói Részlege, 1994. 800 o.

49. Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Bennigsen A., Boratov P.N., Desai D., Lemerrier-Quelquejey Ch. (eds). Paris; La Haye: Mouton, 1978. 458 p.

50. *Legrand É.* Ephémérides daces. Paris: Ernest Leroux, 1881. 574 p. Режим доступа: <https://archive.org/details/ephemeridesdace00legrgoog/page/n199/mode/2up> (дата обращения: 20.09.2021).

51. *Matuz J.* Krimtatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen, mit historisch-diplomatischen und sprachlichen Untersuchungen. Islamkundliche Untersuchungen. Freiburg im Breisgau: Klaus Schwarz Verlag, 1976. Bd. 37. 348 p.

52. *Medlin K.W., Patrinelis G.Ch.* Renaissance Influences and Religious Reforms in Russia: Western and Post-Byzantine Impacts on Culture and Education (16th–17th centuries). Genève: Librairie Droz, 1971. 180 p.

53. *Mézin A.* Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792). Paris: Ministère des affaires étrangères. Direction des archives et de la documentation. 1998. 792 p.

54. *Mihordea V.* Raporturile Moldavei și Țării Românești cu Tătarii în secolele XVI–XVIII // *Revișta de Istoria* 1979. Vol. 32. №. 6. P. 1069–1095.

55. *Mikó I.* Erdélyi történelmi adatok. Kolozsvártt: Evangélikus Főtanoda nyomdája, 1855. Vol. I. Режим доступа: https://archive.org/stream/b24873639_0001#page/n7/mode/2up (дата обращения: 20.09.2021).

56. *Oborni T.* Between Vienna and Constantinople: Notes on the legal status of the Principality of Transylvania // *The European Tributary States of the Ottoman Empire in the sixteenth and seventeenth centuries* / Kármán G., Kunčević L. (eds). Leiden; Boston: Brill 2013. P. 67–89.

57. *Opitz E.* Österreich und Brandenburg im schwedisch-polnischen Krieg 1655 bis 1660. Vorbereitung und Durchführung der Feldzüge nach Dänemark und Pommern. Boppard: Boldt, 1969. 361 s.

58. *Osman S.* Did the Crimean Khans collect tribute (harâç or hazine) from Moldova and Wallachia? // *Studia et documenta turcologica*. Cluj-Napoca: Presa Universitară Clujeană, 2014. Vol. 2. P. 111–123. Режим доступа: https://www.academia.edu/9635317/Did_the_Crimean_Khans_collect_tribute_harâç_or_hazine_from_Moldova_and_Wallachia (дата обращения: 20.09.2021).

59. *Palombini B. von.* Bündniswerben abendländischer Mächte um Persien. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1968. 138 s.

60. *Pastor L. von.* Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters, Band 11: Geschichte der Päpste im Zeitalter der katholischen Reformation und Restauration Klemens VIII. (1592–1605). Freiburg i. Br.: Herder & Co., 1938. 804 s.

61. *Paun R.G.* Enemies within: Networks of influence and the military revolts against the Ottoman Power (Moldavia and Wallachia, sixteenth–seventeenth centuries) // *The European Tributary States of the Ottoman Empire in the sixteenth and seventeenth centuries* / Kármán G., Kunčević L. (eds). Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 209–249.

62. *Peçevi İ.* Tarih-i Peçevi. İstanbul: Matbaa-i Amire, 1866. Vol. II. 512 p. Режим доступа: <https://archive.org/details/tarihipeevi02peuoft/page/n317/mode/2up> (дата обращения: 20.09.2021).

63. *Petritsch E.D.* Tribut oder Ehrengeschenk? Ein Beitrag zu den habsburgisch-osmanischen Beziehungen in der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts // *Archiv und Forschung. Das Haus-, Hof und Staatsarchiv in seiner Bedeutung für die Geschichte Österreichs und Europas* / Springer E., Kammerhofer L. (eds). Wien; München: Verlag für Geschichte und Politik; Oldenbourg Verlag, 1993. S. 49–58.

64. *Peyssonnel C.-Ch. de.* Traité sur le commerce de la Mer Noire. Paris: Chez Cuchet, 1787. Vol. II. 392 p. Режим доступа: https://reader.digitale-sammlungen.de/en/fs1/object/display/bsb10291533_00256.html (дата обращения: 20.09.2021).

65. *Pienaru N., Osman S.* Tatar Documents in Romanian Archives and Libraries. Режим доступа: https://www.academia.edu/4875819/Tatar_Documents_in_Romanian_Archives_and_Libraries (дата обращения: 20.09.2021).

66. *Selânikî Mustafa Efendi* Tarih-i Selânikî (1003–1008/1595–1600) / İpşirli M. (ed.) İstanbul: Edebiyat Fakültesi Basımevi, 1989. 1008 p.

67. *Szilády Á., Szilágyi S.* Török-magyarkori történelmi emlékek III. Török-magyarkori államokmánytár I. Pest: Eggenberger Ferdinánd, 1868. 481 o.

68. *Uzunçarşılı I.H.* Barcsay Akos'un Erdel Kırallığına Ait Bazı Orijinal Vesikalar // *Tarih Dergisi*. 1952. Cilt. 4. № 7. P. 51–68.

69. *Uzunçarşılı I.H.* Osmanlı tarihi, Cilt. 4. Kısım 2: XVIII. Yüzyıl. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1988. 681 p.

70. *Vásáry I.* Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 230 p.

71. *Zetterstéen K.V.* Türkische, tatarische und persische Urkunden im Schwedischen Reichsarchiv. Uppsala: Almqvist & Wiksells, 1945. 132 s.

Сведения об авторе: Мария Иванич – доктор наук, заслуженный профессор кафедры алтаистики Сегедского университета (Сегед, Венгрия). E-mail: res13986@iif.hu

Поступила 20.12.2021 Принята к публикации 25.02.2022
Опубликована 29.03.2022

REFERENCES

1. Vinogradov A.V. Diplomatic documentation of the Crimean Khanate in the 16th century (1515–1596): On the issue of the current state of publication. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 3, pp. 626–644. (In Russian)
2. Gladkiy V. *Dictionary of Numizmatist*. Moscow: ZAO izdatel'stvo Tsentral'noy Poligraf, 2010. Available at: <http://www.numizm.ru> (accessed: 20.09.2021). (In Russian)
3. *Documents of the Crimean Khanate from the Collection of Hussein Feizkhanov*. Abduzhemilev R.R. (ed.). Simferopol: Konstanta, 2017. 815 p. (In Russian)
4. Zhukov V.D. Sable fur coat, gilded silver buttons.... List of royal gifts to the Crimean khan and representatives of his court from the year 1636. *Historical Archive*. 2015, no. 4, pp. 3–11. (In Russian)
5. Ivanics M. Participation of Cossack detachments in the Austro-Turkish war. *The Place of Russia in Europe. Proceedings of the International Conference*. Szvák Gy. (ed.). Budapest: Magyar Ruzsisztikai Intézet. 1999, pp. 161–166. (In Russian)
6. Ivanics M. Crimean Tatars' embassies at the Vienna Court 1598–1682. *Turcica et Ottomanica: Studies in Honor of the 70th Anniversary of M.S. Meyer*. Oreshkova S.F., Zaytsev I.V., Meyer M.S. (eds). Moscow: Vostochnaya literatura, 2006, pp. 226–236. (In Russian)
7. Cantemir D. *Description of Moldova*. Pankrat'ev L. (tr.). Kishinev: Kartya moldovenyaskie, 1973. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Kantemir/frametext22.htm> (accessed: 20.09.2021). (In Russian)
8. *Materials for the Dictionary of the Old-Russian Language Based on Written Monuments*. Sreznevskiy I.I. (ed.). St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1893. Available at: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (accessed: 20.09.2021). (In Russian)
9. Pochekaev R.Yu. Gifts or tribute? On the issue of the “Golden Horde heritage” in the relations of the Muscovite state with the Turkic-Tatar khanates. *Medieval Türk-Tatar States: Collection of Articles*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012, iss. 4, pp. 200–203. (In Russian)
10. Faizov S.F. Gifts – “tysh” in the context of relations between Rus'-Russia with the Golden Horde and the Crimean yurt (On the question of the typology of relations). *Domestic Archives*. 1994, no. 3. Available at: <http://www.mtss.ru/?page=tyish> (accessed: 20.09.2021). (In Russian)
11. I. és II. Apafi Mihály erdélyi fejedelmek naplója az 1632–1694 évekről. *Erdélyi Múzeum*. 1900, vol. 17, no. 2, pp. 82–93. (In Hungarian)
12. Bayerle G. The compromise at Zsitvatorok. *Archivum Ottomanicum*. 1980, vol. 6, pp. 5–53.
13. Benda K. Csöbörösök. Egy tatárországi magyar falu története a 16–18. században. *Századok*. 1985, vol. 119, no. 4, pp. 895–916. (In Hungarian)
14. Berza M. Haraciul Moldovei și Țării Românești in secolele XV–XIX. *Studii și Materiale de Istorie Medie*. 1957, vol. 2, pp. 7–47. (In Romanian)
15. Costin M. *Cronicele Romaniei seu letopiseșele Moldaviei și Valahiei*. București: Imprimeria Națională, 1872. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=nnc1.0036751731&view=1up&seq=305> (accessed: 20.09.2021). (In Romanian)

16. Evliyâ Çelebi b. Derviş Mehemed Zillî. *Evliyâ Çelebi Seyahatnâmesi. Topkapı Sarayı Kütüphanesi Bağdat 307 yazmasının transkripsiyonu-dizini*. Dağlı Y., Kahraman S.A., Sezgin İ (eds). İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2001, vol. 5. 371 p. (In Turkish)
17. Evliyâ Çelebi b. Derviş Mehemed Zillî. *Evliyâ Çelebi Seyahatnâmesi. Topkapı Sarayı Kütüphanesi Bağdat 308 numaralı yazmanın transkripsiyonu-dizini*. Dağlı Y., Kahraman S.A., Dankoff R. (eds). İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2003, vol. 7. 395 p. (In Turkish)
18. Fisher A.W. Les rapport entre l'Empire ottoman et la Crimée. L'aspect financier. *Cahiers du Monde Russe et Sovietique*. 1972, vol. 13, no. 3, pp. 368–381. (In French)
19. Fisher A.W. Crimean separatism in the Ottoman Empire. *Nationalism in a Non-National State: The Dissolution of the Ottoman Empire*. Haddad W.W., Ochsenwald W. (eds). Columbus: Ohio State University Press, 1977, pp. 57–76.
20. Gemil T. Un yarlıg al hanului Crimeii Gazi Ghiray-Bora către domnul Moldovei Aron Vodă Tiranul. *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie A.D. Xenopol*, 1974, vol. 11, pp. 245–250. (In Romanian)
21. Gemil T. *Relațiile Țărilor Române cu Poarta Otomană în documente turcești (1601–1712)*. București: Direcția generală a arhivelor statului din Republica Socialistă România, 1984. 451 p. (In Romanian)
22. Gemil T. *Romanians and Ottomans in the XIVth–XVIth centuries*. Bucharest: Encyklopaedia Publishing House, 2009. 357 p.
23. Gemil T. Cumano-Tatars and the Early Medieval Romanian States. *Studia et documenta turcologica*. Cluj-Napoca: Pressa Universitară Clujeană, 2014, no. 2, pp. 85–97.
24. Ghobrial J-P.A. *The Whispers of Cities: Information Flows in Istanbul. London, and Paris in the Age of William Trumbull*. Oxford: Oxford University Press 2014. 191 p.
25. Giurescu D.C. Anatefterul. Condiția de porunci a vistieriei lui Constantin Brâncoveanu. *Studii și Materiale de Istorie Medie*. 1962, vol. 5, pp. 353–504. (In Romanian)
26. Gradelehn J. *Hungarische, Siebenburgische, Moldau-, Wallach-, Türk-, Tartar-, Persian- und Venetianische chronica ... , Oder Außführlich Warhafftige Beschreibung des Königreichs Hungarn, Siebenbürgen, Moldau, Wallachey, Bulgarien und anderer angränzenden Landschafften*. Frankfurt am Mayn: Wilhelm Serling, 1665. 720 p. (In German)
27. Guboğlu M. *Catalogul documentelor turcești*, Vol. II: 1455–1829. București: Direcția Generală a Arhivelor Statului din RPR, 1965. 696 p. (In Romanian)
28. *History of Transylvania*. Makkai L., Mócsi A., Szász Z. (eds). New York: Columbia University Press, 2001. Vol. I. Available at: <http://mek.oszk.hu/03400/03407/html/1.html> (accessed: 20.09.2021); Vol. II. Available at: <http://mek.oszk.hu/03400/03407/html/164.html> (accessed: 20.09.2021).
29. Hotopp-Riecke M. Crimean Tatar-German written heritage in German archives. *Crimean Historical Review*. 2014, vol. 1, pp. 306–317.
30. Hurmuzaki E. de. *Documente privitoare la istoria românilor*, Vol. 3, Part 1: 1576–1599. Densușianu N. (ed.). București: Academia Română, 1880. 600 p. (In Romanian, German, French)
31. Hurmuzaki E. de. *Documente privitoare la istoria românilor*, Vol. 3, Part 2: 1576–1600. Densușianu N. (ed.). București: Academia Română, 1888. 575 p. (In Romanian, German, French)
32. Hurmuzaki E. de. *Documente privitoare la istoria românilor*, Vol. 12: 1594–1602. Iorga N. (ed.). București: Academia Română, 1903. 755 p. (In Romanian, German, French)
33. Hurmuzaki E. de. *Documente privitoare la istoria românilor*, Suppl. I, Vol. 1: 1518–1780. Tscilescu Gr.G., Odobescu A.I. (eds). București: Academia Română, 1886. 1003 p. (In Romanian, German, French)

34. Iorga N. *Știri despre veacul al XVIII-lea în țerile noastre – după corespondenței diplomatice străine*, Vol. I: 1700–1750. București: Institutul de Arte Grafice, 1909. 39 p. (In Romanian)
35. Ivanics M. Der Bündnisplan zwischen dem Chan Gazi Giray II. und dem Fürsten Sigismund Báthory aus dem Jahre 1598. *Hungarian-Ottoman Military and Diplomatic Relations in the Age of Süleyman the Magnificent*. Dávid G., Fodor P. (eds). Budapest: ELTE Department of Turkish Studies, Hungarian Academy of Sciences Institute of History, 1994, pp. 183–198. (In German)
36. Ivanics M. Entstehung und Quellenwert der krimtatarischen tiyiş defters. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1994, vol. 47, no. 1–2, pp. 105–112. (In German)
37. Ivanics M. Enslavement, slave labour and treatment of captives in the Crimean Khanate. *Ransom Slavery along the Ottoman Borders (early fifteenth – early seventeenth centuries)*. Dávid G., Fodor P. (eds). Leiden; Boston: Brill, 2007, pp. 193–218.
38. Ivanics M. The military co-operation of the Crimean Khanate with the Ottoman Empire in the sixteenth and seventeenth centuries. *The European Tributary States of the Ottoman Empire in the sixteenth and seventeenth centuries*. Kármán G., Kunčević L. (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2013, pp. 275–299.
39. Ivanics M. Macar Şehirlerine Verilen Kırım Tatar Vesikalari. *Journal of International Eastern European Studies/Uluslararası Doğu Avrupa Araştırmaları Dergisi*. 2019, vol. 1, no. 2, pp. 261–274. (In Turkish)
40. Jakó Zs. Az erdélyi fejedelmek levéltáráról. *Tanulmányok Borsa Iván tiszteletére*. Csukovits E. (ed.) Budapest: Magyar Országos Levéltár, 1998, pp. 105–129. (In Hungarian)
41. Kármán G. György Rákóczi II's attempt to establish a local power base among the tributaries of the Ottoman Empire 1653–1657. *Power and Influence in South-Eastern Europe 16th–19th century*. Baramova M., Mitev P., Parvev I., Racheva V. (eds). Berlin: LIT Verlag, 2013, pp. 229–244.
42. *Kâtib Çelebi Fezleke-yi Kâtib Çelebi*. Istanbul: Ceride-yi Havadis Matbaası, 1286–1287 (1869–1870), vol. 1. 416 p. (In Ottoman-Turkish)
43. *Kemény János önéletírása és válogatott levelei*. Windisch É.V. (ed.). Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1959. 589 p. (In Hungarian)
44. *Kırım Yurtına ve Ol Tarafılgara Dair Yarlıglar ve Hatlar. Kırım Hanlığı Tarihine Dair Kaynaklar*. Özyetgin M., Kamalov İ. (eds). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2009. 941 p. (In Crimean Tatar)
45. Kołodziejczyk D. *Ottoman Polish Diplomatic Relations (15th–18th century)*. *An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. 812 p.
46. Kołodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland–Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15–18th century)*. *A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden; Boston: Brill, 2011. 1098 p.
47. Kołodziejczyk D. Das Krimkhanat als Gleichgewichtsfaktor in Osteuropa (17–18. Jahrhundert). *The Crimean Khanate between East and West (15th–18th century)*. Klein D. (ed.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012, pp. 47–58. (In German)
48. Kraus G. *Erdélyi krónika*. Vogel S. (tr.). Budapest: Ómagyar Kultúra Baráti Társaság Kiadói Részlege, 1994. 800 p. (In Hungarian)
49. *Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı*. Bennigsen A., Boratov P.N., Desai D., Lemerrier-Quelquejay Ch. (eds). Paris; La Haye: Mouton, 1978. 458 p. (In French)
50. Legrand É. *Ephémérides daces*. Paris: Ernest Leroux, 1881. 574 p. Available at: <https://archive.org/details/ephemeridesdace00legroog/page/n199/mode/2up> (accessed: 20.09.2021). (In French)

51. Matuz J. *Krimitatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen, mit historisch-diplomatischen und sprachlichen Untersuchungen*. Freiburg im Breisgau: Klaus Schwarz Verlag, 1976. 348 p. (In German)

52. Medlin K.W., Patrinelis G.Ch. *Renaissance Influences and Religious Reforms in Russia: Western and Post-Byzantine Impacts on Culture and Education (16th–17th centuries)*. Genève: Librairie Droz, 1971. 180 p.

53. Mézin A. *Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792)*. Paris: Ministère des affaires étrangères; Direction des archives et de la documentation. 1998. 792 p. (In French)

54. Mihordea V. Raportuile Moldavei și Țării Românești cu Tătarii în secolele XVI–XVIII. *Revista de Istoria*. 1979, vol. 32, no. 6, pp. 1069–1095. (In Romanian)

55. Mikó I. *Erdélyi történelmi adatok*. Kolozsvárt: Evangélikus Főtanoda nyomdája, 1855, vol. 1. Available at: https://archive.org/stream/b24873639_0001#page/n7/mode/2up (accessed: 20.09.2021). (In Hungarian)

56. Oborni T. Between Vienna and Constantinople: Notes on the legal status of the Principality of Transylvania. *The European Tributary States of the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Kármán G., Kunčević L. (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2013, pp. 67–89.

57. Opitz E. *Österreich und Brandenburg im schwedisch-polnischen Krieg 1655 bis 1660. Vorbereitung und Durchführung der Feldzüge nach Dänemark und Pommern*. Boppard: Boldt, 1969. 361 p. (In German)

58. Osman S. Did the Crimean Khans collect tribute (harâç or hazine) from Moldova and Wallachia? *Studia et documenta turcologica*. Cluj-Napoca: Presa Universitară Clujeană 2014, vol. 2, pp. 111–123. Available at: https://www.academia.edu/9635317/Did_the_Crimean_Khans_collect_tribute_harâç_or_hazine_from_Moldova_and_Wallachia (accessed: 20.09.2021).

59. Palombini B. von. *Bündniswerben abendländischer Mächte um Persien*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1968. 138 p. (In German)

60. Pastor L. von. *Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters*, Band 11: *Geschichte der Päpste im Zeitalter der katholischen Reformation und Restauration Klemens VIII. (1592–1605)*. Freiburg i. Br.: Herder & Co., 1938. 804 p. (In German)

61. Paun R.G. Enemies within: Networks of influence and the military revolts against the Ottoman Power (Moldavia and Wallachia, sixteenth–seventeenth centuries). *The European Tributary States of the Ottoman Empire in the sixteenth and seventeenth centuries*. Kármán G., Kunčević L. (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2013, pp. 209–249.

62. Peçevi İ. *Tarih-i Peçevî*. İstanbul: Matbaa-i Amire, 1866, vol. 2. 512 p. Available at: <https://archive.org/details/tarihipeevi02peuoft/page/n317/mode/2up> (accessed: 20.09.2021). (In Ottoman-Turkish)

63. Petritsch E.D. Tribut oder Ehrengeschenk? Ein Beitrag zu den habsburgisch-osmanischen Beziehungen in der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts. *Archiv und Forschung. Das Haus-, Hof und Staatsarchiv in seiner Bedeutung für die Geschichte Österreichs und Europas*. Springer E., Kammerhofer L. (eds.). Wien; München: Verlag für Geschichte und Politik; Oldenbourg Verlag, 1993, pp. 49–58. (In German)

64. Peyssonnel C.-Ch. de. *Traité sur le commerce de la Mer Noire*. Paris: Chez Cuchet, 1787, vol. 2. 392 p. Available at: https://reader.digitale-sammlungen.de/en/fs1/object/display/bsb10291533_00256.html (accessed: 20.09.2021).

65. Pienaru N., Osman S. *Tatar Documents in Romanian Archives and Libraries*. Available at: https://www.academia.edu/4875819/Tatar_Documents_in_Romanian_Archives_and_Libraries (accessed: 20.09.2021).

66. *Selânikî Mustafa Efendi Tarih-i Selânikî (1003–1008/1595–1600)*. İpsirli M. (ed.) İstanbul: Edebiyat Fakültesi Basımevi, 1989. 1008 p. (In Ottoman-Turkish)

67. Szilády Á., Szilágyi S. *Török-magyarkori történelmi emlékek III. Török-magyarkori államokmánytár I*. Pest: Eggenberger Ferdinánd, 1868. 481 p. (In Hungarian)

68. Uzunçarşılı İ.H. Barcsay Akos'un Erdel Kırallığına Ait Bazı Orijinal Vesikalar. *Tarih Dergisi*. 1952. cilt. 4, no. 7, pp. 51–68. (In Turkish)

69. Uzunçarşılı İ.H. *Osmanlı Tarihi*, Cilt. 4. Kısım 2: *XVIII. Yüzyıl*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi 1988. 681 p. (In Turkish)

70. Vásáry I. *Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 230 p.

71. Zetterstéen K.V. *Türkische, tatarische und persische Urkunden im Schwedischen Reichsarchiv*. Uppsala: Almqvist & Wiksells, 1945. 132 p. (In German)

About the author: Mária Ivanics – Doctor of Science, Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies of the University of Szeged (Egyetem u. 2, 6722 Szeged, Hungary). E-mail: res13986@iif.hu

Received December 20, 2021 Accepted for publication February 25, 2022

Published March 29, 2022

**О МЕСТЕ ТАТАРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В СТРУКТУРЕ
УПРАВЛЕНИЯ ГОРНОЙ СТОРОНЫ (СВЯЖСКОГО УЕЗДА).
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – НАЧАЛО XVII ВЕКА**

М.М. Акчурин¹, О.О. Владимиров²

^{1,2} *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Казань, Российская Федерация

¹ *bigeevo@yandex.ru*

² *olegvladimirov@list.ru*

Цель исследования: изучить роль и участие представителей татарской знати в структуре местного управления в районах исторической области Горная сторона, правобережной части бывшего Казанского ханства, оказавшихся в составе Свяжского уезда.

Материалы исследования: в основу исследования легли новые опубликованные источники, среди которых выделяется впервые обнаруженная и пока единственная известная в Свяжском уезде жалованная грамота на «княженье», имеющая отношение к князьям Темею и Ишею.

Результаты и научная новизна: анализ и сравнение грамоты князю Темею с жалованными грамотами татарских князей Мещеры («мордовских» князей) позволили сделать заключение о сохранении за свияжскими князьями функций управления «по старине», в соответствии с характерным для ордынских беков порядком. При этом полномочия князей и уездной администрации были разграничены и распространялись на собственные группы подведомственного населения. Русская администрация ведала «чувашскими» волостями, а татарская аристократия – «татарскими» сотнями. Обнаруженный полный текст грамоты выявил определенную информацию об отце Темея, князе Кочаке. Удалось восстановить имена последних правителей князь Бекбулатовой сотни, а также особенности внутреннего административного деления Свяжского уезда. Князь Ишеева и князь Темеева сотни некогда составляли единую административную область – Барышевскую волость. Были получены дополнительные сведения об участии жителей «татарских» сотен в Еналеевском восстании 1615–1616 гг., идентифицированы имена местных руководителей восстания – представителей татарской знати, определена их принадлежность к правящим княжеским родам. В ходе исследования был проведен генетический анализ Y-хромосомы документально подтвержденных по мужской линии потомков князей Ишея и Темея. Полученные результаты с высокой долей вероятности подтвердили указание в грамоте на двоюродное родство Ишея и Темея.

Ключевые слова: Свяжский уезд, Горная сторона, Казанское ханство, татарские князья, «татарские» сотни, «чувашские» волости, жалованные грамоты, княженье

Для цитирования: Акчурин М.М., Владимиров О.О. О месте татарской аристократии в структуре управления Горной стороны (Свяжского уезда). Вторая половина XVI – начало XVII века // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 154–183. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.154-183

**ABOUT THE PLACE OF THE TATAR ARISTOCRACY
IN THE STRUCTURE OF GOVERNMENT OF THE MOUNTAIN SIDE
(SVIYAZHSK UYEZD) FROM THE SECOND HALF OF THE SIXTEENTH
TO THE EARLY SEVENTEENTH CENTURY**

M.M. Akchurin¹, O.O. Vladimirov²

*^{1,2} Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

¹ bigeevo@yandex.ru

² olegvladimirov@list.ru

Abstract: *Research objectives:* To study the role of the Tatar nobility in the management of a historical region, Gornaya storona, on the right bank of the Volga in the Kazan Khanate and later in the Sviyazhsky district.

Research materials: The study is based on new published sources, first and foremost being the text of the charter granted to the princes Temey and Ishey. This is the only known charter of the Sviyazhsky district.

Results and novelty of the research: The author compared Temey's charter with the charters granted to the Tatar princes of Meshchera (the so-called Mordovian princes) and reached the conclusion that the Sviyazh princes retained their former administrative functions of the beks of the Horde. At the same time, the princes and the district administration were given separate powers to manage certain groups of the population. The Russian administration ruled the so-called Chuvash volosts, while the Tatar aristocracy ruled the so-called Tatar hundreds. The full text of the charter contains certain information about Temey's father, Prince Kochak. The author was able to identify the names of the last rulers of the Bekbulatov hundred and the features of the internal administrative division of the Sviyazhsky district. The hundreds of Prince Ishey and Prince Temey were once a single administrative region, that is, the Baryshev volost. The author found information about the participation of the inhabitants of the so-called Tatar hundreds in the Yenaleevsky uprising of 1615–1616 and identified the names of the uprising's local leaders who came from the ruling princely families. Also, the author carried out a genetic analysis of the Y-chromosome of the descendants of princes Ishey and Temey in the male line, known from official documents. The results of the study confirmed (with a high degree of probability) the reliability of the evidence in the charter that Ishey and Temey were cousins.

Keywords: Sviyazhsky uyezd, Gornaya Storona (Mountain Side), Kazan Khanate, Tatar princes, "Tatar" hundreds, "Chuvash" volosts, granted charters, "knyazhenie" (princely rule)

For citation: Akchurin M.M., Vladimirov O.O. About the Place of the Tatar Aristocracy in the Structure of Government of the Mountain Side (Sviyazhsk Uyezd) from the second half of the sixteenth to the early seventeenth century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 154–183. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.154-183 (In Russian)

...män ulug Idil-ning iç [yönigä] Taw yerigä barurmän anda mäqam yurt tutarmän
anıñ üçün kim ol yer här yerdän bärk yerdür [49, p. 77]

Перевод:

...я перейду во внутреннюю сторону великой Волги, в Горную сторону, и буду
жить там¹, так как это наиболее укрепленная местность [41, с. 175]

(«Дастан об Аксак-Тимуре» из летописи «Дэфтэр-и Чынгыз-намэ»)

Описывая особенности Свияжского уезда, исследователи всегда подчеркивают, что на начальном этапе его образования представители местного населения (сотники, десятные и сотные князья и др.) после установления уездной администрации на бывших ханских землях Горной стороны продолжали привлекаться к исполнению определенных административных, фискальных и др. государственных функций [17, с. 142–143; 14, с. 52; 7]. Также отмечалось, что названия четырех сотен: князь Аклычева (сотня князя Аклыча), князь Ишеева (сотня князя Ишея), князь Темеева (сотня князя Темея), князь Бекбулатова (сотня князя Бекбулата) – связаны с именами реальных князей, которые могли стоять во главе этих административных единиц [20, с. 65; 44]. Кроме «татарских» сотен в составе Свияжского уезда находилось еще 10 «чувашских» волостей [14, с. 81].

В последнее время было опубликовано несколько примечательных источников. Анализ этих работ предоставляет нам возможность вновь обратиться к данной теме и сделать более предметные наблюдения. В первую очередь речь идет о статье Д.А. Мустафиной «Акты землевладения служилых мурз Ишеевых из фондов Российского государственного архива древних актов» [25], о подготовленной А.А. Чибисом книге «Местное управление и сословия г. Свияжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы)» [35], об опубликованных И.З. Файзрахмановым материалах «Мурзинские роды Казанской губернии: свидетельства их именитого происхождения согласно сведениям Казанской губернской и провинциальных канцелярий за 1780 год» [42]. А также чуть ранее вместе с Д.В. Басманцевым и В.Д. Кочетковым была подготовлена статья «О службе и жалованьях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в.» [5], в которой уже было сделано предположение о том, что князья Свияжского уезда обладали функциями судебной и административной власти и именно пожалование этих полномочий обуславливало утверждение за ними княжеского титула в соответствии с ордынской традицией. Такая модель управления татарских князей существовала в Мещерском уезде, и об этом мы с уверенностью судим, поскольку сохранились жалованные грамоты на «княженье». Однако до настоящего времени о прямых документальных подтверждениях этой гипотезы для Свияжского уезда не было известно. И вот в опубликованной ведомости «О мурзинских родах Казанской губернии» 1790 г. мы, можно сказать, впервые обнаруживаем докумен-

¹ Нам представляется, что вместо слов «буду жить там» был бы допустим более дословный перевод: «буду там держать юрт». А саму цитату из дастана, в которой передаются слова Инсан-бека, на современном татарском языке можно было бы записать так: «...мин Олуг Иделнең эч [янына] Тау жиренә барырмын анда мәкам-йорт тотармын. Аның өчен кем ул жир һәр жирдән бәрк жирдер».

тальное упоминание подобной грамоты, жалующей «княженье», причем весьма необычной по содержанию. Грамоту предоставили мурзы Темеевы из д. Старое Барышево.

О существовании более полного варианта текста грамоты мы смогли узнать благодаря находкам Д.А. Мустафиной, которая изучала архивное дело о земельном споре между татарами Барышевской волости из фонда № 1312 РГАДА². В итоге мы имеем два текста копий, передающих содержание грамоты Темеею Кочаковым на пожалование «княженья».

Первый текст – из ведомости «О мурзинских родах Казанской губернии» 1790 г. [42] (далее – Ведомость 1790 г.). Там записано так:

«Сии мурзы предъявили в Свияжскую провинциальную канцелярию подлинную грамоту 7090 году царя и великаго князя Василья Ивановича всея России, что *пожаловал он в своей отчине в казанской земле Горной стороны Барышевы волости Темеева отца княж Кочаковым княженьем, которой было со князем Ишеем с Кудабердеевым пополам, и в той волости в отца своего княженье, тех людей, которые тут живут в своей половине, во всем судить и управа меж ими чинит и пошлины с суда имать на виноватом на себя, и в царскую службу людей и збирать з земли своей половины, и ясак платить пожалованной по устной прежней грамот;* и объявили ж они владеную выпись на дачи их земляные в той деревне и в протчих роду князь Ишеева местах, 1704 году от столника и воеводы Ивана Щепотева: людей дворовых и крестьян одноверцов не имеют».

Первое, на что обращаем внимание, – датированная 7090 г. (по современному летоисчислению – 1581/82 г. – прим. авторов) грамота якобы была выдана царем по имени Василий Иванович, хотя в эти годы царствовал Иван IV (Иван Васильевич).

Второй текст – из фонда № 1312 РГАДА (см. Приложение 1). Эта копия раскрывает, что представленная грамота является подтверждающей, т.е. выданной взамен старой. Текст старой грамоты полностью повторяется и уточняется, что она была составлена в 1580/81 г. и утерялась, точнее, указано: «у них грамоту взяли в разгром намеша литовские люди». В тексте говорится о пожаловании от имени царя Ивана Васильевича, что выглядит корректным по сравнению с первым текстом. Но дата составления подтверждающей грамоты записана как «7007» (по современному летоисчислению – 1499/98 г. – прим. авторов) – здесь, по всей видимости, ошибка переписчика. Также возникает вопрос к сообщению о появлении «литовских людей» – о каких-то связанных с этим событиях в Свияжском уезде в 70-80-е годы XVI века источники ничего не говорят. Самый вероятный приход «литовских людей» можно отнести только к более поздним событиям, когда во время Смуты в 1608–1609 гг. в Свияжском уезде действовали полки сторонников Лжедмитрия II, тогда многие местные татары укрывались от повстанцев в осажденном Свияжске [45, № 199–200, с. 88; 15, № 39, с. 93–93]. Кстати, в те годы московского царя действительно звали Василий Иванович, но только Шуйский. В общем, вопрос о дате выдачи подтверждающей грамоты остается пока нерешенным, она могла быть выдана:

² Полная публикация дела готовится к печати к.и.н. Диной Абдулбаровой Мустафиной (см. также: РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Ч. 1. Д. 730. Л.27–27об. [25]).

– в 1581/82 г., как указано в копии из Ведомостей 1790 г., и грамоту подтвердил Иван IV;

– также мы не исключаем, что в период Смуты, например в 1609 г., ее мог выдать Василий Шуйский.

Оба текста копий не безупречны, имеют определенные неточности или ошибки. Тем не менее остановимся на отдельных аспектах присутствия татарской аристократии в структуре управления Горной стороны, которые раскрываются в содержании грамоты на «княженье» Темею Кочакову.

Исполнение функций управления «по старине»

Итак, грамота жаловала Темею «княженье», а точнее, утверждала следующие унаследованные от отца властные полномочия (см. Приложение 1):

1) «судить и управа меж ими чинить безволокитно и пошлины с суда имать на виноватом на себя с рубля по гривне» – это *судебные функции* с правом получения судебных пошлин. Для сравнения: в другой исторической области – в Мещере – кадомский князь Ишмаммет Аганин аналогично получал «с суда пошлин по гривне» [2, № 1, с. 4–5];

2) имеется дополнение о взимании пошлин с заключающих браки: «с новоженцов имати ему с человека по кунице половину». Такое же право было и у татарских князей в Мещере – в частности, в грамоте князю Ишмаммету Аганину указано о выплате алтына «за новоженной убрис» [2, № 1, с. 4–5];

3) «и в царскую службу людей и збирать з земли» – это *военные функции*. Ниже к этому вопросу мы еще вернемся.

Перечисление полномочий заканчивается выражением «и ясак платить по нынешней жалованной по уставной прежней грамоте» – к сожалению, не совсем понятно, кому оно предназначается. На первый взгляд, в опубликованном тексте обращение направлено к Темею – это следует из предыдущих выражений: «тех людей... судить», «управа... чинить», «пошлины... имать», «людей... збирать». Но маловероятно, чтобы в словах «ясак платить» подразумевалось исполнение Темеем собственной обязанности платить налоги, скорее речь шла о выплатах ясака, собранного с его людей. В этом случае мы можем предложить два объяснения:

1) в оригинале грамоты фраза «ясак платить» относилась к обязанностям подведомственных людей делать выплаты Темею, как и ранее его отцу;

2) имелось в виду, что Темей должен был со своих людей собирать ясак и обеспечивать его передачу в государственную казну.

Более вероятным нам представляется первый вариант: в грамоте отражены выплаты местным населением ясака своему татарскому князю. Слова «по уставной прежней грамоте»³, видимо, еще раз должны подчеркнуть преемственность этого права, которым ранее обладал князь Кочак – отец Темея. В аналогичных жалованных грамотах татарским князьям в Мещере это право также оговаривалось, зачастую с указанием размера ясака и отсылкой на предыдущего правителя. Например, там можно встретить выражения: «потому ж как тот ясак имал отец его» [4], «А имать ему с тое мордвы ясак по старине, по тому ж, как имал Сумарок князь Муратов» [2, № 64, с. 50]. Стоит пояснить, что в Мещере налогообложение включало несколько статей. С вотчинных промысло-

³ В тексте из Ведомости 1790 г.: «по устной» (см. [42]).

вых владений мордовское население беляков платило «государев» оброк, а второй статьей был денежный ясак, являвшийся пошлиной, с которой шли выплаты князьям. Уставная грамота – тип грамот в Московском государстве в XVI веке, в том числе закреплявших порядок местного управления, осуществления суда, получения кормления и т.п. [29]. Можно сказать, что в используемых во внутренних областях Московского государства понятиях аналогом мордовского ясака являлся «корм» русских наместников или волостелей [46, с. 96–101]. Эти аналогии позволяют нам предположить, что в грамоте свияжскому князю Темею под словом «ясак» подразумевалась лишь одна из платежных статей, предназначенная для содержания татарских князей. В целом перечисленные полномочия соответствуют полномочиям татарских беков (беев, эмиров), которые можно обнаружить в ханских ярлыках бекам Крымского ханства и в различных сообщениях, относящихся к другим ордынским образованиям [22; 6]. Беки управляли своими эями, их власть передавалась по наследству внутри правящего рода и утверждалась ханскими ярлыками. Традиционно беком становился старший представитель правящего клана (рода), остальные мужчины, как правило, носили титул мурзы. С другой стороны, по своим исполняемым функциям беки были близки к русским наместникам (воеводам) и волостелям и получали доходы они приблизительно по одному принципу, поэтому их сосуществование в качестве правителей своих административных групп населения в условиях нового государства было вполне допустимым для московских великих князей и царей [38, с. 84–90].

А.А. Чибис обратил внимание [35, с. 17–18] на показания находившихся под управлением князя Аклыча жителей, которые могут свидетельствовать о том, что уездная администрация не вмешивалась во внутренние дела этой сотни: «А мы, татаровя и мордва Князь-Аклычевы сотни, сотник Аитемыш Иванов с товарищи, про государевы грамоты, каковы по челобитью Свияжского уезда татар и чувашаи о свияжских съезжие избы о подьячих в Свияжской присланы, *не ведаем, потому что мы в те поры жили за князь Аклычем*» (1638 г.) [35, с. 165]. Остальные «татарские» сотни к этому времени уже состояли в ведении свияжского воеводы, возможно, у подьячих «у татарских дел» [7].

Теоретически у князей должен был быть собственный исполнительный аппарат управления и канцелярия – приставы, приказчики и т.п. К сожалению, таких свидетельств у нас нет. В то же время в воеводской канцелярии для находившихся в ее ведении сотен и «чувашских» волостей *использовались специальные «татарские» приставы*, назначенные из числа самих жителей [35, с. 58, 166, 170]. Можно предположить, что эти же приставы были ранее у князей.

Скорее всего, именно отец князя Темея, князь Кочак, упоминается в летописном сообщении 1558 г.: «Того же месяца Июля писали воеводы из Свияжского города: приходили Крымцы на Горнюю сторону войною, и горние люди *Кочак князь* с товарищи, собрався, побили на голову и полон весь отполонили; а крымцов было триста человек» [21, с. 50]. По мнению А.Г. Бахтина, такие походы были проявлением крымских притязания на Казань [8, с. 161–162]. Несмотря на то, что нападение сопровождалось взятием полона, в 60-е годы XVI века в Крыму объявились представители бывших областей Казанского ханства, в том числе из Горной стороны, искавшие у крымского хана поддержку для планируемого восстания [9]. Среди них отмечены даже

татары из д. Коккузы [30, с. 166, 177], которая позднее числилась в князь Темеевой сотне [35, с. 155]. Несколько позднее, во время одного из таких анти-московских возмущений [8, с. 161–166] другой свияжский князь Тугуш Девлетбахтыев также собрал отряд и отразил ногайское вторжение. Здесь отметим, что, скорее всего, к сражению князя Тугуша относятся следующие слова Ивана IV: «Казанские земли Свияжского города горные люди прямили сведав их воровство и без нашево ведома на них ходили, да их побили» [32, с. 276]. Обратим внимание, что если данные слова действительно относятся к князю Тугушу, то, получается, в 1571–1572 гг. он собрал своих людей в поход и принял решение о сражении самостоятельно. В той битве погиб племянник Тугуша – об этом сообщает Посольская книга [31, с. 54]. Учитывая участие князей Кочака и Тугуша в военных кампаниях в качестве полковых воевод, а также указание в грамоте о сборе людей «на царскую службу», можно сделать окончательный вывод о том, что к обязанностям *татарских князей Свияжского уезда относилось исполнение военных функций*. К слову, в одном из столкновений погиб от «изменников» сам князь Кочак [25]. Мы можем вычислить, что гибель Кочака произошла до 1573/74 г., так как в жалованной грамоте указано, что после смерти отца Темей еще был «мал» и не мог унаследовать отцовское «княженье» – т.е. был несовершеннолетним⁴, а к 1580/81 г. он уже находился на службе седьмой год⁵ (значит, Темею тогда шел 22-й год и он родился в 1558/59 г.). Для сравнения напомним, что у татарских князей Мещеры жалованные грамоты, как правило, не содержали указаний на военные функции за некоторым исключением [6]. Предположительно, военные функции утверждались только за старшими из князей Мещеры – таковыми, например, могли считаться князья из темниковского рода Тениша Кугушева [10; 3].

В связи с возрастом, в котором Темей получил грамоту и княжеский титул, возникает другой вопрос. Если ему уже исполнился 21 год, а на службу он поступил как было положено – в 15 лет, то почему он ждал шесть лет и не получил отцовское «княженье» в те же 15 лет? Может, для того, чтобы стать князем, существовало другое возрастное ограничение? Например, князьями можно было становиться только с 21 года. Возможно, существовали и другие обстоятельства или где-то в переписанном тексте закралась ошибка.

Таким образом, можно говорить, что *институт татарских князей функционировал параллельно с уездной администрацией*. Зона ответственности каждого княжеского рода распространялась на закрепленную за ним административную группу местного населения.

По наблюдениям за другими бывшими ордынскими областями, оказавшимися в составе Московского государства, был сделан вывод, что институт татарских князей прекратил свое существование при правлении царя Федора Ивановича (1584–1598 гг.). Так, для каринских князей⁶ известна царская грамота 1588 г. о прекращении исполнения ими судебных функций [19, с. 88–89; 16, с. 196, 354]. Не известно ни об одном пожаловании «княженья» и получе-

⁴ На службу можно было поступить только с 15 лет.

⁵ Седьмой год – это предположительно, т.к. в копии грамоты указано с опиской: «семой год» (см. Приложение 1).

⁶ Каринские (арские) князья – татарские князья, проживавшие в Карино, в районе впадения реки Чепцы в Вятку (ныне Слободской район Кировской области).

нии княжеских титулов его обладателями в Мещере после смерти Ивана IV (1533–1584 гг.) [6]. Но там возобновилась практика пожалований в период Смуты при Лжедмитрии II (1607–1610 гг.) и царе Василии Шуйском (1606–1610 гг.). Как этот процесс происходил в Свияжском уезде – известные документы не показывают. Мы видим, что Темей получил «княженье» в 1580/81 г. при Иване IV. К этому времени Ишей Кудабередеев уже упоминается как князь, более того, ему в правление временно перешла половина волости князя Кочака, погибшего до 1573/74 г., значит, и Ишей получил свое «княженье» от Ивана IV. Князь Ишей Кудабередеев умер, видимо, в 1623 г. – в тот год его сыновья Янбарс, Бибарс и Богдан унаследовали отцовское поместье [24, с. 243–244]. Годы смерти князя Темея неизвестны, но умер до 1638 г., поскольку в деле 1638 г. его имя не упоминается [35]. После Темея и Ишея в их родах князей больше не было, поэтому впоследствии именно их имена устойчиво закрепились за названиями сотен. Если обратиться к князь Аклычевой сотне, то там последним правителем был князь Аклыч, умерший в 1637 г. Его отец Тугуш Девлетбахтыев как князь упоминался также еще при Иване IV [5]. Тогда сотня называлась по его имени – «князь Тугушева» [5]. Но Тугуш умер в 1597 г., после него остались малолетние сыновья: мурзы Аклыч – 10 лет (значит, Аклыч родился в 1587 г.) и Кармыш – 4 года [5]. И тут возникает вопрос: когда стал князем его сын мурза Аклыч – во время правления царей Федора Ивановича и Бориса Годунова или в период Смуты? Это пока остается неизвестным. Но в русле *политики царей Федора Ивановича и Бориса Годунова, направленной на унификацию системы управления с повсеместной ликвидацией старых институтов*, нам видится, что князем он стал позднее – во время Смуты, скорее всего, пожалование выдал В. Шуйский. О правителе четвертой «татарской» сотни, «князь Бекбулатовой», источники ничего не говорят. Можно только догадываться по названию сотни, что ее последним правителем был некий князь Бекбулат. И он действительно существовал, так как в 1638 г. среди служилых татар Свияжского уезда упоминается потомок князя Бекбулата – Тинбай мурза князь Бехбулатов [35, с. 124].

Мы можем предположить, что *после смерти последних князей в конце XVI – начале XVII века происходила автоматическая передача их сотен в управление русским уездным должностным лицам*. Таким образом, самым последним из татарских князей Горной стороны можно считать Аклыча Тугушева.

В отношении «чувашских» волостей фиксируется их нахождение только в непосредственном ведении уездной администрации. Для волостей Горной стороны соседнего Чебоксарского уезда сохранилась уставная грамота 1574 г. [14, с. 65–75]. Она была выдана после подавления восстания в «Казанской земле». Иван IV простил восставших «своею милостию» и выдал во все волости Казанской земли такие же жалованные грамоты. Согласно этой грамоте, суд над жителями (названными как «черемисы») Верхней Сюддырской и Ишлейской волостей вершили русские должностные «головы» из детей боярских, подчинявшиеся боярам и воеводам, с присутствием «лучших людей» из местных жителей. Грамота адресована старшим представителям этих волостей: десятному князю Ертоулу и Килдишу Енаеву (его должность или титул не указаны). Можно предположить, что, например, до восстания некоторые десятные князья могли исполнять судебные функции в своих волостях, но

впоследствии были лишены этих полномочий. При этом по уставной грамоте эти старшие представители должны были обеспечивать сбор людей для военных походов. По мнению В.Д. Димитриева, Ертоул вместе с Килдишем Енаевым могли быть волостными сотниками [14, с. 69]. Правда, тут возникает некоторое противоречие: логичнее, если бы во главе сотни (волости) был не десятный, а сотный князь. В случае с князем Ертоулом нет никакой возможности определить – или это исключительное явление, или роль сотников ранее исполняли десятные князья. Ведь на сегодняшний день это единственный известный десятный князь, зафиксированный в русской делопроизводственной документации.

Анализируя обыскные речи по следственному делу в отношении свияжского воеводы Е.Ф. Мышецкого 1638 г., А.А. Чибис также обратил внимание на присутствие в «чувашских» волостях и «татарских» сотнях среди ясачных жителей сотников и старост, которые могли соучаствовать в судебных процессах, производимых наместниками или воеводами. При этом А.А. Чибис предполагает, что привлечение выборных старост – это уже нововведение, появившееся в соответствии со статьями 62 и 68 Судебника 1550 г. после установления в регионе московской власти [44]. Старосты обнаруживаются и в деревнях князь Аклычевой сотни в показаниях 1638 г. [35, с. 140–142], значит можно допустить, что старосты участвовали в судах в период княжения князя Аклыча.

О четкой роли сотников в местном управлении мы не можем сказать точно. Судя по всему, они, так же как старосты, присутствовали в судах. При этом основной обязанностью сотников, вероятнее всего, было участие в сборе ясака в строго установленном на каждую сотню объеме и дальнейшей его доставке – такие функции выполняли, например, мордовские сотники в Мещере [6]. Так, в показаниях 1638 г. сотники «татарских сотен» и некоторых «чувашских» волостей⁷ рассказывали, что свияжский воевода князь Е.Ф. Мышецкий посылал для сбора «хлеба» своих людей: «и возили мы тот хлеб ко князю Еуфиму в Свияжской на своих лошedah» [35, с. 158]. В свете наших наблюдений интересными и вполне правдоподобными выглядят записанные Каюмом Насыри (1825–1902) предания о его предке Абдуразяке из Верхних Ширдан (ныне с. Малые Ширданы Зеленодольского района РТ). Предания содержат различные исторические детали (имена русских царей, участие свияжских татар в сражениях с Лжедмитрием⁸) и рассказывают, как Абдуразяк при царе Федоре Ивановиче осуществлял сбор ясака с окрестного населения, причем подробно описывают всю логистику: «Длинными очередями выстраивались подводы с хлебом и здесь же, в поле, становились на ночь. Устанавливая очередь, Абдуразяк баба ставил при въезде в деревню человека с номерными палочками, который раздавал их всем прибывшим. На месте выгрузки подношений палочки выбрасы-

⁷ Это были сотники князь Аклычевой сотни, князь Ишеевой сотни, Темешевской волости, князь Темеевой сотни, князь Бекбулатовой сотни, Аринской волости, Шигалеевской волости (см. [35, с. 158]).

⁸ В предании говорится: «Сыновья Абдуразяка славились своей доблестью и мужеством. Когда пришла пора, он справил им военную одежду, посадил на коней и отправил служить только что воссевшему на престол русскому царю... Что касается сыновей Абдуразяка, то они не вернулись, погибли на войне «Митри» (с Лжедмитрием)» [26, с. 47–52]. Известно, что новоизбранный царь Василий Шуйский действительно весной 1607 г. мобилизовал «с Казанского царства» отряды как служилых, так и ясачных людей, в том числе и из Свияжского уезда [14, с. 145].

вали, и они долго еще лежали там огромными кучами... Гора, что напротив, вся была заполнена строениями Абдуразяка, в которых он хранил хлеба, идущие в казну. Для охраны их русским царем специально были выделены казаки» [26, с. 47–52]. Учитывая то обстоятельство, что отец Каюма Насыри и его предки в писцовых книгах записывались среди ясачных жителей⁹, а также нахождение д. Верхние Ширданы в составе князь Аклычевой сотни [35, с. 141], сделаем предположение, что легендарный Абдуразяк мог быть сотником одной из внутренних сотен князь Аклычевой сотни. Судя по этим преданиям, сотники обладали высоким авторитетом, были состоятельными и даже владели собственными холопами, названными в записях Каюма Насыри «чура-кул». Предания продолжают, что Абдуразяк в конце жизни оказался в немилости у властей, что не противоречит данным из опросов 1638 г. – там сотник этой сотни указан из другой деревни: «Князь-Аклычевы сотни деревни Нурлатовы сотник Данилко Ишеев» [35, с. 141].

Представленные материалы позволяют более-менее достоверно считать, что *власть князей распространялась на ясачное население их сотен*. В деле 1638 г. они названы «ясачными татарами» и «мордвой». Ясачные жители «татарских» сотен в отдельных документах обозначались «чувашами», также и в некоторых «чувашских» волостях жители могли быть указаны как «ясачные татары». Вопрос о том, в каких случаях наименование «чуваша» являлось соционимом, а в каких – этнонимом, имеет давнюю и непростую историографию [27] и выходит за рамки настоящего исследования.

Но вот о том, какими были отношения татарских князей с другой категорией татарского населения – служилыми татарами и мурзами, ни для какого периода источники не дают конкретной информации. В показаниях 1638 г. по делу воеводы князя Е.Ф. Мышецкого все служилые татары и мурзы перечислены без административного разделения, одним списком [35, с. 124–125]. А в писцовых книгах Свияжского уезда И.М. Аничкова 1646–1652 гг. поместья служилых татар и мурз учитывались по другому принципу – не по сотням, а по станам [28]. Эти замечания намекают, что для служилых татар и мурз существовало собственное административное деление, не связанное с сотенным. Согласно военному сметному списку 1631/32 г., служилые татары и мурзы наряду с князьями (!) ведались специальным русским должностным лицом: «В Свияжском же з *головою Татарским* с Семеном Малевановым служилых новокрещенов, Князей, и Мурз, и Татар 205 ч.» [36]. Скорее всего, татарский голова в Свияжском уезде выполнял в том числе и судебные функции, по крайней мере для соседнего Чебоксарского уезда в наказе 1613 г. воеводе Федору Михалкову говорилось: «а голове, которой будет в Чебоксарех, велели ведать чебоксарских *князей и мурз и тотар и судити* ему всякие дела в ысцовых исках до пяти рублей, а болши пяти рублей судити ему не велеть, а во всех великих делех судити Федору» [12; 7].

Особенности внутреннего деления Горной стороны

Обратим внимание на немаловажное обстоятельство, указанное в рассматриваемой грамоте. *Темею в 1580/81 г. досталась в управление лишь половина волости*. Точнее, он унаследовал ту половину, которой владел его отец

⁹ ГА РТ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 96. Л. 372об.-373; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2998. Л.113об.

князь Кочак. Другой половиной владел князь Ишей Кудабердеев, но после смерти Кочака, пока его сын был несовершеннолетним, Ишей Кудабердеев управлял обеими половинами Барышевской волости. Из содержания грамоты Темею следует, что Ишей Кудабердеев был его двоюродным братом¹⁰. Отсюда мы можем сделать заключение, что некогда Барышевская волость представляла собой единое «княженье», во главе которого находился их общий предок, например дед (Тюяш или Тюляш). Затем волость разделилась на две

¹⁰ Для проверки информации о вероятном родстве Темеевых и Ишеевых по прямой мужской линии были выполнены ДНК-тесты Y-хромосомы представителей этих родов в лаборатории Family Tree DNA (Хьюстон, США). Было выбрано два прямых потомка Ишея Кудабердеева. Один из них является выходцем из д. Старое Барышево Камско-Устьинского р-на РТ, второй – из д. Татарское Макулово Верхнеуслонского р-на РТ. Также были взяты образцы ДНК у потомка князя Темея Кочакова – выходца из д. Старое Барышево Камско-Устьинского р-на РТ. Родословные кандидатов на тестирование составлялись по писцовым книгам XVII века (см. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 433, 847; см. также [27]) и Ревизским сказкам XVIII–XIX веков. В Ревизских сказках 1722–1762 гг. (см. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2988, 2991, 3005) у большинства потомков князей Ишея и Темея указаны их родовые прозвания «князь Ишеев», «князь Темеев», но уже в записях Ревизских сказок 1834–1858 гг. (см. ГА РТ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 107, 239, 365) (промежуточные ревизии за 1782, 1795, 1811 и 1816 гг. не сохранились) эти родовые прозвания исчезают. Детальное изучение документов показало, что у выбранных представителей рода «князь Ишеевых» ближайшим общим предком по прямой мужской линии был сам князь Ишей Кудабердеев, соответственно, они являются потомками детей князя Ишея: мурзы Богдана и мурзы Янбарса. Потомок князя Темея происходит от его сына мурзы Сабака. Результаты тестирования показали, что все три протестированных человека являются родственниками по мужской линии и принадлежат к одному субкладу Y164257 гаплогруппы J2a: *J2a-M410>PF5008>L581>Z37823>PF5000>PF4993>PH1795>BY114993>Y164253>Y164257* (см. База данных проекта YFull. Дерево YTree v8.10.00 (04 Январь 2021). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.yfull.com/tree/J-Y164257/>). Расчетный возраст ближайшего общего предка для тестируемых соответствует интервалу 100–700 лет (доверительный интервал 95%). Согласно базе данных YFull, в общем родственном кругу с этими татарскими образцами оказались образцы ДНК из древних захоронений:

– в субкладе J2a-PF4993 расположен образец средневекового кочевника DA124 из захоронения на Тянь-Шане (датировано VIII веком н.э., Енбекшиказахский р-н, Алматинская обл., Казахстан) [48];

– на территории Алтая [47]: в субкладе PH1795 – образец RISE504 из могильника Кытманово (датировано VIII–IX веками н.э.), в субкладе BY114993 – образец RISE602 из захоронения археологического комплекса Сары Бел.

Из современных образцов самыми близкими оказались потомки служилых татар из Мордовии. В соседние родственные группы входят уйгуры Китая, турок, кабардинец, карачаевец. В более старших родственных ветках находятся образцы и других татар. Так, в субклад Y152278 входит татарский образец из д. Татарское Азелево Зеленодольского района РТ, а в субклад Y154124 – татарские образцы из д. Ясашно-Барышево Апастовского района РТ и д. Утяганово Бурасевского района РБ. Несмотря на то, что все представленные выше ветки входят в один крупный субклад PH1795, расчетный возраст их общего предка соответствует интервалу от 1600 до 2400 лет (см. База данных проекта YFull. Дерево YTree v8.10.00 (04 Январь 2021). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.yfull.com/tree/>). В пользу «степного» происхождения предков татар из субклада PH1795 говорят присутствие в нем указанных образцов древних ДНК и преобладание представителей тюркских народов. Таким образом, результаты генетических исследований не опровергают указание грамоты о том, что князья Ишей и Темей были двоюродными братьями. Можно добавить, что их предки были выходцами из «степи».

половины – возможно, между самим Кочаком и его племянником Ишеем или каким-то образом еще ранее с отцом Ишея, Кудабердеем. Это необычный случай, нарушающий традиционный порядок наследования власти татарскими беками над своими элями. Возможно, «княженье» досталось сразу обоим князьям только потому, что кто-то из претендентов или они оба совершили какие-то особые деяния и Иван IV, а может, ранее кто-то их казанских ханов посчитал возможным их таким образом поощрить и сделать исключение, разделив волость. Нельзя категорически утверждать, что подобные отклонения от ордынских традиций не практиковались московскими государями. Если опять же обратиться за примерами к Мещере, то там аналогично тядемская мордва оказалась административно разделенной между двумя княжескими родственными линиями – между кадомскими Мамиными / Енгальчевыми и ценскими Дототказиными [6], и даже существовал еще один Тядемский беляк в Темниковском уезде, которым мог управлять кто-то из темниковских князей.

Таким образом, во второй половине XVI века вместо одной волости образовались две административные единицы, за которыми в конечном итоге закрепились названия князь Темеева и князь Ишеева сотни. Если посмотреть на географическое расположение обеих сотен, то они окажутся в двух примыкающих друг к другу группах поселений, что еще раз свидетельствует о существовании некогда единой административной области (см. Рис. 1). Можно даже предположить, что основной считалась линия Ишея Кудабердеева, поскольку Барышево, от которого пошло название всей волости, осталось в составе князь Ишеевой сотни.

Примечательно, что при внимательном рассмотрении списка участвовавших в 1638 г. в опросе жителей князь Аклычева сотни окажется, что в князь Аклычевой сотне перечислены пять сотников, каждый со своей группой деревень [35, с. 140–142] (см. также Приложение 2). Можно сказать, что *князь Аклычева сотня фактически состояла из пяти сотен*. В князь Ишеевой сотне упоминаются две сотни, в князь Темеевой – одна сотня, в князь Бекбулатовой¹¹ – две сотни [35, с. 142–144]. Во всех «чувашских» волостях указано только по одному сотнику [35, с. 144–150]. По сравнению с «чувашскими» волостями *«татарские» сотни были крупнее, а самой крупной административной единицей Свияжского уезда являлась князь Аклычева сотня*.

В опросах 1638 г. говорится, что в Свияжском уезде было пять (?) «татарских» сотен и 10 «чувашских» волостей: «мы, татаровя и мордва пяти сотен, и чуваша десети волостей» [35, с. 162]. «Чувашских» волостей действительно насчитывается 10, а вот татарских сотен мы можем обнаружить только четыре – отмечая это несоответствие, А.А. Чибис предположил, что составители документа ошибочно посчитали одну из сотен из состава «татарской» сотни как отдельную административную единицу [35, с. 18].

Список населенных пунктов, указанных в опросах 1638 г., приведен в приложении (см. Приложение 2). Села и деревни, которые удалось локализовать, изображены на рисунке (см. Рис. 1).

¹¹ В перечислении татар князь Бекбулатовой сотни есть пропуск, но, судя по всему, Бекбулатова сотня состояла из двух сотен (см. [35, с. 142–144]).

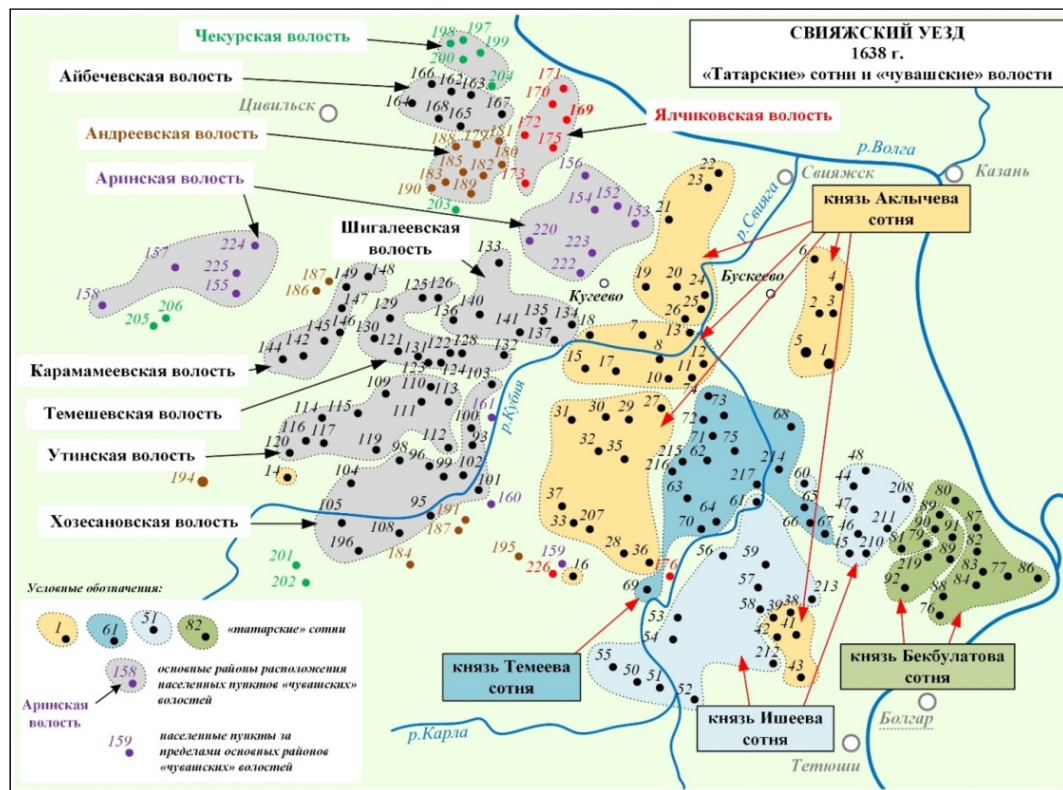


Рис. 1. Селения «татарских» сотен и «чувашских» волостей Свияжского уезда, 1638 г. (см. Приложение 2)

Fig. 1. Villages of “Tatar” hundreds and “Chuvash” volosts of the Sviyazhsky uyezd, 1638 (see App. 2)

Другие татарские князья

Интересно, что среди свияжских татар встречаются представители других княжеских фамилий: «князь Бекшеевы», «князь Кугеевы». Значит, родоначальниками этих татар были, соответственно, некие князь Бекшей и князь Кугей – их имена в источниках не упоминаются, но они были князьями, а значит, должны были обладать собственными объектами власти. К сожалению, мы не можем точно определить, управляли ли они другими сотнями или волостями или были представителями уже известных нам княжеских династий.

Янбулат мурза князь Бекшеев (Бакшеев, Бикшеев), участник военной кампании 1613 г. против И. Заруцкого в Рязанском крае [45, № 199, с. 121], проживал в д. Каратай (1626 г.) на территории князь Бекбулатовой сотни, там же, в Кирельском стане, имел поместья в д. Мамалахово (Малахов бор) и в д. Уразлино [1, с. 7, 15–16; 28, с. 145; 42] – это дает нам основания предполагать, что некогда его предок, князь Бекшей, принадлежал к роду последнего владельца этой сотни – князю Бекбулату, точнее, был одним из его предков. Более того, в грамоте 1613 г. о владении половиной кабака сказано, что Тимбай мурза князь Бекбулатов являлся племянником Янбулата мурзы Бекшеева

[42]. Кабак между Ямбулатом и Тинбаем был разделен пополам, а ранее половиной Ямбулата владел его отец [42]. Если допустить, что их родство было по мужской линии и что их родовые прозвания «князь Бекшеев» и «князь Бекбулатов» являются отчествами, то выстраивается такая *княжеская династия: Бекшей > Бекбулат*. Тот факт, что вторая половина кабака в 1613 г. перешла племяннику, мурзе Тимбаю князь Бекбулатову, свидетельствует о вероятной смерти к этому времени отца Тимбая, князя Бекбулата. Примечательно, что, согласно писцовым книгам Свияжского уезда 1646 г., потомки Тимбая проживали там же, где по грамоте 1626 г. проживал Ямбулат мурза князь Бекшеев – в д. Каратай¹².

Поместные владения князь Кугеевых, точнее «деревня Кугеево на речке Аре» [28, с. 56], располагались вблизи князь Аклычевой сотни (см. Рис. 1), но их принадлежность к роду князя Аклыча менее вероятна, так как имена предков князя Аклыча известны: его отец – князь Тугуш, дед – Девлетбахтый. И родоначальник князь Кугей в этот ряд вряд ли попадает, по крайней мере для второй половины XVI века.

В Ведомости 1790 г. имеется указание на татар, записанных как «князь Бускеевы» [42]. Они проживали в д. Старое Бурнашево (ныне с. Старое Бурнашево в Апастовском р-не РТ)¹³. Поместья их предка мурзы Кибя (Кибика, Кабика) Сунчалева, согласно писцовым книгам Свияжского уезда И.М. Аничкова 1646–1652 гг., располагались в Подгородном стане в деревне Бускеево «что был починок Сунчалева, на речке на Анчигире» [28, с. 39]. Татарская деревня Бускеево упоминается в писцовых книгах Свияжского уезда Н.В. Борисова и Д.А. Кикина 1565–1567 гг. [37] и локализуется там же – ныне это река Чангара в Верхнеуслонском р-не РТ¹⁴. Судя по такой форме записи родового прозвания, родоначальником был некий князь Бузкей. Это, на наш взгляд, важное свидетельство. Оно позволяет перейти к решению еще одного вопроса: а жили ли предки рассматриваемых свияжских князей в Горной стороне во времена существования Казанского ханства?

Татарские князья Горной стороны в Казанском ханстве

Отвечая на поставленный вопрос, вспомним, что во время казанского похода в 1552 г. войско Ивана IV на реке Сура встретили «с Свиаги от воевод Никита Трофимов да Роман Пивов, а с ними горние люди Янтуду мырза, да Бузкей, да Кудабердей с товарищи» [33, с. 200]. Подробнее остановимся на этих именах. В предшествующей работе уже высказывалось предположение о принадлежности перечисленного в летописи Бузкея к княжескому роду [5]. Можно обратить внимание на название пустоши из писцовой книги Свияжского уезда 1565–1567 гг.: «пустошь Бускеевская роспаша Бурундукова князя» [37] – из названия восстанавливается полное имя ее прежнего владельца: *князь Бускей Бурундуков*. Тот факт, что потомки мурзы Кабика Сунчалева

¹² «Деревня Старый Каратай – Крымсарай мурза Тинбаев» (см. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6447. Л. 9, 272об.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 1161об.).

¹³ Бускеевы в Старом Бурнашеве Каменского стана также имели поместья (см. [28, с. 96–97]).

¹⁴ Река со старым названием Анчигирка отмечена еще на карте Свияжского уезда 1910 г. (см. Карта Свияжского уезда Казанской губернии 1910 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kazan_sviyazhskiy-uezd/).

указаны в Ведомости 1790 г. как «князь Бускеевы» [42], дает основания предполагать, что их родоначальник князь Бускей мог иметь полное имя Бускей Бурундуков и был тем самым летописным Бузкеем.

Среди имен «горных» людей, вышедших навстречу войску Ивана IV, наряду с мурзой Янтудой и Бузкеем упоминается и некий *Кудабердей*. Согласно высказанному ранее предположению [5], он мог быть отцом свияжского князя Ишея Кудабердеева. Таким образом, двоих людей из представленного летописного отрывка можно идентифицировать как татарских князей. Это дает нам право сделать заключение, что по крайней мере *некоторые из княжеских родов Свияжского уезда были здесь правящими еще во времена Казанского ханства*.

Были ли в других волостях Свияжского уезда или других уездах Горной стороны свои татарские князья ранее, в ханское время, – судить трудно, но исключать нельзя. В летописях говорится, что к прибывшим в 1551 г. для строительства города Свияжска русским воеводам явились «старейшины и сотники горныя Черемиса» и просили «не воевати», поскольку *их князья и мурзы «з детми и з женами» сбежали в Казань* [34, стб. 63].

Теперь мы можем вернуться к известным русским летописным сообщениям за 1551 г. [33, с. 164–166], которые отмечают в Горной стороне Казанского ханства следующие категории местных элит:

- «князья и мурзы»;
- «сотные и десятные князья» и «сотные казаки».

Поскольку правители «татарских» сотен Свияжского уезда (имеются в виду князь Аклычева, князь Ишеева, князь Темеева и князь Бекбулатова сотни) жаловались титулом князь, а их родственники отмечены как мурзы, то мы предлагаем отнести их предков к первой категории – «князья и мурзы», но не к сотным князьям. Несмотря на то, что административные единицы назывались «татарскими» сотнями, как выяснилось, они сами подразделялись на несколько внутренних сотен.

Что касается отдельной категории сотных и десятных князей, то в доступных делопроизводственных документах Свияжского уезда мы их в явном виде не обнаруживаем, встречаем только сотников (летописные «сотные казаки»?). Но единичные упоминания сохранились в соседних уездах Горной стороны:

1) есть упоминаемый выше в уставной грамоте 1574 г. десятный князь Ертоул – старший представитель Верхней Сундырской волости Чебоксарского уезда;

2) в сообщении 1621 г. [43, № 25, с. 55] встречается сотник Шерданской волости Чебоксарского уезда Темей, вероятно, сын князя Теняка¹⁵ – можно

¹⁵ Нам представляется, что слово «князь» относится к имени Теняк, и В.Д. Дмитриев ошибочно определил, что князем являлся сотник Темей [14, с. 305]. В сообщении 1621 г. записано так: «перед воеводою Михаилом Остафьевичем Пушкиным Чебоксарскаго уезду Шерданские волости деревни Бьюркасы сотник Темей князь Теняков с товарищи сказали, что та их де монастырская земля по обе стороны речки Кувшина, и пожня их же, монастырская» (см. [43, № 25, с. 55]). Собственно, именно поэтому деревня получила название Князь-Теняково.

предположить, что его отец, князь Теняк, также ранее был сотником в этой волости;

3) в названии сотни в записях 1604 г.: «князь Уразлина сотня» в Цивильском уезде [13, № 5, с. 123–124, № 6, с. 124–125];

4) в названии сотни в челобитной 1595 г.: «князь Балтышева сотня Турунова» (в XVII веке уже названа как Туруновская волость Чебоксарского уезда) [40, с. 3–6].

При этом в известных актовых и делопроизводственных документах для перечисленных здесь сотен или волостей мы не находим какого-то специального обозначения потомков этих князей. Например, там совсем не упоминаются мурзы и нигде не указано прямо, что местные тарханы были их потомками. Видимо, это позволило В.Д. Дмитриеву заключить, что сотные и десятные князья могли быть представителями местных жителей – в его случае этнических чувашей и горных марийцев – и по статусу уступали татарским князьям и мурзам [14, с. 26, 35–36]. Конечно, у нас нет уверенности в том, как можно было бы назвать князя Теняка – десятным или сотным, но все же каким-то из этих двух вариантов. И также совсем нет ясности, к какой категории отнести князя Балтыша Турунова и князя Уразлея, от чьих имен пошли названия соответствующих «черемисских» сотен.

Тем не менее мы сделаем предположение, что на территории Свияжского уезда десятные или сотные князья могли существовать в ханское время, а значит, их должны были называть по-татарски беками или беями, но это менее знатные князья – их сыновья и внуки не становились мурзами. Вследствие каких-то соображений уже при русской администрации во всей Горной стороне таких князей окончательно заменили сотники и, возможно, старосты. А поскольку какие-то иные категории местного населения в Свияжском уезде нам пока не известны, можно допустить, что потомки десятных или сотных князей продолжали находиться среди рядовых жителей «чувашских» волостей и «татарских» сотен, т.е. среди ясачных татар и чувашей. Наверняка эти потомки оставались состоятельными и авторитетными и из их числа затем назначались сотники и старосты. Такие рассуждения, кстати, подводят нас к объяснению, почему в некоторых татарских шэжэре родоначальники указаны беками или беями, притом что потомки в документах не значились мурзами и записывались в писцовых книгах как ясачные татары – возможно, они были из числа тех самых десятных или сотных князей.

Участие татарской знати Свияжского уезда в Еналеевском восстании 1615–1616 гг.

Восстание народов бывшего Казанского ханства 1615–1616 гг., известное как Еналеевское восстание, а в источниках называемое «Татарской войной» или «Еналеевщиной», оказалось весьма масштабным вызовом для новой царской династии. Возглавлял его служилый татарин Арской дороги Еналей Енмаметев. Как показало исследование Д.В. Лисейцева, Еналею и его сторонникам удавалось некоторое время удерживать в осаде Казань [23].

О присоединении минимум двух «татарских» сотен Свияжского уезда к восстанию может свидетельствовать опубликованный в 1910 г. В.Ф. Залеским

любопытный фрагмент челобитной одного якобы русского безымянного землевладельца [18]. В настоящее время челобитная хранится в Государственном архиве Республики Татарстан в деле вместе с документом, относящимся к служилому свияжскому новокрещену Ивану Семенову сыну Каракашеву¹⁶ – возможно, его отец и был автором челобитной. Этот челобитчик, перечисляя свои прошлые заслуги, описал, как по указанию свияжского воеводы князя Ф.А. Елецкого участвовал в подавлении восстания и захвате его руководителей («завотчиков»). В частности, в опубликованном тексте записано: «как государь казанские тотаровя Еналейко с товарищи завоевали и тебе государю изменили и свияжские тотаровя и чуваша с теми казанскими татары тебе государю изменили стали вороват заодно а у свияжских татар были завотчики *ин (за) кудай бердеев села барышева да тынбай мурза инза сарыулов¹⁷ деревни каратай*». Делая поправку на ошибки в прочтении документа, мы предлагаем идентифицировать руководителей как князя Ишея Кудайбердеева, который действительно мог проживать в с. Барышево, и как Тинбая мурзу князь Бекбулатова, который, в свою очередь, по приведенным нами выше свидетельствам действительно проживал в д. Каратай. Хотя в челобитной родовое прозвание мурзы Тинбая записано как «князь Сарыулов». Тем не менее других мурз с именем Тинбай в д. Каратай кроме «князь Бекбулатова» мы не знаем.

Учитывая, что челобитчик происходил из местных служилых татар и должен был ориентироваться в именах и родственных связях свияжских князей и мурз, он вполне мог указать более старое родовое прозвание. Рискнем предположить, что некий князь Сарыул был одним из предков Тинбая. Данное упоминание князя Сарыула не является единственным сохранившимся в источниках. В писцовых книгах Алатырского уезда 1623–1625 гг. Д. Пушечникова и А. Костяева «татарским, и буртасским, и мордовским вотчинам бортным ухожьем» при описании бортного Томушевского ухोजея¹⁸ мордвы д. Кирзяти и д. Костяево в указании границ написано: «...Свияжскова уезду до князь *Сереголовы* межи левая ж сторона, да от князь *Сяряголовы* межи до Кяльместуба вершины...»¹⁹ – «князь Сереголов», «князь Сяряголов» созвучны с «князь Сарыулов». Заслуживающим внимания оказалось позднее описание этого Томушевского ухोजея в писцовой книге Карсунского и Симбирского уездов 1685–1686 гг. И. Вельяминова и А. Андреева, там читаем о границах: «...по левой стороне до вершины и до Каслинского лесу до Келмистубы до князь *Беибулатовы* (вероятно, князь Бекбулатовы – прим. авторов) поляны...»²⁰. Произошедшее изменение названия пограничного участка позволяет судить о том, что соседняя вотчина, владельцем которой когда-то был свияжский князь Сярягол (Сарыул), скорее всего, была унаследована

¹⁶ ГА РТ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2. Стб. 163–165. Авторы выражают искреннюю благодарность Дмитрию Александровичу Бычкову (г. Йошкар-Ола) за предоставленные материалы.

¹⁷ «...кн[язь Иш]ей Кудайбердеев села Барышева, да Тынбай мурза князь Сарыулов деревни Каратай» – см. ГА РТ. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2. Стб. 164.

¹⁸ На реке Томышевке в Ульяновской области.

¹⁹ РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 2. Д. 3534. Л. 256об.

²⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 441. Л. 322–322об.

князем Бекбулатом и поэтому переименована, что еще раз свидетельствует о принадлежности князя Сарыула и князя Бекбулата к одному роду. Теперь эту княжескую династию можно дополнить: *Сарыул > Бекшей > Бекбулат*.

Далее челобитчик описал, как осуществлял свою «операцию» по поимке руководителей восстания: «и я холоп твой хотя тебе государь служит и за тебя праведного царя и за православную веру перетвидя смерть свою поехал и божьей милостью твоего государева изменника заотчика инзу ишея в селе барышеве скрал и привел в свияжской». Через три дня он отправился «по другово твоево государева изменника по заотчика по Тынбая мурзу инзу сарыулова», которого поймали в засаде: «и я холоп твой и тово заотчика на дороге схватал и привел в свияжской». Затем в челобитной коротко сообщается о судьбе находившихся в руках свияжского воеводы пойманных «заотчиков»: «и у них дума порушилась и которые государь у них люди были в собране и те послыша то разбежались по домам». Как свидетельствуют документы за последующие годы, князь Ишей и Тинбай мурза были отпущены и сохранили свои владения.

Итак, поскольку нам известно, что Ишей Кудабердеев был правителем князь Ишеевой сотни, а Тинбай мурза – потомком последнего правителя князь Бекбулатовой сотни, нами сделан вывод о присоединении к восстанию как минимум этих двух сотен. А с. Барышево и д. Каратай соответственно стали его центрами, где собирались поддержавшие восстание жители.

Акцентируем внимание, что свияжские служилые татары, находившиеся в 1613 г. в Переяславле-Рязанском, были в числе первых, кто присягнул новоизбранному царю Михаилу Романову [11, стб. 1045–1046], но, видимо, для некоторых из них новая власть не оправдала ожиданий.

* * *

Подводя итоги нашего исследования, можем заключить, что после вхождения Горной стороны, исторической области Казанского ханства, в состав Свияжского уезда наряду с русской уездной администрацией некоторыми группами местного населения продолжали управлять «по старине» татарские княжеские роды. Можно выделить три такие административные единицы:

– Князь Аклычева (ранее князь Тугушева) сотня.

Правители:

князь Тугуш Девлетбахтыев (? – ум. в 1597 г.);

князь Аклыч Тугушев (род. в 1587 г. – ум. в 1637 г.).

– Князь Ишеева и князь Темеева сотни – половины некогда единой Барышевской волости.

Правители:

князь Кочак Тюяшев (? – ум. до 1573/74 г.);

князь Ишей Кудабердеев (? – ум. в 1623 г.);

князь Темей Кочаков (род. в 1558/59 г. – ум. до 1638 г.).

– Князь Бекбулатова сотня.

Правители:

князь Сарыул;

князь Бекшей;

князь Бекбулат (? – до 1613 г.).

Выполненный анализ единственной имеющейся в нашем распоряжении жалованной грамоты, сравнение ее с аналогичными грамотами татарских князей из Мещеры, а также изучение других источников позволяют сделать следующие выводы:

1) пожалование грамот на «княженье» от русского царя закрепляло за татарскими правителями княжеский титул;

2) свияжские князья исполняли судебные и военные функции, сохраняя свои полномочия со времен Казанского ханства;

3) власть князей распространялась только на ясачное население их подведомственных сотен: этнических татар, мордву и, возможно, некоторых чувашей – в этом можно видеть схожесть «татарских» сотен с мордовскими беляками Мещеры. «Татарские» сотни фактически могли состоять из нескольких внутренних сотен. Самой крупной административной единицей Свияжского уезда была князь Аклычева сотня;

4) во внутренних сотнях присутствовали сотники из числа самих жителей, отвечавшие за сбор ясаков со своих соплеменников. Возможно, в ханское время роль сотников выполняли «сотные» или «десятные» князья;

5) вероятно, после воцарения сына Ивана IV, Федора Ивановича, князья были лишены функций управления, но в период Смуты начала XVII века практика пожалования «княженья» была восстановлена. Последним известным татарским князем оставался Аклыч Тугушев. После его смерти в 1637 г. его сотня перешла в управление русским уездным должностным лицам, остальные «татарские» сотни перешли в ведение уездной администрации, видимо, ранее;

6) князю Темею Кочакову в 1580/81 г. досталась в управление лишь половина Барышевской волости, получившая название князь Темеева сотня. Другой половиной волости управлял его старший родственник князь Ишей Кудабердеев, эта половина стала называться князь Ишеевой сотней.

Мы не можем утверждать, что «татарские» сотни могли быть полугосударственными образованиями по типу русских удельных княжеств. С одной стороны, татарские правители находились на самообеспечении и получали власть по наследству, но, с другой стороны, они не могли распоряжаться земельными владениями своего населения и, главное, княжеский титул сохранял легитимность только после его утверждения верховным сюзереном: русскими царями, а ранее – казанскими ханами, которые и были верховными собственниками всех земель. Таким образом, власть татарских князей – это фактически исполнение чиновничьих функций на основании жалованных грамот, что соответствует ордынской традиции. Ведь именно практику выдачи ярлыков на управление В.В. Трепавлов назвал важнейшим элементом золотоордынской государственности [39].

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

После 1580/81 г. – Жалованная грамота Темею мурзе кн. Кочакову сыну Тюяшеву (Тюляшеву) на «княженье» над жителями половины Барышевской волости в Свяжском уезде, выданная взамен утерянной грамоты (1580/81 г.) от царя Ивана Васильевича.

Се я, царь и великий князь Иван Васильевич всеа России, пожаловал есми в своей отчине в Казанской земле Свяжскаго уезду Горные стороны Барышевой волости служилого татарина Темей мурзу княж Кочакова сына Тюляшева отца его княж Кочаковым княж[еньем]²¹ по старине со князем Ишеем²² попалам, Что бил нам челом Темей мурза княж Кочаков сын Тюляшева, а сказал: служил де мои отец ево²³ князь Кочак [...] ²⁴ всякие службы литовские и немецкие и полские и отца де и²⁵ его убили наши изменники луговые люди как нам изменили. А то отца его княжевь²⁶ отдано двоюродному его брату Ишею Кудайбердееву для того, что он после отца своего княж Кочака остался мал, в нашу службу не поспел, а ныне он наши всякие службы служит семей²⁷ год. И я б царь и великий князь Темей и²⁸ мурзу княж Кочакова сына Тюляшева тем отца его княж Кочакова княженьем пожаловал так же как то княжьем²⁹ было за отцом де княж Кочаком со князем Ишеем с Кудайбердеевым попалам. И Темей мурзе³⁰ княж Кочакову в том отца своего княж Кочакове княженье быти по тому ж как и отец его в том княженье был со князем Ишеем попалам. И в той волости в отца своего княженье в тех людей, которые в той волости в отца его княженье живут в своей половине во всем ему судить и управа меж ими чинить безволожитно и пошлины с суда имать на виноватом на себя с рубля по гривне, а с новоженцов имати ему с человека по кунце, и на нашу службу людей и збирать з земли своей половину, и ясак платить по нынешней жалованной по уставной прежней грамоте.

/л. 27об./ А преж сего в прошлом в 89-м году Темей мурзе на то отца его княженье наша жалованная грамота дана такова ж и тое деи у них грамоту взяли в разгром намеша³¹ литовские люди. Дана грамота на Москве лета 7007-го генваря в 5-й день. Печать приложена краснова воску.

РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 730. Л. 27–27об.

²¹ Чернила выцвели.

²² После слова «Ишеем» оставлено пустое место до конца строки.

²³ Слово «ево» приписано на правом поле.

²⁴ Восстановить слово не удалось, по буквам читается как «иш иль».

²⁵ буква «и» исправлена по ранее написанному.

²⁶ Так в тексте, должно быть «княженье».

²⁷ Так в тексте, возможно, должно быть «седьмой».

²⁸ Так в тексте.

²⁹ Так в тексте, должно быть «княженье».

³⁰ Так в тексте.

³¹ Так в тексте.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**Список населенных пунктов «татарских» сотен
и «чувашских» волостей
Свияжского уезда* из материалов следственного дела 1638 г.
о злоупотреблениях свияжского воеводы**

КНЯЗЬ АКЛЫЧЕВА СОТНЯ			
Сотня Тойгилды Ишкеева 1. Кайлеп 2. Мал. Маматкозино 3. Бол. Маматкозино 4. Сеитово 5. Едигерево 6. Карылни Сотня Елдаша Урахчина 7. Азелей 8. Наратнеево 9. Буланчеево 10. Шабазово 11. Бол. Бурундуково	12. Мал. Бурундуки 13. Чирпаево 14. Асаново 15. Багаево 16. Тутаево 17. Нов. Исеняково 18. Акылово Сотня Данилы Ишеева 19. Нурлатово 20. Молвино 21. Аисасыр 22. Ширдан 23. Верхний Ширдан 24. Бол. Утяково 25. Мал. Утяково	26. Бузаево Сотня Агиша Яндербышева 27. Муралеево 28. Янбахтино 29. Кушман 30. Бол. Каибичи 31. Ческап 32. Мал. Каибич 33. Черемшановское 34. Отнаш 35. Вуяли 36. Чирюево 37. Багишево 207. Какырчей (Бакырчей?)	Сотня Айтемыша Иванова 38. Байгулово 39. Аликоево 40. Усуг 41. Кулбараково 42. Чулы 43. Лиясев починок
КНЯЗЬ ИШЕЕВА СОТНЯ			
Сотня Ишкея Елболдина 44. Казыево 45. Булгаир 46. Бекеево 47. Другое Казыево 48. Азимово 49. Балчик	208. Бол. Янасалы 209. Мал. Янасалы 210. Кленчеево 211. Чаллы Сотня Урусая Атабаева 50. Наратбаши 51. Стар. Чирки	52. Бол. Кирланга 53. Бекеево 54. Дертюли 55. Анелеево 56. Апастово 57. Идрязево 58. Юмралы	59. Тораево 60. Барышево 61. Шонгут 212. Турма 213. Отрасово
КНЯЗЬ ТЕМЕЕВА СОТНЯ			
62. Ялгильдино 63. Шамбалыхчи 64. Булумбалыхчи 65. Азимово 66. Алмендерево	67. Бурнашево 68. Мямеевское 69. Куштово 70. Девлекеево 71. Сатмышево	72. Карамасары 73. Аккозино 74. Бургасово 75. Шигаево 214. Кокузово	215. Урусакново 216. Нов. Урусакново 217. Утямышево 218. Бакирчей
КНЯЗЬ БЕКБУЛАТОВА СОТНЯ			
Сотня Бичуры Бигушева 76. Коротай 77. Уразлино	80. Салтыки 81. Мал. Клери 82. Карамалы 83. Карманово	86. Нов. Коротай 87. Мал. Мереткози 88. Ишимово	91. Мяряткозино 92. Болтачево 212. Баргогозино

78. Мал. (Ст.?) Кле-ри 79. Даньшево	84. Каибердино 85. Севергозино	Сотня (имя сотника утрачено) 89. Стар. Салтыково 90. Менглышево	
ХОЗЕСАНОВСКАЯ ВОЛОСТЬ			
93. Хозесаново 94. Мал. Тяребер-деево 95. Бол. Тяребердее-во 96. Стар. Тяребер-деево	97. Атичево 98. Аксарино 99. Янгозино 100. Другое Чутеево	101. Курбаш 102. Миликеево 103. Кичкеево 104. Бол. Кошелево	105. Мал. Коше-леево 106. Ст. Келебер-деево 107. Кудай 108. Сюдюр
УТИНСКАЯ ВОЛОСТЬ			
109. Шакулово 110. Бахтеярово 111. Керемели	112. Иша 113. Тюмерево 114. Верх. Уты	115. Карклы 116. Урум 117. Стар. Урум	118. Шатыки-Сирми 119. Тобурданово 120. Камыевы Поля
ТЕМШЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ			
121. Турмышево 122. Янтиково 123. Алибаши 124. Бузаево	125. Беляево 126. Алдеярово 127. Апонасово 128. Тяребердеево	129. Яншихово 130. Другое Турмышево 131. Яковлево	132. Тенеево
ШИГАЛЕЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ			
133. Арябаш 134. Текашево 135. Стар. Шигалей	136. Буяново 137. Кизляр 138. Шихмурзино	139. Нов. Ишер 140. Нов. Нешена-рово 141. Ямбулатово	
КАРАМАМЕЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ			
142. Мамеево 143. Кобяково 144. Семеново	145. Бекшихово 146. Атишево 147. Биболдеево	148. Кибечево 149. Девлезери 150. Боташево	
АРИНСКАЯ ВОЛОСТЬ (указано два сотника: сотник Бурнаш Кадышев из д. Васюково и сотник Тинчура Байчурин из д. Урмар, находившийся «в аманатех» в г. Свияжске)			
151. Васюково 152. Алменево 153. Уроспогино 154. Семенчино 155. Юмашево	156. Белая Воложка Атиково 157. Яушево 158. Ходарово 159. Камышилги	160. Белая Воложка Киксары 161. Амалыково 220. Урмар 221. Кумилли	222. Бакырчеево 223. Кугушево 224. Чюрино 225. Янишево

АЙБЕЧЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ			
162. Итяково 163. Тогаево	164. Ахташево 165. Айдарово	166. Сяндюково 167. Кугеево	168. Бичурино
ЯЛЧИКОВСКАЯ ВОЛОСТЬ			
169. Инелево 170. Карамышево 171. Шеменеево	172. Байгулово 173. Бишево 174. Тансырыево	175. Мокшино 176. Деушево 177. Тансырыево	226. Полевые Большие Ялчики
ОНДРЕЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ			
178. Шихабылово 179. Исенево 180. Янсеитово 181. Янтиково 182. Янсубулово	183. Бишево 184. Инелево 185. Ондреево 186. Шибылгизово 187. Пинерево	188. Шутнеярово 189. Шималахово 190. Адаево 191. Кушилга 192. Алменево	193. Кудай 194. Камыево Поле 195. Янашево
ЧЕКУРСКАЯ ВОЛОСТЬ			
196. Байбахтино 197. Тогаево 198. Елборсово	199. Девлеткилдино 200. Бокашево 201. Первое Темир- чево	202. Мал. Темирче- во 203. Яниково 204. Акказино	205. Буртасы 206. Абызово

Примечания:

* Номера 1–206 указаны для сел и деревень из обыскных речей ясачных чуваш, татар и мордвы всех сотен и волостей Свяжского уезда по сыскному делу о злоупотреблениях бывшего свяжского воеводы Е.Ф. Мышецкого и дьяка Ф.С. Ларионова, записанных в ноябре-декабре 1638 г. [35, с. 140–149].

Номера 207–226 указаны для остальных сел и деревень из сказок ясачных чуваш и татар разных волостей и сотен, бывших «в аманатах» в г. Свяжске по сыскному делу о злоупотреблениях бывшего свяжского воеводы Е.Ф. Мышецкого и дьяка Ф.С. Ларионова, записанных в ноябре-декабре 1638 г. [35, 192–194].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Т. 1. Казань: тип. Губ. правл., 1859. 231 с.
2. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III / сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2002. 680 с.
3. *Акчурин М., Ишеев М.* Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. С. 4–18.
4. *Акчурин М.М., Ишеев М.Р.* Неизвестные грамоты потомков князя Акчуры Адашева // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. VII. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. С. 11–18.

5. Акчурин М.М., Басманцев Д.В., Кочетков В.Д. О службе и жалованьях свияжского князя Тугуша Девлет Бахтыева во второй половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 8. Казань: Институт истории АН РТ, 2016. С. 56–62.

6. Акчурин М., Ишеев М. Институт власти татарских князей в Российском государстве // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сборник статей. Вып. 4. Казань: Институт истории АН РТ; Яз, 2014. С. 5–27.

7. Басманцев Д.В. Политика российского правительства в отношении народов Поволжья и Приуралья во второй половине XVI – XVIII веке: некоторые особенности // Исторический опыт нацистроительства и развития национальной государственности чувашского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 99–112.

8. Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1998. 192 с.

9. Бахтин А.Г. Крымская посольская книга о подготовке «Второй Черемисской войны 1571–1574 гг.» // Марийский архивный ежегодник-2003. Йошкар-Ола, 2003. С. 120–129.

10. Беляков А.В. Князья Еникеевы и г. Темников в XV–XVII в. // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV – XVII веке. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2020. С. 737–758.

11. Дворцовые Разряды. 1612–1628. Том I. СПб: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850. 656 с.

12. Димитриев В.Д. Документы по истории города Чебоксар XVII–XVIII веков // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. XXI. С. 282–318.

13. Димитриев В.Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – начала XVII веков // Ученые записки ИЯЛИЭ Чувашии. Чебоксары, 1963. Вып. 22. С. 106–136.

14. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв). Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1986. 456 с.

15. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.): Тексты и коммент. / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 206 с.

16. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / сост. П.Н. Лупшов. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. 419 с.

17. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв.: (Управление Казан. краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 223 с.

18. Залеский В.Ф. Из казанской старины: Докл., чит. в заседании Казан. церк. ист.-археол. о-ва 29 окт. 1909 г. действ. чл. о-ва проф. В.Ф. Залеским // Православный собеседник. 1910 г. С. 559–570.

19. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогия, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 224 с.

20. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер-Лайн, 1998. 276 с.

21. Казанский край во второй половине XVI в.: источники и материалы / сост. Д.А. Мустафина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. 153 с.

22. *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк Крымско-татарского землевладения (Продолжение) // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Т. 23. Симферополь: Типография Таврического губернского правления, 1895. С. 71–117.

23. *Лисейцев Д.В.* Новые сведения о «татарской войне» 1615–1616 гг. в Казанском царстве и судьбе членов семьи предводителя Еналеева восстания // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 107–126. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.107-126

24. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца. Т. IV. Архив А.П. Языкова / Разобран и приготовлен к изданию Н. Мартыновым. Симбирск: Типография бр. Сыроевых, 1904. 654 с.

25. *Мустафина Д.А.* Акты землевладения служилых музр Ишеевых из фондов Российского государственного архива древних актов // Тюркологические исследования. 2019; 2(2). Казань: изд-во Казанского университета, 2019. С. 97–111.

26. *Насыри К.* Избранные произведения. Казань: Тат. кн. изд-во, 1977. 254 с.

27. *Охотникова С.В.* Проблема «ясачных чувашей» в современной российской историографии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. № 6. С. 94–109.

28. Перечневая книга Свяжского уезда: по материалам писцового описания 1646–1652 годов / сост. Д.А. Мустафина. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. 168 с.

29. *Петров К.В.* Уставные грамоты (акты) наместничьего управления XIV – начала XVII в.: генезис правовой формы нормативного акта // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2. С. 169–175.

30. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / Отв. ред. М.В. Моисеев; подгот. текста А.В. Малов, О.С. Смирнова; статьи, коммент. А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, А.В. Малов, М.В. Моисеев. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. 400 с.

31. Посольская книга по связям России с Ногайской ордой: (1576 г.) / подгот. В.В. Трепавлов. М.: Ин-т рос. истории, 2003. 91 с.

32. Продолжение Древней Российской Вивлиофики. Ч. 11. СПб., 1801. 315 с.

33. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Первая половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. (Окончание.) СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 310 с.

34. Полное собрание русских летописей. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский Летописец). СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. 546 с.

35. Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 2. Местное управление и сословия г. Свяжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы) / сост. А.А. Чибис. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. 268 с.

36. Сметный список 139 году // Временник Императорского общества истории и древностей российских. Кн. 4. М., 1849. С. 18–51.

37. Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Димитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.). Казань, 1909. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://krotov.info/acts/16/2/1565sviyazhsk.htm> (дата обращения – 11.12.2021).

38. *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература РАН, 2007. 256 с.

39. *Трепавлов В.В.* Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблемы адаптации) // Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань, 2011. С. 215–228.

40. Тяжебные документы чуваш Козмодемьянского уезда, XVI, XVII и XVIII столетий / сост. В.К. Магницкий. Казань: Типография губернского правления, 1893. 19 с.

41. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 223 с.

42. *Файзрахманов И.З.* Мурзинские роды Казанской губернии: Свидетельства их именитого происхождения согласно сведениям Казанской губернской и провинциальных канцелярий за 1780 год // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 11. Казань: Институт истории АН РТ, 2019. С. 119–162.

43. Чебоксары во второй половине XVI – XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов / сост., авт. предисл., коммент. и примеч. Д.В. Басманцев; науч. ред. В.Д. Кочетков; ГИА ЧР; ЧГИГН. Чебоксары: ГИА ЧР, 2019. 672 с.

44. *Чибис А.А.* К вопросу об инкорпорации нерусских народов Горной стороны Казанской земли в правовую систему Русского государства во второй половине XVI – XVII веках // Исторический опыт нацистроительства и развития национальной государственности чувашского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 87–98.

45. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1915 г., Кн. 4 (255). М.: Синодальная типография, 1915. 862 с.

46. *Шатило А.Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. 256 с.

47. *Allentoft, M., Sikora, M., Sjögren, K.G. et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature* 522, 167–172 (2015). DOI: 10.1038/nature14507 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/nature14507> (дата обращения – 11.01.2021).

48. *Damgaard, P.d.B., Marchi, N., Rasmussen, S. et al.* 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // *Nature* 557, 369–374 (2018). DOI: 10.1038/s41586-018-0094-2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/s41586-018-0094-2> (дата обращения – 11.01.2021).

49. *Ivanics M., Usmanov M.A.* Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiznāmā) Vol. I. Szeged, Department of Altaic Studies, University of Szeged, 2002. 324 p. (In German).

Сведения об авторах: Максум Маратович Акчурин – кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация). E-mail: bigeevo@yandex.ru

Олег Олегович Владимиров – научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация). E-mail: olegvladimirov@list.ru

Поступила 26.12.2021 Принята к публикации 20.02.2022
Опубликована 29.03.2022

REFERENCES

1. *Historical and Legal Acts and the Ancient Royal Charters of the Kazan and Other Neighboring Provinces Collected by Stepan Melnikov*. Vol. 1. Kazan: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1859. 231 p. (In Russian)
2. *Acts of Service Landowners from the fifteenth to beginning of seventeenth century*. Vol. 3. Ed. by A.V. Antonov. Moscow: Drevlekhranilishche, 2002. 680 p. (In Russian)
3. Akchurin M., Isheev M. Ethnopolitical structures of Meschera in the sixteenth century. *Medieval Turkic-Tatar States. Collection of Articles*. Iss. 6. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014, pp. 4–18. (In Russian)
4. Akchurin M.M, Isheev M.R. Unknown charters of the descendants of Prince Akchura Adashev. *Ethnological Research in Tatarstan*. Iss. 7. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, pp. 11–18. (In Russian)
5. Akchurin M.M., Basmantsev D.V., Kochetkov V.D. On the service and salary of the Sviyazhsky prince Tugush Devlet Bakhtiev in the second half of sixteenth century. *Medieval Turkic and Tatar States*. Iss. 8. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 56–62. (In Russian)
6. Akchurin M., Isheev M. Institute of the Tatar princes' power in the Russian state. *Historical Destinies of the Peoples of the Volga and Cis-Ural Regions. Collection of Articles*. Iss. 4. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Yaz, 2014, pp. 5–27. (In Russian)
7. Basmantsev D.V. The policy of the Russian government towards the peoples of the Volga and the Cis-Ural regions from the second half of sixteenth to eighteenth century: Some features. *The Historical Experience of Nation-building and the Development of the National Statehood of the Chuvash People: Proceedings of the All-Russian Research Conference (Cheboksary, October 16, 2020)*. Cheboksary: ChGIGN, 2020, pp. 99–112. (In Russian)
8. Bakhtin A.G. *The fifteenth and sixteenth centuries in the History of the Mari Region*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy poligraficheskoye-izdatel'skiy kombinat, 1998. 192 p. (In Russian)
9. Bakhtin A.G. Crimean Embassy book about preparation of the “Second Cheremis war of 1571–1574”. *Mari Archival Yearbook–2003*. Yoshkar-Ola, 2003, pp. 120–129. (In Russian)
10. Belyakov A.V. The Dukes Enikeevs and Temnikov from the fifteenth to seventeenth centuries. *On the Way to the States of the New Age: The West and the East of Europe from the end of fifteenth to seventeenth century*. Kaluga: Kaluzhskiy gosudarstvennyy institut razvitiya obrazovaniya, 2020, pp. 737–758. (In Russian)
11. *Palace Ranks. 1612–1628*. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1850. 656 p. (In Russian)
12. Dimitriev V.D. Documents on the history of the city of Cheboksary in the seventeenth and eighteenth centuries. *Scientific Notes of the CHNII*. Cheboksary, 1962. Iss. XXI, pp. 282–318. (In Russian)
13. Dimitriev V.D. Documents on the history of the peoples of the Middle Volga region of the sixteenth and early seventeenth centuries. *Scientific Notes of the IYALIE of Chuvashia*. Cheboksary, 1963. Iss. 22, pp. 106–136. (In Russian)
14. Dimitriev V.D. *Chuvashia in the Era of Feudalism (from the sixteenth to early nineteenth centuries)*. Cheboksary: Chuvashskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1986. 456 p. (In Russian)
15. *Documents on the History of the Kazan Region from the Archives of the Tatar ASSR (from the second half of sixteenth to middle of seventeenth century): Texts and Com-*

ments. Ed. by I.P. Ermolaev, D.A. Mustafina. Kazan: Kazan State Universitet Publ., 1990. 206 p. (In Russian)

16. *Documents on the History of the Udmurtia from the fifteenth to seventeenth centuries*. Ed. by .N. Luppov. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatelstvo, 1958. 419 p. (In Russian)

17. Ermolaev I.P. *The Middle Volga Region in the second half of sixteenth and seventeenth centuries: Management of the Kazan Territory*. Kazan: Kazan State University Publ., 1982. 223 p. (In Russian)

18. Zaleskiy V.F. From the Kazan Antiquity: Report read at the meeting of the Kazan Church Historical and Archaeological Society on October 29, 1909. *Orthodox Interlocutor*. 1910, pp. 559–570. (In Russian)

19. Iskhakov D.M. *The Arsky Princes and Nukrat Tatars (Historical and ethnographic information, genealogy, clan affiliation, place in the socio-political structure of the Kazan Khanate and the Russian State)*. Kazan: Fen, 2010. 224 p. (In Russian)

20. Iskhakov D.M. *From the Medieval Tatars to the Tatars of Modern Times (an ethnological view of the history of the Volga-Ural Tatars from the fifteenth to seventeenth centuries)*. Kazan: Master-Layn, 1998. 276 p. (In Russian)

21. *The Kazan Region in the second half of sixteenth century: Sources and Materials*. Ed. by D.A. Mustafina. Kazan: Kazan State Universitet Publ., 2012. 153 p. (In Russian)

22. Lashkov F.F. Historical sketch of the Crimean Tatar land ownership (continued). *News of the Taurian Scientific Archival Commission*. Vol. 23. Simferopol: Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo pravleniya, 1895, pp. 71–117. (In Russian)

23. Liseyev D.V. New information about the “Tatar War” in 1615–16 in the Kazan Tsardom and the fate of family members of the leader of Enalei’s Uprising. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 107-126. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.107-126 (In Russian)

24. *Materials of the Historical and Legal District of the Former Order of the Kazan Palace*, Vol. IV: *Archive of A.P. Yazykov*. Ed. by N. Martynov. Simbirsk: Tipografiya br. Sysoevykh, 1904. 654 p. (In Russian)

25. Mustafina D.A. Acts of land tenure of the service murzas of Isheevs from the funds of the Russian state archive of ancient acts. *Turkological Studies*. 2019; 2(2). Kazan: Kazan State Universitet Publ., 2019, pp. 97–111. (In Russian)

26. Nasryi K. *Selected Works*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1977. 254 p. (In Russian)

27. Okhotnikova S.V. The problem of the “yasak Chuvashes” in modern Russian historiography. *From the History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2016, no. 6, pp. 94–109. (In Russian)

28. *The List Book of the Sviyazhsky Uyezd: Based on the Materials of the Scribe Description of the years 1646–1652*. Ed. by D.A. Mustafina. Kazan: Kazan State University Publ., 2004. 168 p. (In Russian)

29. Petrov K.V. Charters (acts) of the governor’s administration from the fourteenth to beginning of the seventeenth century: The genesis of the legal form of a normative act. *Leningrad Law Journal*. 2006, no. 2, p. 169–175. (In Russian)

30. *The Embassy Book on the Relations of the Moscow State with the Crimea. 1567–1572*. Ed. by M.V. Moiseev et al. Moscow: Fond “Russkie Vityazi”, 2016. 400 p. (In Russian)

31. *The Embassy Book on Russia’s Relations with the Nogai Horde: (1576)*. Ed. by V.V. Trepavlov. Moscow: Institut rossiyskoy istorii, 2003. 91 p. (In Russian)

32. *The Continuation of Ancient Russian Bibliotheca*. Part 11. St. Petersburg, 1801. 315 p. (In Russian)

33. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 13, first half, VIII: *Chronicle Collection Called the Patriarchal or Nikon Chronicle*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1904. 310 p. (In Russian)

34. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 19: *History of the Kazan Kingdom (Kazan Chronicle)*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1903. 546 p. (In Russian)

35. *Collection of Historical Monuments of Chuvashia and the Chuvash People*, Vol. 2: *Local Administration and Estates of Sviyazhsk and the District in the first half of seventeenth century (the investigative case of 1638 on the abuses of the Sviyazhsky voevoda)*. Ed. by A.A. Chibis. Cheboksary: ChGIGN, 2020. 268 p. (In Russian)

36. Estimated list of the 139th year. *Annals of the Imperial Society of History and Antiquities of Russia*. Book 4. Moscow, 1849, pp. 18–51. (In Russian)

37. *List from the Scribal and Boundary Book of the City of Sviyazhsk and the County of Letters and Surveying by Nikita Vasilyevich Borisov and Dimitri Andreevich Kikin (1565–1567)*. Kazan, 1909. Available at: <http://krotov.info/acts/16/2/1565sviyazhsk.htm> (accessed: 11.12.2021). (In Russian)

38. Trepavlov V.V. *The “White Tsar”. The Image of the Monarch and the Idea of Citizenship among the Peoples of Russia from the fifteenth to eighteenth centuries*. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2007. 256 p. (In Russian)

39. Trepavlov V.V. The Turkic peoples of the Volga and Cis-Ural regions: From the Golden Horde to the Muscovite Kingdom (problems of adaptation). *The Turkic Peoples of Medieval Eurasia. Selected Works*. Kazan, 2011, pp. 215–228. (In Russian)

40. *Litigation Documents of the Chuvash of the Kozmodemyansky District from the sixteenth to eighteenth centuries*. Ed. by V.K. Magnitskiy. Kazan: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1893. 19 p. (In Russian)

41. Usmanov M.A. *Tatar Historical Sources of the seventeenth and eighteenth centuries*. Kazan: Kazan State University Publ., 1972. 223 p. (In Russian)

42. Fayzrakhmanov I.Z. Murza clans of the Kazan province: Evidence of their eminent origin according to information of the Kazan provincial chancellery of 1780. *Medieval Turkic-Tatar States*. Iss. 11. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 119–162. (In Russian)

43. *Cheboksary from the second half of sixteenth to eighteenth century: Documents and Materials from the Funds of the Russian State Archive of Ancient Acts*. Ed. by D.V. Basmantsev. Cheboksary: GIA ChR, 2019. 672 p. (In Russian)

44. Chibis A.A. On the issue of the incorporation of the non-Russian peoples of the mountain side of the Kazan land into the legal system of the Russian state in the second half of sixteenth and seventeenth centuries. *Historical Experience of Nation-building and Development of National Statehood of the Chuvash People: Proceedings of all-Russian Research Conference (Cheboksary, October 16, 2020)*. Cheboksary: ChGIGN, 2020, pp. 87–98. (In Russian)

45. *Readings in the Society of History and Russian Antiquities at the Moscow University*. 1915. Kn. 4 (255). Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1915. 862 p. (In Russian)

46. Shapiro A.L. *The Russian Peasantry before Enslavement (from the fourteenth to sixteenth centuries)*. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1987. 256 p. (In Russian)

47. Allentoft, M., Sikora, M., Sjögren, K.G. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*. 522, 167–172 (2015). DOI: 10.1038/nature14507. Available at: <https://www.nature.com/articles/nature14507> (accessed: 11.1.2021).

48. Damgaard, P.d.B., Marchi, N., Rasmussen, S. et al. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes. *Nature*. 557, 369–374 (2018). DOI: 10.1038/s41586-018-

0094-2. Available at: <https://www.nature.com/articles/s41586-018-0094-2> (accessed: 11.1.2021).

49. Ivanics M., Usmanov M.A. *Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiznāmā)* Vol. I. Szeged: Department of Altaic Studies, University of Szeged, 2002. 324 p. (In German)

About the authors: Maksim M. Akchurin – Cand. Sci. (History), Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: bigeevo@yandex.ru

Oleg O. Vladimirov – Researcher, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: olegvladimirov@list.ru

*Received December 26, 2021 Accepted for publication February 20, 2022
Published March 29, 2022*

**ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ ЗА ЗОЛОТОЙ ПЕЧАТЬЮ:
ИСТОРИЯ БЫТОВАНИЯ И АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
(ОБ ОРДЫНСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ВОПРОСЕ ИНВЕСТИТУРЫ)**

А.В. Беляков

*Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
belafeb@gmail.com*

Цель исследования: обобщить и проанализировать все известные свидетельства о пожаловании московскими государями жалованных грамот с золотой (чаще серебряной вызолоченной) печатью в XVI в.

Материалы исследования: документы Посольского приказа, а также свидетельства русских летописей.

Результаты и научная новизна: установлено, что подобные жалованные грамоты выдавались в регионы, недавно присоединенные к Московскому государству, или же добровольно вступившие в формальное подданство. С усилением реальной власти русских государей выдача подобных документов прекращалась. Ареал распространения грамот включал регионы Среднего Поволжья, Приуралья, Западной Сибири и Кавказа. Природа подобных документов носила двойственный характер. С одной стороны, это было развитие традиций, присущих русским землям, а с другой – учитывала ордынские правила, в соответствии с которыми право владения землей было возможно только обладая разрешением со стороны высшей власти (хана, царя). С захватом Казани и Астрахани Москва унаследовала эти их функции. Однако подобные грамоты начались выдаваться несколько ранее. Возможно, это происходило уже в XV или даже конце XIV в. Рассматриваемые печати и грамоты фиксируются до 1-й трети XVII в.

Ключевые слова: Русское государство XV–XVII в., жалованная грамота, золотая печать, инвестиатура, Золотая Орда, Западная Сибирь, Северный Кавказ, Среднее Поволжье

Для цитирования: Беляков А.В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 184–211. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211

**DIPLOMAS WITH THE GOLDEN BULLA, HISTORY
AND AREA OF DISTRIBUTION: THE HORDE'S CONTINUITY
IN THE MATTER OF INVESTITURE**

A.V. Belyakov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
belafeb@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* To summarize and analyze all known evidence of the Moscow sovereigns awarding granted charters with a gold (usually gilded silver) seal in the sixteenth century.

Research materials: Documents of the Ambassadorial Prikaz, as well as evidence found in the Russian chronicles.

Results and novelty of the research: It is established here that such granted charters were issued to the regions recently annexed to the Moscow state or those having voluntarily entered into formal citizenship. With the strengthening of the real power of the Russian sovereigns, the issuance of such documents was discontinued. The area of distribution of charters included the regions of the Middle Volga, the Urals, Western Siberia, and the Caucasus. The nature of such documents was twofold. On the one hand, they originated from the development of the traditions inherent in Russian lands, and on the other hand, they reflected the Horde's rules, in accordance with which the right to own land was possible only with permission from the higher authorities (a khan or tsar). With the capture of Kazan and Astrakhan, Moscow inherited these functions though its issuance of such certificates began a little earlier. Perhaps it happened already in the fifteenth or even the end of fourteenth century. The seals and charters in question are recorded up to the first third of seventeenth century.

Keywords: Russian state from the fifteenth to seventeenth centuries, diplomas with the golden bull, investiture, Golden Horde, Western Siberia, North Caucasus, Middle Volga region

For citation: Belyakov A.V. Diplomas with the Golden Bulla, History and Area of Distribution: The Horde's Continuity in the Matter of Investiture. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 184–211. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211 (In Russian)

В истории взаимоотношений Московского великого княжества (царства) с государственными образованиями, возникшими на территории некогда единой Золотой Орды, имеется один очень интересный и в то же время малоизученный сюжет – устойчивое бытование жалованных грамот за золотой печатью (на самом деле в подавляющем большинстве они были серебряные вызолоченные), выдававшиеся от имени русского государя. Нельзя сказать, что данная тема никогда не поднималась в научной литературе [25; 64]. Однако, как правило, исследователи рассматривали отдельные сюжеты без попытки проанализировать известные случаи как различные грани единого процесса. В данной работе мы предпримем попытку обобщить все имеющиеся в нашем распоряжении сведения об этом явлении и предложим его интерпретацию.

Сибирь

Правитель Сибири из рода Тайбугидов князь Едигер бин Касим в 1555 г.¹ по собственной инициативе согласился на выплату дани Ивану IV. Его послы фиксируются в Москве в январе 1555, октябре 1556, сентябре 1557, ноябре 1558 и в 1563 г. [47, с. 248, 276, 285, 313, 370]. Отсутствие летописных известий о посольствах за 1559–1562 гг., по-видимому, следует объяснить тем, что данные визиты со временем стали рутинной практикой. В наказе послу в Литву Савлуку Турлееву осенью 1555 г. дается более развернутая картина происходящего: «А нечто спросят Савлука: почему царь и великий князь пишется Сибирские земли повелителем? И Савлуку говорити: Сибирская земля по ряду с Казанскою землею; и как государь наш царь и великий князь Казань взял, и сибирской князь Едигер бил челом государю нашему с всеми сибирскими людьми, чтоб цари и великий князь пожаловал, Сибирскую землю держал за собою и дань бы с них имал, а их бы с Сибирские земли не сводил. И государь их пожаловал, дань свою на них положил давати им с сорока тысеч человек на всякой год с всякого человека по два соболя з головы, да данщику по две белки, и грамоту им свою жаловальную на то дал, что их с тово юрта не сводити; а дань с них имати на всякий год без перевода; а послал к ним государь по свою дань своего данщика Дмитрея Курова сына Непейцина, а будет Дмитрей с тою данью к государю к Рождеству Христову или к Крещенью. А на службу ходити Едигерю князю со всеми воинскими людьми куды государь наш пошлет» [57, с. 479–480]. Никоновская летопись дополняет картину новыми подробностями. В сентябре 1557 г. в Москву из Сибири в сопровождении сибирского посла вернулись служилые татары Посольского приказа во главе станичников и толмачей Девлет-Хози и Собани (Собан, Собаней) Резановых². Они посылались принимать шерть у Тайбугида князя Едигера и собирать дань с подвластных ему племен: «тысячу соболей, да дорожной пошлины сто да 60 соболей за белку, да грамоту шертную привезли с княжею печатью, что ся учинил князь в холопстве, и дань на всю свою землю положил» [47, с. 285; 48, с. 586]. Собаней побывал в Сибири еще как минимум один раз. В ноябре 1559 г. он приехал в столицу с частью очередной дани [47, с. 313; 48, с. 607].

В таком случае вырисовывается следующая картина. В 1554 г. князь Едигер принимает решение платить дань Ивану IV. Для этого в Москву отправляется посольство, прибывшее туда в январе 1555 г. Русский государь с радостью принимает предложение и в этом же году посылает в Сибирь своего данщика Дмитрея Курова сына Непейцина, по-видимому, в сопровождении служилых татар Посольского приказа. Однако окончательно юридически это

¹ В январе 1555 г. об этом стало известно в Москве. Значит, само решение было принято летом – осенью 1554 г.

² Служилые татары Посольского приказа (ранее великокняжеские) сопровождали послов и посланников в мусульманские страны (за исключением Персии), а также выполняли самостоятельные миссии, выступая гонцами и посланниками. Постепенно из них выделились такие категории внешнеполитического ведомства как толмачи и переводчики. Под началом станичных голов, а здесь говорится именно о них, было от 2 до 9 рядовых станичников. Многие из них находились между собой в родственных отношениях. В XVI в. станичный голова зачастую являлся синонимом понятия толмач.

было оформлено несколько позднее. Шертование в Сибири произошло только в первой половине 1557 г. Осенью того же года в Москву привезли шертную грамоту «с княжею печатью». По-видимому, при окончательном заключении договора возникли определенные трудности.

В 1563 г. Едигер был убит Шибанидом ханом Муртазой, возвратившим себе Сибирь [29]. Тогда же в Москве оказываются вдова Едигера, дочь ногайского бия Исмаила, с сыном. В настоящее время их отождествляют с испомещенными в Коломенском уезде княгиней Суньяшой и мирзой Карамышем [42, с. 472, 543–544; 31; 11]. Первый дипломатический контакт с сибирскими Шибанидами фиксируется вскоре после захвата Сибири: «Столпик сибирской 7072-го году, приезд к Москве сибирсково Муртозы царя татарина Ташкина» [36, с. 97, л. 189 об.]. После этого они прекратились на несколько лет.

Во второй половине 1560-х гг. резко ухудшились отношения между сибирскими правителями и казахским ханом Хакк-Назаром, казахи начинают борьбу за башкирские улусы, ранее находившиеся под управлением ногаев и Кучума. В 1569 г. Хакк-Назар совершил крупный поход на Ногайскую Орду. Среди ногаев значительные потери понесли Шихмамаевичи, союзники Кучума. Он в свое время воспитывался у их отца Шейх-Мамаю бин Мусы. Существует мнение, что на протяжении 1570-х гг. казахи даже собирали дань с сибирских ногайцев и татар. В сложившейся ситуации сибирскому хану нужны были новые союзники. Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябинина считают, что именно Москва первой напомнила о прежних даннических отношениях с Сибирью, сложившихся еще при Тайбугидах [29]. Но подобному построению противоречат сохранившиеся свидетельства. В марте 1569 г. глава миссии от Кучума (гонец?) Аис был отпущен из Москвы. 3 июня он уже был в Перми и тогда же отпущен в Сибирь [3, № 179. с. 340–341]. По неизвестным причинам до этого некоторое время ему пришлось провести в московской тюрьме. Возможно, он был одним из членов посольства 1563/64 г. от хана Муртазы, которых было приказано арестовать, и о которых просил ногайский бий Исмаил [60, с. 123–128].

Возможно в 1568 г. в Москву была передана грамота от Кучума с устным обещанием платить ежегодную дань, как при князе Едигере. В ответ на это, с некоторой задержкой Аиса, гонца хана Муртазы, плененного в 1563 г. отправили с посланием Ивана IV в Сибирь. Посчитав, что первое послание не дошло, Кучум, возможно летом-осенью 1570 г. отправляет однотипное послание, а на словах сообщает о том, что уже начал собирать дань.

Преыдушие исследователи относят послание Кучума к 1570 г., ссылаясь на сообщение о том, что 17 марта 1570 г. в Москву было привезено письмо от Кучума из Перми кн. Никитой Ромодановским, которое в свою очередь ему около Николина дня осеннего привез «гогулетин (вогул – А.Б.) из Конды Ивака Ивакин сын с Пельма. Ему же ту грамоту дали в Сибири». Но в грамоте просят отпустить неких пленников. Аиса же отпустили из тюрьмы и отправили в Сибирь уже в марте 1569 г [29; 3, № 179. с. 340–341]³. Данное сообщение интересно для нас еще и тем, что показывает, как в этот период организовывались дипломатические контакты. Боясь направить гонцов напрямую, Кучум посылал людей на север, в район Пелымского княжества, где

³ РГАДА. Ф. 131. Оп. 2. 1577 г. Д. 2.

отслеживали людей, собиравшихся в русские земли, и перепоручали им грамоты. Недостаток подобного подхода заключался в первую очередь в том, что при таком способе корреспонденция шла очень медленно. За это время как внешняя, так и внутривосударственная ситуации могли кардинально поменяться. Обратим внимание еще на один момент. Аиса отпустили в марте 1569 г. Значит грамота Кучума была получена в Москве летом – осенью 1568 г. Из Перми ее могли направить весной того же года. Но в таком случае в Сибири ее должны были написать осенью 1567 г. или даже несколько ранее. Поэтому посольство 1563/64 г. и события рубежа 60-х – 70-х гг. XVI в. следует рассматривать как звенья одной цепи, при этом очень тесные.

В Сибири оперативно отреагировали на послание из Москвы и направили посольство. В описании послания Кучума в Титулярнике № 3 указано, что даты нет, сами же составители этого документа отмечают дату как 7080-й год. Однако ответное послание царя Ивана Васильевича, размещенное ниже, имеет дату: октябрь 7080-го. Соответственно это послание Кучума в Москве должно было оказаться не ранее сентября 1571 г.⁴

В это время Кучум вел войну с Казахским ханством и нуждался в союзниках. Он согласился выплачивать дань Москве в том же объеме, что платили Тайбугиды. Для этого в Россию отправили посла Таимаса, гонца Аиса и (абыза?) Магмед бака (бакшея?) хозе Сеипова (ходжа Сеипова) сына⁵. Из Москвы они поехали с русским послом Третьяком Чабуковым и текстом шертной грамоты. Но ситуация вскоре поменялась, и в 1572 (или же в 1573) г. хан отказался от выплаты дани. Хотя первая выплата, похоже, была осуществлена. Обратим внимание на очень важный для нас факт – оформление государевой грамоты посланной к Кучуму: «И того для к сему ярлыку на большое укрепленье золотую свою печать есми приложил»⁶. О печати мы поговорим ниже.

В целом публикаторы XIX в. точно передали текст шерти Кучума. Однако по неизвестным причинам они проигнорировали помещенную в нем дату хиджра, поместив на ее месте отточие. 979 г. длился с 16 мая 1571 по 3 мая 1572 г., что в целом соответствует датировке документов и подтверждается архивной описью [37, с. 289, л. 493 об. – 494]. Но здесь возникает определенный вопрос о том, как посольство должно было вернуться в Сибирь. Похоже, обратно они отправились в октябре 1571 г. В противном случае не

⁴ «Всемогушаго безначального Бога неизреченным милосердием, крестьянского закона един правый царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, Владимирский, Московский, Ноугородцкий, царь Казанский, Царь Астороханьский, господарь Псковский, великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермьский, Вятцкий, Болгарьский и иных, царь и великий князь Новгорода Низовские земли, Черниговский, Резаньский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всея Сибирьские земли и северные страны повелитель, и Господарь земли Вифлян/83/ские и иных, Сибирские начальнику Кучуму царю милостивое слово с любовным жалованьем и доброю мыслью великое защищенье, и Богособные наши власти, всего твоего улуса людем, безстрашное пребывание и крепкое слово то.

А в свершение писано:

И того для к сему ярлыку на большое укрепленье золотую свою печать есми приложил. От создания Адамля лета 7080-го октября.

Писан в государстве нашего дворе, града Москвы, а вашего лета 979-го» (РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 83).

⁵ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 84 об.

⁶ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 83.

было необходимости в спешке. Все документы можно было подготовить ранней весной. Но в таком случае участники посольства могли не успеть приехать в ставку Кучума до мая 1572 г. А это означает, что на документе следовало ставить другую дату по хиджре – 980-й. По-видимому, горы было решено обойти южнее того маршрута, по которому ранее грамоты из Сибири попадали в Москву. Существующие исследования позволяют нам представить по каким транспортным магистралям могла осуществляться коммуникация между Россией и Сибирью. Речь идет о так называемой старой Казанской дороге. В настоящее время под ней подразумевают систему дорог, «соединявших азиатскую и европейскую часть континента, проходивших через Южный Урал, включавшая в себя отдельные участки меридиональных путей, проходивших вдоль Уральского хребта». В нашем случае, похоже, воспользовались путем через область Тахчеи – транспортный коридор между Прикамьем и Сибирью, через который также можно было попасть в Среднюю Азию, в «Бухарею». Она располагалась в среднем и верхнем течении р. Сылва (и нижнем течении р. Ирень) и в верхнем течении р. Чусовая. На Сылве и в нижнем течении Чусовой Строгановы после 1568 года ставят острожки. В июле 1573 г. именно сюда совершил набег сибирский царевич Мухаммед-Кулбин Ахмед-Гирей, когда пленил Третьяка Чабукова [53; 54]. По-видимому, данный путь признавался как вполне удобный, если им пользовались регулярно. Ведь Т. Чабуков, после возвращения из посылки 1571/72 г., вновь направляется во главе дипломатической миссии за Уральские горы⁷, и, как мы видим, частично по тому же маршруту.

Имеется иное объяснение случившемуся. По мнению В.В. Трепавлова, в этой части Евразии (Сибирь и башкиры⁸) утвердилась государственная традиция, предусматривавшая легитимность земельного владения только в форме пожалования от монарха. «Хан не только жаловал земли и подвластное население, но и подтверждал право подданных на пользование их исконными, доставшимися от предков землями. Законно владеть ими можно было, только обладая разрешением и согласием со стороны высшей власти» [59, с. 183]. С захватом Казани функция верховного сюзерена перешла к московскому царю. С тем же можно было обратиться и в Бухару, к хану Абдаллаху,

⁷ Куда была направлена миссия 1572/73 г. во главе с Т. Чабуковым в настоящее время непонятно. Если она посылалась к Кучуму, то его разгром племянником сибирского хана выглядел как полное самоуправство. Для того чтобы определить иное возможное место посылки, Казахская Орда или одно из государств Средней Азии, требуются дополнительные сведения.

⁸ Исследователь ссылается на сведения об этом в сохранившихся башкирских шежере и преданиях. Упоминается дата обращения – 1555 г. (по другим сведениям 1564 г.). Как мы увидим ниже, в эти годы в Москву к Ивану IV действительно приходили послы от разных народов за жалованными грамотами. С высокой долей вероятности депутация должна была приниматься самим царем и покинула столицу с жалованной грамотой. «Золотая» печать на ней со временем могла в народной памяти под воздействием иных, более поздних событий, трансформироваться в золотые тарелку и ложку. Однако на это могли рассчитывать только представители крупных родовых объединений. Другие же в действительности возможно получали «ярлыки» у казанских воевод. Отметим, что постоянное указание на Казань, а не на Москву, как на место получения жалованных грамот и постоянного (частого) присутствия русского царя, является прямой отсылкой к более ранней практике получения инвеституры [8, с. 33, 73, 79, 117, 127, 150; 7, с. 141–143, 177–178].

но это неминуемо привело бы к возрастанию влияния южных соседей на сибирские дела [13]. Москва же находилась далеко. Таким образом, русские государи наследовали административные полномочия своих золотоордынских и казанских предшественников. В.В. Трепавлов отмечает, что в отношениях между Россией и тюркскими соседями практика выдачи ярлыков на управление была эпизодической. Она являлась рудиментом угасающей золотоордынской государственности, да и действовала лишь непосредственно в зоне татарской государственной традиции и в тех регионах, где сохранялась память об административных устоях Золотой Орды» [59, с. 182–185]. Наблюдения исследователя абсолютно справедливы. Однако нуждаются в некоторых дополнениях и коррекции. Дело в том, что при знакомстве с источниками география рассматриваемой традиции значительно расширяется. Помимо этого становятся известны некоторые дополнительные данные об обязательных элементах оформления подобных грамот.

Поволжье – территория Казанского ханства

Оказывается, что сибирские грамоты были далеко не первыми подобными документами, выдававшимися в Москве. Весной 1551 г. у Ивана IV просили аналогичный документ чуваш и черемисы (марийцы): «государю били челом ото всее Горние стороны, от князей и мырз, сотных князей и десятных, и чувашей, и черемисы, и казаков, чтобы им государь гнев свой отдал, а велел бы у Свяжского города быти, и правду государю на том по своей вере дают, чтоб им от государя и их детем неотступным быти и х Казани от Свяжского города не отложитися никак, и пожаловал бы их государь, в ясакех полехчил и дал бы им жаловалную свою грамоту, как им вперед быти. И государь их пожаловал, гнев свой им отдал и воевати их не велел, и взял их к своему Свяжскому городу, и дал им грамоту жаловалную со златою печатью, и ясак им отдал на три года» [46, с. 62]. Исследователи ошибочно интерпретируют данный документ как уставную грамоту и рассматривают его выдачу как важнейший элемент по инкорпорации края в правовую систему Русского государства [64, с. 88]. Однако на самом деле перед нами пример того, как московские власти предлагали сохранять на вновь присоединенных землях привычную систему управления в обмен на безусловную лояльность по отношению к московскому царю. Мы вправе предположить, что подобные грамоты «со златой печатью» выдавались и в иные регионы, некогда входившие в состав Казанского ханства, а также во вскоре завоеванную Астрахань. Ценность подобных документов для населения этих двух татарских царств, в первую очередь заключалась в том, что они, похоже, были абсолютно привычными для них.

И.В. Зайцев высказал идею о том, что Казанское ханство делилось на ряд неравноправных по статусу административных единиц [22]. В таком случае эти образования должны были выстраивать свои взаимоотношения с Казанью на основании некоторых юридических документов, наподобие рассматриваемых нами жалованных грамот.

Кавказ и Закавказье

Имеются и иные направления, в которых упоминаются все те же жалованные («жалованные») грамоты. При этом они изначально выдавались не в Казани, а в Астрахани. В наказе послу в Литву Савлуку Турлееву читаем: «А к государю приехали черкасские князи Пятигорские; а наперед сего приезжали к государю князи черкасские Алкльч князь Езбузлуков сын княжой и иные князи ото всех бити челом, чтоб их государь пожаловал, взял в свое имя. И государь их пожаловал и посылал к ним посла своего Ондreja Щепотева, и Ондрей у них был и всю землю к правде привел. И прислали, все сгласясь, к государю бити челом Сибока князя, а Цимгука князя и иных князей; и Сибок князь з братьею и с своими лучшими людми, человек их со сто, били челом о том же, чтобы их государь с всею землею взял за себя и дань на них положил имати на всякой год по тысяче аргамаков, да ходити князем на всякие государевы службы, а с ними людем их быти на войну по дватцати тысяч» [57, с. 479–480].

У этого сообщения имеется своя предыстория. В ноябре 1552 г. «приехали к государю царю и великому князю черкасские государи князи Маашук-князь да князь Иван Езбозлуков да Танашук-князь бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился в них, а их з землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил» [47, с. 228]. По мнению С.Х. Хотко, этому способствовало не только усиление крымского (османского) давления, но и резкое, после 1546 г., ослабление Астраханского ханства. «В геополитической комбинации Бахчисарай–Астрахань–Черкесия, сложившейся во второй половине XV в. и определявшей расклад сил в обширном регионе Крыма, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, выпало астраханское звено, но ненадолго, и оно было замещено Москвой» [63, с. 302].

В августе 1555 г. прибыло второе черкесское посольство, возглавляемое старшим князем Жанея Сибоком. Они просили «помочь на Турьского городы и на Азов и на иные городы и на Крымского царя, а они холопи царя и великого князя и з женами и з детми во векы» [47, с. 259].

У Черкесии была длительная история взаимодействия с Астраханью. При этом Крым неоднократно вклинивался в них, претендуя на Северный Кавказ как на свое золотоордынское наследие. Впервые Гирей однозначно заговорили о себе как о главных наследниках Большой Орды после ее разгрома в 1502 г. Установить свое окончательное прямое господство в низовьях Волги ни Менгли-Гирей, ни Мухаммед-Гирей не могли. Им хватало сил только для совершения отдельных походов [20, с. 74–81]. Тогда, похоже, черкесские князья впервые ощутили себя в некоем правовом вакууме. Хотя, по-видимому, они выигрывали от значительного ослабления астраханских ханов. Слабый сюзерен не мог активно вмешиваться в их дела. Но усиление Крымского ханства им было не выгодно. Ведь если Гиреям удалось бы прочно закрепиться в Астрахани, то Северный Кавказ оказался бы в крымских тисках. Во время недолгого правления в городе Ислам-Гирея бин Мухаммед-Гирей (1531–1532 гг.) это, по-видимому, стало сбываться. Возможно, именно как реакция на это «пришед ко Азсторокани безвестно Черкасы да Астрахань взяли, царя и князей и многих людей побили и животы их пограбили, и пошли прочь; а

на Азторохани учинился Ак-Кубек царевич» [47, с. 61–62]⁹. Позднее стали известны подробности: «Аккубеку царю было прибежище в Черкасех, и они его доля посрамились, да Азстрахань взяв и дали ему» [49, с. 45, 80, 133]. Очень важно замечание: «и пошли прочь». Тем самым дается прямое указание на то, что они не собирались устанавливать свой контроль над городом. Им достаточно было получить от имени своего ставленника очередной ярлык (жалованную грамоту) на свои владения. И.В. Зайцев сделал предположение о том, что и второй раз, в 1545 г, Чингисид захватил власть при помощи своих родственников [20, с. 115]. Однако далее он утверждает, что второй раз на царство Ак-Кобека поставили ногаи [20, с. 140–141]. Интересно, что очередной астраханский хан Ямгурчи бин Бердибек, отнявший трон у Ак-Кобека в 1546 г., также был черкесским ставленником: «И Ямгурчей царевич в свойстве учинился, и они ему юрт ево, взяв, дали» [49, с. 80]. При пленении гарема хана в 1554 г. отмечена другая царица Крым-Шавкалова (Крым-Шамхалова или же Шамхалова) царева дочь Кандаза [47, с. 243]¹⁰. Черкесская жена не указана. Что впрочем, нельзя считать доказательством ее отсутствия. Интереснее другое, Ямгурчей бежит из Астрахани не к Черкесам, а в Тюмень [47, с. 243]. Поэтому, похоже, престол ему добыл все же тюменский шамкал (шаукал). Военное значение города постепенно падало. В конце 1549 г. или в начале 1550 г. он был захвачен на какое-то время московскими казаками. Показательно, что Ямгурчей бежал из города опять-таки к Черкесам. Разбирая этот сюжет, И.В. Зайцев приходит к выводу, что город после взятия был дан во владение некоему хану, имя которого нам неизвестно. При этом победители как-то оформили его обязательства, в результате чего Астрахань стала рассматриваться в Москве как владение с правами близкими к вассальным [20, с. 142–145]. Однако у этого построения все же имеется слабое место. Подобное поведение казаков требует высокой административной организации участников набега, и определенной смелости в государственном строительстве. Отряд Ермака после покорения Сибири сообщил об этом московскому государю, быть может, начал практику объясачивания местного населения, однако в создании неких управленческих структур замечен не был. Если же с ними послали государева воеводу, то он и подавно не пошел бы сам на подобное самоуправство¹¹. Но неразберихи вокруг Астрахани, похоже,

⁹ Справедливости ради следует сказать, что Ак-Кубек стал астраханским ханом не сразу после Ислам-Гирея. Непродолжительное время в городе сидел Касим бин Саид-Ахмед [20, с. 115].

¹⁰ Крымшамхал – второй человек (наследник) в иерархии Шамхальских (государственного образования на Северном Кавказе в районе современного Дагестана) правителей.

¹¹ Имеется упоминание о тех событиях, казалось бы, позволяющее говорить о походе 1549/50 г. как о спланированной государственной акции. Оно сохранилось в родословной росписи Колупаевых поданной в 1686–1688 гг. в Палату родословных дел: «В лето 7058-го при державе великого государя царя и великого [князя Ивана] Васильевича всеа России был на службе в Астра[хани со многими] ратными людьми Михайло Колупаев, да с ним в товарищах Иван Черемисинов. И писали из Астрахани с Онтоном Потуловым к великому государю к Москве, как пришли они в Астрахань, а город пуст: царь и люди выбежали. И они в город вошли с ратными людьми, и город зделали и укрепили твердо, и за царем астраханским в поход ходили и ево побили, и суды ево все пожгли и бились с ним долго, и пришли в Астарахань, дал Бог, в добром здравье» [65, с. 296]. Однако она самом деле здесь описывается взятие города в 1556 г. [20, с. 169–170].

было достаточно, чтобы город потерял свою сакральную ценность, по крайней мере, для Черкес. Поэтому они и повернули свои взоры в сторону Москвы. Остается один вопрос. Первое посольство от черкесских князей пришло в ноябре 1552 г. Когда оно отправилось в путь, было им уже известно о казанском взятии? Позднее русская сторона так выстраивала логику событий: «А как поручел Бог великому государю блаженные памяти царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии самодержцу царство Казанское и Астараханское, и Черкасы горские со всею Кабардинскою землею, узнав своих прирожденных государей, били челом государю нашему, блаженные памяти царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии в службу и во всей воле его учинились» [39, с. 49]. 14 сентября 1554 г. в переписке с Польско-Литовским государем Сигизмундом-Августом Иван Грозный включил в свой титул определение «царь Астраханский» [20, с. 162].

А.М. Некрасов подробно разбирает крымско-черкесские взаимоотношения этого периода. Его наблюдения очень хорошо ложатся на наши построения. Весной 1519 г. крымский хан Мухаммед-Гирей I сообщал Василию III: «Из Черкас к нам послы приходили, да нам били челом, чтобы мы к ним послали, а они нам хотят дати подать, также где и недруг мой будет, и они на нашей службе со всею ратью хотят быти готовы. И яз к ним посла посылаю; также и из Тюмени, и оттоле к нам люди пришли, и тех людей речи таковы ж» [56, с. 116; 33, с. 116]. Тем самым они стремились предотвратить грабительские крымские походы. Это удалось им на 10 лет. Но в 1530-х гг. черкесские князья, похоже, решили отложиться от Крыма и посадили на астраханский престол своего ставленника, который и выдал им новую жалованную грамоту. Данный шаг в свою очередь привел к напряженности с Ногайской Ордой. Ногаи совершили поход на Северный Кавказ. В 1539 г. большой поход на жанеевских черкес провело и Крымское ханство. От него, прежде всего, пострадали жанеевцы. Но в целом эта военная акция не достигла своих целей. Жанеевские черкесы в большей степени оказались вовлечены в крымскую политику. В реестре османских доходов с Таманского полуострова в 1540-х гг. появляются новые графы доходов и расходов: жалованье «черкесским бейам» и подушная подать с черкесов. Черкесские жены регулярно фиксируются у крымских ханов. Родственники цариц добиваются хорошего положения при дворе. Согласно более поздним свидетельствам, бесленевские черкесы обладали правом воспитания у себя детей крымских ханов (становились аталыками) [33, с. 70–71]¹². Более того, они назначались турецкими султанами санжак-бейами¹³ Кафы [23, с. 27; 21].

¹² Аталычество (тюрк. аталык–вместо отца, от ата – отец, в русских источниках дядька или мамич) – обычай, по которому знатные родители отдавали своих детей (как правило, сразу же по их рождении) на воспитание, был распространен среди многих народов на Кавказе, у древних кельтов, арабов, в Крыму, Ногайской Орде, среди славян, в Казани, Астрахани, Сибири. Возращение воспитанника в родную семью происходило по достижению определенного возраста (у одних народов – зрелости, у других – 7 – 8 лет) в торжественной обстановке и сопровождалось обменом подарками между воспитателями и родителями [12; 26; 1]. Жены аталыков зачастую являлись кормилицами. В таком случае их дети становились имилдешами (молочными братьями) [17; 18; 66]. Как правило, у Чингисидов это, зачастую, наиболее привилегированные члены двора. Их положение всецело зависело от статуса воспитанника или же брата. Но при этом благодаря своему происхождению (крепкие, но не родовитые семьи) они не могли

Но это не освобождало их от поставок черкесских невольников в Крым. По одной из версий, поход 1545 г. был вызван отказом князем Кансауком прислать турецкому султану установленное число невольников. Приблизительно в это же время Ак-Кобек второй раз ненадолго становится астраханским ханом. Однако в 1549 г. ногайский бий Исмаил сообщает Ивану IV: «Тюмень и Черкасы Кабардинские нам здалися» [33, с. 116–136]. Со своей стороны добавим, ногайские бии, конечно же, не могли выдавать жалованные грамоты, но это входило в прерогативу посаженных ими марионеточных астраханских ханов. Мы не видим единства среди западных и восточных черкесов. Хотя в отдельные моменты их интересы могли совпадать.

По версии С.Х. Хотко начало политического диалога Темрюка Идарова (Айдарова) с московским царем было вынужденным, он явно не пользовался всеобщей поддержкой в Кабарде и нуждался в сильном союзнике [63, с. 305–307]. Этот союз в геополитическом плане для Ивана IV был более безопасен, ведь князь нуждался в помощи не в борьбе с Турцией, а только против Шамкала. Но при этом в Москве уже сложилось собственное видение ситуации на Кавказе. И Темрюк ни в коей мере не стоял на первых ролях. После смерти царицы Анастасии, первой супруги Ивана Грозного, в феврале 1561 г. «послал царь и великий князь в Пятигорские Черкасы в Оджанские у Черкасских князей дочерей смотрити Бориса Ивановича Сукина да с Борисом же вместе отпустил Черкасского князя новокрещена Гаврила Тазрутова сына» [47, с. 332]. Это значит, что изначально московский царь собирался породниться с князем Сибоком (Василий Кансауков). Данный выбор вполне объясним, если мы обратимся к истории брачной политики Гиреев. Первой женой хана Девлет-Гирея и матерью калги (наследника престола) Мухаммед-Гирея была дочь черкесского князя Тарзатыка. Ее братья – Татар-мирза и Ахмет-аспат князя Черкасские фиксируются при дворе Девлет-Гирея. Черкешенкой являлась и одна из младших жен хана. Ее брат служил при ханском дворце. Конюшими у хана и калги были черкесы князя Толбулдук и Верхуша [33, с. 247; 27, с. 151, 201]. Здесь стоит добавить, что Татар-мирза в июне 1557 г. выехал в Россию и некоторое время служил здесь [47, с. 283–284]. Все это были западные черкесы. Следует учитывать и еще один фактор. Западные черкесы сразу проявили значительную гибкость в вопросах веры. Ряд князей при первых же визитах принимает православие. К тому же, по крайней мере, декларативно они все готовы были перейти в христианство [47, с. 320]¹⁴.

Дальнейшая судьба этого посольства неизвестна. Но, похоже, последовал отказ. Хронология событий восстанавливается с трудом. В Никоновской летописи отмечается, что 16 августа 1560 г. было решено «послати искати себе невесты в Литву х королю о сестре да к Свейскому королю о дочерей смотрити

претендовать на его место. Поэтому аталыкам и имилдешам зачастую поручали наиболее важные и щекотливые задания.

¹³ Санжак-бей – правитель санжака, военно-административной единицы в Османской империи.

¹⁴ О том, что адыги были православными христианами свидетельствуют большинство авторов XV–XVII вв. При этом зачастую отмечается, что они плохо исполняли церковные предписания. Упадок православия стал следствием ослабления связей с иными православными народами. На самом деле здесь присутствовала некая смесь из христианства, ислама и древних языческих верований. По крайней мере, русская православная церковь требовала их обязательного повторного крещения [33, с. 70–71].

да в Черкасы у Черкасских князей дочерей же смотриши» [47, с. 329]. Когда стало ясно, что в Литве и Швеции найти супругу не получится, по-видимому, наспех в феврале 1561 г. отправили посольство к Жанеевским князьям. Остается неразрешенным вопрос: когда послали людей к Кабардинским князьям? Рассматривались западные и восточные черкесские княжны как равнозначная альтернатива или же здесь имелись определенные предпочтения? Почему к Жанеевским черкесам посольство было направлено зимою, явно наспех? Мы не можем однозначно утверждать, что дочь Темрюка Идарова была запасным вариантом, но и отказываться от этой версии нельзя. Далее события развивались стремительно. 15 июня 1561 г. Кученая (Гошаней) Темрюковна приехала в Москву. 6 июля ее огласили и нарекли имя в честь святой Марии Магдалины. Тогда же царь объявил ее своей невестой. 21 августа, через неделю по завершении Успенского поста, состоялось венчание [47, с. 333].

Союз с Сибоком был окончательно разрушен. Е.Н. Кушева видит в этом явное вмешательство польского короля Сигизмунда II Августа, оказанного через князя Д. Вишневецкого. В сентябре 1561 г. он приглашал на службу «до Великого княжества Литовского» черкесских князей. В 1563 г. из России в Литву бежали трое князей Черкасских: Гаврила Камбулатович (Газруков сын), Касим Камбулатович¹⁵ и Александр Васильевич (Сибокович). В это время там уже находился брат Сибока [27, с. 221; 19, с. 364]. Москва безуспешно пыталась вернуть их. С этого момента кабардинские князья захватывают безусловное главенство среди князей Черкасских в России. Для Темрюка, похоже, брак дочери с московским царем был шансом сохранить и упрочить власть на Кавказе. Ведь его положение было по-прежнему шатким¹⁶. Значительный русский военный отряд, расквартированный на Северном Кавказе, изменил расстановку сил в его пользу.

Возникшая ситуация с верховным сюзеренитетом оказалась довольно устойчивой. Жанеевские черкесы вошли в плотное взаимодействие с Крымом или даже напрямую с Турцией. Кабардинские же князья как минимум до первой четверти XVII в. получали жалованные грамоты за золотой печатью из Москвы¹⁷. Это в полной мере позволяло говорить московским царям: «А кабардинские Черкасы издавна холопи государевы» [40, с. 363]. Другой вопрос как эти взаимоотношения воспринимали сами черкесские князья.

Похоже, мы имеем все основания включить в регионы, где получили распространение грамоты за золотой печатью и территорию Северного Кавказа. Здесь, однако, явно имелись свои особенности. Верховным сюзереном изначально выступала не Казань, а Большая Орда, а за ней Астраханское ханство. Показательно, что черкесские князья обратились к Ивану IV в тот момент, когда Астраханское ханство формально еще было самостоятельным

¹⁵ Этот князь упоминается только у К.Ю. Ерусалимского [19, с. 364].

¹⁶ В октябре 1563 г. Г. Плещеев сообщал: «А посылал его царь и великий князь в Черкасы к Темгрюку князю Айдаровичю посольством и оберегати его от его недругов от Черкас, которые от него отступили и которые ему тесноту чинили. А сказывал Григорей. Пришел он в Астрохань в 71-м году ноября в 3 день, а Темгрюк-князь был в то время от своих недругов приехал в Астрохань и с сыном своим з Домануком» [47, с. 371].

¹⁷ «Дана сия наша царская жаловальная грамота, и золотую печать велели к сей грамоте привесити, в государствия нашего Дворе граде Москве, лета от создания миру 7097, июля месяца» [4, № 479, с. 397–399]. См. также [27, с. 317–318; 9, с. 8–9; 38].

государством. По-видимому, на Кавказе прекрасно чувствовали грядущие изменения и даже считали возможным опережать их. Также следует учитывать и тот факт, что за легитимацией своих прав черкесские князья могли обратиться к Бахчисараю. Через некоторое время западные (Жанеевские) черкесы так и поступят. Восточная (Кабарда) сохранит промосковскую ориентацию и в дальнейшем. В этом плане интересно, что первоначально в сторону Москвы повернулись западные черкесы. Активный диалог с Кабардой начнется только в 1557 г. Причину переориентации Жанеевских черкес, по-видимому, следует видеть в том, что Иван IV не захотел из-за них ссориться с турецким султаном [47, с. 259].

По-видимому, подобные грамоты посылались и грузинским царям. В Титулярнике 1670 г. читаем: «3 95-го (1586/87) году иверские цари со всею своею ордою учинились в подданстве у государей, государей царей и великих князей российских по присылке и по прошенью иверского Давида царя»¹⁸. Через 1–2 десятилетия именно такие отношения стали настойчиво, но безуспешно навязываться Москвой казахскому хану Таваккулу¹⁹ и калмыцким тайшам²⁰.

Югра

Однако имеется регион, в котором подобные грамоты фиксируются в еще более ранний период. Сохранились тексты грамот данных в 1525 г. Василием III обским самоедам [44, с. 6] и Иваном IV в 1556/57 г. югорскому (ювсейскому) князю Певгею²¹. Но по косвенным данным их могло быть значительно больше. Русские княжества, в первую очередь Великий Новгород, имели богатый опыт взаимоотношений с Югорской землей, которая привлекала к себе неисчерпаемыми запасами пушнины [34]. Московское княжество заинтересовалось возможностями, которые давали контроль над этими территориями только во второй половине XV в. [60, с. 131–140; 43, с. 109–153]. В 1465 г. Иван III послал на Югорскую землю устюжанина Василия Скрыба с охочими людьми. Поход оказался удачным. Попавших в плен князей (Калпак и Течик) привели к московскому государю. Здесь, наложив дань, пленников отпустили восвояси [45, с. 46, 91, 107, 114, 134]. Князья должны были принести шерть. В нашем распоряжении имеется описание подобной процедуры, совершенной 31 декабря 1584 г. вогульскими князьями в Усть-Выме [43,

¹⁸ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 15. Л. 282 об. «Грузинские земли началнику Александру князю Иверскому... и свою царскую грамоту жаловалную з золотою печатью к тебе, Александру князю, пришло...» [9, с. 14–15].

¹⁹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2.

²⁰ «А наше жалованье к ним пришлем вскоре. А ясак велели есмь имати с них лошадейми и верблюдь, или иным чем, чтоб им не в нужу. А они б колмацкие тайши, Изиней и Баатыр с товарищи, были под нашею, царьскою, высокою рукою и ехали б они, лучшие тайши, сами к нам, великому государю, к Москве. А подводы им и корм в дорогу дадут много тотчас. И они сами увидят наши, царские, очи. А мы их пожалуем своим жалованьем, и жаловалные грамоты велим им подавати за золотыми печатями» [52, № 1, 2. С. 22–23; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 103–103 об.].

²¹ «У подлинные великого государя грамоты печать на шелковом мутовозе серебрянная, вызолочена; а на печати великого государя Ивана Васильевича в лице орел двоеглавый с коруны, а позади той печати чеканено: великий царь и великий князь Иван Васильевич» [30, с. 324–325].

с. 149–150]. После этого была дана аудиенция на отпуске, во время которой князей пожаловали дорогими тканями, а также, возможно, доспехами, оружием и серебряной посудой. Им также должны были выдать некий документ, в котором фиксировались новые права и обязанности сторон. Жалованная грамота подходила для этих целей как нельзя лучше. На Югру новых подданных отправили в сопровождении великокняжеских представителей и военного отряда. По прибытии на место следовало перед всеми князьями и земскими людьми прочитать великокняжескую жалованную грамоту, в которой объявлялось о том, что Иван III взял эту землю под свою высокую руку и передал власть над остояками и вогулами их прежним князьям. Возможно, проводились какие-то иные церемонии. После этого сопровождавшие, собрав ясяк, вернулись в столицу. Пораженные же величием русского государя князья, по ожиданиям Москвы, должны были еще долго рассказывать своим соплеменникам об увиденных ими чудесах и невообразимом богатстве и мощи русских.

В 1483 г. русский отряд под командованием кн. Ф. Курбского и И.И. Салтыка Травина совершил глубокий рейд за Уральский хребет. По одной из версий, операция в первую очередь проводилась против князя Асыка и его сына Юмшана, пришедших перед этим в набег на русские земли [28].

14 марта 1484 г. в титуле Ивана III впервые встречается князь Югорский [55, с. 41]. Несколько позднее в нем также начинают упоминаться Обдорское и Кондинское княжества. Данные факты нельзя преувеличивать. В Москве прекрасно понимали, что добиться принесение шерти от югорских князей значительно проще, нежели установить реальный контроль над этой территорией. Это обладание было слишком эфемерным. В большом титуле данные географические объекты появились как реакция на усложнение интитуляций грамот турецких султанов и римских императоров²². Однако следует учитывать и тот факт, что именно эти два княжества являлись наиболее последовательными союзниками Москвы во всем регионе. В отдельные периоды влияние России на севере Зауралья было особенно сильным.

Причины подобного усиления следует видеть в событиях 1499–1500 г., тогда в результате временного ослабления власти Москвы в регионе потребовался еще один поход на Югру. Под командованием кн. С.Ф. Курбского, кн. П.Ф. Ушатого и В.И. Бражникова Гаврилова за Урал отправили отряд в 4024 человека [50, л. 27 об. – 28. с. 29; 51, л. 28–28 об. с. 55–56].

Но этот поход не смог привести к окончательному присоединению данных земель к Москве. В 1517 г. на Югру посылают очередную рать. 31 декабря 1517 г. в погосте Лена на реке Лена (приток р. Вычегда) писец Васюк закончил переписывание Псалтыри на страницах которой он оставил следующую запись: «Того же лета ходили воеводы великого князя в Югру князь Иосиф Тимофеевич Оболенски да князь Ондрей Федорович Пестриков вои...» [62, с. 65; 32].

В описи царского архива XVI в. не сохранились упоминания о каких-либо югорских документах [36]. Нет их и в Титулярнике 1577 г., хотя там приводятся интитуляции и инскрипции переписки с черкесскими князьями²³,

²² РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14.

²³ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14.

с которыми по своему статусу югорская знать находилась в близком положении. Причин этого могло быть несколько: 1) гибель грамот; 2) относительная незначительность югорских князей (в Москве неплохо разбирались в статусе восточных правителей; 3) отсутствие письменной культуры у этих народов²⁴; 4) югорский архив мог откладываться в ином месте. Из-за большой удаленности от столицы контролировать вновь приобретенные земли могли из Перми. С этим краем связаны многие югорские события более позднего времени. К примеру, некоторые князья шертовали именно здесь, а не в Москве. На Вымь платил дань с 1586 г. ляпинский князь Лугуй [58, № 54. С. 88–89].

Большое значение для нас имеет текст грамоты царя Ивана IV югорскому (юсерскому) князю Певгею и всем князьям «сорыкидским» 1556/1557 г. Из нее становится известно, что московский царь послал на Югру четырех данщиков. Здесь им требовалось собрать дань «со всякого человека по соболу». После этого данщикам в сопровождении князя Певгея или же его сына или племянника и 2–3 лучших «земских людей» следовало ехать в Москву. Обратим внимание на несколько моментов [30, с. 324–325].

Провожать данщиков велено «югорским князем и югоричем людем добрым от городка до городка и от людей и до людей и беречи наших данщиков во всем по ряду, как преж сего». По аналогии с дипломатическими контактами с Ногайской Ордой логично предположить, что данное «посольство» из четырех данщиков делилось на четыре самостоятельных миссии. Одна направлялась непосредственно к князю Певгею, безусловному лидеру региона, а остальные три – «младшим» князьям, возможно, находящимся в родственных отношениях со «старшим» князем. По-видимому, имелись и иные князья, чей статус не позволял присылки личного данщика. В Ногайскую Орду, Сибирь и Среднюю Азию посылались дети боярские и прикомандированные к ним станицы великокняжеских, а с середины XVI в. – посольских служилых татар со станичными головами / толмачами во главе. При этом в ряде случаев толмачи могли возглавлять собственные дипломатические миссии. Однако присылка сына боярского считалась «честнее» присылки служилого татарина. На Югру вместе с данщиками также должны были послать сопровождающих их лиц. Были это служилые татары или же остяки (ханты), упоминаемые на государственной службе уже в конце XV в. [51, л. 28. с. 56.], неизвестно. Остается открытым вопрос о механизме сбора дани. Ее могли, как передать уже в окончательном виде в четырех княжеских центрах, так и собирать самостоятельно («от городка до городка и от людей и до людей»). Именно по второму варианту происходил сбор ясака в Сибири представителями русской администрации в конце XVI – начале XVII в. Важно отметить, что это не первая подобная операция («как преж сего»). Однако мы не можем говорить об ежегодных выплатах, они могли производиться и через более длительные промежутки времени. В 1586 г. ляпинскому князю предписывалось доставлять дань раз в 2 года.

Однако протокол грамоты князю Певгею имеет несколько разительных отличий от иных подобных грамот. Во-первых, в интитуляции дается сокращенный царский титул, а не полный. Во-вторых, в грамоте ничего не гово-

²⁴ Данный факт не значит, что они не получали и не ценили документы из Москвы даже если не могли прочитать что там написано. Главное было обладать документом, в особенности, если он красиво оформлен [59, с. 5–15].

рится о челобитье югорского князя, чтобы московский государь пожаловал его, держал Югорскую землю «в своем царском жалованье под своею царскою рукою и в обороне от всяких наших недругов». В-третьих, отсутствует пункт о службе государю, в первую очередь военной. В-четвертых, указание на выплату дани и ее размер скорее присуще шертным грамотам. В-пятых, упоминание о посылке данщиков соответствует указной грамоте. Тем более что в документе имеется приписка присущая указным грамотам даваемым людям, отправляемым от имени государя в дальние посылки: «А устюжским и вычегоцкие соли выборным судьям тех наших данщиков с наши царские службы с пути кто своротит или чем изобидит, и тому от меня, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси быть в опале и в продаже». А вот пункт о том, что «а ся вам наша грамота жалованная и опасная» встречается и ранее [44, с. 6].

Жалованные грамоты могли даваться неоднократно. Причин для их повторной выдачи две: 1) смерть московского государя, от имени которого была выдана предыдущая грамота; 2) смена правителя жалуемой территории. В случае с Певгеем – это, по-видимому, второй вариант. В рассматриваемом документе явно прослеживаются элементы жалованной, шертной и указной грамот.

Можно предположить еще одно объяснение. Югорскому князю, возможно, не так важен был текст как обладание грамотой оформленной по определенным правилам. В данном случае наличие вислой серебряной позолоченной печати на шелковом шнуре.

Неизвестно, когда югорские князья стали получать инвеституру в Москве, с конца XV в. или же только с падением Казанского ханства. Сообщение С. Герберштейна слабо нам помогает, слишком оно путано: «В этих местах находятся две крепости: Ером и Тюмень, которыми владеют господа князья югорские, платящие, как говорят, дань великому князю» [16, с. 157]. Отметим, что в январе 1555 г. в Москву пришли послы от сибирского Тайбугида кн. Едигера с просьбой взять Сибирскую землю под государеву руку [47, с. 248]. Однако два этих события объединять воедино нельзя. По формальным признакам, скорее, жалованную грамоту кн. Певгею следует связать с последствиями похода 1499–1500 г. или даже более ранним периодом.

Вполне объяснимо желание русской стороны обязательного приезда к московскому государю самого князя или же хотя бы кого-то из его ближайших родственников, а также «земских людей». Для завершения процедуры требовалось принесение шерти. К тому же нужно учитывать и тот факт, что в Москве личные визиты представителей знати тех или иных регионов в столицу использовали для презентации великокняжеской (царской) власти. Местные элиты требовалось приучить обращаться со своими нуждами в Москву. К тому же данные шаги стимулировались различными подарками и угощениями. В XVII в. это привело к тому, что для ногайских мирз пришлось даже устраивать своеобразное квотирование на подобные поездки. Так высоко было желание решить свои вопросы (как правило, продать лошадей), повидать родственников, да еще получить подарки стоимостью в несколько десятков рублей. В Астрахань для этих же целей при царевиче Мурад-Гирее специально завозили питьевые меды именно для угощения ногайских мирз. То же мы наблюдаем в Сибири, когда здесь в XVII в. в уездных центрах устраивали угощения для коренного населения от имени московского государя.

По-видимому, истоки данной практики следует искать еще в XV в. При желании, начало подобных традиций можно увидеть в пирах и щедрой раздаче подарков правителями раннегосударственных образований своим дружинникам. Отметим, что на рубеже XVI–XVII вв. югорские князья также относительно часто появляются в Москве для решения своих нужд. Но с начала 1630-х гг. подобные поездки постепенно сворачиваются, хотя и не до конца. По-видимому, это проходило в русле общих изменений в статусе служилых иноземцев восточного происхождения наметившихся в это время.

Статус югорских князей в России до 1580-х гг. установить проблематично. Прямых аналогий здесь нет. Хотя приведенные выше факты указывают на сходство положения югорских князей с князьями Еникеевыми в Темникове, черкесскими князьями на Северном Кавказе и ногайскими мирзами. По-видимому, их следует рассматривать как еще одну категорию служебных князей. При этом на них можно было положиться далеко не всегда. С ногайскими мирзами их сближали относительно регулярные нападения на русские земли при отсутствии принципиального неразрешимого антагонизма с Московским государством. Во многом югорские набеги, похоже, обуславливались моделью государственности. При смене правителя тот должен был обосновать свою нужность, полезность. Удачные набеги на соседей – лучший способ доказать наличие харизмы у нового князя. Возможные направления военных ударов были более чем ограничены. Это подчеркивает и периодичность походов на Югру. В настоящее время до похода Ермака нам известны о военных операциях 1465, 1483, 1499 и 1517 гг. Таким образом, они совершались каждые 15–20 лет и, похоже, совпадали со сменой властных элит на Югре. Получается, что между 1517 и 1582 гг. русские военные отряды совершали походы еще от 2 до 3 раз. После очередного похода выдавались новые грамоты или же целая серия грамот.

Упоминание жалованных грамот за золотой печатью, выданных Москвой до казанского взятия, очень важно для нас. Дело в том, что это косвенно указывает на возможность выдачи подобных документов ряду земель, вошедших в состав великого княжества Московского до середины XVI в. Речь идет в первую очередь о таком регионе как Восточная Мещера (Темниковское княжество) [10; 6] и так называемых Арских князьях [24]. В нашем распоряжении нет прямых доказательств этого. Однако развитие данных регионов, где в обмен на лояльность Москве на долгое время сохранялись многие привычные элементы управления, говорит о жизнеспособности предложенной версии. К тому же в определенные моменты (не позднее 1480-х гг.) в Восточной Мещере вполне могла существовать система двойной инвеституры – из Москвы и Казани (или Большой Орды).

Следует остановиться на бытовании в России золотых печатей (правильнее серебряных вызолоченных). Этот вопрос детально проанализировала в своем исследовании М. Агоштон. Она сделала несколько интересных для нас наблюдений. Во-первых, это довольно широкое использование подобных печатей. Ими запечатывались грамоты в Империю, Крым, Литву, Ливонию, венгерскому королю и даже отдельным лицам более низкого ранга (мирза Довлетек и Захария Скарья). Во-вторых, не существовало запаса подобных печатей. Они изготавливались для конкретного послания. При этом в зависимости от адресата на печатях помещался отличный титул. В-третьих, сереб-

ряные вызолоченные печати имели широкое распространение и напрямую или же косвенно фиксируются на жалованных грамотах монастырям, земельным актам, великокняжеских духовных грамотах [2, с. 90–114]²⁵. Однако исследователь ограничился только анализом печатей Ивана III и Василия III.

Бытование вислых золотых печатей

По-видимому, в дипломатической практике грамоты изначально подтверждались вызолоченными аргировулами²⁶. Возможно, прямое влияние на это оказали и грамоты римских императоров. Протокол этих посланий в значительной степени повлиял на формирование формуляра русских грамот. Однако постепенно стала складываться иерархия «честности» адресатов. Помимо этого в Москве рано стали реагировать на обязательные ответные жесты. Если на ответных грамотах не было подобных печатей, то их дальнейшее использование на этом направлении прекращалось. В XVI в. восковые печати начинают явно преобладать. Таким образом, югорские печати не являлись революционным явлением. Это только одна из граней более старой традиции, корни которой уходят еще в Киевскую Русь²⁷. Хотя влияния ханских ярлыков на великое княжение также нельзя отбрасывать. Это наблюдение очень важно для нас. Дело в том, что концепция использования жалованных грамот как своеобразный маркер ареала распространения «затухающей ордынской традиции», вытекающая из наблюдения В.В. Трепавлова [59, с. 182–185], в таком случае может работать только отчасти. Здесь могут иметься и несовпадения. Так нет прямых доказательств включения территории Югры в состав Золотой Орды.

Использование «золотых» вислых печатей затухает постепенно. Однако в дипломатической практике эта традиция фиксируется и позднее. Золотые печати привешивались к шертным грамотам крымских ханов. Именно такую печать приложил к шертной грамоте 1548/49 г. Сахиб-Гирей²⁸. При этом данная практика сохраняется и в XVII в.²⁹ Отметим, что они, похоже, действительно были золотыми, а не позолоченными. Д. Колодзейчик вслед за М. Усмановым отвергает всякую возможность использования крымской канцелярией вислых печатей в XVI в. Он фиксирует их только в XVII в. При этом отмечает, что печать называлась байсой и крепилась на серебряном шнуре [25]. Однако оба исследователя оказались неправы. Шертные грамоты изначально оформлялись с вислою печатью – байсою (пайцзою). В ханской грамоте 1508 г. читаем: «да на той бы тебе грамоте шерть дал; да пожаловал бы тебя, ту грамоту и к тебе прислал, да и свою еси грамоту прислал за золотою печатью» [55, с. 32]³⁰. Этот факт следует рассматривать, как косвенное указание на то, что первые печати к крымских ханам были не позолоченными, а золотыми.

²⁵ Исследователь не отметил еще одно государство, в переписке с которым фиксируются золотые печати – Дания [36, с. 24].

²⁶ Аргировул – в сфрагистике двусторонняя подвесная серебряная печать. Печать из золота называется хрисовул.

²⁷ Это отдельная тема, которую мы не затрагиваем в рамках данной публикации.

²⁸ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 56.

²⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 7. Л. 25.

³⁰ Источники также фиксируют значительное количество «золотых грамот». В этом случае дается указание на то, что часть текста документа была написана золотом.

Обратим внимание еще на один немаловажный момент, цвет шнура для подвешивания печати. Как установил Д. Колодзейчик, в Крыму он был серебряный. Однако в России для этих целей использовали красный цвет³¹. Для того, чтобы делать окончательные выводы у нас слишком мало информации. Но, по-видимому, в Москве не привилась ордынская традиция. Откуда же она появилась? Ответить на этот вопрос в настоящий момент нельзя. Возможно, это византийское влияние. Кстати, в Византии хрисовулы использовались для опечатывания только императорских документов особой важности.

Следует отметить, что, по-видимому, древние ордынские пайцзы еще в XVII в. сохранялись в отдельных православных обителях. Монастырское предание (рязанского Иоанна-Богословского Пощуповского монастыря) гласит, что за исцеление слепоты «хан Батый» велел приложить к иконе Иоанна Богослова свою золотую печать. Много позднее, в 1653 г., архиепископ Рязанский Мисаил приказал изъять ее и употребить на позолочение серебряной водосвятной чаши [41, с. 59; 35, с. 14–15]. А вот в великокняжеском (царском) архиве ордынские «печати» не фиксируются. Этому имеется логическое объяснение. На определенном этапе в Москве посчитали за благо забыть о своем прежнем подчиненном положении. В результате этого возник определенный парадокс. Золотые печати на «жаловальных» грамотах имели явные ордынские корни, но при этом, по-видимому, типологически происходили от европейских (цесарских) вислых печатей или более ранней великокняжеской традиции использования подобных удостоверяющих знаков уходящей, как минимум, в XIV в.

Золотой царской печатью была скреплена и «докончальная» грамота со шведским королем Эриком XIV 1566 г., по которой Ивану IV в жены требовалось отдать Катерину Ягелонку, жену брата короля Юхана и дочь польского короля Сигизмунда I Старого, а также заключить антипольский договор³². В 1582 г. Папа Римский с А. Поссевино прислал грамоту за золотой печатью [36, с. 64]. По-видимому, мы привели далеко не полную выборку всех имеющихся случаев. Однако полученный материал показывает, что несмотря на явное преобладание восковых, печати из драгоценных металлов не пропали окончательно. К тому же благодаря определенной исключительности по сравнению с прошедшей практикой эти предметы приобрели более высокий статус.

Подобные печати не исчезли и позднее. Сведения о них приходится искать в самом широком кругу источников. При этом на рубеже XVI–XVII в. они становятся по-настоящему золотыми. 1624 г. 12 марта «Принес Посольского приказа подъячий Третьяк Микитин грамоту государеву блаженной памяти

³¹ На самом деле все значительно сложнее. Нам неизвестны исследования о шнурах для подвешивания печатей. Их цвет имел различную цветовую палитру: красные, черные, белые, синие. Единственный сохранившийся аргировул Ивана III имеет красный шнур. Этот цвет и впоследствии будет рассматриваться как наиболее статусный. Однако на грамоте Василия III императору Максимилиану мы видим шнур, состоящий из переплетений более тонких шнуров 2-х цветов. Один из них явно традиционно красный, а другой содержит в себе металлические (серебряные?) нити. По-видимому, перед нами пример исканий великокняжеской канцелярии при выработке стандартизированных примеров оформления грамот к адресатам различного статуса (2, цветная вклейка № 11, 14–15). В практике XVII в. золотые и серебряные шнуры фиксируются в оформлении дипломатических договоров с европейскими странами.

³² РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 123.

[м.т.] Федора Иоанновича жалованную обители Введения Пречистой Богородицы Сербского монастыря у ней печать золотая привесная литая с уборком, а приказал государь зделать такову-ж печать на свое государево имя. И та печать отдана делать Офонасию Степанову. А на то дело дано ему 20 золотников золота». 22 апреля, по памяти из Посольского приказа было велено сделать «к государевой жалованной грамоте какову дати Кабардинскому Пшималу князю Кайбулатовичу Черкасскому печать золотую весом и величиною по образцовой печати весу в образцовой печати полгривенки. И та печать дана делать Офонасью Степанову» [15, с. 511–512; 38]. Данное сообщение интересно нам сразу по нескольким позициям. Мы видим, что аргировулы окончательно превращаются в хрисовулы. При этом традиция их изготовления, похоже, получает дальнейший импульс. По-видимому, все черкесские жалованные грамоты с конца XVI в. стали золотыми. Другие хрисовулы, похоже, посылались по монастырям. При этом материал, из которого они изготовлялись, а также их вес, в приведенных примерах он составлял ок. 85 и 100 гр. соответственно, превращал их самих в заметный вид пожалований. Однако это же стало причиной того, что они не сохранились до нашего времени.

Отметим еще один интересный сюжет. В 1598 г. под соборным определением об избрании царем Бориса Федоровича Годунова были привешены 14 печатей: патриаршая – золотая; четырех митрополитов (новгородского, казанского, ростовского и сарского), а также вологодского архиепископа – серебряные вызолоченные; восемь печатей архиепископов и епископов – серебряные [5, с. 46; 61]. Мы привели пример определенной институализации более старых практик. В XVII в. история с печатями получила дальнейшее развитие. Начиная с 1630-х г. придворные ювелиры начинают изготовление серебряных городских печатей. Так, мастеру Василию Малосольцу в 1634 г. по памяти из приказа Казанского дворца поручили сделать одиннадцать серебряных печатей в сибирские города. Средний вес городской печати составил ок. 16 гр. Несколько позднее В. Малосолец сделал печать «на Терек» весом «полчетверта» золотников – ок. 15 гр. и таможенную печать в Туруханский острог в четыре золотника – ок. 17 гр. [38]. Таким образом, практика использования вислых печатей из драгоценных металлов, получила в Русском государстве еще несколько неизученных сюжетов.

Но вернемся к жалованным грамотам за золотыми печатями. Как мы видим, в них органично соединились две традиции – русская и ордынская. По-видимому, каждая из сторон очередного пожалования вкладывала в них свой смысл и особо не задумывалась о том, как это интерпретировали их визави. Данная форма утверждения отношений «подданства», похоже, возникла еще в XV в. и просуществовала, как минимум до 1620-х гг. Однако пик активности выдачи подобных документов приходится на середину XVI в., когда, в результате завоевания Казанского и Астраханского ханств Иваном IV, была нарушена складывавшаяся до этого столетиями под эгидой Золотой Орды система подтверждения владельческих прав на землю. При этом в Москве подобную практику организации взаимоотношений посчитали вполне успешной и активно пытались насаждать ее на постордынском пространстве. Однако систему подобных жалованных грамот нельзя рассматривать как набор неких шаблонных требований. Она была гибкой и подразумевала широкий спектр отношений от жесткого подчинения до декларативного заявления

о подданстве. Наблюдение за югорскими грамотами позволяет определить момент, когда грамоты за золотой печатью были уже не положены. Вызолоченные аргировулы полагались тем народам и правителям, которые официально заявили о вассальных отношениях по отношению к московскому государю, однако на практике контроль над ними был более чем проблематичен. С усилением русской власти в регионе грамоты начинались скрепляться красновосковыми печатями на красном шелковом шнуре. Именно такую грамоту в 1586 г. получил ляпинский князь Лугуй [58, № 54. С. 88–89].

Удалось выявить, что ареал распространения подобных документов довольно широк. При этом со временем могут быть обнаружены свидетельства их бытования на новых территориях. Главными претендентами здесь следует признать пермские (Пермь Великая) [14]³³ и мордовские земли, а также Тюменское княжество (ханство) на Кавказе.

Обратим внимание еще на один момент. До настоящего времени не сохранилось ни одной золотой печати, скреплявшей рассматриваемые нами документы. Однако подобные грамоты, по-видимому, несли некоторую дополнительную ценность для их обладателей (хранителей) и позиционировались как статусные предметы. Поэтому можно допустить, что даже после гибели документа печати могли сохранять статус своеобразного знака власти. Со временем их могли даже вмонтировать в женские украшения. Поэтому остается надежда на то, что при анализе музейных или же частных этнографических коллекций нас ждут новые открытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аветисян Р.Р.* Аталычество как система народного воспитания // Вестник Пятигорского Государственного лингвистического университета. 2003. № 4. С. 13–15.
2. *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М.: Древлехранилище, 2005. 462 с.
3. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. Т. I. 614 с.
4. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2002. Т. III. 680 с.
5. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. Т. II. 413 с.
6. *Акчурина М.М.* Административно-территориальное устройство Мещеры XV – начала XVII вв. (Этнополитические аспекты): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 257 с.
7. Башкирские народные предания и легенды. Уфа: Китап, 2015. 528 с.
8. Башкирские шежере. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 303 с.
9. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Выпуск 1-й. 1578 – 1613 гг. М.: Университетская типография, 1889. 715 с.
10. *Беляков А.В.* Темников XV–XVII вв. – город с особым статусом // Вызов времени: Становление централизованных государств на востоке и западе Европы в конце XV – XVII в. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2019. С. 423–430.

³³ По своему положению они сильно напоминают темниковских князей.

11. Беляков А.В. Царицы сибирские // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 372–391.
12. Беляков А.В., Виноградов А.В., Моисеев М.В. Институт аталычества в постзолотоордынском мире // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 2. С. 412–436. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.412-436
13. Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. 2016. № 6: *Rex Mongolica* и европейские потрясения XIII–XIV вв. С. 229–243.
14. Вершинин Е.В. Еще раз о князьях Вымских и Великопермских // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. (Проблемы истории России. Вып. 3). С. 285–305.
15. Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 гг. Вып. 2. М.: Типо-литография С.П. Архипова, 1883. 292 с.
16. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Издательство МГУ, 1988. 430 с.
17. Добродомов И.Г. Еще раз о молочных братьях (эмилдеш) // Алтайские языки и восточная филология: памяти Э.Р. Тенишева. М.: Восточная литература, 2005. С. 157–161.
18. Добродомов И.Г. Эмилдеш – имильдеш // *Turcologica*. 1986. К 80-летию акад. А.Н. Кононова. Л.: Наука, 1986. С. 115–119.
19. Ерусалимский К.Ю. На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 1012 с.
20. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004. 303 с.
21. Зайцев И.В. Брат султана Мурада III на имя Мехмеда о назначении его санджакбеем Кафы и эмиром черкесских земель (1590 г.). О происхождении и хронологии назначений некоторых кафинских санджакбеев 1560-х – 1590-х годов // Средневековый Восток. Памяти героя Советского Союза академика З.М. Буниятова. Баку: ЭЛМ, 2015. С. 72–86.
22. Зайцев И.В. Княжеские «юрты» Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 188–206.
23. История и родословная черкесов: издание рукописи тюркского исторического сочинения XVIII в. М.: Издательство Восточная литература, 2019. 110 с.
24. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства. М.: Издательство «ФЭН» РН РТ, 2010. 224 с.
25. Колодзейчик Д. Попытка восстановления монгольской традиции в Крымском ханстве начала XVII в.: байса, тат ве тавчаг // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 91–101.
26. Косвен М.О. Аталычество // Советская этнография. 1935. № 2. С. 41–62.
27. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М.: Академия Наук СССР, 1963. 371 с.
28. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1. С. 115–123.
29. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2009. №1. С. 97–111.
30. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2005. Т. I. 630 с.
31. Моисеев М.В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2. С. 236–247.
32. Морозов Б.Н. Новое о древнепермской письменности в Коми крае в начале XVI века // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур

финно-угорских народов. Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов (1–4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар: Издательство Коми научного центра УрО РАН, 2005. С. 142–143.

33. Некрасов А.М. Избранные труды. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 255 с.

34. Овчинникова Б.Б. Взаимодействия Новгорода с Югрой (XI–XV вв.) // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2008. Вып. 7: Источник и его интерпретации. С. 13–30.

35. Описание Свято-Иоанно-Богословского монастыря, находящегося в Рязанской епархии. Рязань: Б.и., 1998. 192 с.

36. Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М.: Издательство Восточная литература, 1960. 195 с.

37. Опись архива Посольского приказа 1626 г. М.: Б.и., 1977. 416 с.

38. Орленко С.П., Мельник Г.К. Ремесленники придворных мастерских XVII века «у дела государевых печатей» (К юбилею Большой государственной печати 1667 г.) // Московский Кремль XVII столетия. Древние святыни и исторические памятники. М.: БуксМАрт, 2019. Кн. 1. С. 114–125.

39. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1892. Т. II. 447 с.

40. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890. Т. I. 455 с.

41. Пискарев А. Обзорение древностей и достопримечательностей г. Рязани и ея уезда // Рязанские губернские ведомости. 1845. № 10. Неофициальная часть. С. 59.

42. Писцовые книги XVI в. СПб.: Типография II отдел. собств. Е.И.В. канцелярии, 1872. Отделение I: местности губерний Московской, Владимирской, Костромской. 931 с.

43. Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвилль: Археологический центр, 1993. 160 с.

44. Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. 431 с.

45. Полное собрание русских летописей. Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.

46. Полное собрание русских летописей. Т. 29: Летописец начала царства. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.

47. Полное собрание русских летописей. Т. XIII: Никоновская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

48. Полное собрание русских летописей. Т. XX: Львовская летопись. М.: Языки русской культуры, 2005. 704 с.

49. Посольские книги по связям России с Ногайской ордой. 1551–1561 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.

50. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 617 с.

51. Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Институт Истории СССР, 1977. Т. I. Ч. 1. 188 с.

52. Русско-Монгольские отношения 1607–1636 гг. М.: Издательство Восточная литература, 1959. 352 с.

53. Самигулов Г.Х. О локализации области Тахчеи в XVI веке // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 224–236.

54. Самигулов Г.Х., Свистунов В.М. Что такое старая Казанская дорога? // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск, 2007. С. 66–72.

55. Сборник Русского исторического общества. СПб.: Тип. О. Елеонского и К^о, 1884. Т. 41. 638 с.

56. Сборник Русского исторического общества. СПб.: Типография А. Траншеля, 1895. Т. 95. 788 с.
57. Сборник Русского исторического общества. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К^о, 1887. Т. 59. СПб., 1887. 708 с.
58. Собрание государственных грамот и договоров. М.: Типография Селивановского, 1819. Ч. 2. 399 с.
59. *Трепавлов В.В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 320 с.
60. Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Издательство Казанского университета, 2018. 560 с.
61. *Усачев А.С.* Вологодская кафедра и Иван IV // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 2. (в печати)
62. *Усачев А.С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. Т. 2. 528 с.
63. *Хотко С.Х.* Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2017. 543 с.
64. *Чибис А.А.* К вопросу об инкорпорации нерусских народов Горной стороны Казанской земли в правовую систему Русского государства во второй половине XVI – XVII веках // Исторический опыт нацистроительства и развития национальной государственности чувашского народа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2020. С. 87–98.
65. *Шабает Л.Е.* Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: провинциальное служилое дворянство (Алексин, Арзамас, Белев, Белозерск, Боровск, Великие Луки, Верея, Владимир, Вологда, Волоколамск, Воротынский, Вязьма, Галич, Дмитров, Калуга, Кашин, Кашира, Козельск, Коломна, Кострома, Медынь, Мещера (Шацк), Можайск, Муром, Мценск, Нижний Новгород) // Российская генеалогия: научный альманах. М.: Старая Басманная, 2020. Вып. 7. С. 269–426.
66. *Vasary I.* The institution of Foster-Brothers (emildäš and kökaldäš) in the Chingisid States // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. XXXVI. Fasc. 1–3. Budapest, 1982. P. 549–562.

Сведения об авторе: Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: belafeb@gmail.com

Поступила 13.01.2022 Принята к публикации 2.03.2022

Опубликована 29.03.2022

REFERENCES

1. Avetisyan R.R. Atalychestvo as a system of public education. *Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University*. 2003, no. 4, pp. 13–15. (In Russian)
2. Agoshton M. *The Grand-ducal Seal of 1497. To the History of the Formation of Russian State Symbols*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2005. 462 p. (In Russian)
3. *Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission*. St. Petersburg: Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya Gosudarstvennykh bumag, 1841. Vol. I. 614 p. (In Russian)
4. *Acts of Service Landowners from the fifteenth to early seventeenth centuries*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2002. Vol. III. 680 p. (In Russian)
5. *Acts Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire*. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kantselyarii, 1836. Vol. II. 413 p. (In Russian)
6. *Administrative and Territorial Structure of Meshchera from the fifteenth to early seventeenth centuries (ethnopolitical aspects)*. PhD Thesis. Kazan, 2019. 257 p. (In Russian)
7. *Bashkir Folk Traditions and Legends*. Ufa: Kitap, 2015. 528 p. (In Russian)
8. *Bashkir Shezheres*. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1960. 303 p. (In Russian)
9. Belokurov S.A. *Relations between Russia and the Caucasus. Materials Extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs, Is. 1: 1578–1613*. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1889. 715 p. (In Russian)
10. Belyakov A.V. Temnikov from the fifteenth to seventeenth centuries: A city with a Special Status. *Time Challenge: Formation of Centralized States in the East and West of Europe from the end of fifteenth to seventeenth centuries*. Kaluga: Kaluzhskiy gosudarstvennyy institut razvitiya obrazovaniya, 2019, pp. 423–430. (In Russian)
11. Belyakov A.V. Siberian queens. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 372–391. (In Russian)
12. Belyakov A.V., Vinogradov A.V., Moiseev M.V. Institution of Atalykship in the post-Golden Horde World. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 412–436. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.412-436 (In Russian)
13. Belyakov A.V., Maslyuzhenko D.N. Siberian-Bukhara-Nogai relations in the light of the correspondence between the Bukhara Khan Abdallah and the Siberian Khan Kuchum. *Stratum pius*, no. 6: *Pax Mongolica and European Upheavals of the thirteenth and fourteenth centuries*. 2016, pp. 229–243. (In Russian)
14. Vershinin E.V. Once again about the Vymsky and Velikopermsky princes. *Novgorod Rus: Historical Space and Cultural Heritage*. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, 2000. (Problemy istorii Rossii. Iss. 3), pp. 285–305. (In Russian)
15. Viktorov A.E. *Description of Notebooks and Papers of Ancient Palace Orders of 1584–1725*. Moscow: Tipo-litografiya S.P. Arkhipova, 1883. 292 p. (In Russian)
16. Herberstein S. *Notes on Muscovy*. Moscow: Izdatelstvo MGU, 1988. 430 p. (In Russian)
17. Dobrodomov I.G. Once again about foster brothers (emildesh). *Altai Languages and Oriental Philology: In Memory of E.R. Tenishev*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005, pp. 157–161. (In Russian)
18. Dobrodomov I.G. Emildesh – imildesh. *Turcologica. 1986. To the 80th Anniversary of Acad. A.N. Kononov*. Leningrad: Nauka, 1986, pp. 115–119. (In Russian)
19. Erusalimskiy K.Yu. *In the Service of the King and the Commonwealth*. Moscow: Nestor-Istoriya; St. Petersburg, 2018. 1012 p. (In Russian)
20. Zaytsev I.V. *The Astrakhan Khanate*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004. 303 p. (In Russian)
21. Zaytsev I.V. Berat of Sultan Murad III addressed to Mehmed on his appointment of Kafa's sanjakkbey and emir of the Circassian lands (1590). On the origin and chronology of the appointments of some Kafa sandjakkbeyes of the 1560–90s. *Medieval East. In*

Memory of the Hero of the Soviet Union, Academician Z.M. Bunyatov. Baku: ELM, 2015, pp. 72–86. (In Russian)

22. Zaytsev I.V. Princely “yurts” of the Kazan Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2015, no. 4, pp. 188–206. (In Russian)

23. *History and Genealogy of the Circassians: Publication of a Manuscript of a Turkic Historical Work of the eighteenth century*. Moscow: Izdatelstvo Vostochnaya literatura, 2019. 110 p. (In Russian)

24. Iskhakov D.M. *The Arsk Princes and Nukrat Tatars (Historical and ethnographic information, genealogies, clan affiliation, place in the socio-political structure of the Kazan Khanate and the Russian state)*. Moscow: FEN, 2010. 224 p. (In Russian)

25. Kolodzeychik D. An attempt to restore the Mongol tradition in the Crimean Khanate of the early 17th century: baysa, tat ve tavchag. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2015, no. 3, pp. 91–101. (In Russian)

26. Kosven M.O. Atalychestvo. *Soviet ethnography*. 1935, no. 2, pp. 41–62. (In Russian)

27. Kusheva E.N. *The Peoples of the North Caucasus and Their Ties with Russia. From the second half of sixteenth to the 1630s*. Moscow: Akademiya Nauk SSSR, 1963. 371 p. (In Russian)

28. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. The campaign of 1483 and its place in the history of Russian-Siberian relations. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2014, no. 1, pp. 115–123. (In Russian)

29. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Restoration of the Shibanids in Siberia and the reign of Kuchum Khan in the second half of the 16th century. *Medieval Türko-Tatar states*. 2009, no.1, pp. 97–111. (In Russian)

30. Miller G.F. *History of Siberia*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. Vol. I. 630 p. (In Russian)

31. Moiseev M.V. Land tenure of the service Tatars in the Kolomna district at the end of sixteenth century (preliminary remarks). *Dmitry Pozharsky University Bulletin*. 2017, no. 2, pp. 236–247. (In Russian)

32. Morozov B.N. New about ancient Permian writing in the Komi region at the beginning of sixteenth century. *History, Current State, Prospects for the Development of Languages and Cultures of the Finno-Ugric Peoples. Proceedings of the III All-Russian Research Conference of Finno-Ugric Studies (July 1–4, 2004, Syktyvkar)*. Syktyvkar: Izdatelstvo Komi nauchnogo tsentra URO RAN, 2005, pp. 142–143. (In Russian)

33. Nekrasov A.M. *Selected Works*. Nalchik: Izdatelskiy otdel KBIGI, 2015. 255 p. (In Russian)

34. Ovchinnikova B.B. Interaction of Novgorod with Ugra (from the ninth to fifteenth centuries). *Problems of Russian History, Iss. 7: Source and Its Interpretations*. Ekaterinburg: Volot, 2008, pp. 13–30. (In Russian)

35. *Description of the St. John Monastery, Located in the Ryazan Diocese*. Ryazan: B.i., 1998. 192 p. (In Russian)

36. *Inventories of the Royal Archive of the sixteenth century and the Archive of the Ambassadorial Prikaz of 1614*. Moscow: Izdatelstvo Vostochnaya literatura, 1960. 195 p. (In Russian)

37. *Inventory of the Archive of the Ambassador Prikaz of 1626*. Moscow: B.i., 1977. 416 p. (In Russian)

38. Orlenko S.P., Melnik G.K. Craftsmen of the court workshops of the seventeenth century “at the case of the sovereign seals” (for the anniversary of the Great State Seal in 1667). *Moscow Kremlin of the seventeenth century. Ancient Shrines and Historical Monuments*. Moscow: BukSMArt, 2019, book 1, pp. 114–125. (In Russian)

39. *Monuments of Diplomatic and Commercial Relations between Moscow Russia and Persia*. St. Petersburg: Leshtukovskaya parovaya skoropechatnya P.O. Yablonskogo, 1892. Vol. II. 447 p. (In Russian)

40. *Monuments of Diplomatic and Commercial Relations between Moscow Russia and Persia*. St. Petersburg: Tovarishchestvo parovoy skoropechatni Yablonskiy i Perott, 1890. Vol. I. 455 p. (In Russian)
41. Piskarev A. Review of antiquities and sights of Ryazan and its district. *Ryazan Provincial Gazette*. 1845, no. 10 (non-official part), p. 59. (In Russian)
42. *Scripture Books of the sixteenth century*, Part 1: *Areas of the Moscow, Vladimir, Kostroma Provinces*. St. Petersburg: Tipografiya II otdel. sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1872. 931 p. (In Russian)
43. Pliguzov A.I. *Text-centaur about Siberian Samoyeds*. Moscow; Nyutonvil: Arkeograficheskiy tsentr, 1993. 160 p. (In Russian)
44. *Under the Banner of Russia: Collection of Archival Documents*. Moscow: Russkaya kniga, 1992. 431 p. (In Russian)
45. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 37: *Ustyug and Vologda Chronicles from the sixteenth to eighteenth centuries*. Leningrad: Nauka, 1982. 228 p. (In Russian)
46. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 29: *Chronicler of the Beginning of the Kingdom. Alexander Nevsky Chronicle. Lebedev Chronicle*. Moscow: Nauka, 1965. 390 p. (In Russian)
47. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 13: *Nikon Chronicle*. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 544 p. (In Russian)
48. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 20: *Lviv Chronicle*. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2005. 704 p. (In Russian)
49. *Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde. 1551–1561*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 2006. 391 p. (In Russian)
50. *Razryad Book for 1475–1598*. Moscow: Nauka, 1966. 617 p. (In Russian)
51. *Razryad Book for 1475–1605*. Moscow: Institut Istorii SSSR, 1977. Vol. I. Part. 1. 188 p. (In Russian)
52. *Russian-Mongolian Relations from 1607 to 1636*. Moscow: Izdatelstvo Vostochnaya literatura, 1959. 352 p. (In Russian)
53. Samigulov G.Kh. Localization of the Takhchei region in the sixteenth century. *Scientific Dialogue*. 2016, no. 6 (54), pp. 224–236. (In Russian)
54. Samigulov G.Kh., Svistunov V.M. What is the old Kazan road? *Integration of Archaeological and Ethnographic Research*. Odessa; Omsk, 2007, pp. 66–72. (In Russian)
55. *Collection of the Russian Historical Society*. St. Petersburg: Tip. O. Eleonskogo i Ko, 1884. Vol. 41. 638 p. (In Russian)
56. *Collection of the Russian Historical Society*. St. Petersburg: Tipografiya A. Transhelya, 1895. Vol. 95. 788 p. (In Russian)
57. *Collection of the Russian Historical Society*. St. Petersburg: Tipografiya F. Eleonskogo i Ko, 1887. Vol. 59. St. Petersburg, 1887. 708 p. (In Russian)
58. *Collection of the State Charters and Agreements*. Moscow: Tipografiya Selivanovskogo, 1819. Part 2. 399 p. (In Russian)
59. Trepavlov V.V. *Symbols and Rituals in the Ethnic Policy of Russia from the sixteenth to nineteenth centuries*. St. Petersburg: Izdatelstvo Olega Abyshko, 2018. 320 p. (In Russian)
60. *The Tyumen and Siberian Khanates*. Kazan: Kazan State Universitet Publ., 2018. 560 p. (In Russian)
61. Usachev A.S. Vologda Department and Ivan IV. *Perm University Bulletin. History*. 2022. no. 2. (in press). (In Russian)
62. Usachev A.S. *Book Writing in Russia in the sixteenth century: Based on the Materials of Dated Output Records*. Moscow; St. Petersburg: Alyans-Arkheo, 2018. Vol. 2. 528 p.
63. Khotko S.Kh. *Circassia: Genesis, Ethnopolitical Ties with the Countries of Eastern Europe and the Middle East (from the thirteenth to sixteenth centuries)*. Maykop: Adygeyskoe respublikanskoe knizhnoe izdatelstvo, 2017. 543 p. (In Russian)

64. Chibis A.A. On the issue of the incorporation of the non-Russian peoples of the mountain side of the Kazan land into the legal system of the Russian state in the second half of sixteenth and seventeenth centuries. *Historical Experience of Nation-building and Development of the National Statehood of the Chuvash People. Proceedings of the All-Russian Research Conference*. Cheboksary, 2020, pp. 87–98. (In Russian)

65. Shabaev L.E. Genealogical paintings submitted to the Chamber of Genealogical Affairs at the end of seventeenth century: Provincial service nobility (Aleksin, Arzamas, Belev, Belozersk, Borovsk, Velikiye Luki, Vereya, Vladimir, Vologda, Volokolamsk, Vorotynsk, Vyazma, Galich, Dmitrov, Kaluga, Kashin, Kashira, Kozelsk, Kolomna, Kostroma, Medyn, Meschera (Shatsk), Mozhaisk, Murom, Mtsensk, Nizhny Novgorod). *Russian Genealogy: Scientific Almanac*. Moscow: Staraya Basmanaya, 2020. Issue 7, pp. 269–426. (In Russian)

66. Vasary I. The institution of Foster-Brothers (emildáš and kökaldáš) in the Chingisid States. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. XXXVI. Fasc. 1–3. Budapest, pp. 549–562.

About the author: Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation). E-mail: belafeb@gmail.com

*Received January 13, 2022 Accepted for publication March 2, 2022
Published March 29, 2022*

УДК 82.131

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.212-228

ЧУРА НАРЫКОВ – ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Л.Х. Мухаметзянова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
lilmuhat@mail.ru*

Цель: реконструировать образ Чуры сына Нарыка (Чуры Нарыкова), политического деятеля, исторической личности периода Казанского ханства через выявление связи между историческим эпосом и историей татарских ханств первой половины XVI в.

Материалы исследования: в статье рассматриваются всевозможные исторические источники и историческая литература, где имеется информация о реальной личности Чуры Нарыкова, о его жизни, деятельности. Автор акцентирует внимание на истории Казанского ханства XVI в., дастанские тексты, собранные и опубликованные российскими и зарубежными учеными со второй половины XIX в. Также объектом исследования выступают архивные, а также изданные эпические тексты в различных вариантах, посвященные Чура-батыру, распространенные и записанные у татароязычных информантов в Поволжье. В качестве источников при сборе информации для выяснения биографии Чуры Нарыкова как реальной личности были использованы русские летописи, «Казанская история» неизвестного автора XVI в. (1954), исторические труды Х. Атласи (1993), Р. Фахретдина (1995), М. Худякова (1990), А.Х. Халикова (1992), Д.М. Исхакова (1994, 1997, 2017), С.Х. Алишева (1995), А.-З. Валиди (1992) и др.

Результаты и научная новизна: Автор проводит параллели между исторической действительностью и эпосом «Чура-батыр», обращается к проблемам исторического объяснения богатого материала народного творчества, выявляет общее между реальностью и эпическими произведениями о Чура-батыре. Исследование системно доказывает актуальность в истории тюркских народов политических событий, связанных с татарскими ханствами, существовавшими вплоть до позднего средневековья, акцентирует внимание на тот факт, что в этот период Казань была крупным политическим центром важных событий мирового масштаба. Ключевые аспекты поднятой в исследовании темы способствуют более подробному изучению истории Золотой Орды и татарских ханств; определяют роль и историческую значимость татарской версии дастана о Чура-батыре наряду с другими тюркскими версиями и вариантами; историческая личность Чуры Нарыкова рассматривается как прототип не только татарского, но и в целом тюркского историко-героического эпоса.

Ключевые слова: Чура бек Нарыков, дастан «Чура батыр», Казанское ханство, эпический, дипломат, деятель, исторический

Для цитирования: Мухаметзянова Л.Х. Чура Нарыков – политический деятель Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 212–228. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.212-228

Благодарность: Автор выражает признательность И.М. Миргалееву, кандидату исторических наук, руководителю Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ за помощь при написании данного исследования.

CHURA NARYKOV IS A POLITICIAN OF THE KAZAN KHANATE

L.Kh. Mukhametzyanova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lilmuhat@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* To reconstruct the image of Chura, the son of Naryk (Chura Narykov) – a political figure and historical personality of the period of the Kazan Khanate – based on a comparison of the historical epic with the history of the Tatar khanates in the first half of sixteenth century.

Research materials: The author analyzes various historical sources and literature with information about the real personality of Chura Narykov, his life, and his work. She focuses on the history of the Kazan Khanate in the sixteenth century and analyzes the texts of dastans collected and published by Russian and foreign scholars from the second half of nineteenth century, along with archival and published epic texts in various versions dedicated to Chura Batyr which were distributed and recorded by Tatar-speaking informants in the Volga region. In turn, information about Chura Narykov as a real person is contained in Russian chronicles, the anonymous “Kazan history” of the sixteenth century, and in publications of Kh. Atlasi (1993), R. Fakhretdin (1995), M. Khudyakov (1990), A.Kh. Khalikov (1992), D.M. Iskhakov (1994, 1997, 2017), S.Kh. Alishev (1995), A.-Z. Validi (1992), and others.

Results and novelty of the research: The author draws parallels between historical reality and the epic Chura-batyr, addresses the problems of the historical explanation of the rich material of folk art, and reveals the commonality between reality and epic works about Chura-batyr. The study systematically proves the relevance – in the history of the Turkic peoples – of political events associated with the Tatar khanates that existed until the late Middle Ages, focusing on the fact that during this period Kazan was a major political center of important events of a global scale. Key aspects of the topic raised in the study contribute to a more detailed study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates, determining the role and historical significance of the Tatar version of the dastan about Chura-batyr along with other Turkic versions and variants. The historical personality of Chura Narykov is considered as a prototype of not only the Tatar, but also the Turkic historical and heroic epic.

Keywords: Chura bey Narykov, dastan “Chura Batyr”, Kazan Khanate, epic, diplomat, figure, historical

For citation: Mukhametzyanova L.Kh. Chura Narykov is a Politician of the Kazan Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 212–228. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.212-228 (In Russian)

Acknowledgment: The author is grateful to I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates (Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences) for help in writing this study.

Народный героический эпос составляет значительную часть истории, культурных традиций, менталитета народа, является важнейшей формой выражения этнополитического самосознания. Историческая разновидность дастана, т.е. героический эпос – это своего рода сложный механизм, отражающий ход и последствия минувших крупномасштабных событий. Героический эпос – объемный эпический жанр фольклора, на него не возлагается функция документально точного отражения нюансов реальных событий, и, как было отмечено нами, «сложно определить точное время возникновения эпических сюжетов» [17, с. 540]. Тем не менее, эпос был и остается исключительно важным источником в научном, общественном, культурном и воспитательном аспектах.

В литературном наследии тюркских народов есть произведения, которые сложно причислить к какому-либо определенному народу, будь то татары, казахи, азербайджанцы, узбеки, ногайцы, туркмены, кыргызы и т.д.; они являются общим достоянием всех представителей тюркского этноса. К таким произведениям можно отнести и исторические дастаны, повествующие о Чура-батыре. Все они относятся к периоду Казанского ханства, а именно к середине XVI в. Памятниками о Чура-батыре изобилует и татарское народное творчество. Они в основном имеют традиционный устный фольклорный генезис, далее продолжают свое существование в книжной разновидности татарского эпоса и сферы словесности. Объемный дастан и его варианты [5, с. 282–286; 29, с. 86–86; 16, с. 1–16], историческая песнь (или баит) [13; 14, с. 5–22], многочисленные предания [21, с. 51–53] посвящены этому образу в истории татар. Заслуживает особого внимания произведение, впервые опубликованное в 1862 году в «Турецкой хрестоматии» И.Н. Березина под названием «Хикаят о Наренг и Чура-батыре» [6, с. 41–56]. В книгу 1984 года издания «Татар халык ижаты. Дастаннар» («Татарское народное творчество. Дастаны») [20, с. 108–119] текст дастана был включен из данной хрестоматии.

В научной литературе фигурирует мнение о том, что прототипом дастанного Чуры-батыра является общественно-политический деятель Казанского ханства Чура Нарыков. Подобного научного взгляда по отношению к герою исторических дастанов и преданий Чура-батыру придерживаются некоторые филологи, исследующие тюркский эпос (Ф. Урманчеев [23] и Л. Ибрагимова [10, с. 7–27]), И. Закирова [9, с. 235], также историки, например, Д. Исхаков [12, с. 17–19; 11, с. 55–57] и др. (например, Х. Паксой [18, с. 9]). В исторических трудах, посвященных истории Казанского ханства, сохранились редкие сведения о деятельности Чуры сына Нарыка. Связь дастанного Чура-батыра с личностью реального Чура-бека Нарыкова также доказывается и шеджере «Родословная Чура-батыра», найденного М.И. Ахметзяновым [3, с. 323–324], где указано, что Чура сын Нарыка восходит к родам Кукес, Тама и Нарык. В дастане этот факт подтверждается в строках «*Асылымны сорасаң – Кукес углы Тамамән*» (*Спроси о моем роде – я из племени Тама из рода Кукес*). Итак, без каких-либо натяжек главный герой исторического эпоса связывается с реальным человеком. Тексты татарских и других тюркских эпических произведений, в основании которых лежат исторические события из жизни Казанского ханства, также способствуют усилению внимания к народному герою [9, с. 235], создавая возможность рассмотреть в сравнительном плане судьбы исторического и дастанного Чуры.

С конца XV в. Казанское ханство соперничало с Великим Московским княжеством, и в итоге в середине XVI в. было завоевано более сильным русским государством [22]. В исторической памяти народа этот факт истолковывается весьма своеобразно, и это грандиозное событие не могло не отразиться в эпическом фольклоре. Реакция на непосредственное влияние взятия Казани на казанских татар прозвучала в эпических жанрах народного творчества, и в первую очередь в дастанах. Героический дастан «Чура-батыр» дорог и ценен тем, что является своего рода эхом событий, воспринятых народом как национальная трагедия. Этот созвучный с национально-освободительной борьбой татарского народа эпос в историко-традиционном плане по своему стилю, форме бытования и распространения представляет огромный интерес для современной науки и широкой общественности. В фольклоре редко случается, что в творчестве одного и того же народа один и тот же сюжет, тема и образы встречаются в различных по жанру и форме народных произведениях. Самым полным и объемным из текстов данного произведения является тот, который вошел в хрестоматию И. Березина. Эпические мотивы, идеи, сюжеты и стиль общетюркского эпоса «Чура-батыр» в историческом масштабе имеют свое достойное место и выяснить это чрезвычайно важно.

Жизнь и деятельность Чуры сына Нарыка приходится на период с начала до середины XVI в., точнее, то с 1500 по 1546 гг. Как показывают исторические источники, в 20-е годы XVI в. он занимал важный государственный пост в правительстве Казани; с этого времени начинается его активная политическая деятельность. Когда протестные настроения созрели против хана Сафа-Гирея, оппозиция обратилась за помощью в Москву. В 1541 г. из Казани в Москву была отправлена делегация во главе с человеком по имени Чабык. В обращении к князю сказано: «Ныне казанским людям вельми тяжко, [Сафагирей] у многих князей ясаки поотымал да крымцам подавал, а земским людям великая продажа, копит казну да в Крым отсылает» [28, с. 101]. Все это показывает, что произошел раскол единства в правящих кругах Казанского ханства.

На Джана-Али и Шаха-Али также не приходилось возлагать каких-либо надежд. Первый из них воссел на казанский трон в возрасте 15, второй – 13 лет, и они были начисто лишены способности вести мудрую и взвешенную политику. Помимо прочего, эти правители были безвольными марионетками Русского государства, осуществляя свою деятельность в угоду Москве.

Ситуацию усугубляла усилившаяся с 40-х годов XVI в. внешняя агрессия Москвы в отношении восточных соседей. Не секрет, что последний период существования преемника Золотой Орды, некогда процветающего Казанского ханства, был ознаменован борьбой против колониальной политики усилившейся Москвы.

В исторических источниках имя Чуры Нарыкова впервые упоминается именно в эти смутные годы. Как отмечает видный татарский историк Хади Атласи: «В марте 1526 года от хана Сафар-Гирея в Москву прибыли послы: Кази-бек, Чура-бек и Давул-бахши. На сей раз они встретились в Москве с Герберштейном, посланцем от Карла V» [2, с. 298]. Значит, в 1526 году Чура достиг того возраста, который позволял ему принимать участие в государственных делах. Известно также, что до 1546 года он состоял в составе правительства. Если даже принять во внимание то, что он погиб приблизительно в сорокалетнем возрасте, вполне вероятно, что вышеупомянутый посол по

имени Чура-бек и есть тот самый Чура сын Нарыка. Что касается обстоятельства присвоения ему в 20-е гг. высокого звания «бек» в столь молодом возрасте, то на этот счет могут возникнуть два мнения. Во-первых, у татар слово «бек», следующее за мужским именем, означало «господин». Во-вторых, мурза Чура, сын Нарык-бека, титул «бек» получил уже в результате активной политической деятельности. Можно предположить, что свою деятельность в качестве дипломата он начал задолго до отправления вышеупомянутой делегации в Москву, однако об этом в источниках нет ни единого упоминания.

Чура – политический вассал ханов в период Золотой Орды, военный предводитель [19, с. 447]. В исторической литературе есть масса примеров [7, с. 107], когда в отношении Чуры Нарыкова применяется данный высокий титул. Таким образом, мы можем заключить, что Чура – представитель аристократического сословия, который жил в первой пол. XVI в. Титул «бек» («би», «бий», «эмир») присваивался тому, во владении которого был значительный участок земли [25, с. 190]. Крупные феодалы, как правило, происходили из аристократических родов. Если рассуждать, опираясь на законы Казанского ханства об общественном устройстве, то в распоряжении у Чурабека находилась земля, оставшаяся ему по наследству от его отца, а его вооруженное войско было под ведомством самого хана. По словам неизвестного автора «Казанской истории», Чура, помимо 500 служилых, владел также 1000 воителей-яугиров и примкнувших к нему князьями [15, с. 82].

Со временем Чура-бек начинает играть важную роль во внешней политике своей страны в вопросах взаимоотношений с Крымским ханством и Москвой. Это происходит именно в тот период, когда внутривосточные силы разделяются на два противоположных лагеря, образуются восточная и западная, или русская партии. Условно восточная партия во внешней политике ориентирована на союз с Крымским ханством, а западная держит курс на Русское государство.

Чура Нарыков примкнул к промосковским мурзам. Представители западной партии, ратующие за союз с Русским государством, ведут активную деятельность в составе правительства ханства на протяжении 15 лет, т.е. с 1531 по 1546 гг. [28, с. 112]. Разгар внутривластных распри в Казанском ханстве также приходится на период с 1530 по 1546 гг. Об этом свидетельствуют частая смена правящих ханов, распри и конфликты между двумя противоборствующими группировками и, наконец, продолжающиеся военные столкновения с Русским государством.

В татарском языке слово «чура» также означает: «раб» [19, с. 447]. Это, в свою очередь, дает нам основание сконцентрировать наше внимание на дипломате Колчуре; о нем есть упоминания в исторических хрониках. В 1532 г., после изгнания из трона хана Сафа-Гирея, Колчурю посылают в Москву для выяснения вопроса о следующем ставленнике. «Временное правительство постановило не принимать на престол Шаха-Али, кандидатуру которого навязывала Москва, но который был несимпатичен казанцам по своим личным качествам. Заявив отвод против русского кандидата, временное правительство все же осталось в сфере русской ориентации, и в ханы было избрано лицо, проживавшее в России – Касимовский удельный царевич Джан-Али, брат Шах-Али. Для переговоров с русским правительством в Москву были отправлены послы Кул-Чура и Форузат» [28, с. 95]. Сведения о Колчуре имеют-

ся и в трудах Х. Атласи. Колчура вместе с Файрузатом привез ярлык от имени Хуршиды-бики, Хаджи-Гали мирзы, Булат-бека, сынов Казани, беков, сайдов, мурз, а также от всей Казани [2, с. 298] Хотя Чура-бек Нарыков числился членом правительства с 1526 года, о нем не сказано конкретно в связи с этим политическим актом. Поэтому возникает вполне естественный вопрос: а не являются ли Колчура и Чура-бек одним и тем же лицом? Но надо также учесть то, что историки, упоминая эту личность в своих исследованиях, применяют рядом с именем Чура титул «бек», а также хвалебные эпитеты «трудолюбивый», «смелый», «талантливый», «известный», тем самым подчеркивая его особый статус. Что же касается Колчуры, то в его отношении таких особенностей не замечено. Еще один довод в пользу отрицания тождества этих двух персон – имя Колчуры упоминается в источниках 1549 года [2, с. 148]; в это время Чура-бека уже нет в живых.

Х. Атласи, рассказывая о «возвращении Василия Беречинского в Казань 11 февраля 1534 года», снова упоминает о некоем по имени Чура. Однако следующие слова Х. Атласи «этот человек (Василий Беречинский – Л.М.) поехал в Казань, чтобы оповестить Джан-Али хана о смерти Василия и становлении его сына Ивана в качестве великого князя. Чура вместе с Василием приезжает в Москву. Учитывая, что Чура был из рода мулл города Казани, Джан-Али отправляет его в качестве посла в Москву» [2, с. 305] снова наталкивают нас на вывод, что Чура не имеет никакого отношения к Нарыкову, т.к., во-первых, первый происходит из рода мусульманских служителей, а во-вторых, при первом же упоминании в исследовании Х. Атласи Чура представлен как человек, сведений о котором ранее никаких не было. Чура Нарыков же начиная с 1526 года в исторической литературе личность весьма известная, поэтому в отношении последнего в своих трудах историк употребляет выражение «известный политический деятель».

С 1526 по 1531 гг. – период сравнительно спокойный и стабильный в жизни Чура-бека. В эти годы Чура-бек становится видным общественным деятелем, политиком, искусным дипломатом. Но здесь снова возникает вопрос: ведь в Казанском ханстве был не один только придворный политик или дипломат по имени Чура. В исторической литературе это имя употребляется довольно часто. Например, в интересующий нас период в источниках встречаются: Колчура, муллазаде (сын муллы) Чура, Чура Кадышев, Бикчура, Чура Кадыев, Шахчура, Качура и др. Вообще, в первой пол. XVI в. это имя в ханстве было очень популярно. Возможно, именно этим объясняется большое количество мест в топонимике современной территории Татарстана, связанных с именем Чура. В пользу этого довода можно привести лишь несколько примеров по республике Татарстан: деревня Чурабатыр в Нурлатском районе [27, с. 50], яма Чура би, упоминаемая в многочисленных татарских легендах и преданиях [21, с. 51–53], река Чураби [8, с. 120], протекающая вблизи деревни Карауджа Зеленодольского района и т.д. Вполне вероятно, что одно из таких мест связано с Чурой сыном Нарыка.

Проследившая далее по историческим документам судьбу этой личности, замечаем, что вновь его деятельность активизируется в 1546 году. Однако, прежде чем перейти к этой дате, сделаем небольшое отступление.

Михаил Худяков период с 1521 по 1550 гг. в истории Казанского ханства оценивает как время подъема у населения самосознания и укрепления патрио-

тических чувств. Но раскол общества на два противоборствующих лагеря, один из которых держал курс на Крым, другой – на Москву, также приходится на эти годы. Вполне объяснимы ход мыслей и действий Крымского и Русского государств, преследующих свои интересы в отношении Казанского ханства. Раздираемое между двумя сильными соседями государство татар начинает стремительно терять единство и стабильность во внутреннем устройстве. Приведем один только пример: 1 марта 1519 г. казанский престол по указанию Москвы занимает Шах-Али, которому на тот момент едва исполнилось 13 лет. Конечно, малолетний хан ничего не мог сделать для укрепления и сплочения страны, но его и посадили на трон отнюдь не с этими целями. В это время у стен казанского кремля русские выставили свои вооруженные отряды, по сути, ханством управляют русские послы. В таких условиях внутри ханства за короткий срок назревает оппозиция против неспособного и слабого правителя. Сторонники этой оппозиции находят поддержку со стороны Крымского государства. Вскоре во главе Казанского ханства становится Сахиб-Гирей.

Таким образом, управление Казанским ханством попеременно сосредотачивается в руках то Московского, то Крымского правительств. Частая смена ханов на Казанском троне становится обыденным и привычным явлением как для народа, так и для аристократии. Раскол в обществе, произошедший некоторое время назад, еще более усиливается: одни с еще большей надеждой смотрят в сторону Крыма, другие – продолжают искать поддержку у Москвы. Хотя в умонастроениях общественных и политических деятелей Казани все еще теплится стремление не потерять остатки государственной самостоятельности, все же в этот важный для ханства период национальному самосознанию не удастся сплотить воедино противоборствующие элементы внутри страны. С целью подчинения Казанского ханства Русскому государству постепенно готовятся предпосылки. После неудачного военного похода на Казань в 1530 году русское правительство склоняет казанских послов к заключению союза с Москвой, мол этот союз на руку ханству. Эту идею активно поддерживают члены русской партии в Казани. Находясь на службе при правящей верхушке в ханстве вот уже на протяжении 15 лет, они вовсе не намерены ослаблять вожжи в своих руках.

С 1521 по 1531 г. казанский престол занимали представители династии Гиреев (1521–1524 – Сахиб-Гирей, 1524–1532 – Сафа-Гирей). Во главе оппозиционной группировки против этих ханов стоял известный деятель Булат Ширин. После свержения в 1531 году хана Сафа-Гирея оппозиция еще более активизировалась, увеличив в своих рядах сторонников в лице мурз и беков до 70-80 человек [28, с. 112]. Наиболее видными сторонниками этой партии выступали: Нурали Ширин, Гаухаршад, Саит Боерган, Кадыш, мурзы Отуча, Баубек, Чура-бек, мурза Кулыша и др. Активный период деятельности Чурабека как-раз и связан с этой группой. Поэтому политическую биографию Чурабека нужно рассматривать в связи с ней.

Как известно, в 1532 году на место изгнанного Сафар-Гирея пришел Джан-Али. Очевидно, что переворот со сменой власти в ханстве связан с нажимом со стороны небезызвестной партии. Было бы необъективно утверждать, что, учитывая свою прорусскую ориентацию, члены этой партии, в том числе и Чура-бек, были предателями своего народа. М. Худяков пишет об этом так: «...переворотом 1531 года русская партия была обязана не иск-

ренному желанию поставить Казанское ханство в зависимость от иностранцев, а стремлению спасти государство от дальнейшей войны и от продолжения агрессивной политики ханов Гиреев» [28, с. 98]. Вполне можно согласиться с данной позицией ученого. Действительно, главной мотивацией данной политической группы было стремление к сохранению самостоятельности ханства. В этот период можно наблюдать следующую картину: при появлении первой же возможности освободиться от давления чужого государства, казанское правительство сразу принялось вставать с колен и вести самостоятельную политику, не считаясь с русским правительством. Например, в 1533 году в Казанском ханстве рождаются подходящие условия для возвращения к самостоятельности. Это связано с кончиной Василия III и появлением некоторых изменений во взаимоотношениях между Москвой и Казанью. В ханстве авторитет русской партии сходит на нет, напротив, – влияние восточной партии укрепляется, активизируется торговля с ногайцами. Правительство ханства во главе с Гаухаршад и Булатом Ширином спешит воспользоваться этими изменениями. Неожиданный переворот в политике Казани завершается дворцовым переворотом. И здесь важно отметить следующее: те из чиновников, которые остались недовольны переворотом, покинули свою родину и сбежали на территорию Русского государства. Среди них оказались: Шаабан и Шах-Булат Япанчи, Карамыш и Евлуш Хурсули и др. [28, с. 99] Однако большинство представителей околоставных социальных групп в переломный исторический период остались на своих местах с намерением и далее служить своей стране и народу. Чура Нарыков был одним из них.

Но приход к власти Сафа-Гирея не привел ханство к самостоятельности. Казань снова полыхала: крымский хан сплотил вокруг себя приближенных, при этом они не наметили общих целей. Представители русской партии в ханстве считали, что крымское давление ничем не отличается от московского, т.к. изгнанный с трона в 1531 году Булатом мурзой и Чурой Нарыковым Сафа-Гирей в государственных делах больше опирался не на них, а на верных ему крымчан. Таким образом, ханство переживало новый виток потрясений. Оппозиция против хана в лице Булата Ширина, Чуры Нарыкова и др. усилилась, она вновь встала на сторону Москвы, и в тайных переговорах с русскими обсуждало пути избавления от неугодного им Сафа-Гирея. В мае 1541 года казанские послы, приехав в Москву, передали о состоянии дел в ханстве [28, с. 101]. Доклады ханских беков и мурз московскому правительству об обстановке в Казани стали в те годы обыденной вещью.

В начале 1545 года в Казани готовился второй по счету переворот по свержению Сафа-Гирея. Русские воинские подразделения с трех сторон подтягивались к столице Казанского ханства. Но на деле, по причине слабой подготовленности мятежа, переворот потерпел фиаско. Это событие не прошло бесследно. Сафа-Гирей начал вести репрессивную политику, которая повлекла за собой очередную волну эмиграции татарских чиновников в Москву. Для предводителей оппозиции Булата мурзы и Гаухаршад начались гонения: их отстранили от занимаемых должностей и вынудили отдалиться от политических и государственных дел. М. Худяков достаточно высоко оценил деятельность партии во главе с этими личностями, однако отметил на недостаточность источников и документальных материалов для более глубокого ее изучения.

Предпринятые Сафа-Гиреем меры против оппозиции и ее предводителей оказались недостаточными и не достигли своей цели. Место Булата Ширина и Гаухаршад занял проработавший с ними долгие годы «сеид Беюрган, князь Кадыш (брат князя Отуча) и талантливый деятель Чура Нарыков» [28, с. 102]. Таким образом, происшествия 1545 года привели Чуру Нарыкова в самый эпицентр дальнейших политических событий.

Летом 1545 года группа Чуры Нарыкова обратилась в Москву с просьбой оказать им военную помощь. В июле 1545 года казанские беки Кадыш и Чура послали к Ивану своих людей и просили выслать войско на Казань. Они надумали взять под стражу Сафа-Гирея, а также его приближенных и выдать их русским. Могла ли быть для Ивана новость лучше, чем эта? Он выслал своего посла к Кадышу и Чуре с приказом о взятии в плен хана; также заверил их, что в скором времени на подмогу вышлет им войско [2, с. 318]. Все же, возможно, по причине неудачного похода на Казань в 1545 году, русское правительство с осторожностью подошло к просьбе казанцев об оказании им военной помощи, тем более, что до конца оно им не доверяло. В ответ на эту просьбу правительство Москвы заявило, что вышлет в Казань войско только после того, как оппозиция снимет с ханского престола Сафа-Гирея. Поэтому партии Чура-бека оставалось рассчитывать исключительно на свои силы. Не удивительно, что для таких высокопоставленных чиновников Казани, как Саит Боерган и Чура Нарыков, жесткие репрессивные меры хана, которые обостряли и без того натянутую внутри государства ситуацию, казались намного хуже, чем проводимая в отношении Казанского ханства политика Москвы.

Наконец, готовившийся столь длительное время переворот осуществился в январе 1546 года – Сафа-Гирей был низвергнут с ханского престола. В Казани организовано временное правительство в составе Саита Боергана, Кадыша мурзы и Чура Нарыкова. Но ошибочно было бы полагать, что, несмотря на изначально прорусскую ориентацию данного правительства, оно исполняло свою деятельность исключительно во благо московского правительства. Нижеследующие исторические факты доказывают ошибочность данной установки.

Известно, что в 1546 году после своего изгнания с престола Сафа-Гирей вновь направился в Казань. Получив военную помощь от правительства Астрахани, Сафа-Гирей окружил город. Временное правительство устояло и для обновления межправительственного договора и обсуждения кандидатов на казанский трон из Москвы в Казань прибыло посольство. Несмотря на различие мнений в ханстве по вопросу престолонаследия, сильное влияние русского правительства берет верх, и следующим ханом вновь назначается Шах-Али.

В данной ситуации обратим внимание на некоторые факты из деятельности правителей Казани Саита Боергана, Кадыша мурзы и Чура-бека. В марте 1546 года новоиспеченный хан Шах-Али прибыл в Казань с четырехтысячным войском, из них было три тысячи – касимовских, тысяча – русских военных. Казанцы с недоверием поглядывали на нового хана, московского ставленника, старались контролировать его действия. То, что Шах-Али вошел в город лишь с войском из ста касимовских татар – лишнее тому подтверждение. Русские же военные, сопровождавшие хана, вынуждены были остановиться вне стен Казани. Можно согласиться с мнением историка М. Худякова, который пишет: «Очевидно, правительство сеида Беюргана, князя Кадыша и Чуры Нарыкова,

представлявшее русскую партию, не утратило своего национального самосознания и, держа русских в известных границах, смотрело на союз с Москвою лишь как на неизбежную необходимость, но не питало какой-либо сердечной привязанности к соседнему государству» [28, с. 110]. Мало того, надо признать также, что деятельность партии в составе Булата Ширина, Гаухаршад, Сайта Боергана, Кадыша мурзы и Чура-бека в течение 15 лет ее существования была направлена на отпор всяким внешним нападкам и притязаниям. В самые сложные и перипетийные этапы в жизни Казанского ханства им не раз удавалось находить компромиссные решения и выходить из них с честью и достоинством. Все эти непростые годы, используя дипломатическое мастерство, они стремились действовать рука об руку с казанскими ханами. Один из самых ярких и талантливых представителей этой группы, Чура Нарыков, всю свою жизнь подчинил службе своему государству и народу. Прежде всего, он был искусным политиком, который всегда был в курсе происходящих событий в стране и за ее пределами [24, с. 120].

По законам исторической последовательности, до трагедии в жизни Чура Нарыкова остается совсем немного времени. Шах-Али, пришедший к власти во второй раз, правит ханством всего месяц. «Несмотря на щедрые восхваления хана Шаха-Али из уст известного чиновника Чуры мурзы и его призывы к народу в проявлении послушания и верности своему правителю, подобные воззвания к подданным ханства не имели успеха» [24, с. 120]. После сбежавшего Шаха-Али ханский трон вновь занимает Сафа-Гирей. И снова в Казани начинаются аресты и гонения на неугодных. На сей раз карательный жезл хана падает на Чура-бека. В исторической литературе до этого была распространена версия об убийстве Чура-бека от руки Сафа-Гирея в 1546 году. По поводу трагической гибели этой личности можно привести всего три версии:

- 1) он был убит в 1547 году по приказу хана Сафа-Гирея;
- 2) он погиб в столкновении с группой казанцев в результате предательства хана Шаха-Али;
- 3) В 1552 году Чура-бек вступил в сражение с войском Ивана Грозного, но скорее всего, уже после сражения погиб в кровавой схватке с захватчиками.

Если принять во внимание первую версию, то мотив расправы Сафа-Гирея с Чура-беком вполне понятен. Он долгие годы возглавлял оппозицию хану, поэтому Сафа-Гирею есть за что предъявить ему обвинения. М. Худяков пишет об этом так: «Казнены были князь Чура Нарыков, князь Кадыш, князь Баубек и другие сторонники союза с Россией» [28, с. 111]. Эту же информацию доносит до нас Р. Фахретдинов: «Он [Сафа-Гирей] расправился с такими мунафиками, т.е. двуличными чиновниками, как Чура мурза» [24, с. 105]. Эту же версию подтверждает и Х. Атласи: «Сафа-Гирей хан предал казни Чуру Нарыкова, Баубека, Кадыш-бека, и кроме них многих других» [2, с. 331]. Мы также считаем, что Чура-бек был казнен в 1547, а возможно даже в 1546 году, т.к. Сафа-Гирей занял престол в апреле-мае, и за 6-7 месяцев успел распорядиться судьбами своих врагов.

«Казанская история» по вопросу о смерти Чуры Нарыкова предоставляет новые сведения. В нем речь идет о его гибели в схватке с казанцами. Дескать, Чура-бек организовал бегство Шаха-Али из Казани в Москву, сам же спустя 10 дней, собрав всех домочадцев хана, 500 вооруженных слуг, 1000 военных, пустился вдогонку за ханом. Однако в условленном месте, где их должен был

дождаться хан, они никого не обнаружили. По какой-то причине хан не сдержал своего обещания и предал Чура-бека. В этот момент их догнали казанцы» ...и убили они храброго своего воеводу Чуру Нарыковича с сыном его и со всеми отроками его как изменника Казани и царского доброхота. И только жена его с рабынями живой возвратилась в Казань» [15, с. 80]. О помощи Чуры Нарыкова хану Шаху-Али в побеге в Москву сообщает и Р. Фахретдин: «Сафа-Гирей вновь был призван ханствовать. Узнав об этом, Чура мурза вошел в покои к Шаху-Али и призвал его бежать до окончания лета, иначе дела могут принять дурной оборот» [24, с. 122].

По нашему мнению, объединив первую и вторую версии, можно найти более подробные сведения. Как сообщается в исследовании М. Худякова и в «Казанской истории», «Шах-Али бежал из Казани вниз по Волге на судах. На Волге ему удалось встретить касимовских татар и на их лошадях добраться до русской границы, он поселился в Касимове» [28, с. 111]. «Когда же царь и воевода его были готовы к побегу и настала ночь того дня, ... проводил Чура царя из Казани до Волги, выпустив его и уговорив бежать. ... Ибо разгневался князь Чура на казанцев из-за царя Шигалея за то, что обманули они царя, не послушавшись его совета, и, клятвенно пообещав ему безопасность, захотели убить его...» [15, с. 78]. Об этих же событиях Р. Фахретдин пишет следующим образом: «Шах-Али в праздник 'Ид аль-Фитр (по словам Соловьева, это событие приходится на 1546 год) бежал из Казани и, сев в лодку вниз по Волге направился в Москву» [24, с. 122].

В любом случае, возможно, Чура Нарыков и спроводил хана на побег, хотя прямых указаний на это в источниках не имеется. Таким образом, если соединить между собой две основные версии, то получается, что Чура-бек был приговорен к казни ханом Сафа-Гиреем. После того, как Чура-бек помог Шаху-Али бежать и сам пустился за ним вдогонку, однако в пути его настигли казанцы и расправились с ним.

Итак, у нас складывается следующая картина. Сафа-Гирей, вернув себе власть, сплотил вокруг себя представителей восточной партии. Параллельно с этим он решил расправиться с неугодной ему группой Чуры Нарыкова. Почувывая опасность Чура-бек призвал Шаха-Али бежать в Москву. В столь смутное и противоречивое время в истории ханства Чура-бек понимал, что ему также необходимо скрыться, хотя бы на какое-то время. Во время побега его настигла группа приверженцев нового хана и умертвила. В живых остались лишь его жены, дочери и рабыни; они были возвращены обратно в Казань. Такой вывод не противоречит по своей сути сведениям из источников.

Таким образом, жизнь Чуры-бека обрывается осенью 1546 года. Можно было бы на этом поставить точку в наших исследованиях. Однако третья версия о последних днях Чура-батыра, о которой речь шла выше, также добавляет новые загадки в биографии этой исторической личности.

А.Х. Халиков приводит следующие сведения в отношении фамилии Нарыковых: «Известная княжеская фамилия в Казани около середины XVI века. В 1546 году Чура Нарыков и его брат встречали Шах Али в Васильевске. В 1546–1552 гг. Нарыковы играли видную роль в Казани. В 1551 году Чура Нарыков был «побит» за непослушание Ивану IV, а его брат Алексей мурза Нарыков в 1552 году перешёл на службу к Ивану Грозному. От него, очевидно, пошли Нарыковы» [26, с. 135]. Автор этих строк, приводя данные сведе-

ния, опирается на русские летописи. Согласно им, в 1546 Чура-беку удалось бежать от угроз со стороны Сафа-Гирея и его приближенных. Более того, в том же году, находясь в Васильсурске, он встретил бежавшего в Москву Шаха-Али. В период с 1546 по 1552 гг. «исключительная роль Нарыковых в жизни Казани» очевидна. Но здесь речь идет не о Чуре Нарыкове, а о его братьях – Исламе и Галикее (в некоторых источниках – Аликей). Их имена часто встречаются в исторической литературе. Оба они являются сторонниками группы Чура-бека. В 1551 году он предается казни по приказу Ивана IV. Мы с осторожностью должны относиться к этим данным, т.к. большинство из приводимых здесь фактов носят противоречивый характер.

Итак, информация о том, что в 1546 году Чура Нарыков остается в живых, не находит своего подтверждения. Но в этом году среди эмигрантов, переехавших из Казани в Москву, есть братья Чура-бека, мурзы по имени Ислам и Галикей.

Д.М. Исхаков пишет о том, что в Ногайской Орде в 1549 году упоминаются братья Чуры Нарыкова: «... речь идет об Исламе мурзе и Аликее мурзе (гоним). Как видно из хроник Ногайской Орды, они бежали от Сафа-Гирея к ногайцам. Эти мурзы участвуют и в событиях 1552 года» [12, с. 17]. Получается, что сначала в 1546 году Ислам и Галикей Нарыковы переехали из Казани в Москву, а затем в 1549 году обосновались в ногайских землях, но при этом периодически переезжали с места на место. Известно, например, что в 1552 году они находились в Казани. После кончины Сафа-Гирея в 1546 году вполне вероятно, что эмигранты могли вернуться.

По требованию казанцев, в марте 1552 года Шах-Али покинул Казань и обосновался в городе Свияжск. Это произошло накануне вторжения в Казань русских воевод. «Когда наместник приехал на Бежбалду (деревня, расположенная на месте Адмиралтейской слободы), – пишет М.Худяков, – трое из сопровождавших его казанцев – кн. Ислам, кн. Кебек и мурза Алике Нарыков (брат покойного Чуры Нарыкова) попросили у него разрешение ехать вперед. Разрешение было дано, и они уехали в город» [28, с. 142]. Войдя в Казань, они закрывают за собой ворота, народ же призывают противостоять русским. В результате – план мирной передачи ключей от Казани русским терпит полный провал. После государственного переворота, случившегося 9 марта 1552 года, Ислам мурза погибает в сражении с русскими на правом берегу Волги. Что касается Галикея, то он входит в состав правительства Казани в период правления Ядгара-хана. Других сведений о Нарыковых в источниках после 1552 года не имеется. Итак, как указывает А. Халиков, Галикей мурза Нарыков в 1552 году перешел на службу к Ивану IV и был переименован в Алексея» [26, с. 135].

Выше упомянули, что жизненный путь Чуры Нарыкова в 1546 году заканчивается. В таком случае, кто есть тот Чура, о котором говорится, что он боролся с русскими захватчиками и испытал на себе гонения со стороны Ивана IV? В одной из легенд говорится: «Сын Чура-бия был Чура-батыр. Он погиб, сражаясь за земли Карауджа (совр. г. Зеленодольск в Республике Татарстан – Л.М) во время завоевательных походов Ивана Грозного» [21, с. 51–53]. В «Казанской истории» упоминается о женах и детях Чура-бека [15, с. 77–79]. Если опираться на эти исторические материалы, то небезосновательно было бы предположить, что родословная Чуры сына Нарыка по муж-

ской линии не оборвалась в тот трагический период в его жизни. Эту версию поддерживают и некоторые полуполюгендарные шеджере, которые имели хождение в народе. Остановимся подробнее на одном из таких источников, опубликованных знатоком старинных татарских рукописей и шеджере Марселем Ахметзяновым [4, с. 34].

Некий человек по имени Карауджа (Кара-Куджа) сын Кара-бия, родом из местности Каравай в Казани, оставляет родные места и основывает деревню Карауджа. Один путешественник, проезжая через эту деревню, проклинает ее за то, что ему не подали там воды для омовения. Не на шутку испугавшийся Карауджа протягивает трем своим сыновьям по стреле и говорит: «Стреляйте из лука, куда воткнется стрела у каждого из вас, основывайте в том месте деревню». Важной здесь представляется информация о Чураби – третьем сыне Карауджи. Согласно этой легенде, его стрела вонзается в яму, которая сегодня носит название Чураби посреди деревни Большая Карауджа. Чураби сын Карауджи основывает там деревню. Впоследствии его казнят московский царь по обвинению в измене русскому правительству. Его сын, Чурабатыр, сражаясь с войском Ивана Грозного, погибает в деревне Зур Карауджа. Сын Чура-батыра Рисмет, сын Рисмета Кадирмет, его сын – Гиззатулла; далее следуют еще 7 имен, 7 поколений по мужской линии. В «Примечании» автор книги подчеркивает тесную связь между родословной Карауджи и историей Казанского ханства.

Также заметим, что описанные выше события из легенды «Карауджа» являются одной частью этой родословной. Другая версия этой легенды приводится в книге Ф. Гариповой [8, с. 119].

Таким образом, нам известны две личности по имени Чура, которые оставили заметный след в истории. Первый – известный казанский бек Чура Нарыков, второй – его сын Чура-батыр. Если отец Чура по известным причинам в 1546 году был казнен ханом Сафа-Гиреем, то что касается его сына, он героически погиб чуть позднее, защищая Казанское ханство.

Д.М. Исхаков приводит в своих исследованиях известные среди ученых родословные с именем Чура. Одна из них найдена на территории современного Башкортостана, другая – родословная «Карауджа», о которой шла речь выше, и третья – крымская родословная Аргынов [11, с. 55]. По его мнению, связь между первой и двумя другими родословными проходит через Чура-бия и Кара Гуджу (Кара Коджа). Он связывает генеалогическую линию Чурабека с одной из четырех аристократических родословных беков в Казанском ханстве – кланом Аргынов.

Так, например, в одной родословной, приводятся имена: отец Чуры Нарик, отец Нарика – Кукас. В татарских, крымскотатарских, казахских и ногайских дастанах имя Кукас фигурирует как: Кукеш, Кукешли, Тама. Чура-батыр о себе говорит: «Я Тама сын Кукеса (Кукеш)». И тут же автор приводит следующее сведение о Чура-батыре, происходящее из рода тамьян-катай, впоследствии записанное башкирами: «... Мурза по имени Курек из рода Джагылбай был казаком... У Нарыка-бая от его жены Тансылу родился сын по имени Сура. Второй его сын – Ширин, родился спустя несколько лет» [11, с. 55]. Имя Ширин встречается в казахских народных дастанах, посвященных Чура-батыру [30, с. 140]. В эпосе Ширин представляется как сестра Чура-батыра. По мнению Д. Исхакова, это имя в тюркском мире получило известность начиная с

эпохи Золотой Орды. Историк также связывает его с правящим кланом беков Ширинов в Казанском, Крымском и Касимовском ханствах.

В татарской версии дастана главный герой Чура-батыр храбро сражается с врагами, беспощадно громит вражеское войско. В конце дастана разгоряченный боевой конь батыра падает в Волгу и Чура-батыр тонет. Однако гибели героя произведение не заканчивается. Далее в дастане говорится: «Позднее, после смерти Чура-батыра, русское войско одержало победу и пала Казань. Через год после Казани русскими был взят и Хаджитархан (Астрахань – Л.М.). Так закончился сказ о Чуре-батыре» [10, с. 158]. Упоминание об этом событии заставляет просмотреть эпос «Чура-батыр» еще раз с начала до конца. Дастан напоминает об отношениях между преемниками Золотой Орды – Казанью и Крымом, Казанью и Астраханью, Казанью и Ногайской Ордой, а также Казанью и московским государством в середине XVI в. Эпический фольклор так или иначе скрещивает фольклорную и историческую память народа.

Выводы. В сюжете тюркских, в том числе татарских, дастанов героико-исторического характера о Чура-батыре тесно сплелись судьбы батыров и страны, трагические события в жизни главного героя эпоса восходят к трагедии Казанского ханства, преемницы Золотой Орды. Описывающее мужество и героизм главного героя Чуры сына Нарыка народное произведение в какой-то момент превращается в историческую хронику, перечислив подчинение друг за другом татарских ханств (Казанское ханство, Астраханское ханство) русскому царю в порядке исторической действительности. Есть все основания заключить: причины того, что Чура-бек, славный потомок благородного татарского рода, становится настоящим героем народных эпосов кроется в одном едином для всех тюркских народов и народностей источнике. Большая популярность этого героя в народных дастанах татар, казахов, ногайцев связана прежде всего с исторической действительностью. Исследование судьбы Чуры Нарыкова в связи с Казанским ханством раскрывает перед нами сложную, полную трагических моментов и развязок жизнь этой легендарной личности.

Основываясь на исторических источниках, мы исследовали основные этапы жизнедеятельности Чуры Нарыкова. Этот государственный деятель вошел в народные татарские, крымско-татарские, казахские, ногайские, каракалпакские дастаны как борец за свободу своей страны. В этих произведениях данный герой в своем противостоянии врагу дошел до кровавых событий 1552 года, его образ возведен в ранг борца за освобождение не только Казанского, но и других татарских ханств. Дошедшие до наших дней различные варианты объемных дастанов тюркских народов, повествующих о доблестном герое Чуре сыне Нарыка, дополняют его эпическую биографию важными деталями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 158 с.
2. Атласи Н. Себер тарихы. Сөенбикә. Казан ханлыгы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. 446 б.
3. Әхмәтҗанов М.И. Нугай урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: Мәгариф, 2002. 344 б.

4. Әхмәтҗанов М. Татар шәҗәрәләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. 128 б.
5. Баязит Р. Яңа кала. Чура батыр // Ак юл. 1915. № 16. Б. 282–286.
6. Березин И. Турецкая хрестоматия. Казань, 1862. 144 с.
7. Вәлиди Ә.-З. Кыскача төрек-татар тарихы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 180 б.
8. Гарипова Ф. Авылларны сөям жаным-тәнем белән. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. 144 с.
9. Закирова И.Г. Эпическая биография Чингизхана // Вестник Татарского Государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. № 1 (23). С. 233–238.
10. Ибраһимова Л. Х. Төрки халыклар ижатында «Чура батыр» дастаны. Казан: Фикер, 2002. 190 с.
11. Исхаков Д. М. Чора-батыр – кто он? // Исхаков Д.М. Исторические очерки. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 154–162.
12. Исхаков Д.М. Чура батыр кем ул? // Идел. 1994. № 9. Б. 17–19.
13. Казан тарихы // Насыйри К. Календарь 1881 елга. Казан, 1880. 365 б.
14. Казанская история // Катанов Ф. Исторические песни казанских татар. Казань, 1899. Б. 5–22.
15. Казанская история (Ист. повесть 16-го в.). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.
16. Кыйссаи Чура батыр. Казан: Вечеслав тип., 1884. 16 б.
17. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос «Идегей»: эхо сквозь столетия // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 537-550. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550
18. Паксой Х. Б. Чура батыр кисәтүе // Идел. 1994. № 9. Б. 9.
19. Татар теленен аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. Т. III. Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. 832 б.
20. Татар халык ижаты. Дастаннар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 384 б.
21. Татар халык ижаты. Риваять һәм легендалар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы Гыйләжетдинов С.М. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. 368 б.
22. Татары. Сер. Народы и культуры (2-е издание, дополненное и переработанное) / Сост. Габдрахманова Г.Ф., Тишков В.А., Трепавлов В.В., Хакимов Р.С., Исхаков Д.М., Рамазанова Д.Б., Аксянова Г.А., Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л., Миргалеев И.М., Зайцев И.В., Аксанов А.В., Маслоуженко Д.Н., Салихов Р.Р., Габдрафикова Л.Р., Галлямова А.Г., Халиков Н.А., Сафина Ф.Ш., Донина Л.Н., Суслова С.В. и др. М.: Наука, 2017. 799 с.
23. Урманчиев Ф. И. Чура батыр // Мирас. 1995. № 7–8. С. 17–27.
24. Фәхретдин Р. Казан ханнары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. 190 б.
25. Фәхретдинов Р.Г. Татар халкы һәм Татарстан тарихы. Борынгы заман һәм урта гасырлар: Гомуми урта белем мәктәпләре, гимназияләр һәм лицейлар өчен дәреслек. Казан: Мәгариф, 1996. 255 б.
26. Халиков А.Х. Болгар-татар чыгышлы 500 рус фамилиясе. Казан: Изд-во «Казань», 1992. 192 б.
27. Хәйри Ә. Шәһре-Бану – Шәрбән кыйссасы. Яр Чаллы, 1996. 59 б.
28. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства / Репринтное воспроизведение издания 1923 г. Казань: Фонд ТЯК, 1990. 310 с.
29. Юлдаш К. Чура батыр // Ан. 1916. 5 нче сан. Б. 85–86.
30. Shaikhystamova M., Ergobek K., Islam D., Burkitbaeva M., Korganbekov B. Common measure-patterns of ancient Turkic literature in teaching B. Kenzhebayuly's research «The structure of the Kazakh Poem» // Journal of Language and literature, Vol. 7. No. 2. May, 2016, pp. 140–145. DOI: 10.7813/jll.2016/7-2/25

Сведения об авторе: Лилия Хатиповна Мухаметзянова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ (420111, ул. К.Маркса, 12, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0071-7058, IстинаResearcherID (IRID): 99527520. E-mail: lilmuhat@mail.ru

Поступила 30.11.2021 Принята к публикации 24.02.2022
Опубликована 29.03.2022

REFERENCES

1. Alishev S.Kh. *Kazan and Moscow: Interstate Relations in the fifteenth and sixteenth centuries*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1995. 158 p. (In Tatar)
2. Atlasi H. *History of Siberia. Syumbike. Kazan Khanate*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1993. 446 p. (In Tatar)
3. Akhmetzyanov M.I. *The Nogai Horde: The Historical Heritage of the Tatar People*. Kazan: Magarif, 2002. 344 p. (In Tatar)
4. Akhmetzyanov M.I. *Tatar Ancestry*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1995. 128 p. (In Tatar)
5. Bayazit R. New town. Chura batyr. *The White Way*. 1915, no. 16, pp. 282–286. (In Tatar)
6. Berezin I. *The Turkish Reader*. Kazan, 1862. 144 p.
7. Validi A.-Z. *Brief Turkish-Tatar History*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1992. 180 p. (In Tatar)
8. Garipova F. *I love the Village with All My Heart*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1994. 144 p. (In Tatar)
9. Zakirova I.G. Epic biography of Chinggis Khan. *Bulletin of the Tatar State Humanitarian Pedagogical University*. 2011, no. 1 (23), pp. 233–238. (In Russian)
10. Ibrahimova L.Kh. *Dastan “Chura Batyr” in the Creativity of the Turkic Peoples*. Kazan: Fiker Publ., 2002. 190 p. (In Tatar)
11. Iskhakov D.M. Chora batyr: who is he? Iskhakov D.M. *Historical Essays*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 154–162 (In Russian)
12. Iskhakov D.M. Chora batyr: who is he? *Idel*, 1994, no. 9, pp. 17–19. (In Tatar)
13. Kazan history. Nasyri K. *Calendar, 1881*. Kazan, 1880, p. 365. (In Tatar)
14. Kazan history. Katanov F. *Historical Songs of Kazan Tatars*. Kazan, 1899, pp. 5–22. (In Russian)
15. *History of Kazan (historical tale of the sixteenth century)*. Moscow; Leningrad: Akademii nauk SSSR Publ., 1954. 195 p. (In Russian)
16. *The Legend of Chura Batyr*. Kazan: Vecheslav tipografyase, 1884. 16 p. (In Tatar)
17. Mukhametzyanova L.Kh. The Tatar Epic «Edigu»: An echo through the centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 537–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550 (In Russian)
18. Paksoy Kh.B. Chura Batyr’s warning. *Idel*. 1994, no. 9, pp. 9. (In Tatar)
19. *Explanatory Dictionary of the Tatar Language. In 3 Volumes*. Vol. 3. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1981. 832 p. (In Tatar)
20. *Tatar Folk Art. Dastans*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1984. 384 p. (In Tatar)
21. *Tatar Folk Art. Traditions and Legends*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1987. 368 p. (In Tatar)
22. *Tatars. Series “Peoples and Cultures”*. Ed. by Gabdrakhmanova G.F. et al. Moscow: Nauka Publ., 2017. 799 p. (In Russian)

23. Urmancheev F. I. Chura batyr. *Heritage*. 1995, no. 7–8, pp. 17–27. (In Tatar)
24. Fakhretdin R. *Kazan Khans*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe Publ., 1995. 190 p. (In Tatar)
25. Fakhretdinov R.G. *Tatar People and the History of Tatarstan. Ancient and Middle Ages: A Textbook for Secondary Schools, Gymnasiums and Lyceums*. Kazan: Magarif, 1996. 255 p. (In Tatar)
26. Khalikov A.Kh. *500 Russian Surnames of the Bulgaro-Tatar Origin*. Kazan: “Kazan” Publ., 1992. 192 p. (In Tatar)
27. Khayri E. *Shahre-Banu – the Legend of Sharban*. Yar Chally, 1996. 59 p. (In Tatar)
28. Khudyakov M. *Essays on the History of the Kazan Khanate* (reprint reproduction of the 1923 edition). Kazan: Fond TYaK, 1990. 310 p. (In Russian)
29. Yuldash K. Chura batyr. *Conscience*. 1916, no. 5, pp. 85–86. (In Tatar)
30. Shaikhystamova M., Ergobek K., Islam D., Burkitbaeva M., Korganbekov B. Common measure-patterns of ancient Turkic literature in teaching B. Kenzhebayuly’s research “The structure of the Kazakh Poem”. *Journal of Language and Literature*. Vol. 7, no. 2. May, 2016, pp. 140–145. DOI: 10.7813/jll.2016/7-2/25

About the author: Liliya Kh. Mukhametzianova – Dr. Sci. (Philology), G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences, (12, K. Marks Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0071-7058, IStinaResearcherID (IRID): 99527520. E-mail: lilmuhat@mail.ru

*Received November 30, 2021 Accepted for publication February 24, 2022
Published March 29, 2022*

УДК 745.04

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.229-240

ANTHROPOMORPHISM AND ZOOMORPHISM IN THE ORNAMENTAL ART OF THE CRIMEAN TATARS

N.M. Akchurina-Muftieva

*Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov
Simferopol, Russian Federation
akchurina_05@mail.ru*

Abstract: The author of the article reveals the problem of anthropomorphic and zoomorphic images in Islamic art, particularly in the Turkic ornamentation of the Crimea. Superficial, unscientific interpretations of motifs and ornamental compositions often lead to the search for and appropriation of anthropomorphism without appropriate research, loose interpretations of motifs, and the creation of a new mythology. Despite conservative views regarding the categorical denial of the permissiveness of the image of a person, there are many surviving works of fine and decorative art that confirm an opposite tradition. Currently, there are practically no studies of anthropomorphism and zoomorphism in the Turkic ornamentation of the Crimea, their typological and artistic features, and their symbolic context.

Based on the material of decorative and applied art of the Crimean Tatars from the fourteenth century to the present, examples of zoomorphic and anthropomorphic ornamental images are provided in the article. They are stylized objects – fully, partially, or in the form of a silhouette – reflecting the surrounding real world of living beings. Complete naturalistic images (birds, fish, animals, insects) are found on objects until the first half of fifteenth century, and then starting again from the second half of eighteenth century. From the sixteenth to the first half of eighteenth centuries, anthropomorphic and zoomorphic motifs were depicted in a stylized form. The author of the study reveals the symbolism of the most common motifs, along with the typological and artistic features of the images. As a result of the study, it was revealed that the color, silhouette, and figurativeness of anthropomorphic and zoomorphic images in the Crimean Tatar decorative and applied art depend primarily on the material, technique, and functional purpose of the created object. In addition to images on objects, anthropomorphism is present as the silhouette of objects.

Keywords: Crimean Tatar decorative and applied art, ornamental art, motive, anthropomorphic, zoomorphic, symbolism, features of the image

For citation: Akchurina-Muftieva N.M. Anthropomorphism and Zoomorphism in the Ornamental Art of the Crimean Tatars. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 229–240. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.229-240

The interest in folk art is accompanied by a superficial, unscientific interpretation of motifs and ornamental compositions as well as appropriation of an arbitrary symbolic value. There are searches and appropriation of anthropomorphy without any relative investigation, which results in free interpretation of motifs and creation of new mythology. At the moment, there are practically no studies of anthropomorphism and zoomorphism in the Turkic ornamentation of Crimea, as well as typological and artistic features, symbolic context thereof.

The artistic image of Islamic art has been developed over extended periods. This image contains a “prohibition” to depict living beings as an image of ornamental art that reflects the world, “embodying its wealth in its own way” and containing “in some cases quite a difficult symbolic, allegorical and associative meaning echoing with poetry images” [1, p. 25]. In modern discussions on the specifics of Islamic art, there are two opposite meanings on whether it is allowed to depict a human being. Conservative meanings come down to a categorical denial that contradicts the entire worldwide centuries-old history of Islamic art. Other researchers point out to the sources (Quran, sacred hadiths) indicating that there is no strict prohibition in Islam to depict living beings.

In the religious literature, there is a tendency to search for evidence that there are no traditions to depict living beings in Islamic art. But, there are lots of survived works of fine arts, such as sculptures, miniatures, drawings and portraits of famous people of the Muslim Middle Ages, images of animals and people on frescoes, coins, etc., confirming the opposite.

At the dawn of Islam formation, a lot of hadiths, narrating about the deeds of the prophet and reciting his speeches, reflected a polemics of monotheistic dogma against idolatry and pagan magic. “Unfortunate be that person who will depict a living being”, says the text of one of hadiths. “On the day of the Last Judgment those faces, represented by the painter, will come down from his pictures and come to him with a demand to give them soul. Then, this person, who will not be able to give soul to his creatures, will be burnt in the eternal flame” [2, p. 11]. In this saying, we can feel the protest against priestly and shamanic manipulations with images-souls, human sacrifices and other magical rites and pagan cults [3, p. 66].

A wide distribution of pre-Islamic beliefs, cults, customs and worldviews among many peoples that have recently joined Islam, is one of factors, essential for the art. Pagan spirit, pagan symbolism translates, first of all, into the ornamental and sign system, in ancient tamgas, in zoomorphic and anthropomorphic motifs of traditional folk art.

Already in the Middle Ages, some thinkers allowed the possibility of various deviations from the strict rules of depicting people and animals without falling into the “greatest sin”. Thus, the Arab thinker, al-Ghazi, presumed that it is possible to depict anthropomorphic motifs on “cushions and rugs... plates and bowls” [4, p. 149], with a broken head, erased facial features or a line, cutting the neck, for the purpose of destroying the sinful magical power.

Crimean Tatars also preserved anthropomorphic images in medieval decorative art, a few of which have survived to the present day. Folk masters did not always take into account Sharia rules prohibiting the depiction of living beings, and reflected the real world around them in a stylized, full and partial manner. We can see full images, close to natural on objects until the first half of the fifteenth century, and then, starting from the second half of eighteenth century. According to Giosafat Barbaro [5, p. 56], already after official conversion to Islam of Crimean Tatars, there were images of people and animals in the Tatar environment until the middle of fifteenth century. We can get an idea on the content and nature of zoomorphic motifs from the eighteenth to first half of twentieth century on some survived examples of embroidered, jewelry, stone-carving items, as well as sketches of Tatar embroideries of the Staro-Krymsky region, performed by A.M. Petrova, as

well as the ornaments collected throughout the territory of Crimea by V.V. Kontrolskaya.

In these products, there are full images of birds: eagle, owl, pigeon, singing, decorative and exotic, as well as domestic and water birds. Among the patterns you can see the some stylized images of horses, fish, insects, as well as partial elements of animal images (a bird tail, paws, claws, an eye, etc.).

The *bird motif* is the most persistently preserved motif in the people's art. The most ancient birds' image found so far is a pair of pigeons, facing each other with their heads tilted to the ground (as a sign of sadness), placed on a fifteenth-century tomb found in Eski-Yurt. In sketches of V.V. Kontrolskaya, there are ornaments with the image of "an eagle sitting on a branch" and an owl (image 1), dated by the eighth and fourteenth centuries correspondingly. The eagle in the form of the presiding deity, sitting on the tree of life, is known in the religious views of many peoples of the world [6]. As it is known, the owl was adored by Chinggis Khan and was depicted as his tamga or emblem. Tamga in the form of the same bird, carved on the stone of the fifteenth and sixteenth century, was found by Pallas in the walls of the Perekop fortifications [7, p. 18–19]. Probably, images on the goods, from which they were redrawn by V.V. Kontrolskaya, have been copied and repeated by a Tatar master from all samples, which was a frequent practice in the Middle Ages. Therefore, the dating of the motifs may well correspond to the specified time [8].

In most cases, the embroideries contain images of birds (song and domestic, peacocks) in a pair heraldic composition, sitting on branches of trees or flowers. According to B.A. Kufin, in such compositions the zoomorphic ornament is absorbed by the plant one [9]. Images of peacocks appear in embroidery until the middle of the nineteenth century. Peacock has the meaning of the world spirit in Iranian-Sufi mythology. In Islam, two peacocks, symmetrically located near the world tree, symbolize a person's mental duality, deriving their life force from the principle of unity [10]. This image came to Muslims from Persia. Heraldic compositions of paired figures of birds and animals refer to typical medieval motifs and are typical for the tradition of professional art of Transcaucasia, Middle and Near Asia.

In embroideries and decoration of copper utensils of the eighteenth and nineteenth centuries, images of domestic birds are not very artistic, probably due to the prohibition of these themes for a number of generations. Their generalized outlines are stylized. However, they produce the feeling of desire to perform realistic conveyance of living images by means habitual for folk art creators. A large image of a grain picking rooster or a chicken was supplemented by a moon-like vase with a very simple three-part plant element on the back of the bird. Images of eggs or chicks were nearby or at the border (image 2).

The cock is usually associated with the wishes of abundance in the culture of Crimean Tatars. It is personified with the sun, the light, it is like the sun. Its earthly image is a zoomorphic transformation of heavenly fire. That's why the symbol of the resurrection from the dead, the eternal rebirth of life is associated with the cock. At the same time, it is a symbol of the spirit awakening [11]. A chicken was associated with the ceremony of letting it into the house before the bride entered it. The image of a chicken on wedding towels is also known among the peoples of the Balkan group, primarily among the Bulgarians [12, p. 156] and Pontic Armenians [13, image 6].



Image 1. Image of an owl on a head cover. Khazushi-Sola Village.
Drawing by V.V. Kontrol'skaya



Image 2. Chicken. Embroidery on a towel

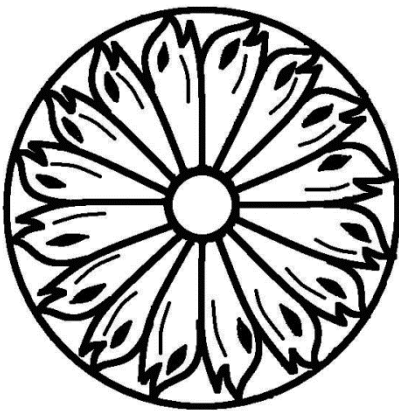


Image 3. Flower petals in the form of dolphin heads. The reverse side of the mirror

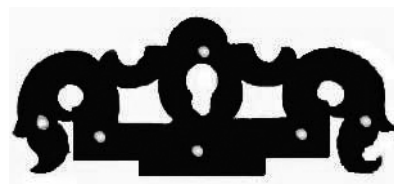


Image 4. Heads of horses
on a metal plate on lock chest

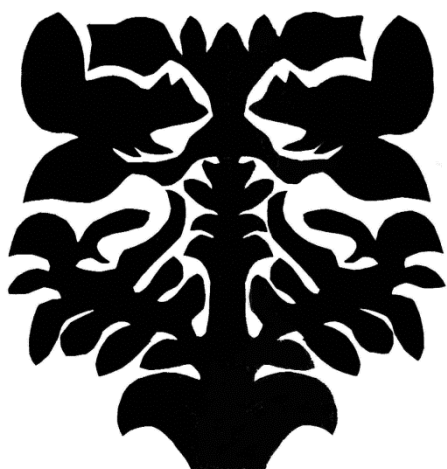


Image 5. Batyrova E. Tree. Oyma



Image 6. Anthropomorphic image on the head cover. Khazushi-Sola Village. Drawing by V.V. Kontrolskaya

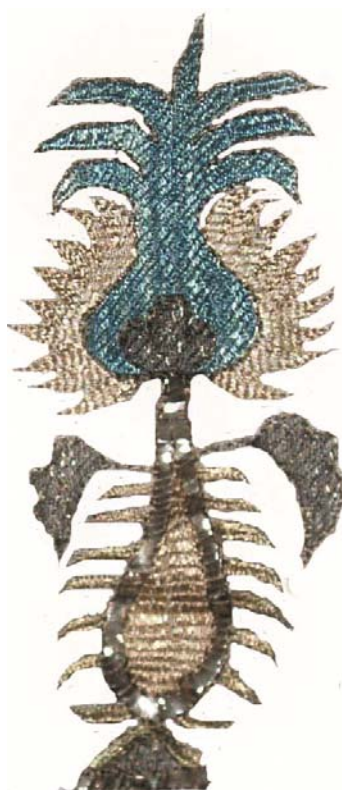


Image 7. Anthropomorphic image on the head cover. Embroidery

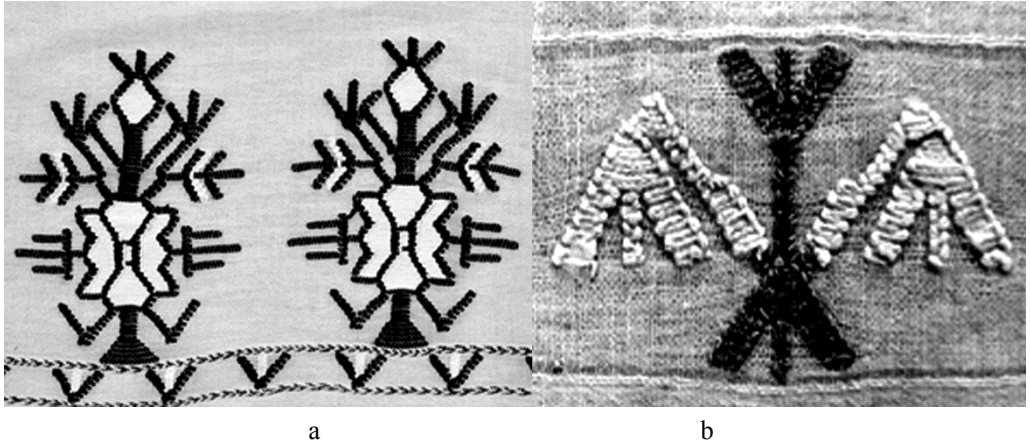


Image 8. Ornamental motives on the head covers:
a) “Umai-ana”, b) “Humayun” (goddess-bird Umai). Weaving



Image 9. Wedding pouch for the groom in the form of a silhouette of a girl's torso



Image 10. Pillar on the sarcophagus of Mehmet Girey Sultan

There are contour images of frolicking fish in the decoration of the bottom of water basins and trays of ornamental fountains of the eighteenth century as well as in various copper containers for water (*gugums*, jugs, etc.) of the nineteenth and twentieth centuries. Fish, as a sacred symbol, is correlated in Islam with the idea of the birth of life [12, p. 156], the universe made of the cosmic waters of the World Ocean, since they inhabit the water. The ornament on the reverse side of the hand pearl-encrusted mirror (Bakhchisaray, 1905), stored in the funds of Russian Museum of Ethnography (No. 803-84), is interesting. Points of a many-petaled flower are depicted in the form of a dolphin's head (image 3).

Some rare, rather schematic images of horses or deers, appearing in embroideries of the eighteenth and nineteenth centuries are also of some interest. The shape of old earrings preserved in the funds of Russian Museum of Ethnography under No. 7484–77, and a metal plate of the lock on the trunk from the funds of Bakhchisaray State Historical and Cultural Sanctuary looks like mirror-symmetrical horses with riders (image 4). E.Y. Spasskaya, describing the sketches of A.M Petrova, points at one drawing (No. 18) with a red horse under a tree. The most ancient image of the “centaur doing archery” was found and sketched by U. Bodaninsky from the tombstone of the fifteenth century at Kirk-Azizler cemetery. Zoomorphic images are continued in the art of the Crimean Tatars in the first half of the twentieth century among plant motifs of paper “oimas” (image 5).

In addition to full images of the animal world forms, *partial* images were also used. So, for example, a round breast medallion-ornament with six sheep heads of the end of eighteenth or of the nineteenth century is stored in the Crimean Ethnographic Museum. A similar image can be observed on the plate pendant from the jeweler set of the Golden Horde horse's harness, dated by the fourteenth century, from the collection of the State Hermitage in St. Petersburg. Probably, such a picture was more broadcasted in the distant past. The shape of ram horns forms the ornament of the cornice board of the Tatar dwelling, as well as the curls of the columns capital supporting the terrace shed. According to the statement of the archaeologist-orientalist A.N. Bernshtam, “the curls of the capital and the curvature of the ornament forms leave no doubt about the connection between the totem cult of ram – the main economic base of Tatars during the nomadic period – with devotion to the sacred ram head cut during the (Kurban) Bayram holiday, and the reflection of the latter in ornamentation of the dwelling, which is first of all not a decoration, but a purely religious motif” [14, p. 32]

Most often, masters appealed to the stylization of zoomorphic and anthropomorphic images, which made it possible to convey the semantic content of the ornamental motif or a trope. The hadith, which traces to Ibn Abbas (the Prophet's uncle), refers to a Persian artist who asked Ibn Abbas: “So, may I not paint living beings anymore? May I not practice my profession any more?”. “You may”, said Ibn Abbas. “But take away their faces and try to make them look like flowers” [15, p. 106–110]. With all the apparent simplicity, these judgments, in their fullness, express the whole aggregate of Muslim medieval visions, reflecting the ontological separation of existence into evident and sacred [3, p. 64].

P. Chepurina mentions the stylized image of the bird, describing the original embroidery acquired in the Otuz area as “... bearing in its composition memories of Persia and even Assiro-Babylonia with its tree of life and a prophetic bird, in the form of a trefoil, sitting on this tree – this bird was subsequently named Rukh by

Arabs" [16, p. 107]. A peacock tail or a bird, which looks like a half of the opened flower, an eye, claws that look like narrow sharp leaves, a cock's comb, chicken legs, mutton horns, etc. can be referred to stylized partial zoomorphic images.

Crimean Tatar ornament often includes such elements. Its names contain the "eye" word: *пота козь* (camel's eye), *огюз козь* (ox's eye), *туурлык козь* (unbacked colt's eye), etc. The image of the eye symbolizes a spring, a source. The word *чешме* (cheshme), which means a source, a drinking fountain in Crimean Tatar language, is of Persian origin. The root *чаши* (chashm) means "an eye". The Tajik word *чашима* (chashma) means a spring. There is an expression *козь ачмакь* (koz achmak) in the Crimean Tatar language, which means "to open the eye". It means to clean the spring from debris. In Turkey, up to the seventeenth century, the Arabic word "ain", which also means "an eye", was used along with the word "cheshme". Thus, there is a Turkic, Arab and Iranian tradition to compare natural sources with the eye. Two figurative parallels are relevant here: the eye, from which tears drop, and the spring as the transparent eye of the Earth. The combination of the village name (Kokkoz) and the source (in the form of an eye) in the artistic image can be seen through the example of a drinking fountain under the entrance in the form of an arbor in the Yusupov Summer Palace. Ornamental motifs depicting the eye were used in the weaving technique on patterned towels, and were also widespread among the Nogais in felt applications.

The advancement of Islam promoted the development of a conventional art system, which corresponded to the principle of medieval thought with its symbolic understanding of the surrounding nature. The last circumstance caused the development of art outside the realistic relation to existence. Depiction or reflection of reality within the framework of certain canons led to its expression in art through ornamentality and conditional decorativeness. In this regard, anthropomorphic images often became conventional, in the form of a stylized figure, resembling the contours of a person. Drawings of V.V. Kontrol'skaya, made from Crimean Tatar embroidery (warriors on both sides of a sailing ship, a man in the form of a highly stylized flower) may be taken as such examples (image 6). Based on a legend known to P.Y. Chepurina, she called by the name of "a guardian of the mihrab" a motif that looks like a man with raised arms or a candlestick [17, p. 41]. One can see a figure of a man with raised arms and a flower instead of a head in some highly stylized patterns, for example in a "tree" (image 7).

During my study of head mantles of the Bakhchisarai Museum Reserve in 2015–2016, I drew attention to three identical images of anthropomorphic ornaments of various stylization degree, made in alternating black and white colors (image 8). It was suggested that these are images of Umai (Umai-ana) Goddess of the Mongol-Turkic world. According to beliefs of modern Turkic peoples (the Kyrgyz, Kazakhs, Altaians, Khakass, Crimean Tatars, etc.), different states of children are associated with the actions of Umai-ana – her presence or absence near a child. V.G. Kotov recorded two varieties of the deity – White and Black Umai. The former gives life, the latter takes it away [18]. The Shors also had ideas about Kara-Umai – the evil spirit who was associated with illness and death of children. Umai is not only the patroness of mothers and children, but also the death angel who takes away the soul of a dying person.

Many nations represent Umai Goddess as a beautiful woman in rich clothes. A three-horned headpiece (crown), an arrow with a three-pointed tip (the pantheon of

ancient Altaians), a small cup with the children's souls in holy milk (Siberian Turks) are her symbolic attributes. Peoples of Altai, Central Asia, and Kazakhstan represent her as a fairy bird, which allegedly nests in the air. Umai is called the "mother-bird" in the sacred texts of the Altaians, and "Humai" – the maiden-swan, the bird of happiness – in the Arabized world [19]. The Turks of Siberia and the Shors represent her as a beautiful woman with golden hair and wings descending from the sky [20]. A comparison of the Turkic semantics and folkloric vision of the goddess allows one to find a three-horned crown on the head, wings and an arrow behind the back with a triple tip in ornamental motifs of mantles. An octopetalous flower, located in the lower part of the body, may be interpreted as the woman's womb giving rise to a new life. The representation of ornamental motifs in black and white colors can also mean White and Black Umai (image 8). And finally, the image of Umai Goddess on the head mantle may mean that such mantle was worn by women, somehow related to infants (those who gave birth, lost or have no children) [21].

Partial anthropomorphic images were used as a product form. Thus, for example, the contours of wedding suits for a groom were made in the form of a silhouette of a girl's torso (image 9). Wedding female temple decorations often resembled a stylized image of a woman with wide hips.

It is interesting that the Crimean Tatars performed grave monuments by gender, often expressed through the figure's silhouette (male – in the form of a pillar and female – in the form of a flat plate). An anthropomorphic origin can be traced in the outlines of stone steles [22]. Monuments in the form of round or faceted stands were completed with pointed caps in the form of a skullcap *такъие* (tak'ie, thirteenth century), or smooth or ribbed hemispheres (after the thirteenth century) [23]. Such stand completion creates the effect of the silhouette of a human figure. Such monuments have been preceded by tombstones with *tamga* signs that arose in the cemeteries of the steppe part of Crimea in the twelfth and thirteenth centuries. They were vertically standing steles, rectangular or square in plan view, the upper part of which was carved in the form of a trapezoid, an oval, a truncated cone, a rhombus, etc. Thus, a visual effect of a "head" was created. Since the seventeenth century the frontal steles of the supermodal sarcophagi take the shape of a turbine, then – a turban or a woman's cap. A stone pillar, crowned with a headdress, looks like a standing figure, but at the same time it is not an image of any person [24]. The oval pillar ends with a head with painted hair without an image of facial features on the monument belonging to Mahmud Girei Sultan (1688–1689) (image 10).

Thus, there are full, partial, and stylized zoomorphic and anthropomorphic images in the typological series of Crimean Tatar ornamental motifs. Apart from images on objects, anthropomorphic elements are present as silhouettes of various items. Depiction of motifs depends primarily on the material, technique, and functional purpose of the item. The motifs were colored, full, and stylized in the embroidery of towels and head mantles. They were conventional, geometrical, shaped in the form of partial elements in weaving; figurative, linearly engraved – on copper vessels; and realistic, stylized, and silhouetted – on other household items.

REFERENCES

1. Veyrnar B.V. *Iskusstvo arabskikh stran i Irana* [The Art of Arabic Countries and Iran]. Moscow: Iskusstvo, 1974. 276 p. (In Russian)
2. Veyrnar B., Kaptereva T., Podol'skiy A. *Iskusstvo arabs'kikh narodov* [The Art of Arab Peoples]. Moscow: Iskusstvo, 1960. 200 p. (In Russian)
3. Chervonnaya S.M. *Sovremennoe islamskoe iskusstvo narodov Rossii* [Modern Islamic Art of the Peoples of Russia]. Moscow: Progress, 2008. 600 p. (In Russian)
4. Bol'shakov O.G. Islam i izobrazitel'noe iskusstvo [Islam and visual art]. *Trudy Gosudarstvennogo ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage]. 1969, Vol. X, pp. 142–156. (In Russian)
5. Barbaro I. *Barbaro i Kontarini o Rossii: k istorii italo-russkikh svyazey v XV v.* [Barbaro and Contarini about Russia: To the History of Italian-Russian Relations in the fifteenth century]. Leningrad: Nauka, 1971. 276 p. (In Russian)
6. Ambroz L. K. O simvolike russkoy krest'yanskoy vyshivki arkhaischeskogo tipa [On the symbolism of Russian peasant embroidery of archaic type]. *Sovetskaya arkhitektura* [Soviet Architecture]. 1996, no. 3, pp. 34–41. (In Russian)
7. Fabr A. *Dostopamyatneyshie drevnosti Kryma* [The Most Memorable Antiquities of Crimea]. Odessa, 1859. 98 p. (In Russian)
8. Akchurina-Muftieva N.M., Vklad V.V. Kontrol'skoy v nasledie dekorativnogo iskusstva krymskikh tatar [The contribution of V.V. Kontrol'skaia into the heritage of the decorative arts of the Crimean Tatars]. “*Kul'tura narodov Prichernomor'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney*”: materialy konferentsii: XLIV Mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy [Culture of the Peoples of the Black Sea Region from Ancient Times to the Present Day: Conference Proceedings: XLIV International Scientific Readings]. Krymskiy federal'nyy universitet imeni V.I. Vernadskogo, 2018, pp. 7–10. (In Russian)
9. Kuftin B.A. O material'noy kul'ture tatar. Yuzhnyy bereg. Polevaya 1924 g. [On the material culture of the Tatars. South coast. Field Notebook. 1924]. *Arkhiv muzeya antropologii i etnografii* [Archive of Museum of Anthropology and Ethnography]. 44 p. (In Russian)
10. *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya arkhologiya Sovetskaya entsiklopediya, 1980. 1147 p. (In Russian)
11. *Krymskotatarskaya simbolika: opyt slovarya* [Crimean Tatar Symbols: Dictionary Experience]. Simferopol, 2002. 16 p. (In Russian)
12. Ivanov Yu.V., Krasnovskaya N.A. *Brak u narodov Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy* [Marriage of the Peoples of Central and South-Eastern Europe]. Moscow: Nauka, 1988. Available at: <http://www.rulit.me/books/brak-u-narodov-centralnoj-i-yugo-vostochnoj-evropy-read-417898-1.html> (In Russian)
13. Kuznecov I.V. *Odezha arмян Ponta: Semiotika material'noy kul'tury* [Pontus Armenian Clothing: Semiotics of Material Culture]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995. 296 p. (In Russian)
14. Bernshtam A.N. Zhilishche krymskogo predgor'ya [Houses of Crimean foothills]. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury* [Bulletin of the State Academy of the History of Material Culture]. 1931. Vol. 9, iss. 6–7, pp. 1–46. (In Russian)
15. Kurbanov G. Koran i izobrazitel'noe iskusstvo [The Quran and visual art]. *Polovetskaya luna (Publitsisticheskiy i – literaturno-khudozhestvennyy zhurnal, Cherkessk)* [Polovtsian Moon (Publicistic and literary and art journal, Cherkessk)]. 1992, no. 1, pp. 106–110. (In Russian)

16. Chepurina P.Ja. Tatarskaya vyshivka [Tatar embroidery]. *Iskusstvo* [The Art]. 1935, no. 2, pp. 103–108. (In Russian)
17. Spasskaya E. Yu. Tatarskie vyshivki Staro-Krymskogo rayona (po materialam A.M. Petrovoy). Ottisk iz “Izvestiya Azerbaydzhanskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. V.I. Lenina” [Tatar embroideries of the Staryj Krym region. An imprint from “Izvestia of the Azerbaijan State University named after V.I. Lenin”]. *Vostokovedenie* [Oriental Studies]. Baku, 1926. Vol. 1. (In Russian)
18. Kotov V.G. Zhenskoe bozhestvo Umay/Khumay: sravnitel’naya kharakteristika [Female deity Umai/Humai: Comparative characteristic]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Altai State University. History]. 2010, no. 4–2 (68), pp. 111–114. (In Russian)
19. Cheremisin D.V. K izucheniyu irano-tyurkskikh svyazey v sfere mifologii [Towards Iranian-Turkic ties in the field of mythology. Goddess Umai and the mythical bird]. *Narody Sibiri. Istorija i kul’tura* [The Peoples of Siberia. History and Culture]. Novosibirsk, 1997, pp. 31–43. (In Russian)
20. Skobelev S.G. Umay i Dzerasa – bogini-sestry [Umai and Dzerasa – Sister Goddesses]. *Jelektronnyj zhurnal “Sibirskaja Zaimka”*. *Novosibirskij gosudarstvennyj universitet* [Electronic Journal “Sibirskaja Zaimka”. Novosibirsk State University]. Available at: <https://zaimka.ru/skobelev-umaj-dzerassa> (accessed: 28.2.2022). (In Russian)
21. Akchurina-Muftieva N.M., Suchasne doslidzhennya grupi tkanin z kolektsii Bakhchisa-rays’kogo zapovidnika [Modern study of a group of fabrics from the collection of Bakhchisaray Reserve]. *Narodoznavchi zoshiti* [Ethnographic Notebooks]. 2019, no. 1 (145), pp. 179–184. DOI: 10.15407/nz2019.01.179 (In Ukrainian)
22. Akchurina-Muftieva N.M. Kamennaja plastika musul’manskih memorial’nyh pamjatnikov Kryma XIII–XIX vekov [Stone plastic of the Muslim memorial monuments of the Crimea from the thirteenth to nineteenth centuries]. *Sbornik nauchnykh trudov Akademii nauk Chechenskoj Respubliki i Kompleksnogo nauchno-issledovatel’skogo instituta imeni Kh.I. Ibragimova Rossijskoj akademii nauk* [Collection of Scientific Papers of the Academy of Sciences of the Chechen Republic and the Complex Research Institute Named after Kh.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences]. 2018, no. 7, pp. 300–316. (In Russian)
23. Akchokrakly O. Tatarskie tamgi v Krymu [Tatar tamgas in Crimea]. *Materialya nauchno-etnograficheskoj ekspeditsii po izucheniyu krymskotatarskoj kul’tury v Krymu 1925g.* [Proceedings of the Scientific Ethnographic Expedition on Studying the Crimean Tatar Culture in Crimea in 1925.]. Simferopol, 1927, pp. 32–47. (In Russian)
24. Chervonnaya S.M. *Musul’manskaya epigrafika (reznje nadgrobne kamni) v Krymu. K voprosu ob estetike sunitskogo Islama v iskusstve krymskikh tatar* [Muslim Epigraphy (Carved Headstones) in Crimea. To the Issue of Aesthetics of Sunni Islam in the Art of the Crimean Tatars]. Moscow, 1997. 38 p. (In Russian).

About the author: Nuria M. Akchurina-Muftieva – Dr. hab. of Arts, Professor of the Department of Decorative Arts, Crimean Engineering Pedagogical University named after Fevzi Yakubov (8, Uchebnyy lane, Simferopol 295015, Russian Federation). E-mail: akchurina_05@mail.ru

АНТРОПОМОРФИЗМ И ЗООМОРФИЗМ В ОРНАМЕНТАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ КРЫМСКИХ ТАТАР

Н.М. Акчурина-Муфтиева

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
Симферополь, Российская Федерация
akchurina_05@mail.ru*

Цель исследования: раскрыть традиции изображения антропоморфизма и зооморфизма в тюркской орнаментике Крыма, их типологические и художественные особенности, символический контекст.

Материалы исследования: проблема антропоморфных и зооморфных изображений в тюркской орнаментике Крыма рассмотрена на материале декоративно-прикладного искусства крымских татар с XIV века по настоящее время. Примеры орнаментальных изображений исследовались автором на основе фактологического материала, собранного в музеях России и Крыма. Семантика вышперечисленных мотивов рассматривалась в работах Д.В. Черемисина, В.Г. Котова, С.М. Червонной.

Результаты и научная новизна: изучение орнаментики в крымскотатарском декоративно-прикладном искусстве показало, что в типологическом ряду орнаментальных мотивов на протяжении XIV – первой половины XX вв. присутствуют зооморфные и антропоморфные изображения: полные, частичные и стилизованные. Кроме изображений на предметах, элементы антропоморфности присутствуют в качестве силуэта предметов. Изображение мотивов зависит в первую очередь от материала, техники исполнения и функционального назначения вещи. В вышивке полотенец и головных покрывал мотивы выполнялись в цвете, полными и стилизованными, в ткачестве – условными, геометризованными в виде частичных элементов, на медной посуде – фигуративными, линейно выгравированными, на остальных предметах домашнего обихода – реалистичными, стилизованными и силуэтно.

Ключевые слова: крымскотатарское декоративно-прикладное искусство, орнаментальное искусство, мотив, антропоморфный, зооморфный, символика, особенности изображения

Для цитирования: Akchurina-Muftieva N.M. Antropomorphism and Zoomorphism in the Ornamental Art of the Crimean Tatars // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 229–240. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.229-240

Сведения об авторе: Нурия Мунировна Акчурина-Муфтиева – доктор искусствоведения, профессор кафедры декоративного искусства Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Российская Федерация). E-mail: akchurina_05@mail.ru

*Поступила 1.12.2021 Принята к публикации 28.02.2022
Опубликована 29.03.2022*

УДК 930

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.241-246

**ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОРОНЕЖСКОГО КЛУБА
МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ»**

Ю.В. Селезнёв

*Воронежский государственный университет
Воронеж, Российская Федерация
orda1359@mail.ru*

В обзоре приводятся итоги работы Воронежского клуба международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды», функционирование которой начало осуществляться с момента открытия в январе 2021 г. Отмечается предпосылки и причины открытия клуба с центром в Воронеже (наряду с центрами в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Крыму и зарубежными отделениями: европейским, казахским и турецким). Отмечены основные заседания, организованные и проведенные клубом, а также мероприятия, в которых приняли активное участие члены клуба.

Приведенный обзор деятельности клуба и анализ итогов и перспектив работы сообщества позволяет выделить тот факт, что особенностью функционирования Воронежского клуба стало образовательное и научно-просветительское направление.

Важным событием деятельности клуба стала инициатива проведения конкурса научных рецензий, итоги которого будут подведены уже в рамках деятельности в следующем цикле функционирования клуба.

Ключевые слова: Воронежский клуб международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды», конкурс научных рецензий

Для цитирования: Селезнев Ю.В. Обзор деятельности Воронежского клуба международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 241–246. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.241-246

**OVERVIEW OF THE ACTIVITIES OF THE VORONEZH
CLUB OF THE INTERNATIONAL PUBLIC ORGANIZATION
“ASSOCIATION OF RESEARCHERS OF THE GOLDEN HORDE”**

Yu. V. Seleznev

*Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation
orda1359@mail.ru*

The review presents the results of the work of the Voronezh Club of the International Public Organization “Association of researchers of the Golden Horde”, the functioning of which began to be carried out from the moment of opening in January 2021 (thus, the de-

scription of the activity for a period of about a year of time is given). The prerequisites and reasons for the opening of a club with a center in Voronezh (along with centers in Moscow, St. Petersburg, Kazan, Crimea and foreign branches: European, Kazakh and Turkish) are noted. The main meetings organized and conducted by the club, as well as events in which club members actively participated, were noted.

The given overview of the club's activities and analysis of the results and prospects of the community's work allows us to highlight the fact that the educational and scientific-educational direction has become a feature of the functioning of the Voronezh Club.

An important event of the club's activity was the initiative to hold a contest of scientific reviews, the results of which will be summed up already within the framework of activities in the next cycle of the club's functioning.

Keywords: Voronezh Club of the International Public Organization "Association of researchers of the Golden Horde", competition of scientific reviews

For citation: Seleznev Yu.V. Overview of the activities of the Voronezh club of the International Public Organization "Association of researchers of the Golden Horde". *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 241–246. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.241-246 (In Russian)

19 ноября 2020 года была учреждена международная общественная организация «Ассоциация исследователей Золотой Орды». Учредители (ученые Татарстана, Москвы, Санкт-Петербурга, Крыма и зарубежья) продолжили развитие структуры Ассоциации, и с января 2021 г. начала разворачиваться деятельность региональных клубов, в том числе, воронежского.

Воронежский край занимает пограничное положение между Лесом и Степью и внимание ученых Черноземья к истории кочевников и их взаимодействию с Русью/Россией не удивительно. Ряд исследователей в регионе касаются и тем истории Золотой Орды и русско-ордынских отношений.

В рамках становления клуба и налаживания регулярной деятельности по рассмотрению истории отношений Руси и Орды в течение 2021 года функционирование сообщества было сконцентрировано на научно-просветительском направлении.

Так, Ю.В. Селезнев принял участие в проекте Воронежского государственного университета «Субботний университет». Руководитель Воронежского клуба МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды» 20 февраля 2021 г. выступил с открытой научно-популярной лекцией на тему «Монгольская глобализация или ордынское иго?».

Кроме того, в рамках юбилейного года – 800-летия со дня рождения князя Александра Невского, члены клуба приняли участия в различных мероприятиях, связанных с этой датой.

Так, ещё накануне знаменательного года, 4 декабря 2020 г. Ю.В. Селезнев был приглашен для выступления с пленарным докладом «Александр Невский в контексте исторических реалий XIII столетия» на ежегодные Митрофановские чтения в рамках регионального этапа Международных Рождественских образовательных чтений «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа».

Уже 15 июня 2021 г. Воронежский клуб МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды» выступил одним из организаторов круглого стола «Александр Невский: роль в истории становления российской государственности», состоявшемся в Воронежском Доме журналистов. Важное место в освещении деятельности Александра Ярославича члены клуба уделили особенностям восточной политики князя, его отношениям с Золотой Ордой.

Более широкий круг проблем, связанных с деятельностью князя Александра Невского, был затронут в ходе семинара, специально посвященного юбилейной дате. Данный семинар прошел 30 июля 2021 в форме традиционного научного заседания, организованного совместно с АНО Ассоциацией поддержки культурных и образовательных проектов «Русское лето» и Воронежским клубом МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды».

Данное специальное заседание стало ключевым в деятельности клуба в 2021 г. На семинаре с докладами по итогам научных разработок выступили члены клуба, а также приглашенные специалисты из Санкт-Петербурга – Соколов Роман Александрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета; директор Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и Мещенина Анастасия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета; из Орла – Майоров Анатолий Александрович, кандидат исторических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедры истории, философии и русского языка ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина»; из Старого Оскола – аспирант Булатов Андрей Александрович. На семинаре было озвучено 12 докладов на различные темы, как о деятельности князя Александра Невского, так и вопросы истории кочевого мира, Золотой Орды и постордынских государств. Само заседание стало важным этапом в координации научной деятельности исследователей как Воронежского края, так и других регионов России.

В рамках научно-просветительской деятельности клуб продолжил свою работу 15 августа 2021 года, когда состоялась открытая онлайн-лекция старшего научного сотрудника Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, кандидата исторических наук Тэймура Рустэмовича Галимова на тему «Древнерусская церковь между Востоком и Западом: татарский фактор». Таким образом, для знакомства с золотоордынской тематикой заинтересованных лиц клуб продолжает привлекать ведущих ученых из различных регионов России. Доклад Т.Р. Галимова вызвал широкий отклик общественности. В частности, важность этого мероприятия подчеркнул Павел Зарифулин, лидер общественного объединения «Новая Евразия», директор Евразийского центра им. Льва Гумилева: «такие культурные и образовательные проекты, как фестивали «Русская стена», «Русское лето», воронежский клуб Ассоциации исследователей Золотой Орды демонстрируют многогранность отечественной истории» – отметил он.

Уже в начале учебного года 13–14 сентября 2021 г. в рамках деятельности Воронежского клуба МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды» с серией образовательных и научных лекций выступил Александр Григорьевич Юрченко – один из ведущих специалистов по истории Золотой Орды и Монгольской империи. Его доклад на заседании Клуба на тему «Символы власти Монгольской империи в евразийском контексте (по материалам частных коллекций Улан-батора)» состоялся в археологическом музее Воронежского государственного университета.

В 18–24 октября 2021 г. члены клуба приняли активное участие в работе исторической образовательной школы «На степном пограничье», состоявшейся в археологическом парке «Аргамач» (с. Аргамач-Пальна Елецкого района, Липецкой области). Во время работы школы специалисты различных направлений (историки, археологи, этнографы и географы) провели серию лекций и мастер-классов о Центральном Черноземье как о контактной зоне оседлого и кочевого населения, начиная с III тыс. до н.э. и захватывая XVII столетие. Важная роль в становлении представлений о взаимодействии Леса и Степи была отведена лекциям, посвященным истории Золотой Орды. По итогам мероприятия состоялась международная научная конференция «Археология в исследованиях молодых», в которой участники школы выступили в качестве докладчиков или слушателей.

Особое внимание участники клуба уделяют взаимодействию со школьниками. В частности, у клуба сложилось плодотворное сотрудничество с воронежской школой «Академия». Так 20–21 ноября 2021 г. была организована совместная образовательная экскурсия Елец-Тимур-Бунин. Представители клуба провели для школьников просветительские лекции. Были достигнуты договоренности о сотрудничестве с археологическим парком «Аргамач» в качестве площадки просветительских и научных мероприятий для Воронежского клуба Ассоциации исследователей Золотой Орды.

18 декабря 2021 г. был реализован совместный проект школы «Академия», Казанского и Воронежского клубов МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды» в стенах Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан при активной поддержке Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова был проведен круглый стол на тему «Проблема исторической памяти в современном межнациональном государстве».

Инициатором мероприятия стало Воронежское отделение Международного клуба исследователей Золотой Орды под руководством Ю.В. Селезнева. С докладами на Круглом столе выступили учащиеся школы «Академия» (г. Воронеж) и сотрудники Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова. Школьники в своих докладах попытались выразить национальные позиции при освещении истории народов, но проанализировав, постарались взвешенно подойти к обсуждению этого вопроса. Историческая память стала значимой темой, в которую погрузились участники круглого стола под руководством опытных ученых и преподавателей.

Осенью 2021 г. студенты – представители Воронежского клуба – приняли активное участие в номинации «Битвы истфаков» «Научный диспут», темой которого в ходе голосования определили «Русь и Орда: фактическое и юридическое положение русских земель после монгольских походов». Подготовка к диспуту и участие в его реализации плодотворно отразилась на знакомстве студентов с проблематикой русско-ордынских отношений.

В самом конце календарного 2021 г., исходя из постулата о том, что рецензия – одна из важнейших форм научной дискуссии – Воронежский клуб международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» выступил с инициативой проведения конкурса научных рецензий.

Важно отметить, что форма рецензии и её смысл – подробный разбор научных открытий и оценка их значимости – на данный момент соблюдается в одном из десяти случаев. Существенная часть рецензий сегодня представляет собой пересказ основных тезисов научной работы с краткой оценкой: достойно/не достойно.

Организаторы видят одну из задач подобного конкурса вернуть качественную рецензию в поле научной дискуссии, поскольку рецензии на монографии и статьи в наше время появляются редко, и ещё реже имеют продолжение на страницах научных журналов. В рамках проведения конкурса были разработаны критерии оценки рецензии, взятые из классической методологической теории, и интерпретированы с точки зрения современного состояния науки.

В силу научных интересов инициаторов в центре внимания конкурса оказались рецензии, связанные с историей Золотой Орды и кочевниковедческой проблематикой. Критерием отбора для участия в конкурсе послужило принятие их к публикации в журнале «Золотоордынское обозрение» – первичный отбор на соответствие тематике и статусу научной рецензии данные работы уже прошли, а публикация их в научном журнале расценено как заявка на участие в конкурсе.

В результате оценивания и обсуждения коллектив экспертов лучшей рецензией, опубликованной в 2021 г., признал работу: Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. К вопросу об исламизации угорского населения Западной Сибири в XVI – начале XVIII в. и некоторых аспектах изучения этого процесса // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 4. С. 832–856.

Подводя итоги первому году деятельности Воронежского клуба МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды» следует отметить, что особенностью мероприятий, осуществленных в ходе работы клуба, стал их научно-просветительский и образовательный характер. Это одно из важных направлений, отмеченных в Уставе «Ассоциации исследователей Золотой Орды». Несомненно, поле деятельности членов клуба будет расширяться, а мероприятия наполняться новыми смыслами и содержанием.

Сведения об авторе: Юрий Васильевич Селезнёв – доктор исторических наук, руководитель Воронежского клуба МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды», профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета (394068, Московский проспект, 88, Воронеж, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-8224-445X. E-mail: orda1359@mail.ru

*Поступила 12.01.2022 Принята к публикации 28.02.2022
Опубликована 29.03.2022*

About the author: Yury V. Seleznev – Dr. Sci. (History), Head of the Voronezh club of the International Public Organization “Association of researchers of the Golden Horde”, Associate Professor of the Department of History of Russia, Voronezh State University (88, Moskovsky Avenue, Voronezh 394068, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-8224-445X. E-mail: orda1359@mail.ru

*Received January 12, 2022 Accepted for publication February 28, 2022
Published March 29, 2022*

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2020–2023 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2020–2023)”

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Коранница. Серебро, позолота, чернь.
Улус Джучи. XIV в. Государственный Эрмитаж

On the cover: Korannitsa. Silver, gilding, black.
The Ulus of Jochi. The fourteenth century. State Hermitage

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)



ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2022. Т. 10, № 1

GOLDEN HORDE REVIEW. 2022, vol. 10, no. 1

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 15.03.2022 г. Дата выхода в свет 29.03.2022 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 15,5 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «КазПринт»
г. Казань, ул. Сибирский тракт, 34, лит. К
Тел.: (843) 207-08-87; e-mail: info@kazprint.ru
Сайт: <https://kazprint.ru>



Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>